

Учредители:

ООО Издательство "КноРус"

**СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ СРЕДСТВА
МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ**

ПИ № ФС 77-83076 от 26.04.2022 г.

Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

***СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ
ЗНАНИЯ № 3 — 2022 г.***

Российское научно-образовательное издание

Издается с 1973 года

Прежние названия: «**Научный коммунизм**» (1973-1990 гг.); «**Социально-политические науки**» (1990-1993 гг.); **Социально-политический журнал**» (1993-1998 гг.); «**Социально-гуманитарные знания**» (с 1999 г.)

Журнал входит в **Перечень ВАК России** ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Е-mail редакции: shk_journal@mail.ru

Сайт в Интернете: <http://socgum-journal.ru>

Журнал представлен в Научной электронной библиотеке **elibrary.ru** и зарегистрирован в наукометрической базе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)

Адрес редакции: **117218, Москва, ул. Кедрова д.14 корпус 2**
"Издательство КноРус"

Телефон редакции: **8(903) 019-56-09**

© «Социально-гуманитарные знания», 2022

Редакционная коллегия:**Миронов Анатолий Васильевич**

– главный редактор, доктор социологических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник ВПО РФ, академик РАН, РАЕН, Международной академии наук (русская секция) и др., член Союза социологов, Союза журналистов, Союза писателей РФ (Москва)

Аванесова Галина Алексеевна

– доктор философских наук, профессор, эксперт центра «Гражданское общество и социальные коммуникации» (кафедра ЮНЕСКО) РАНХиГС при Президенте РФ (Москва)

Андреев Эдуард Михайлович

– зам. главного редактора, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ РАН (Москва)

Балбеко Анатолий Михайлович

– доктор педагогических наук, профессор, почетный работник ВПО РФ (Москва)

Васильев Вячеслав Александрович

– доктор философских наук, профессор кафедры философских наук Московского государственного лингвистического университета (Москва)

Владимилова Татьяна Николаевна

– доктор педагогических наук, проректор МПГУ, директор Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования, член Союза журналистов России (Москва)

Волков Юрий Григорьевич

– доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель Института социологии и регионалистики ЮФУ (Ростов-на-Дону)

Иванов Вилен Николаевич

– доктор философских наук, профессор, чл.-корр. РАН, советник РАН (Москва)

Editorial board:**Mironov Anatoliy Vasilievich**

– Editor in Chief, Dr. Sci. (Soc.), Prof., Honored worker of higher school of Russia, Russian Federation honorary worker of higher education, member of Russian Academy of Social Sciences, member of Russian Academy of Natural Sciences and International Academy of Sciences (Russian section) etc., member of Union of sociologists, the Union of journalists, the Union of writers of Russia (Moscow)

Avanesova Galina Alekseevna

– Dr. Sci. (Philos.), Prof., civil society expert and social communication (UNESCO Chair) Russian presidential (Moscow)

Andreev Eduard Mikhailovich

– Deputy Chief Editor, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Chief researcher of the ISPR RAS (Moscow)

Balbeko Anatoliy Mihailovich

– Dr. Sci. (Educ.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education (Moscow)

Vasiliev Vyacheslav Alexandrovich

– Dr. Sci. (Philos), Prof., Department of Philosophical Sciences Moscow State University of the Linguistic University (Moscow)

Vladimirova Tatyana Nikolaevna

– Dr. Sci. (Educ.), prorector of Moscow State Pedagogical University, Director of the Institute of journalism, communications and media education, member of the Union of journalists of Russia (Moscow)

Volkov Yuriy Grigorievich

– Dr. Sci. (Philos.), Prof., Honoured science worker of RF, supervisor of the Institute of Sociology and regional studies SFU (Rostov-on-Don)

Ivanov Vilen Nikolaevich

– Dr. Sci. (Philos.), Prof., Corresponding member of the RAS, Counsellor of the RAS (Moscow)

Капицын Владимир Михайлович – доктор политических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)

Кара-Мурза Сергей Георгиевич – доктор химических наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ РАН (Москва)

Карпухин Олег Иванович – доктор социологических наук, профессор Московского гуманитарного университета, Заслуженный деятель науки РФ

Кефели Игорь Федорович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и социологии Балтийского государственного технического университета (Санкт-Петербург)

Козлова Оксана Николаевна – доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии (Щецин, Польша)

Макаров Анатолий Васильевич – кандидат философских наук, профессор, зав. кафедрой проектирования образовательных систем Республиканского института высшей школы (Беларусь, Минск)

Матюхин Андрей Викторович – доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой философии и истории Московского финансово-промышленного университета (Москва)

Михайленок Олег Михайлович – доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследования социально-политических отношений Центра политологии и политической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва)

Ореховская Наталья Анатольевна – доктор философских наук, профессор департамента социологии Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)

Kapicyn Vladimir Mikhailovich – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof. of Lomonosov Moscow State University (Moscow)

Kara-Murza Sergey Georgievich – Dr. Sci (Chemic.), Prof., Chief researcher of the ISPR RAS (Moscow)

Karpukhin Oleg Ivanovich – Dr. Sci. (Soc.), Prof. of the Moscow University for the humanities, Honoured science worker of RF, (Moscow)

Kefeli Igor Fedorovich – Dr. Sci. (Phil.), Prof., Head of the Department of cultural studies and sociology at Baltic State Technical University (St. Petersburg)

Kozlova Oksana Nikolaevna – Dr. Sci. (Soc.), Prof., Director of the Institute of Sociology (Szczecin, Poland)

Makarov Anatoliy Vasilievich – Cand. Sci. (Philos.), Prof., Head of the Department of the educational systems planning of the Republican Institute of Higher Education (Belarus, Minsk)

Matyukhin Andrey Victorovich – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Department of philosophy and the history of the Moscow financial-industrial University (Moscow)

Mihajlenok Oleg Michailovich – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Department research on the socio-political relations Centre of politics and political sociology, Institute of Sociology FRSC RAS (Moscow)

Orehovskaya Natalya Anatolievna – Dr. Sci. (Philos.), Prof. Department of Sociology University of Finance under the Government of the Russian Federation (Moscow)

Панферова Валентина

Васильевна – зам. главного редактора, кандидат философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, член Международной федерации журналистов, профессор кафедры коммуникационного менеджмента, рекламы и связи с общественностью Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования МПГУ (Москва)

Пуляев Вячеслав Тихонович – доктор экономических наук, профессор, президент Академии гуманитарных наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург)

Скворцов Николай Генрихович – доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета СПбГУ (Санкт-Петербург)

Субочев Николай Сергеевич – доктор социологических наук, профессор кафедры корпоративного управления РАНХиГС, почетный работник ВПО РФ (Волгоград)

Хазиев Валерий Семенович – доктор философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, заведующий кафедрой философии, социологии, политологии БГПУ им. М. Акмуллы, директор научно-исследовательского центра развития исламского образования БГПУ им. М. Акмуллы (Уфа, Башкирия)

Зав. редакцией, компьютерная верстка – **Миронова Елена Витальевна**

Panferova Valentyna Vasilievna –

Deputy Chief Editor, Cand. Sci. (Philos.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education, member of the International Federation of journalists, Prof. Department of communication management, advertising and public relations of the Institute of journalism, communications and media education of Moscow State Pedagogical University (Moscow)

Pulyaev Vyacheslav Tihonovich – Dr. Sci. (Econ.), Prof., President of the Academy of Arts, Prof. of St. Petersburg State University (St. Petersburg)

Skvortsov Nikolay Genrikhovich – Dr. Sci. (Soc.), Prof., Dean of the Sociology Department of St. Petersburg State University (St. Petersburg)

Subochev Nikolay Sergeevich – Dr. Sci. (Soc.), Prof. of chair of the corporate governance at RANEPА, Russian Federation honorary worker of higher education (Volgograd)

Haziev Valeriy Semenovich – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education, Head of the Department of philosophy, sociology, political science, Director of the Research Centre for development of Islamic education Bashkir State Pedagogical University by the name of M. Aknullah (Ufa, Bashkortostan)

Secretary of the editorial staff, computer layout – **Mironova Elena Vitalievna**

СОЦИАЛЬНО- ГУМАНИТАРНЫЕ ЗНАНИЯ

Научно-образовательное издание

2022

3

• **Общество вчера, сегодня, завтра**

Г.Д. Чесноков – Наша победа в Великой Отечественной войне (1941-1945), ее истоки и значение: марксистский анализ..... 8

• **Социология: теория, основные концепции, современные подходы**

Н.Э. Казиев, Н.Н. Гасанов, М.Д. Магаррамов – Некоторые аспекты общественного бытия людей постсоветской России..... 25

А.А. Саидов – Социальное неравенство в российском обществе: причины и последствия..... 47

• **Социальные проблемы развития общества. Социология культуры**

О.А. Корнева, А.А. Бесчасная – Понятие «социальная адаптация» в междисциплинарном дискурсе..... 66

П.И. Бычков, А.Г. Золотухин – Военная служба по призыву: социологический анализ..... 79

А.Н. Шеремет – Искусство как фактор интеграции и дезинтеграции в социальном пространстве..... 95

Е.А. Макарова, О.А. Холина – Роль социализации и отношения к деньгам в формировании финансовой грамотности детей и подростков..... 108

Е.Ю. Мещанинова – Отношение к деньгам как объект изучения прикладной социологии..... 123

В.В. Капустин – Патриотизм и военно-патриотическая подготовка граждан России в современной цифровой реальности..... 133

Ю.А. Семиколеннова – Внутренняя социальная политика в волгоградских бизнес-организациях: управленческий аспект (по данным экспертного опроса)..... 141

• **Социальная структура. Социология управления. Социальные институты и процессы**

Н.С. Зимова, Е.В. Фомин – Сетевая солидарность как ответ на коллективную травму (на примере специальной военной операции России на Украине)..... 148

А.Н. Зубец – Разработка и апробация системы индикаторов качества жизни: на примере российских городов..... 166

И.В. Третьякова – Социальные технологии работы с молодежью... 181

• Философская антропология. Философия структуры. Социальная философия	
<i>В.В. Попов, Л.М. Дзюба</i> – Феноменологические основания интересубъективности как базовой характеристики субъективного времени индивида в повседневном мире включающего общества.....	190
<i>С.Б. Пономарев, И.А. Лакина, Д.С. Пономарев</i> – Системный подход в стратегии борьбы с тюремной субкультурой.....	200
• Философские мировоззрения. Онтология и теория познания	
<i>Е.Л. Кабахидзе, Н.А. Ореховская</i> – Философская герменевтика о трактовке понятий «понимание» и «язык».....	213
<i>А.Ю. Трубецкая</i> – Государственная культурная политика в государствах-утопиях Томаса Мора и Томмазо Кампанеллы.....	227
• Философия религии и религиоведение	
<i>О.Р. Раджабов, Р.О. Раджабов</i> – Противодействие распространению религиозно-политической идеологии среди молодежи.....	238
<i>Р.В. Ханова</i> – Религия как социокультурное явление.....	246
• Наука, культура и образование на грани тысячелетий	
<i>Т.А. Черникова, Л.Д. Шайдукова, А.Ю. Юричка</i> – Дистанционное обучение в системе высшего образования: положительные и отрицательные аспекты.....	251
<i>Е.Н. Чернышева, В.И. Борисенко</i> – Цифровая трансформация образования в России.....	265
<i>Л.М. Аллахвердиева, А.Т. Гаспаршвили</i> – Особенности применения новых цифровых технологий в системе инклюзивного образования.....	272
<i>Э.Н. Грибакина</i> – Потенциал преподавания профессиональной этики юриста.....	281
<i>С.Ю. Ермолаева, А.С. Шведова</i> – Роль современных медиа в образовательном процессе.....	290
• Политические институты, процессы, технологии	
Трансформация политических отношений в процессе взаимодействия сетевых феноменов и иерархических структур (Материалы Круглого стола).....	297
<i>А.М. Вафин</i> – Идеология государственного служения в Европейском Союзе: экологизм.....	341
<i>М.С. Ярина</i> – Спортивные достижения государства как фактор гражданской и политической идентификации.....	350
<i>Е.О. Широкова</i> – Влияние молодежных политических организаций на политическую активность граждан (по материалам исследования общественного мнения методом фокус-групп).....	358
• Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития	
<i>О.Н. Башук</i> – Политико-исторические детерминанты евроатлантического партнерства Германии.....	369
<i>Д.Н. Боровинская, М.А. Залевская, М.А. Морданов</i> – Стратегические инструменты развития креативных индустрий в регионе.....	377

• Социально-политические отношения в сетевом обществе	
О.В. Шевченко – Бинарные оппозиции в гуманитарной парадигме процесса цифровизации.....	390
Л.А. Бурняшева, И.Е. Романько – Технологии PR и рекламы как механизм формирования и продвижения имиджа туристских регионов.....	397
А.С. Хотулев – Глобальное проблемное поле цифровизации и цифровых технологий.....	403
• Научные сообщения	
М.В. Рыбакова, Н.А. Иванова – Адаптация китайских студентов в российских вузах: некоторые проблемы.....	410
О.В. Кубаева – Новая волна феминитивов в современном русском языке.....	418

ЧЕШОКОВ Григорий Дмитриевич
доктор философских наук, профессор
Российской академии государственной
службы при Президенте РФ
E-mail: greche@mail.ru

Наша победа в Великой отечественной войне (1941–1945), ее истоки и значение: марксистский анализ

Вторая мировая война (1939-1945) началась как империалистическая, но с вступлением в нее Советского Союза ее характер изменился: война превратилась в антифашистскую и освободительную, ибо к этому времени Гитлер успел поработить почти всю Европу. Участники антигитлеровской коалиции преследовали разные политические цели: если Советский Союз стремился уничтожить фашизм и готов был сражаться с ним до конца, то Западу, недооценившему аппетитов Гитлера, нужно было лишь ослабить нацистскую Германию, одновременно используя ее для борьбы с СССР. Вот почему тот же Запад не замечает факта возрождения фашизма уже в сегодняшней Европе. Автор затрагивает также вопрос о причинах распада Советского Союза и уроках, которые необходимо извлечь из этого события.

Ключевые слова: характер Второй мировой войны, антигитлеровская коалиция, цель Второй мировой войны, вклад СССР в победу над фашизмом, признаки возрождения фашизма в Европе.

Праздник со слезами на глазах

В сегодняшней постсоветской России день 9 Мая считается главным праздником страны. В каком-то смысле это справедливо. Не будь этой победы, мы бы утратили нашу государственность и, как знать, сохранились ли бы как самостоятельный народ. Для нас это была не просто справедливая война с очень сильным и коварным врагом. Для нас в схватке с гитлеровской Германией вопрос стоял о жизни и смерти.

Третьего было не дано. Гитлер, отдавая своим войскам приказ о наступлении, откровенно заявил, что отныне Германия вступает в другую войну – не ту, которую она вела с 1939 г., когда в конфликт вступили Англия и Франция. Почему? Потому что настоящим своим врагом Запад (т.е. и нацистская Германия, и европейские «демократии») считали Советский Союз: они были уверены, что сумеют договориться между собой. Более того, уже в ходе военных действий западные «демократии» продолжали поддерживать контакты с нацистским руководством Германии, ибо их целью никогда не было уничтожение нацизма. Сегодня мы видим тому многочисленные подтверждения, которые могут быть непонятны только тем, кто не хочет принять научное объяснение природы империалистических войн.

Вторая мировая война явилась продолжением Первой, ибо не устранила тех противоречий, которые привели к ней. Бессмысленно рассуждать о войнах, особенно таких, как две мировые войны прошлого века, если нет желания видеть их коренные причины. Обе войны были вызваны желанием передела мира в интересах той или иной группировки империалистических государств. А вот какая из этих группировок сильнее, и в первом, и во втором случае выяснилось не сразу. Влияние на ход обеих войн, помимо военно-экономического потенциала основных стран-зачинщиков, оказывали дополнительные факторы. В Первой мировой важнейшим событием, повлиявшим на ее итоги, стала революция в России, а затем революция в Германии, лишившая последнюю возможности завершить войну если не победой, то хотя бы почетным миром. Решающим фактором поражения Германии и ее союзников во Второй мировой войне явилось участие Советского Союза – факт, весьма неудобный для стран антигитлеровской коалиции, которые хотели бы скрыть свою роль в укреплении Гитлера и приписать лишь себе честь победы над фашизмом. Именно поэтому Западу так важно доказать, что западные демократии были способны разгромить Германию самостоятельно, и идеологи этих стран в течение всех послевоенных лет действительно упорно «доказывают», что именно так все и было.

Чтобы выяснить истину, надо вспомнить, как готовилась Вторая мировая война и почему к лету 1941 г., когда Гитлер напал на Советский Союз, победители Германии в Первой мировой были уже не в силах остановить Гитлера, даже с по-

мощью США. Америка не имела возможности активно участвовать в военных действиях, так как на Дальнем Востоке ей противостояла Япония, имевшая мощную сухопутную армию и сильный флот. Воевать на два фронта (в Европе – с Германией, а на Дальнем Востоке — с Японией) Америка была не в состоянии, даже без катастрофы Перл-Харбора. Континентальная Европа, включая Францию, по сути, находилась под гитлеровской оккупацией. Англии и Америке оставалось только отсиживаться: первой на островах, второй – за океаном, рассчитывая, что Советский Союз окажет сопротивление и отвлечет силы Гитлера. В сложившихся условиях тактика Запада (или того, что от него оставалось) была выжидательной и состояла в расчете на взаимное ослабление Германии и СССР. Для Советского Союза, оказавшегося один на один уже не только с Гитлером, но и с работавшей на него Европой (а еще с угрожавшей на Востоке Японией) ситуация была не просто тяжелой, а катастрофической. Полагаться можно было только на себя, на свои силы, а Гитлер тем временем приближался к Москве...

Первое, что можно было сделать для будущей (как уже было ясно, нескорой победы) – отстоять Москву. В Отечественной войне 1812 г. этого сделать не удалось, но и после оставления Москвы, 600-тысячная армия Наполеона потерпела поражение. Но теперь на пороге Москвы оказалась армия, численность которой составила несколько миллионов. Советское командование приняло решение отстоять Москву, и мы ее отстояли. То была первая, но такая важная для нас победа!

Маршал Г.К. Жуков, возглавлявший с октября 1941 г. Западный фронт, где решалась судьба Москвы, в своих воспоминаниях о той страшной войне писал следующее: «Когда меня спрашивают, что мне больше всего запомнилось из минувшей войны, я всегда отвечаю: битва за Москву» [1, с. 378]. И это понятно. Первый год был самым трудным. Враг рвался к столице, желая поскорее закончить войну. В этот начальный период почти все преимущества были на его стороне, и важно было не допустить, чтобы он ими воспользовался в полной мере. Благодаря мужеству сражавшегося народа и умелому военному руководству это удалось: «Общие итоги великой битвы под Москвой, – пишет Г.К. Жуков, – были вдохновляющими для советской стороны и удручающими для противника» [1, с.377].

Анализируя те события, Жуков также вспоминал: «Немецкий генерал Вестфаль, описывая операцию “Тайфун”, вынужден был признать, что “немецкая армия, ранее считавшаяся непобедимой, оказалась на грани уничтожения”. Это же заявляют и другие генералы гитлеровской армии, такие, как К. Типпельскирх, Г. Блюментрит, Ф. Байерлейн, Ф. Мантейфель, и многие другие.

Что верно, то верно. В битве под Москвой гитлеровцы потеряли в общей сложности более полумиллиона человек, 1300 танков, 2500 орудий, более 15 тысяч машин и много другой техники. Немецкие войска были отброшены от Москвы на запад на 150-300 километров <...>.

Красная Армия в битве под Москвой впервые за шесть месяцев войны нанесла крупнейшее поражение главной группировке гитлеровских войск. Это была наша первая стратегическая победа над вермахтом. До этого Советские Вооруженные Силы уже осуществили ряд серьезных операций, замедливших продвижение вермахта на всех трех главных направлениях его ударов. Тем не менее они по масштабам и результатам уступают великой битве у стен советской столицы» [1, с. 377].

Анализируя воспоминания маршала, следует также остановиться на заслуживающей безусловного доверия оценке Жуковым вклада И.В. Сталина в первый успех нашей армии в Великой отечественной, как и в окончательную победу над гитлеровской Германией. У Жукова, как мы знаем, не было резона преувеличивать заслуги Сталина, поскольку после войны он попал в немилость. Однако его оценка была на редкость взвешенной и объективной. «Мне, – пишет маршал, – нередко задают вопрос о роли И.В. Сталина во время битвы под Москвой». Что же отвечает на этот вопрос Г.К. Жуков? «И.В. Сталин был все это время в Москве, организуя силы и средства для разгрома врага. Надо отдать ему должное – он, возглавляя Государственный Комитет Оборона и опираясь на руководящий состав наркоматов, проделал колоссальную работу по созданию необходимых стратегических резервов и материально-технических средств для обеспечения контрнаступления под Москвой. Своей жесткой требовательностью он добивался, можно сказать, почти невозможного» [1, с. 377].

Читатель не должен забывать еще об одном важном моменте, о котором мы говорили в начале статьи. Наши будущие союзники по антигитлеровской коалиции все время колебались, встать ли им на нашу сторону или продолжать торг с Гитлером, добиваясь от него уступок за счет покоренных гитлеровцами стран. В руководстве Англии и США были мощные силы, которые рассчитывали найти компромисс с нацистской Германией, отказавшись от союза с СССР. Победа под Москвой показала, с каким серьезным противником столкнулся Гитлер в лице Советского Союза, и во многом положила конец колебаниям. 1 января 1942 г. был оформлен военный союз государств, боровшихся с немецкой агрессией, тогда как окончательное оформление союзнических отношений СССР с Британией и США состоялось в мае-июне 1942 г.

Политики и историки Запада не заинтересованы, чтобы правда о мировых войнах дошла до сознания мировой общественности, а для этого нужны мифы, и прежде всего мифы о главном виновнике (или главных виновниках) развязывания военного противостояния. Так, после окончания Первой мировой войны страны-победительницы объявили Германию единственной виновницей той империалистической войны. Что касается Второй мировой, то тут насаждается мысль, что виновников было двое: гитлеровская Германия и Советский Союз, а точнее всего два человека – Гитлер и Сталин. Как ни абсурдно подобное суждение, оно нашло последователей в среде отечественных либералов, следствием чего явились попытки оправдать предателя Власова. Я многократно высказывался по вопросу о подлинных и мнимых виновниках Первой и Второй (особенно последней) мировых войн, но приходится снова возвращаться к этой теме.

Советская дипломатия делала все возможное, чтобы не позволить Гитлеру разжечь огонь войны в Европе, но натолкнулась на глухую стену нежелания западных «демократий» сорвать гитлеровские планы втягивания Европы и всего мира в новую мировую войну. Средств остановить Гитлера у западных стран было предостаточно, но они отвергли все предложения СССР обуздать агрессора на том этапе, когда это было вполне возможно, и, сдав Гитлеру Чехословакию, дали «зеленый свет» гитлеровскому движению на Восток. Западные «демократии», как и Гитлер, хотели новой войны, правда не на Западе, а именно на Востоке. И Гитлеру,

жаждавшему реванша за поражение Германии в Первой мировой войне, удалось убедить их развязать ему руки, обещая избавить Европу от общего врага – коммунизма.

Напомним, что по Версальскому договору на Германию были наложены значительные ограничения. Во-первых, ей пришлось выплатить огромную контрибуцию. Во-вторых, она лишилась ряда земель, включая Эльзас, Лотарингию, Шлезвиг и часть Верхней Силезии, утратила свои колонии. Вводились существенные ограничения, касавшиеся армии и флота, большая часть которого была передана победителям, а 50-километровая область, граничащая с Францией, подлежала демилитаризации. Но главное – Германия оказалась в кольце потенциальных противников: англичан, французов и их союзников. Вести войну на два фронта для одной страны всегда чрезвычайно сложно, а как было этого избежать жаждавшему реванша Гитлеру, если на западе находились Франция и Англия, а на востоке – Чехословакия и Польша, связанные договорными отношениями с западными «демократиями»? Гитлер, однако, проявил изворотливость и нашел выход из этой, казалось бы, неразрешимой для него ситуации. Он заверил Англию и Францию, что его главная цель – покончить с коммунизмом в Европе, но для этого западные «демократии» должны уступить ему сначала Судетскую область, а потом и всю Чехословакию. И «демократии» приняли ультиматум Гитлера в Мюнхене. Попустительство агрессору было платой за его обещания, что война не распространится на Западную Европу, а переместится в Восточную.

Но Гитлеру нужна была вся Европа и поэтому он не вступил в войну с Советским Союзом в 1939 г., а захватил последнего союзника французов и англичан на востоке – Польшу, так что теперь уже не опасался оказаться в кольце. Мировая война началась на западе Европы, и это обеспечило Гитлеру быстрый успех в борьбе с его западными противниками. О том, что Франция и Англия представляют для него опасность, Гитлер, разумеется, всегда помнил, ведь он сам участвовал в войне 1914-1918 гг. Мы видим, что тактика Гитлера состояла в том, чтобы с наименьшими затратами устранить своих конкурентов в Европе, а уже с этим экономическим потенциалом начать войну за мировое господство. Капиталистическая Европа с ее маниакальной ненавистью к Советскому Союзу сама оказалась жертвой нацистской Гер-

мании. Но с нападением Германии на Советский Союз империалистическая война утратила свою чисто захватническую природу. Несправедливая со стороны Гитлера и большинства его западных противников, для СССР она была освободительной, а значит и справедливой. Граждане Советского Союза с самого начала знали, за что ведется эта война, и понимали, что нашей стране нужна победа, и только победа. Никаких компромиссов с гитлеровцами быть не может.

Итак, с вступлением в войну Советского Союза поменялся ее характер. Для народов СССР она стала отечественной, а значит гитлеровцам уже не приходилось рассчитывать на легкую победу. Под влиянием этих событий изменилась и позиция западных «демократий», которые вынуждены были более действенно противостоять экспансии Гитлера: уже не играть в войну, а вести ее по-настоящему, чего им очень не хотелось, но такова была неумолимая логика изменившейся ситуации: *“À la guerre comme à la guerre!”* (что в данном случае означало для западных демократий: приходится воевать, когда того совсем не хочется).

В современных условиях возникает необходимость снова и снова напоминать об этих достаточно простых и понятных вещах на фоне вводящих в заблуждение утверждений так называемых либералов-западников, которых абсолютно не волнуют интересы их собственной страны. Зато эти люди, завоевавшие ведущие идеологические позиции в России 1990-х, чрезвычайно близко к сердцу принимают интересы коллективного Запада, на деле сводящиеся к интересам США и их ближайших коллег (например, Англии, Канады). Сама же Россия занимает их только как средство укрепления прозападного миропорядка. Смысл их вещаний в основном сводится к одному: хорошо все, что приходит к нам с Запада, но все свое просто ужасно, так как оно отдаляет нас от западной цивилизации. Но ведь российская цивилизация древнее, чем цивилизация США и даже капиталистическая цивилизация современной Европы. Почему мы должны себя мерить лишь западными мерками?

Применительно к ходу Второй мировой войны и вопросу о решающей роли Советского Союза в победе над фашизмом эта дилемма преломляется следующим образом: нам говорят, что наши жертвы были неоправданно высоки по сравнению с Западом. А как могло быть иначе, если нацисты сознательно хотели нас уничтожить, в то время как «союз-

ники» в самый тяжелый период больше торговали с Гитлером (в том числе в обход официальных запретов), чем воевали с ним? Сколько было сказано и пересказано о «несдаче» блокадного Ленинграда или жертвах обороны Москвы, Сталинграда, сражения на Курской дуге (где, кстати сказать, потери врага были весьма ощутимыми)! Но при этом, как правило, упускают из виду, что число людских потерь у нас было выше в основном за счет гибели мирных жителей, уничтоженных врагом. А ведь это прямое следствие того, что цели в войне у нас и у нацистов, равно как и у наших западных союзников, были принципиально разными! Для нас альтернативы победе не существовало, так как только победа была равносильна спасению. Для Запада и даже для гитлеровской Германии поражение в войне не означало автоматически гибели страны и большей части народа. В этом и ответ на вопрос: кто настоящий победитель, а кто лишь успел вовремя присоединиться к победителю и воспользоваться плодами его победы.

Советские люди с первого дня войны знали, кто был наш враг и зачем он пришел в наш дом. Нацизм — это истинное лицо империализма, когда он уже не скрывает своих целей. Править миром должны «высшие» расы и нации, остальные должны подчиниться или погибнуть. И что изменилось в этой логике сегодня? Разве то, что вместо «белокурой бестии» на свет божий вышел прикрашенный и припудренный «золотой миллиард»? Вместо звериного оскала – голливудская улыбка и слова о гуманизме и демократии, но суть все та же. «Цивилизованные» немцы сжигали свои жертвы в газовых камерах. «Цивилизованная» Америка сбросила на головы мирных жителей Японии две атомные бомбы, и все по одной причине – уверенности в своей полной безнаказанности.

После победы легко выискивать ошибки у победителей, но победу еще надо было завоевать. То, что Запад недоволен итогами Второй мировой войны, – вполне понятно. Они хотели руками Гитлера покончить с Советским Союзом, а тот оказался победителем в самой тяжелой и кровопролитной войне в истории человечества. А вот то, что у нынешних западных поджигателей войны нашлись подпевалы в странах, некогда подвергшихся гитлеровской агрессии, и даже у нас – это позор. Я скажу даже больше – это преступление перед памятью жертв фашизма. И невольно задаешься

вопросом: почему в годы войны советские люди добровольно шли на любые жертвы во имя общей победы, а сегодня кто-то из наших же соотечественников силится доказать, что победа, может быть, была не так уж нужна, как нам это внушали. Но любовь к Отечеству «внушить» нельзя. Она впитывается с молоком матери и покидает человека лишь одновременно с его уходом из жизни.

Советский человек – это не надуманный образ. Это стиль жизни, воплотившийся в реальность после победы Октябрьской революции. В последние годы мы много слышали о том, что никакой социалистической революции в России якобы не было, а был большевистский бунт, завершившийся диктатурой большевиков. Гитлер, начиная войну, также искренне верил, что от первых же мощных ударов его армии Советский Союз не устоит: что власть большевиков рухнет, а населяющие его «варварские» народы расползутся по своим «норам».

Победа 9 Мая 1945 г. – не просто военная победа одного государства над другим: более сильного над более слабым. То была победа свободного духом народа над марионетками, поверившими, что волю «высшей» расы можно навязать другим народам. Наш народ не принял этой логики «высших» рас: он отстоял себя и принес освобождение от нацистского рабства народам Европы, до этого покорно принявшим власть Гитлера.

Это была великая битва, и долгое время в успех нашей страны верили разве что сами советские люди. Казалось, все соединилось для того, чтобы победа осталась за Германией. К началу Великой отечественной войны Германия вела военные действия много лет и получила серьезный опыт победоносного участия в современных (на тот момент) войнах. Она извлекла пользу из фактора неожиданности, предварительно усыпив бдительность советского руководства, рассчитывавшего, что неизбежная война с Гитлером начнется позже. У Германии было немало открытых союзников, а замаскированные (или не очень) прогерманские силы в странах западных «демократий» были готовы при малейшей возможности оказать ей поддержку. Но результат оказался противоположным тому, чего можно было бы ожидать, опираясь на привычную логику коллективного Запада.

История нашей страны драматична. Выстояв и победив в 1941-1945 гг., Советский Союз в 1991 г. без единого выстрела прекращает свое существование. Как это могло произойти? Вопрос непростой, и ответ на него отнюдь не лежит

на поверхности. Для наших либералов социалистический выбор сам по себе был ошибкой, которая предопределила падение Советского Союза. Но если во время войны все было против нас, а мы все-таки победили, значит выбор не был ошибкой, а ошибка заключалась в чем-то другом. И эта ошибка, несмотря на серьезные успехи СССР, включая победу в войне, начиная с середины 1950-х гг., неуклонно повторялась советским руководством. Суть ее – в игнорировании того, что всякая научная теория, включая марксизм, требует постоянного развития, которое должно учитывать меняющийся опыт. Без революционной теории, утверждали и Г.В. Плеханов, и В.И. Ленин, нет и не может быть революционного развития.

После окончания гражданской войны Советский Союз ускоренно развивал свою экономику, и это позволило нам выстоять в войне, что само по себе по плечу только державе с сильным экономическим потенциалом. После окончания войны нам было непросто залечивать раны, во всяком случае западной экономике решить эту задачу было проще, так как их совокупный потенциал (с учетом обогатившейся во время войны Америки) был мощнее. И все-таки камнем преткновения стало другое. Слабое в теоретическом отношении руководство страны, начиная с Н.С. Хрущева, фактически подменило конечную цель – строительство социализма – другой: созданием общества потребления. А это две принципиально различные задачи. В первом случае важнейшим условием достижения цели является воспитание человека-коллективиста, во втором – соревнование за ускоренный рост потребления в обществе. В этом соревновании Запад нас обошел, и это неудивительно. Ведь у капиталистического и социалистического общества изначально разные цели. Одно подчиняет все максимальному извлечению прибыли. Второе на первый план выводит человека, его максимально полное человеческое развитие, формирование созидательных способностей, готовности вносить свой вклад в утверждение справедливого – социалистического идеала. В результате о новом человеке как гармонически развитой личности много говорилось, но, вместо того чтобы поощрять созидателя, поощряли потребителя. Обогнать Запад в создании общества потребителей нам было не под силу, но психология послевоенного поколения оказалась другой в сравнении с довоенным (или военным).

В.И. Ленин ставил перед молодежью задачу учиться, чтобы приносить больше пользы обществу. Общество же потребления озабочено увеличением потребления, что выгодно в первую очередь производителям товарной продукции, росту их прибыли. Казалось бы, в обоих случаях внимание направлено на человека, на его потребности, но в случае неконтролируемого роста товаров в выигрыше оказывается лишь капиталист-производитель. Совершенствуя товар, он повышает на него цену; увеличивая количество производимого, повышает собственный доход (нередко при этом вновь скрыто снижая качество). Буржуазная идеология старше пролетарской и призвана убедить людей, что капиталист и наемный работник одинаково заинтересованы в росте производства. Но прибыль остается у того, кто владеет товаром, а не у того, кто потребляет его (и одновременно продает владельцу капитала свою рабочую силу).

К концу 1980-х гг. граждан страны Советов убедили в том, что общественная собственность не стимулирует рост производства. Тем самым обществу подбрасывалась мысль об отказе от общественной собственности в пользу частной. А это уже был полный разрыв с социализмом. Сегодняшняя ситуация со знанием (а тем более пониманием) Марксова учения в нашей стране напоминает мне рассказ Б. Кроче о человеке, который, по его словам, лично слушал выступление Маркса, и выступавший будто бы выглядел как блондин высокого роста (на самом деле Маркс, как известно, был невысоким брюнетом). Столь же «точные» представления об учении Маркса распространились у нас в период подготовки крушения СССР, и они сохраняют свое влияние и сегодня. Между тем для понимания сути событий, происшедших в конце 1980-х – начале 1990-х гг., весьма полезными оказываются кое-кем забытые высказывания Маркса и Энгельса. Вспомним, в частности, их слова из «Манифеста коммунистической партии» (речь идет о характере собственности при капитализме и социализме): «Вы приходите в ужас от того, что мы хотим уничтожить частную собственность. Но в вашем нынешнем обществе частная собственность уничтожена для девяти десятых его членов; она существует именно благодаря тому, что не существует для девяти десятых. Вы упрекаете нас, следовательно, в том, что мы хотим уничтожить собственность, предполагающую в качестве необходимого условия отсутствие собственности у огромного большинства общества» [2, с. 440].

В соответствии с этим законом капитализма, сформулированным К. Марксом, общественная собственность в нашей стране в итоге несложных махинаций перешла в руки тех, кто ее не создавал. Лозунгом дня стал лозунг общества потребления. Вспоминается, как Б.Н. Ельцин, в первый раз посетивший США, пришел в дикий восторг от количества сортов продаваемой колбасы. Но насытить рынок товарами несложно, если сделать их цену практически недоступной для подавляющего большинства населения или дать преференции иностранному производству, готовому сбрасывать дешевый товар в процессе освоения новых для него рынков сбыта. В итоге ложная цель (создание потребительского изобилия) привела к тому, что производство России при Ельцине сократилось в два раза, безработица достигла колоссального размаха. Переход собственности в руки олигархов принес с собой некоторое отрезвление, но процесс уже ушел далеко вперед.

Мы проиграли Западу тогда, когда отказались от социалистического выбора развития, поверив в истинность враждебной нам буржуазной идеологии. Сегодня ее проводниками в нашей стране выступают либералы, привыкшие насаждать ее нагло и напористо с конца 1980-х гг.. Ложь о событиях Великой отечественной войны явилась прямым следствием их ложной оценки социалистического пути. Между тем выбор этого направления был сделан широкими массами рабочих, солдат и крестьян России вполне осознанно – на фоне катастрофических последствий действий не только царизма, но и буржуазного Временного правительства, пришедшего ему на смену. Приведу мнение на сей счет не советского автора, а одного из достаточно объективных западных исследователей истории русской революции. «Вооруженное восстание, – писал в заключении своей книги «Большевики приходят к власти» профессор Индианского университета Александр Рабинович, – в том виде, в котором его представлял себе Ленин, стало возможным только после того, как правительство предприняло прямое наступление на левые силы. И здесь следует повторить, что массы в Петрограде, выступавших за свержение Временного правительства, сделали это не потому, что как-то симпатизировали идее прихода к власти одних большевиков, а потому, что верили: над революцией и съездом нависла угроза. Только создание представительного

полностью социалистического правительства – за которое, как и считали массы, и выступали большевики – могло дать им надежду, что не будет возврата к ненавистной жизни при старом режиме, что удастся избежать смерти на фронте, что Россия сумеет быстро выйти из войны и, вообще, жизнь станет лучше» [3, с. 334].

Либералы, захватив власть в августе 1991 г., привели страну к тому же печальному результату, что и Временное (буржуазное) правительство за 8 месяцев его бесславного правления. Нынешнему Президенту В.В. Путину и сегодня приходится исправлять то, что они натворили, и это происходит на фоне мощнейшего давления наших западных «благодетелей».

Надо, наконец, усвоить простую истину. Запад – цитадель капиталистической цивилизации. Чтобы процветать, он должен подавлять весь остальной мир, а Россия для него, как до того Советский Союз, – постоянный возмутитель «мирового спокойствия». То Россия требует прекращения бомбардировок суверенной Югославии (1999), то уличает США и НАТО во вмешательстве в дела независимого Ирака (2003), то указывает на их незаконное присутствие в Сирии. И в самом деле: как иначе капитал может поддерживать и распространять порядок, созданный для беспощадного выкачивания средств и ресурсов со всего мира ради процветания самого Запада? Как только не называют в нынешней западной прессе Президента В.В. Путина, с кем его только не сравнивают, включая Гитлера! А ведь все, чего он требует от Запада, – не приближаться к нашим границам и соблюдать международные обязательства, взятые на себя западными странами и их союзниками. Но и это оказывается в глазах Запада непростительным преступлением!

То, что позволяют себе высказывать сегодня западные политики в отношении Президента В.В. Путина, выходит за допустимые рамки в международных отношениях между суверенными государствами. Полагаю, это неслучайно. Запад сознательно накаляет ситуацию, создавая впечатление, что нынешние ненормальные международные отношения сложились лишь потому, что на посту Президента оказался Путин, а с любым другим политиком на его месте все пойдет совершенно иначе. Западу очень нравится, что нынешняя российская оппозиция активно атакует Президента, не смущаясь ни ложью, ни нарушением закона, а Президент вынуж-

ден держать удар. Однако оскорбление всенародно избранного Президента страны – это оскорбление ее народа, а чувства национальной гордости русским не занимать. Мы не встаем в позу по пустякам, но мы ничего не забываем, и за каждое оскорбление обидчик получает сполна. Запад не хочет в это поверить, но фигуры, способные играть в отношении России ту роль, которую некогда сыграли в отношении Советского Союза Горбачев и Ельцин, больше никогда не окажутся во главе Российского государства. Народ можно обмануть однажды, но во второй раз он этого не допустит.

Мы верили в силу марксистских идей, и верили правильно. Но мы упустили из виду тот факт, что хотя буржуазная идеология способна рядиться в любые одежды, однако определяющим для нее в любом случае остается коричневый цвет, который и в наши дни все яснее просвечивает сквозь мнимую тогу мира. Вот почему всякая неопределенность в отношении наших ценностей недопустима. Мы хотели жить в мире и дружбе с Западом, но Запад сам оттолкнул нас. Чужого нам не надо – все, что нужно: от ракет до товаров широкого потребления – мы можем создать сами, – но былого доверия к Западу у нас уже не будет.

Россия – уникальная страна, и ее народ любит и ценит ее именно за то, что составляет эту уникальность. Она действительно открыта другим народам и культурам, но, когда к нам приходят с нечистыми намерениями, она способна ошестиниться и ответить обидчику такой оплеухой, которая запомнится надолго. Нас намеревались покорить многие завоеватели: и тевтонские рыцари, и Карл XII, и Наполеон Бонапарт, и все они получили достойный отпор. Кстати, два последних полководца считались в свое время лучшими в Европе. И все же война с гитлеровской Германией – это особая страница нашей отечественной истории.

С нами воевал не один Гитлер с его вассалами. С нами воевал весь капиталистический Запад, вскормивший Гитлера, позволивший ему вооружиться до зубов и, более того, расчистивший ему путь на восток, принеся для этого в жертву собственных союзников (Чехословакию, Польшу). Против нас воевала Европа, покоровшаяся Гитлеру (или попустительствовавшая ему), а в это время на Востоке нам угрожала еще и милитаристская Япония, успешно справлявшаяся в тот период с американцами. Я часто задаю себе вопрос: смог бы какой-то другой народ выдержать подобный напор со стороны

объединенной вражеской коалиции, и не могу дать на него утвердительного ответа. Откуда же эта сила духа, так живо воссозданная Л.Н. Толстым в его эпосе «Война и мир»? Ответ видится в том, что само географическое положение России между Западом и Востоком создало условия для возникновения мощного многонационального государства, несущего планете не раздор, а мир. Русский народ, а точнее все народы, проживающие на нашей огромной территории и сплотившиеся вокруг русского этноса, – по-настоящему миролюбивый народ. Не пустая задиристость, но подлинное достоинство и сила духа помогали ему выживать в большой стране, в течение веков окруженной недоброжелателями.

О русских (стоит отметить особо) можно и нужно сказать, что этот народ наделен особым даром учиться у других. Наш человек, овладевая чужим опытом, не копирует его слепо, но привносит в него что-то свое, что делает его еще более ценным. Он, иными словами, не только умеет учиться, но не брезгает учиться даже у тех, кто изначально настроен к нему враждебно. И здесь я подхожу к вопросу, который считаю крайне важным. Марксизм как теория, сумевшая наиболее глубоко объяснить механизм современного общественного развития, возник на капиталистическом Западе. Но победила социалистическая революция впервые в России. Русские ученики Маркса (Г.В. Плеханов, В.И. Ленин) оказались исключительно одаренными и преданными духу марксизма людьми, которые подошли к этому учению творчески. Опора на творческое развитие марксизма (и в этом заключается главная заслуга Ленина) помогла совершить пролетарскую революцию в стране со средним уровнем развития капитализма, а затем заложить основы бесклассового общества.

Если кому-то кажется, что социализм – это вчерашний день и, как утверждалось во времена Ельцина, что с ним покончено навсегда, то это поверхностное суждение. Более того, я уверен, что именно на русской почве (вопреки уверениям «могильщиков» коммунизма) социализм дал свои наиболее ценные плоды. Для меня лично несомненно, что советский патриотизм – это высочайшая форма патриотизма в истории. Гитлера победил советский солдат. Он был и русским, и украинцем, и белорусом, и азербайджанцем – словом, сыном всех многочисленных этносов нашей великой страны. И достигнутому в СССР единению помогала общая

великая цель строительства нового, более справедливого общества.

Современные критики марксизма представляют его суммой застывших, а потому устаревших истин, а некоторые «ультралевые» силы на Западе пытаются использовать его для обоснования таких «критических» теорий, которые, подрывая по видимости основы капитализма, в своем практическом применении помогают укреплению тоталитарных и антигуманных, а в международном аспекте – империалистических тенденций в современном «демократическом» мире.

То и другое – не марксизм, а пародия на него. Марксист – только тот, кто видит в окружающем мире постоянно развивающиеся объективные процессы и кто понимает, что то, что мы наблюдаем сегодня, – это только ближайший к нам исторический отрезок. История не «закончилась» и не заканчивается сегодня, но продолжает свой независимый от чьих-то субъективных желаний ход, помогающий в объективных условиях найти направление движения из «царства необходимости» в «царство свободы» – царство мирного созидания и взаимного уважения между народами и людьми. В подтверждение сказанного сошлюсь на высказывание еще одного западного философа, чью оценку марксизма считаю бесспорно верной, – Жана-Поля Сартра: «Марксизм далеко не исчерпал себя, он еще совсем юн, он только вышел из детского возраста, едва начал развиваться. Поэтому он остается философией нашего времени: его **невозможно преодолеть** (выделено мной. – Г. Ч.), потому что еще не преодолены породившие его обстоятельства» [4, с. 36]. Остается добавить, что, если мы будем следовать этому учению, мы будем и далее побеждать.

P.S. В процессе написания этой статьи стало известно, что Запад вынудил нас начать военную операцию в защиту народа Донбасса. Нам пришлось ответить на брошенный нам вызов, и мы не сойдем с избранного пути, кто бы и как бы того ни желал.

Отечеством не торгуют. Мы победим!

Литература

1. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М.: Изд-во АПН, 1969.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1950.

3. Рабинович А. Большевики приходят к власти. М.: Прогресс, 1989.
4. Сартр Ж.-П. Проблемы метода. М.: Издательская группа «Прогресс», 1994.

CHESNOKOV G.D.
Doctor of Philosophy, Professor
Russian Academy of Public Service under the President
of the Russian Federation

Our Victory in the Great Patriotic War, its Source and Significance: the Marxist analysis

World War II started as imperialistic but after the Soviet Union had joined it, the nature of the war changed radically: since then, the war became antifascist and liberating because by the time Hitler had subjugated almost all the Europe. It should be mentioned, that the participants of the anti-Hitler coalition pursued different goals: while the Soviet Union aimed at destroying fascism and was ready to fight to the end, our Western allies, who underestimated Hitler's appetites, sought only to weaken the Nazi Germany, at the same time employing it as an instrument against the USSR. That is the main reason why that very Western world does not want to see numerous evident signs of the revival of fascism in Europe today, namely in the Ukraine. The author also raises the question about the reasons of the Soviet Union disintegration and the lessons that can be learnt from it.

Keyword: *the nature of the World War II, anti-Hitler coalition, the aim of the World War, the decisive role of the USSR in the final victory over fascism, the signs of the revival of fascism in Europe.*

References

1. Zhukov G.K. Vospominaniia i razmyshleniia [Memories and Reflections]. Moscow, Izd-vo APN, 1969.
2. Marx K., Engels F. Sochineniia [Works]. Vol. 4. Moscow, Gos. izd-vo politicheskoi literatury, 1950.
3. Rabinovich A. Bol'sheviki prikhodiat k vlasti [The Bolsheviks Come to Power]. Moscow, Progress, 1989.
4. Sartre J.-P. Problemy metoda [The Problems of Method]. Moscow, Izdatel'skaia gruppa «Progress», 1994.

Социология: теория, основные концепции, современные подходы

УДК 101.1:316

DOI 10.34823/SGZ.2022.3.51807

КАЗИЕВ Низами Эмирович
*кандидат философских наук, профессор, главный
научный сотрудник РЦЭИ ДФИЦ РАН.*

ГАСАНОВ Нариман Нбиевич
кандидат философских наук, профессор
E-mail: nariman 1940@ mail.ru

МАГАРРАМОВ Магаррам Джабраилович
*доктор философских наук, профессор, ведущий
научный сотрудник Регионального центра
этнополитических исследований (РЦЭИ)
Дагестанского федерального исследовательского
центра (ДФИЦ) Российской академии наук (РАН)*
E-mail: m.magarram@gmail.com

Некоторые аспекты общественного бытия людей постсоветской России

Используя принцип историзма и диалектическую методологию, проведён социально-философский анализ состояния элементов общественного бытия современного российского общества. Выявлены достоинства и недостатки этого процесса. Предложены обобщающие выводы и предложения, использование которых соответствующими правомочными субъектами в своей практической деятельности изменит в более совершенное состояние содержание всех элементов общественного бытия, включая образ жизни современных россиян.

Ключевые слова: *элементы общественного бытия постсоветской России, изменение хозяйственного механизма, образ жизни людей, семья, как социальный институт, социальное самочувствие семьи и т.д.*

Актуальность темы исследования вытекает из необходимости провести анализ состояния элементов общественного

бытия постсоветской России с целью определения его современного состояния и формулировки на этой основе соответствующих выводов, могущих изменить его природу в более совершенное состояние.

Начнём с того, что реформирование российского общества началось с момента провозглашения в бывшем СССР перестройки. Она, действительно, назрела к моменту её объявления и отвечала чаяниям, нуждам всего советского народа. *Но механизм её проведения, формы и методы оказались не совсем продуманными* и, как результат, Россия, как часть бывшего СССР, до сих пор не может разгрести все те завалы, вызванные такой политикой. Наша позиция заключается в том, что у высшей власти бывшего СССР не было ни тактического, ни стратегического плана перестройки, а потом и реформ. Просто шла идеолого-политическая борьба за власть. Идеологов реформ мало интересовала судьба миллионов людей и страны. При этом главная ошибка высшей власти бывшего СССР – в реформировании хорошо отлаженной и нормально функционирующей политической системы Советского Союза, в развале отлаженного хозяйственного механизма страны. Именно эти ошибки привели к разрушению бывшего союзного государства, её экономики и достаточно цивилизованного образа жизни советских людей. Без этого краткого обозначения стратегической ошибки верховной власти того периода, не обозначив её содержание, нам было бы достаточно сложно понять динамику общественного бытия России за двадцатилетний период проведения реформ. По сути, речь должна идти о проведённых реформах в России, начиная с конца 1991 г. (после официального объявления бывшим Президентом СССР М.С.Горбачевым о прекращении существования СССР, в связи с созданием СНГ) до сегодняшних дней.

Говоря о реформах, следует выделить два совершенно противоположных этапа их проведения.

Первый этап, охватывает период с 1991 по 1999 гг., когда у власти в стране находилась команда Б.Н. Ельцина. Основной лозунг команды – «Пора сбрасывать камни!» Это время тотального дефицита товаров, безудержного роста цен и инфляции, массовой приватизации отечественных предприятий и последующего их разрушения, растаскивания общенациональной собственности, разгула анархии, беспредела, рэкета, утеря страной своего суверенитета, полной зависимости от развитых стран мира. Это время расстрела Белого дома,

прекращения деятельности Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР, приостановления и в последующем возобновления деятельности Конституционного Суда РФ и КПРФ, двух ненужных чеченских войн, парада суверенитетов целого ряда субъектов Российской Федерации.

Второй этап условно начался с 2000 г. и продолжается до сегодняшних дней. Это время прихода к власти молодого и энергичного Президента России В.В. Путина со своей командой единомышленников. Команда, которая в качестве магистральной линии развития России избрала лозунг – «Настало время собирать камни!». Этот период, поистине, коренным образом отличается от предыдущего. Можно выделить некоторые позитивные моменты изменения природы и содержания элементов общественного бытия, а именно:

- начался реальный подъём экономики страны, были объявлены и до сих пор реализовываются общенациональные проекты «Образование», «Здравоохранение», «Сельское хозяйство» и др.;

- сделан упор на переход к инновационным, малозатратным и энергосберегающим технологиям. Для производства и массового внедрения nano технологий создан соответствующий центр в подмосковном Сколково;

- заработала российская система позиционирования «Глонас», имеющая национальное и международное применение;

- немного ранее властью были повышены заработные платы медицинским работникам, учёным за степень (кандидатам наук с 1,5 тыс. рублей до 3 и докторам наук с 3 до 7 тыс. рублей). Реально были повышены оклады работникам правоохранительных и правоприменительных органов, а с апреля 2022 г. ожидается повышение минимального размера оплаты труда, индексация пенсий и пособий;

- продолжается процесс строительства и модернизации сетей автомобильных и железных дорог, стали газифицировать сельские населённые пункты;

- неоднократно и систематически стали повышать уровень получаемых пенсий и компенсационных выплат, стипендии студентам и аспирантам, заработные платы учителей школ;

- покончено с парадом суверенитетов в субъектах федерации, усилена вертикаль власти созданием системы Федеральных округов с полномочными представителями Президента РФ в них;

- поддерживается отечественный ВПК, государством даются заказы и в последующем закупаются новейшие системы вооружений и боевой техники, вводятся в строй новейшие модификации истребителей, подводных лодок и межконтинентальных баллистических ракет морского базирования, проводятся военные учения в рамках ОДКБ, Сирийской Арабской Республике оказана военная и интернациональная помощь, самолеты дальней авиации России, как и в советские времена, патрулируют над нейтральными водами Атлантики;

- на основе демократического плебисцита Республика Крым вошла в состав России и к 2022 г. этот субъект РФ существенным образом преобразился в плане улучшения всех сторон жизни и деятельности людей;

- проводится военная операция Российской Федерации по демилитаризации и денацификации территории спорной Украины, бурными темпами идёт процесс освобождения Донецкой и Луганской областей от националистических формирований Украины, восстанавливается их экономика и социальная инфраструктура.

Одним словом, на втором этапе реформ новая власть по сравнению с предшествующей, повернулась лицом к стране, к человеку, стала думать о них и понимать, что она избрана обществом, народом и должна служить им, удовлетворять их насущные потребности, оправдать доверие. И это правда.

Проведенные и проводимые российскими властями реформы за прошедшие тридцать лет коренным образом затронули и затрагивают сущностные основы, как общественного бытия, так и общественного сознания. Они в своей совокупности направлены на коренное изменение способа производства материальных благ – производительных сил и производственных отношений, на изменение образа жизни российских людей, семьи, как социального института, решение языковых проблем, в своей целостности, составляющие содержание категории «общественное бытие». Вместе с тем, реформы ориентированы на коренное изменение уровней, видов и форм общественного сознания.

Однако, за время проведения реформ в нашей стране производительные силы (средства производства, люди с их умениями и навыками к труду, НИОКР и Ноу-Хау) не сделали того ожидаемого реформаторами рывка, который уже давно сделан промышленно-развитыми странами мира. Россия всё ещё остаётся сырьевым придатком целого ряда стран совре-

менного мира, постоянно потребляющих наши энергоносители. Огромное количество людей, имеющих высокий уровень квалификации, всё ещё остаются не востребованными в реальном секторе экономики, являются безработными и обречены на нищенское и полуголодное существование. Инновационные технологии с огромными трудностями продвигаются в состав технологического парка отечественных предприятий. Во многих из них нет, и не предвидится создание отделов НИОКР (научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок) и, как результат, отсутствует инновационный задел, необходимый для повышения производительности труда и увеличения величины заработной платы работников.

Производственные отношения как экономические отношения между людьми по поводу производства, распределения, обмена и потребления материальных благ развиваются в диалектическом единстве с производительными силами и определяют судьбу, сущность и содержание друг друга. Это объективный диалектический закон.

Остановимся на анализе *производства*, как одной из стадий производственных отношений. Так, за прошедший первый этап реформы была проведена грабительская ваучеризация и приватизация в результате которых были разгромлены отечественная промышленность и сельское хозяйство. Ранее по уровню промышленного и сельскохозяйственного производства бывший СССР занимал второе место в мире после США, а по некоторым показателям отдельных отраслей занимал первое место. Ведь можно было, оставив существующие отрасли экономики без приватизации в ведении государства, развивать частный сектор экономики, как это было сделано соседней КНР, имеющая сегодня 8-9% годового роста ВВП. Но этого сделано не было. Сегодня у России нет собственного мощного промышленного и сельскохозяйственного потенциала бывшего СССР, могущий хотя бы на 10 месте конкурировать с мощным экономическим потенциалом промышленно-развитых стран современного мира. Даже в БРИКС (группа развивающихся стран мира) мы не являемся лидерами в промышленной и сельскохозяйственной отраслях экономики. Так, куда мы движемся, какова судьба отечественного производства и возможен ли качественный скачок, прорыв в этом направлении? Мы движемся, отказавшись от либеральных реформ, к государственно-монополистическому капитализму. И это движение

займёт не один десяток лет, чтобы приблизиться к уровню современных развитых стран мира. В плане научно-технического прогресса, активного внедрения его достижений в отечественную экономику, мы находимся в роли пассажира, опоздавшего на поезд; в вечерних сумерках ему видны только красные огоньки уходящего с бешеной скоростью поезда. И чтобы его догнать, нужно было не вкладывать нефте- и газо-доллары в ценные бумаги зарубежных банков, строящих сомнительные пирамидальные схемы обворовывания крупных вкладчиков и мелких клиентов, а вкладывать их в реальные сектора отечественной экономики – промышленность и сельское хозяйство. И сегодня мы видим, что все эти средства вопреки нормам международного права заморожены. Наша страна не может ими пользоваться и, в известной мере, стала заложником такой ситуации. Хотя глава государства принял весьма ощутимые меры, направленные на переход в международной торговле к операциям с использованием отечественной валюты – рубль.

Имеющаяся у Министерства финансов РФ тревога о резком инфляционном скачке, при условии использования накопленных резервов на развитие реального сектора экономики, явилась неоправданной и не подкреплённой никакими аргументами экономической науки. Кажется, с России хватит быть в роли вечной экспериментальной площадкой современного мира! Один раз (с 2008 по 2010 гг.) мы потратили значительную часть накопленного ранее запаса финансовых средств на поддержание российской и зарубежной финансово-кредитной системы. И, прежде всего, США – страны в XXI в. живущей за счёт высасывания «экономической» крови нашей страны и всего остального мира, где в свободном обращении крутятся ничем не подкрепленные долларовые фантики. Применительно к такой ситуации прав был бывший и ныне покойный Президент Французской республики Ш. Де Голь, который в 70-е гг. прошлого столетия велел погрузить в самолёты все доллары, обращавшиеся в экономике, руководимой им страны, и отправить их в США, взамен потребовал от Президента США Р. Никсона золотого возмещения. Что же сегодня произойдёт с Америкой, если аналогичным образом поступят все страны современного мира, где доллары параллельно находятся в обращении наряду с национальной валютой? Это будет полнейший крах для них, но такие действия бумерангом ударят и по всем экономикам современного мира. Очевидно, что сегодняшние

рецепты создания параллельных резервных валют в противовес доллару, являются одним из вариантов снятия этой проблемы, но в то же самое время пока американцы будут безудержно осуществлять эмиссию своей валюты, проблемы будут у всех экономик мира. К сожалению, больше всего это отразится на нашей ещё слабой, сырьереализуемой экономике. Очевидно, что производство, как важнейшая из стадий производственных отношений, в нашей стране требует пристального к себе внимания рачительного хозяина, обновления и модернизации на основе инновационных технологий. И это, в конечном итоге, будет возможно только при условии расчёта на силу внутренних, общенациональных инвестиций.

Теперь немного остановимся на другой стадии производственных отношений – *распределении*. Мы за прошедшие двадцать лет отошли от социалистического принципа распределения материальных благ – всем сестрам – по серьгам. А пришли к чему? В стране достаточно граждан, живущих за чертой бедности. Прогрессивная шкала налогообложения богатых, состоятельных людей законодателем до сих пор не принята, не смотря на законодательные инициативы депутатов оппозиционных фракций Государственной Думы РФ. У нас сегодня несколько миллионов (4,1) являются безработными и обречены на нищенское существование, два миллиона граждан не имеют никакого образования, идёт процесс сокращения педагогических вузов. Учителя школ, не смотря на недавнее повышение уровня их заработной платы, все равно не имеют возможности полностью посвятить себя педагогическому труду в одной школе из-за нехватки денежных средств. В результате ученики не получают полноценное и качественное образование. Одним словом, метастазов в сфере распределения, как, впрочем, и на стадии производства, хватает и нужны системные действия власти по снятию назревших проблем.

Стадия *обмена* в системе производственных отношений также содержит целый ряд изъянов, не преодолев которые трудно будет говорить о преимуществах рыночного, товарного и многоукладного производства. Сегодня никакими объективными экономическими законами – стоимости, товарного производства – обывателю не объяснишь причины столь высоких у нас в стране цен на бензин, дизельное топливо и газ. Ведь этого добра у нас хватает, и даже

обеспечиваем им значительное количество стран современного мира. В США до недавнего времени – февраль 2022 г., цена на бензин была на порядок ниже, чем в России, хотя они постоянно закупают нефть из-за рубежа. Так в чём же дело? В том, что американский президент и его администрация проводят и ранее проводили, начиная со второй половины прошлого столетия, политику *социального патернализма*. Там государство является социальным, служит интересам значительной части американского общества, даже в ущерб национальной резервной системе, мировому финансовому порядку не допускает снижения жизненного уровня своего населения.

Сегодня серьёзно стоит подумать о состоянии таких отечественных рынков, как фондовый, инвестиционный, информационный, средств производства, рабочей силы, услуг и некоторых других. В каждом из этих сегментов имеются свои недостатки, в своей общей совокупности обуславливающие упущения проводимых в стране реформ. Нужно расширить полномочия ФАС (Федеральной антимонопольной службы) РФ в законодательных инструментах по наведению законности и правопорядка, пресечению процесса монопольного взвинчивания цен на перечисленных рынках. Государство могло бы на этом трудном этапе реформирования российского общества создать сеть муниципальных магазинов для наименее социально защищённых слоёв населения, где ими могли бы приобретаться многие жизненно важные продукты первой необходимости по более низким и доступным ценам, финансируя эту программу через федеральный бюджет. Ведь не гоже, когда страна занимает третье место по золотовалютным резервам и параллельно с этим недостаточно полно заботится о собственных гражданах, нуждающихся в поддержке и помощи.

Говоря о *потреблении*, как завершающей стадии производственных отношений, следует различить два вида потребления – производственное и личное. За время проведения у нас в стране реформ по показателям этих видов потребления мы пока не вышли на уровень СССР 1990 г.. Сокращение производственного потребления сырья, энергии связано отнюдь не с массовым внедрением не затратных и энергосберегающих технологий, а сокращением производственного и технологического потенциала страны. Сокра-

тился также индекс личного потребления на душу населения. А потом удивляемся данными статистики относительно снижения населения России за время проведения реформ.

Увеличение производственного и личного потребления подстегнёт развитие рассмотренных стадий производственных отношений, ибо между всеми ними существует тесная диалектическая взаимосвязь. Такой взаимосвязанный, синкретичный и консонансный их анализ является залогом успешности процесса дальнейшего проведения реформ по обновлению, как производительных сил, так и производственных отношений. Такая работа предполагает также учитывать место роль, значение элементов социально-экономического и организационно-экономического уровней производственных отношений. Речь идет об отношениях собственности и процессах организации производства, подборе соответствующей высокоразвитой технологий производства, информационного обеспечения всех изложенных процессов.

За время проведения реформ была принята новая Конституция РФ (декабрь 1993 г.), которая закрепила законодательные гарантии существования частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности. Но наметившийся у нас в стране крен в сторону абсолютизации одной лишь частной формы собственности является неоправданным. Необходим широкий простор для развития государственной, муниципальной партнёрской форм собственности, поскольку полноценная рыночная конкуренция на товарных рынках возможна лишь при условии оптимального, равного соотношения всех хозяйствующих субъектов. Доминирование одного из них приводит к монополизации рынков, неоправданному взвинчиванию цен и получению монопольно высоких прибылей. А это больно ударяет по карману наименее социально-защищённых слоёв населения.

За тридцать лет проведения реформ изменился *образ жизни* россиян. Можно выделить условную иерархию образов жизни людей, вытекающую из их профессиональной и трудовой деятельности. Речь идёт об образе жизни бизнесменов, рабочих, крестьян, безработных, профсоюзных работников, государственных и муниципальных служащих, педагогов, деятелей культуры, медицинских работников, священнослужителей, спортсменов и др.

Начнем с образа жизни *бизнесменов*. Если в 90-х гг. прошлого столетия люди подразумевали под бизнесом только

торговлю и, причём, только учились торговать, сегодня многие из них считают торговлю своей профессией и понятие бизнеса ассоциируется не только с торговлей. Сегодня появился сегмент предпринимателей-производителей, которые через соответствующую дилерскую сеть реализовывают промышленную и сельскохозяйственную продукцию. Многие из них используют знания по маркетингу и менеджменту для оптимизации результатов своей профессиональной деятельности. Созданы десятки и сотни тысяч частных компаний-производителей промышленной и сельскохозяйственной продукции. Некоторые позиции выпускаемых ими товаров выдерживают конкуренцию на мировых промышленных и сельскохозяйственных рынках. Правда, это только единичные случаи. Но оптимизм прибавляет то обстоятельство, выражаясь словами бывшего канцлера – объединителя Германии О.Ф. Бисмарка, что «россияне медленно запрягают, но очень быстро ездят». Формируется образ жизни миллиардеров россиян, занимающихся благотворительной деятельностью и меценатством. Но хотелось, чтобы это практиковалось всеми из них. В то же самое время к негативному образу жизни бизнесменов, уклоняющихся от уплаты налогов, уводящих свои капиталы в оффшорные зоны, общество относится с недоверием, презрением и осуждающе. Всё это неполные реалии современной российской жизни.

Можно выделить специфические черты *образа жизни* современных *рабочих*. Они, прежде всего, проистекают из их трудовой деятельности. Многие из них идентичны с образом жизни рабочего советского времени. Но есть и своя специфика, детерминированная новыми общественными отношениями. Если советский рабочий находился на повременной форме оплаты труда, то он, в целом ряде случаев, не работая, мог рассчитывать на получение в конце месяца установленной заработной платы. Это же правило в той или иной форме, с небольшими, правда, нюансами работало в случаях сдельной формы оплаты труда. Но сегодняшний рабочий находится в системе жесткой конкуренции со стороны себе подобных. Не выполнит он работу в полном объёме, качественно и в срок, так его тут же могут уволить. Сегодня дефицита рабочих рук у нас в обществе нет. Примут другого, но отвечающего требованиям работодателя.

Но статус рабочего в обществе советского времени был на достаточно высоком уровне. Его уважали, выдвигали на разные руководящие должности, государство заботилось о

его социальном положении и семейном обустройстве. Ныне об этом не скажешь. Рабочий сегодня – одна из низших, не особо почётных и уважаемых профессий. Им становятся уже не по призванию, а в силу социальной безысходности. Посobie по безработице, выплачиваемое органами социальной защиты населения, составляет мизер. И то выплачивают в течение 6 месяцев, а затем снова нужно, пройдя мытарства в разных инстанциях, оформлять кучу документов для возобновления выплат. Одним словом, в сегодняшней России необходимо возродить высокий статус рабочего человека, снова возвести его на высокий пьедестал почёта. В этом отношении важно соблюсти преемственность с прежней эпохой.

Современный *образ жизни крестьян* имеет дихотомичный, амбивалентный портрет, а именно: образ жизни крестьянина-фермера и образ жизни людей, ведущих сельскохозяйственное производство, опираясь на собственный труд. Крестьяне, ведущие фермерские хозяйства в нашей стране имеют перспективу развития, являются исходными ячейками сельского производства и в случае достаточной государственной поддержки в направлении закупки машин, оборудования, семенного фонда могут стать мощными центрами аграрного развития страны и экономическим фундаментом нарождающегося гражданского общества и правового государства. Но в то же самое время, необходимо поддерживать также оставшиеся на плаву рыночной стихии колхозы, людей, ведущих индивидуальную хозяйственную деятельность. Многообразие форм собственности в сельском хозяйстве, на селе также является внутренним движущим в прогрессивном направлении эту отрасль элементом, залогом предотвращения монополистических тенденций на сельскохозяйственных рынках. Необходимо выделять финансовые средства на изменение культурного облика современного российского села, деревни. Возродить новые школы, дома культуры, центры отдыха и развлечений, музеи, медицинские пункты, проложить современные асфальтированные дороги и т.д. Не проделав такую работу, мы обречены на продолжающийся с 90-х годов по настоящее время отток сельского населения, особенно молодёжи в города. А это станет одной из важных причин, тормозящих развитие в нашей стране сельскохозяйственного производства.

Как было отмечено ранее, у нас в стране насчитывается более четырех миллионов *безработных*, потенциальных

правонарушителей. Не говорить об их *образе жизни*, сделало бы наше исследование неполным и несистемным. Унылость и убогость – вот основные черты образа жизни безработного. Ведь нет работы, значит, нет достатка и обеспеченности в семье и, как результат – отсутствие гармонии в межличностных отношениях между родителями и детьми, частые конфликты, порождаемые недостатком финансовых средств. Всё это крайне неблагоприятно отражается на общественное и индивидуальное сознание безработных, членов их семей. Дети из таких семей начинают вести асоциальный, неправовой, безнравственный образ жизни. Для преодоления этих негативных тенденций государственные органы и органы местного самоуправления обязаны создавать новые промышленные и сельскохозяйственные производства, рабочие места. Таким путём уменьшить число безработных в стране, улучшить образ жизни безработных граждан и членов их семей.

Можно выделить *образ жизни профсоюзных работников*. В том числе от их профессиональной и компетентной защиты трудовых прав граждан зависит в известной мере величина безработных граждан в стране. Они не должны быть подчинёнными работодателями, а призваны совершенно самостоятельно отстаивать права и интересы работников. Подлинно независимые профсоюзные органы в нашей стране только формируются. Необходима кропотливая работа в направлении защиты профсоюзных работников от нажима со стороны работодателей, работников органов государственной власти и местного самоуправления.

Нельзя не говорить об *образе жизни государственных служащих*. К ним, помимо прочих, относят *работников правоохранительных и правоприменительных органов, государственной власти и управления, военных, служащих органов местного самоуправления*. По сути, их образ жизни остался таким же, как и в советские времена. И тогда им в обязанности вменялась правоохранительная и правоприменительная деятельность, защиту отечества, умелое государственное и местное управление, и сегодня опять-таки они обязаны этим заниматься. Правда, в советское время верили человеку в погонах, доверяли ему и поддерживали его. Отсюда и объём работы в то время был по сравнению с нынешними временами не столь велик. А что же происходит сегодня? Полицейским, прокурорским, судейским и иным работникам приходится работать в несколько раз больше, чем в

советское время, в несколько раз более сложных, опасных и криминогенных условиях. Вроде бы людям, работающим два раза больше в неимоверно трудных условиях, общество должно относиться еще с большим благоговением, уважением и почитанием. Но такой радужной картины сегодня нет. Что же происходит с нашим обществом? Почему произошли такие резкие перекосы в массовом общественном сознании? И нужно ли с этим смириться? Общество – это думающий и мыслящий организм, который вряд ли ошибётся в своих оценках любой социальной общности людей. Но огульно критиковать всех работников правоохранительной и правоприменительной системы, каждодневно рискующих своей жизнью является кощунством и непростительной ошибкой. Да, единицы из их числа могут являться преступниками, но по этому мотиву формировать единый тёмный образ работников правоохранительной и правоприменительной системы нельзя. Общество при таком исходе дела рискует оставить себя без государственной защиты от разгула преступных и антиобщественных элементов. Необходимо формировать и воспитывать в обществе добрый и светлый образ работников правоохранительной и правоприменительной системы. Социально, материально поддерживать их, создавать их семьям условия для полноценной жизни и деятельности.

Каков же сегодняшний *образ жизни военного человека*? Согласимся с тем, что он ничуть не лучше, чем в советское время. За время реформ, особенно в первом этапе, военного человека государство просто забыло. В эйфории улучшения отношений с западным миром, мы впали в непростительную забывчивость. Перестали финансировать в должной мере армию и военно-морской флот. Образ военного человека стал ассоциироваться в обществе с образом излишней обузы на шею государства. Начали сокращать армию и флот, снимать с боевого дежурства межконтинентальные баллистические ракеты, увольнять офицеров. Всё это не самым лучшим образом отразилось на боеготовности, и в массовом общественном сознании умалялась ценность и значимость светлого образа военного человека. Правда, с приходом к власти В.В. Путина государство повернулось лицом к армии и флоту. Военно-патриотическое воспитание подрастающего поколения вновь стало сегодня актуальным. Нарастающие глобальные угрозы в мире, борьба за источники энергоносителей обяжут нашу страну повысить престиж, уважение и значимость военного человека. Вновь использовать

рычаги осветления образа военного человека, защитника отечества. Оправданно с каждым годом существенно повышается уровень заработной платы военнослужащих. Каждый увольняемый со службы получает собственную квартиру. Участникам военной операции на Украине также выплачиваются достаточно высокие денежные суммы, соответствующие характеру выполняемой ими работы, тому риску, которому они подвергаются, а также весомой значимости той работы, которую они выполняют по приказу верховного главнокомандующего страны. И это является правильным путём. Забота государства о военном человеке улучшает его жизненные условия, условия его семьи, что неизбежно позитивным образом сказывается на их образе жизни.

За прошедший период реформирования российского общества изменился *образ жизни работников органов государственной власти, местного самоуправления*. Теперь они обязаны выполнять не директивы КПСС, а требования закона о государственной гражданской и муниципальной службе, а также иных законов. Ими многое делается для служения обществу и государству. Однако в своё время страницы известных на всю страну газет пестрили публикациями о задержаниях правоохранительными органами государственных и муниципальных служащих при получении ими взяток. Такие факты набрасывают тень на достойный образ жизни государственных служащих и служащих органов местного самоуправления. Население перестаёт из-за таких случаев доверять остальным честным работникам, видят в каждом из них мздоимца и взяточника. Всё это не самым лучшим образом отражается на легитимности действий власти, подрывает её авторитет и значимость в глазах населения, снижает эффективность выполняемой ею работы, порождает в массовом общественном сознании правовой нигилизм, а также приводит к анонии действующего в стране права. Такие процессы должны быть преодолены проведением совершенно сознательной государственной политики по искоренению из рядов государевых служащих нечистоплотных на руку людей, позорящих свою честь и мундир, а за одно – престиж государственной власти.

Говоря об *образе жизни педагогов*, важно отметить, что он в начальный период проведения реформизменился в худшую сторону, по той лишь причине, что государство отошло от лозунга советского периода времени, что педагог должен быть поднят на такую высоту, на которой он ранее

никогда не находился. Мы ранее говорили о низком уровне их заработной платы. Но реформирование средней и высшей школы без учёта позитива прошлого только способствует деградации системы образования. Такая модная ныне (в дань западной традиции образования) форма контроля педагогов за наличием или отсутствием знаний школьников и студентов, как тестирование, отучивает их от полноценной мыслительной деятельности, не способствует развитию памяти, коммуникативных способностей перед одноклассниками, студентами и педагогами. Резкое сокращение обязательных предметов по ФГОС (3+) поколения не просто перечёркивает многие отрасли гуманитарного знания, а делает педагогов по этим специальностям ненужными обществу и государству. Таким образом, следует ожидать резкий отход отечественной системы образования от процесса гуманизации и гуманитаризации, снижения образовательного потенциала школьников и студентов, а впоследствии – и самих будущих педагогов. Все эти негативные тенденции не могут быть преодолены без учёта прошлого исторического опыта развития отечественного образования и науки, без резкого увеличения объёма финансирования школ, вузов и учреждений РАН. Страна, которая не заботится о собственных педагогах, школьниках и студентах сама себя обрекает на бездуховность, необразованность и бессловестность. На снижение уровня общей, правовой и политической культуры, а стало быть на низкий уровень правового и политического сознания. Для недопущения подобного сценария развития современному российскому обществу и государству крайне важно работать в направлении коренного улучшения образа жизни учителей школ, преподавателей высших учебных заведений и учёных.

Мы не должны забыть и про *образ жизни деятелей культуры* и искусства, включая работников театров, библиотек, музеев, домов культур и др. в плане улучшения условий их жизни и быта. Они, также, как и педагоги, получают не очень высокую заработную плату. Многие учреждения, в которых они работают, не ремонтировались ещё с 80-х гг. прошлого столетия. Финансируются государством по остаточному принципу. Можно ли при таких условиях жизни с полноценной отдачей трудиться? Конечно же, нет! А ведь материальные условия жизнедеятельности людей, в конечном счёте – определяют их образ жизни. В связи со сказанным представляется, что нужен срочный и постоянный государственный

патронаж за обеспечением достаточного государственного финансирования жизни и деятельности всех работников учреждений культуры. Ведь без их полноценного и результативного труда в обществе вряд ли обеспечишь высокую духовность, без которой не возможны полноценное обновление и модернизация общества и государства.

Жизнеспособность современного российского государства, постоянное поддержание здоровья населения на должном уровне во многом предопределяется уровнем и качеством *образа жизни медицинских работников*. Они в плане получения от государства материальных благ находятся не в лучшем положении в сравнении с благополучием педагогов, учёных и деятелей культуры. Некоторые медицинские работники, занимаются получением дополнительного вознаграждения от пациентов *вынужденно*, также, как и некоторые педагоги из-за низкого уровня их заработной платы. Хорошая результативность в работе отмечается у пожилых врачей, получивших образование ещё в советское время. В то же самое время, молодые специалисты доктора не имеют глубокой и всесторонней профессиональной подготовки. Из-за их халатности и некомпетентности имеются случаи гибели некоторых больных. Правда, ложно понимаемая корпоративная медицинская этика не позволяет все эти факты предавать гласности. Но, тем не менее, это правда и общество волнует такие негативные случаи, а государство должно стремиться выправить эту ситуацию в лучшую сторону.

Отдельно следует подчеркнуть неутомимость, результативность и значимость труда медицинских работников, который они вложили в период борьбы с короновирусной инфекцией. Многие медики, ценой собственной жизни, ради спасения жизни пациентов, подвергали свою жизнь угрозе смерти, работая в красных, особо опасных зонах. И всё сказанное — лишь некоторые контуры образа жизни современных российских медиков. Улучшение образа их жизни является вопросом поддержания общенационального здоровья населения, её роста и воспроизводства, что в конечном итоге предопределяет участь экономического, политического, идеологического, правового и духовно-нравственного обновления современно-го российского общества, короче говоря — судьбу страны.

По сравнению с советским периодом развития *образ жизни священнослужителей* изменился в лучшую сторону в плане осуществления ими своего духовного призвания. Сегодня

достоверно глубоко известны гонители и хулители религиозных деятелей в советскую эпоху. Их образу жизни можно было не позавидовать. Гонения, муки, истязания, запреты, высылки, эмиграция – все это тот неполный перечень характеристик их образа жизни, обеспеченного государством в советскую эпоху. Сегодня со всем этим практически покончено. С момента начала реформ государство последовательно шло по пути гарантированного обеспечения свободы совести и вероисповедания. Открывались и до сих пор открываются церкви, храмы, мечети, доцаны, религиозно-приходские школы, религиозные, духовные университеты. Государство гарантирует признание дипломов, выдаваемых религиозными высшими учебными заведениями также, как и документы, выдаваемыми светскими вузами. Но вместе с тем, крайне опасным для всех элементов общественного бытия и общественного сознания является религиозно-политический экстремизм. Использование всякими проходимцами гуманистической сути ислама, христианства во имя разжигания братоубийственной войны, межэтнической, межнациональной и межрелигиозной розни. Государство пресекает такие действия и должно действовать в этом направлении. Отрадно, что идеологическими течениями в рамках официально признанных религий современной России борются, не только применяя карательную силу государства, но и авторитет, влияние самих религиозных деятелей, прихожан и мирян. Государство всемерно должно поддерживать религиозных деятелей традиционных конфессий, способствовать улучшению их образа жизни. Ибо они своей духовной деятельностью привносят в сердца и разум миллионов верующих россиян идеи гуманизма, добра, правды и нравственности. Способствуют формированию нравственного и правового самосознания личности. Перечисленные патерналистские действия государства духовно обогащают современное российское общество, делают его толерантным и гармоничным.

Говоря об *образе жизни спортсменов*, следует отметить, что в советское время государство поддерживало спорт, поскольку это был поистине вопрос национального престижа страны. Правда, сами спортсмены в то время не получали денежного вознаграждения в тех объемах, которые они получают сегодня. Этим немаловажным фактором во многом обуславливалось и детерминируется содержание образа жизни спортсменов обоих исторических эпох.

Следует также отметить, что государство на вышеотмеченном втором этапе реформирования российского общества стало больше уделять внимание поддержке отечественного спорта и спортсменов, понимая, что полноценный образ жизни спортсмена, также, как и всех перечисленные разновидности образов жизни других страт общества, во многом детерминированы должной заботой и вниманием государства, его помощью и поддержкой. Результаты этой помощи государства и усилий спортсменов были очевидны на студенческой универсиаде 2013 г. в Казани, зимних олимпийских играх 2014 г. в Сочи, чемпионате мира по футболу 2018 г. в Санкт-Петербурге и на других текущих спортивных мероприятиях. Правда, сегодня мировая спортивная элита, спортивные организации прессуют наших спортсменов, мешают им выступать на международных соревнованиях, а наших паралимпийцев в 2022 г. в Китае вообще незаконно отстранили от соревнований.

Среди элементов общественного бытия, подвергшегося существенной трансформации за прошедшие тридцать реформ, находится *семья*. Мы немного ранее говорили о семейных проблемах современной России в связи с рассмотрением особенностей образа жизни безработных. Но есть что сказать и здесь. На первом этапе реформ государство из-за своей экономической немощности не могло финансово поддерживать институт семьи, с задержками платились мизерные ежемесячные пособия на детей, значительно сократилось из-за репрофилирования и приватизации количество детских дошкольных образовательных учреждений. На сегодняшний день в нашей стране насчитывается более 500 тыс. детей, оставшихся без попечения родителей, значительная часть из них числится на учёте в комиссиях по делам несовершеннолетних из-за совершения противоправных деяний. Растёт подростковая преступность, наркомания захлестнула определённую часть нашей молодёжи, некоторые из них систематически употребляют спиртные напитки и занимаются табакокурением.

Однако, на втором этапе реформ государство повернулось лицом к семье, к её проблемам. Принята и реализуется государственная программа «материнский капитал». Многодетным семьям решено бесплатно выделить земельные участки для индивидуального жилищного строительства. Им же банковскими учреждениями выдаются льготные кредиты на возведение и покупку собственного жилья. Существенно,

по сравнению с прошлым, повышена величина пособия по случаю рождения детей. До достижения возраста 16 лет выплачиваются соответствующие пособия. Усложнены правовые процедуры усыновления (удочерения) российских детей иностранными гражданами.

Для преодоления ранее изложенных семейных проблем, необходим целый ряд действий, а именно:

а) средние и высшие учебные заведения страны должны в полном объеме реализовать тот перечень мероприятий, изложенный в Основах государственной политики РФ по повышению уровня правосознания и правовой культуры граждан, утвержденный Указом Президента России в апреле 2011 г.[1];

б) действия родителей, школьных и вузовских педагогов по воспитанию и образованию несовершеннолетних граждан должны предприниматься синкретично и консонансно. Причём степень и интенсивность их взаимодействия должна быть усилена до тех пор, пока проблема подростковой преступности не будет окончательно разрешена. В этом деле помощь также могли бы оказать профильные подразделения органов МВД, а также органы опеки и попечительства при местных самоуправлениях;

в) государство должно усилить социальную политику в направлении поддержки малообеспеченных и многодетных семей[2] по той простой причине, что значительное количество общественно-опасных деяний, совершаемых подростками, имеют в своей основе корыстный мотив и квалифицируются правоохранительными органами как кража. Крадут-то ведь не из-за наличия роскошной, обеспеченной и самодостаточной жизни, а из-за нужды, недостаточной обеспеченности, а порой полуголодного и нищенского существования. Подростки курят табак, пьют спиртные напитки, потребляют наркотические средства также не из-за хорошей жизни, а во многих случаях – из-за безвыходного социального положения.

Мы в этой публикации попытались отследить динамику элементов общественного бытия за прошедший двадцать лет реформирования российского общества и государства. При проведении такого анализа стало очевидно следующее:

- процесс совершенствования элементов общественного бытия диалектично взаимосвязан с процессом обновления элементов общественного сознания. Как общественное бытие людей определяет их общественное сознание, так же и само общественное сознание предопределяет судьбу первого;

- динамика развития элементов общественного бытия за прошедшие 30 лет реформирования российского общества и государства предопределена динамикой развития уровней, форм и видов общественного сознания и, наоборот, развитие общественного сознания предопределено общественным бытием. В этом диалектика бытия и сознания, материального и идеального, объективного и субъективного;

- наиболее динамично и результативно способ производства материальных благ нашего государства развивался, начиная со второго этапа его реформирования, с приходом к власти В.В. Путина;

- дальнейшее обновление экономики страны будет ещё более эффективным при учёте политиками в своей профессиональной и повседневной деятельности объективных экономических законов – соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил, стоимости и некоторых других. Расширением полномочий ФАС РФ в плане пресечения монополистической деятельности хозяйствующих субъектов на товарных рынках;

- модернизация хозяйственного механизма нашей страны в своей основе должна опираться, прежде всего, на потенциал внутренних инвестиций, направляемых на инновации. Их необходимо вкладывать в качественное обновление и совершенствование как промышленного, так и сельскохозяйственного потенциала страны, коренное изменение облика российских сёл и деревень, улучшение их культурного облика, социальной поддержки селян для предотвращения процессов их массовой миграции в города;

- процесс формирования современного, цивилизованного образа жизни различных категорий населения детерминирован успешностью и результативностью проводимой экономической политики по модернизации как промышленного, так и сельскохозяйственного потенциала страны. В свою очередь коренное изменение образа жизни людей в позитивном направлении является одним из важных предпосылок успешного строительства у нас в стране правового и демократического государства с адекватным гражданским обществом;

- основой такого развитого государства и цивилизованного общества является семья. Экономическое обновление страны, являясь катализатором сущностного изменения образа жизни людей, в конечном итоге является гарантом сня-

тия семейных проблем. Такое их диалектическое рассмотрение является методологией этого исследования, могло бы стать и практическим руководством для совершенно сознательных действий руководителей разных уровней по снятию проблем в рассмотренных элементах общественного бытия.

Литература:

1. Основы государственной политики Российской Федерации по повышению уровня правосознания и правовой культуры граждан // Российская газета, 2011, 14 июля.

2. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 21.04.2021 // Интернет ресурс: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_382666/; время обращения: 15 апреля 2022 года.

KAZIEV N.E.

***candidate of philosophical Sciences, Professor,
chief researcher RTSEI DFEC wounds.***

GASANOV N.N.

candidate of philosophical Sciences, Professor

MAGARRAMOV M.D.

***doctor of philosophical Sciences, Professor, leading
researcher of the Regional centre for ethno-political
studies (RTSEI) Dagestan Federal research center (DPIC) of
the Russian Academy of Sciences (RAS)***

Some aspects of the social life of the people of post-Soviet Russia

Using the principle of historicism and dialectical methodology, a socio-philosophical analysis of the state of the elements of social existence of modern Russian society is carried out. The advantages and disadvantages of this process are revealed. Generalizing conclusions and proposals are proposed, the use of which by the relevant competent subjects in their practical activities will change the content of all elements of social existence, including the lifestyle of modern Russians, into a more perfect state.

Keywords: elements of social life in post-Soviet Russia, changes in the economic mechanism, lifestyle of people, family as a social institution, social well-being of the family, etc.

Literature:

1. Fundamentals of the state policy of the Russian Federation on raising the level of legal consciousness and legal culture of citizens // Rossiyskaya Gazeta, 2011, July 14.

2. Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of 21.04.2021 // Internet resource: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_382666/; retrieved April 15, 2022.

САИДОВ Ахмед Аминович
*кандидат политических наук, доцент, кафедры
философии и социально-политических наук ДГУ*
E-mail: aaahma@mail.ru

Социальное неравенство в российском обществе: причины и последствия

Статья посвящена исследованию причин и последствий растущего социального неравенства, являющегося ключевым понятием, раскрывающим характер социально-экономических отношений общества. Актуальность исследуемых проблем обусловлена тем, что требования к государству, российских граждан, повысить эффективность в решении их социальных неурядиц значительно выросли, массовой бедности нет никакого оправдания. Показано что взаимосвязь олигархических кругов с руководством страны привела к игнорированию курса на развитие реального, несырьевого сектора экономики. Основное внимание уделено анализу, тесно между собой связанных, социально-экономических и политических оснований растущего социального неравенства. Делается вывод о том, что его бесконтрольное развитие ведёт к социальной напряжённости и конфликтам, угрожает национальной безопасности.

Ключевые слова: социальное неравенство, бедность, децильный коэффициент, олигархический капитализм, работающие бедные, модель развития.

Причины и основные признаки растущего социального неравенства СССР развалили руководители, служившие интересам иностранных государств, так оценил данное событие Президент РФ В.В. Путин 23 декабря 2021 г. на своей ежегодной пресс-конференции. Социалистическое государство считало социальную политику важнейшим направлением своей деятельности и жёстко контролировало негативные проявления социального неравенства, которое в основном проявлялось в конвенциональных формах, общепризнанных заслугах человека, престиже профессии, а не в различии уровня доходов и материального благосостояния. Децильный

коэффициент в СССР колебался от 3 до 5. Главной характеристикой этой политики был патернализм, благодаря которому практически отсутствовали безработица, беспризорность, бродяжничество и т.д., были бесплатными и доступными образование, медицинское обслуживание, курортный отдых советских граждан и т.д. Социальную защиту и стабильность чувствовала каждая советская семья, в обществе доминировал социальный оптимизм.

Главными действующими лицами процесса развала этой великой страны, как известно, были М.С. Горбачёв и Б.Н. Ельцин. Произошёл искусственно спровоцированный распад развивавшейся много веков, евразийской по своей культурно-цивилизационной сущности страны, обладавшей огромным потенциалом созидательного развития и не только по пути марксизма-ленинизма. Подтверждением сказанному служит тот факт, что после развала единого социально-экономического, культурно-цивилизационного организма каким был СССР, на постсоветском пространстве, включая РФ, сформировались малоэффективные, стремящиеся не к созиданию, а наращиванию сырьевого экспорта, модели экономического развития. Постсоветские государства, в которых все последние десятилетия наблюдался рост социального неравенства, оказались в финансово-экономической и технологической зависимости от Запада, нацеленными на продажу зарубежным корпорациям своих важнейших активов в виде земельных ресурсов, крупных инфраструктурных объектов, имеющих полезные ископаемые и т.д.

Будучи искусственно созданной конструкцией, навязанной Б. Ельцину «консультантами» из США как единственно возможный вариант, современная модель экономического развития РФ представляет собой антинародный сценарий олигархического капитализма. Прикрываясь мошеннической приватизацией, народное хозяйство огромной страны, создававшееся несколькими поколениями советских людей, вместе с природными ресурсами было передано в управление узкой группе лиц, приближённых к так называемой «семье». Работавший в то время вице-премьером М. Полторанин отмечал, что главе государства была предложена олигархическая модель. «И он принял её, согласился на передачу природных богатств кучке нуворишей» [17, с. 13]. Происходили эти процессы без учёта реальной социально-экономической, общественно-политической ситуации в стране, без научного обсуждения оптимальной стратегической модели развития страны.

В совокупности, все эти факторы привели к формированию в нашей стране худшего вида олигархического капитализма, не ориентированного на нужды общества.

Социально-экономические основания, причины и последствия растущего социального неравенства уже угрожающего национальной безопасности РФ, по нашему мнению, исходят из природы российского олигархического капитализма. Он представляет собой социально-экономическую модель состояния общества и государства, основанную на тотальном контроле всех ресурсов общества узкой группой сверхбогатых кругов, пользующихся поддержкой правительства. Российские олигархи опираются на чудовищную по меркам цивилизованных стран, но «узаконенную» эксплуатацию лиц наёмного труда. Происходит несправедливое присвоение практически всех результатов труда россиян. Из-за жадности российских бизнесменов, не останавливающихся ни перед чем ради увеличения своей прибыли (загрязнение рек, разливы нефтепродуктов, взрывы на шахтах и т.д. подтверждают это), большинство работающих имеют низкие заработки, а работающие бедные уже стал чисто российским феноменом. Объясняя очередное резкое повышение цен весной 2021 г. на социально значимые продовольственные товары премьер-министр М. Мишустин, в своём выступлении двенадцатого мая 2021 г. перед депутатами Госдумы, отметил, что причиной является жадность производителей и торговых сетей [11].

Следующими важнейшими, определяющими систему социально-экономических отношений, причинами, способствующими росту социального неравенства, в нашем обществе являются: сращивание финансово-промышленной олигархии с государством, вывоз капиталов из страны, внушительные размеры теневой экономики, отстранение широких слоёв населения, институтов гражданского общества от участия, как в экономической, так и в политической жизни общества, превышение децильного коэффициента всех мыслимых пределов, отсутствие при этом прогрессивного налогообложения на сверхдоходы и т.д. Самым главным в поведении российской олигархии стало получение сверхприбыли, в максимально кратчайшие сроки, во всех сферах жизнедеятельности, разрушая при этом экологию, подвергая опасности жизни работников, лоббируя свои интересы через подкуп государственных чиновников и т.д., не останавливаясь даже перед нанесением ущерба национальной безопасности государства. По данным доклада Global Wealth Report, опубликованного в 2012 г. на

долю 1% самых богатых россиян приходилось 71% всех личных активов, что в 2 раза больше чем в США. Функционирующие финансовые, социально-экономические механизмы российской модели олигархического капитализма, наживающегося в основном за счёт продажи за границу полезных ископаемых, привели к отсутствию политической воли у руководства страны, нацеленного на развитие реального сектора экономики, значимых отраслей машиностроения, станкостроения, лёгкой промышленности, повышения инвестиционной активности внутри страны и т.д.

Ещё одним элементом в системе причин растущего социального неравенства является позиция Центробанка России, который не создаёт системы кредитования адекватного нуждам реального сектора экономики. Перечень причин можно продолжить отсутствием контроля над финансовыми трансграничными перемещениями капиталов, а также отсутствием специального государственного органа для возвращения из-за границы (из оффшоров) активов приобретённых, в первую очередь, преступным путём и т.д.

Критически оценивает результаты социально-экономического развития РФ за последние двадцать лет известный экономист член-корреспондент РАН Р. Хасбулатов, который характеризует эти годы как «полный провал всей экономической политики государства при благоприятных условиях для развития: послушное население, переполненная деньгами казна, грамотные специалисты, неисчерпаемые природные ресурсы и т.д.» [14]. Но при этом важно отметить, что благодаря новой социально-экономической политике В. Путина удалось остановить процессы потери экономического и политического суверенитета, разрушения российской государственности, сепаратизма и распада страны. Выстроенная им новая государственная система в виде вертикали власти, позволила вернуть стране управляемость, государству конституционные полномочия по обеспечению единства страны и т.д.

В то же время, наряду с позитивными, судьбоносными для российского государства свершениями приходится констатировать, что новой политике недоставало и недостаёт чёткого стратегического социально-политического курса, базирующегося на защите интересов большинства российских граждан, минимизации последствий растущего социального неравенства. Многочисленные вмешательства Президента РФ в социальную политику правительства, его собственные указы, направленные на поддержание уровня жизни населения,

решение демографических проблем в условиях кризисных явлений в экономике и пандемии, осуществление различного рода выплат, компенсаций, детских пособий материнского капитала и т.д., конечно помогают выживать многим российским семьям. По данным Росстата денежные доходы населения ежегодно увеличиваются. Однако, всё время ускоряющаяся инфляция, замораживание зарплат, сокращения штатов, безработица приводят к тому, что реальные доходы населения снижаются, что отрицательно сказывается на фактическом потреблении домашних хозяйств. По данным Росстата инфляция в 2021 г. оказалась самой высокой с 2015 г. и составила 8,4% (хотя многие, в том числе автор статьи, считает эту цифру заниженной). Если в других странах расходы семей на питание составляют менее 30% доходов семьи, то в РФ в среднем по стране, составляют около 50%, а в бедных семьях эта цифра доходит до 70% и выше. Анализируя данные процессы И. Герсонская констатирует, что «...перечень государственных пособий, выплат не маленький, однако их фактический размер незначителен и не удовлетворяет потребности большинства российских семей с детьми» [4, с. 9].

Следующая важная причина растущего социального неравенства, соответственно падения доверия граждан к властям связана с тем, что они в основном стремятся выражать свои корпоративные интересы, не считаясь с гражданскими инициативами, общественным мнением, оппозицией. По данным опросов Центра независимой общественной экспертизы АКЦИО, проводившихся во всех федеральных округах летом 2019 г. лишь 5% россиян хоть в какой-то степени положительно отнеслись к пенсионной реформе. «Становится всё более очевидным, что подлинный мотив этой реформы заключается в том, чтобы возложить основные издержки от нынешней малоэффективной модели экономического развития России, являющейся преимущественно сырьевой и саморедкой, на население страны, прежде всего людей предпенсионного возраста» [16, с. 54-55]. Отсутствие в нашем обществе динамично развивающихся, эффективно борющихся за права граждан, институтов гражданского общества, позволяет правительству, на протяжении многих лет, проводить несправедливую социально-экономическую политику, ведущую к росту социального неравенства. Закономерным результатом этих процессов является отсутствие демократической партийно-политической системы, независимых СМИ и т.д. Сформировавшаяся в постсоветские десятилетия модель социально-

экономического развития РФ, в виде олигархического капитализма, система власти и управления, только усугубляет процессы социального расслоения и неравенства, сея напряжённость и вражду между россиянами. «Приватизация позволила повысить уровень олигархизации и коррупции. Государство в лице олигархической бюрократии не стремится к диалогу с гражданским обществом» [12, с. 233-235].

Анализируя современную социально-экономическую модель развития РФ и причины растущего социального неравенства, М.Я. Яхьяев, А.Ф. Поломошнов, Л.В. Мельникова, А.И. Бардаков, П.А. Поломошнов в фундаментальной научной монографии «Современная Россия. Социально-философский анализ» устаиваю, что проводимая внутренняя политика государства привела страну к системному кризису. Эти авторы выводят необходимость коренной перестройки политического курса российского государства, которая должна происходить в форме мирной консолидации власти, народа и оппозиции, и главное, на основе научно-экспертного подхода. Для вывода России из системного кризиса значимо независимые эксперты при самом широком участии институтов гражданского общества должны разработать специальную Программу вывода страны из кризиса. Важной частью такой Программы должен стать научный анализ реального положения дел, причин плачевного социально-экономического положения страны. Сегодня при толковании причин, приведших к такому негативному состоянию российское общество, по мнению этих учёных, среди исследователей наблюдаются принципиальные расхождения. «Выбор модели развития страны, – считают они, – должен сделать народ и реализовать её может только народ. Она должна адекватно выражать интересы народа и России. Модель должна быть спасительным выходом для страны из современной критической ситуации» [18, с. 448].

Дальнейший поиск причин отсутствия в нашей стране эффективных механизмов борьбы граждан за свои права и интересы привёл к поиску в социальной структуре российского общества среднего класса, представляющего собой гаранта социальной стабильности и демократической социальной политики государства. В отличие от развитых демократических стран в России он очень слабо представлен, поскольку по общепринятым, международно-признанным критериям «Credit Suisse относит к среднему классу граждан со сбережениями не меньше двух среднегодовых доходов. При таком подходе в России всего 4% или 6 млн граждан составляют средний

класс» [12, с. 233-235]. Судя по всему, средний класс в нашей стране в постсоветские десятилетия так и не сформировался, и этим, во многом, можно объяснить пассивную борьбу россиян за свои экономические, политические права и интересы, их нежелание, в должной мере, защищать своё благополучие, объединять усилия, создавать организации.

Наше исследование показывает, что важной причиной сложившегося состояния дел является недобросовестное взаимодействие высшего руководства, крупных чиновников и крупного бизнеса. Эти категории населения относятся к малочисленным, но высшим по доходам, стратам. На крупный бизнес, по воле государства захватившего почти все ликвидные ресурсы страны, общество возлагает социально ответственные функции, как перед населением, так и перед государством. По нашему мнению, в современных российских условиях, в его обязанности входит быть экономически эффективным и социально ответственным, создавать приемлемые условия жизни для всех граждан. Выплачивать работникам достойную заработную плату, добросовестно отчислять налоговые платежи государству, помогая ему в осуществлении социальной политики. Характер взаимоотношений крупного бизнеса и государства в развитых демократических и многих развивающихся странах, методы осуществления социально значимых функций давно стали предметом открытого всестороннего анализа учёных, общественно-политических деятелей, экспертов, журналистов. «Однако в России действия многих представителей крупного бизнеса остаются «за кадром» публичности, хотя нередко они противоречат интересам государства и игнорируют интересы наёмных работников, создающих их доходы. Такие действия не выдерживают сравнения с социально-ответственным поведением бизнесменов в развитых (западных) и быстро развивающихся восточных странах (Китай и др.)» [10, с. 22].

Перечисленные и многие другие причины вызывающие рост социального неравенства, усиливают социальную напряжённость, приводят к конфликтам во взаимоотношениях между олигархическими кругами и беднеющим населением. Социальное неравенство одно из ключевых понятий, используемых при анализе характера социально-экономических отношений в обществе, выявлении причин социальной напряжённости и конфликтов, форма дифференциации доходов, статусов, ролей индивидов, социальных групп, классов, наций

и т.д. Оно приводит к тому, что социальные общности распределяются по разным ступеням социальной иерархии, поэтому обладают неравными жизненными шансами и возможностями удовлетворения потребностей и защиты своих социальных интересов. В самом общем виде социальное неравенство означает, что люди, страты, общности живут в условиях, при которых они имеют неравный доступ к ограниченным материальным и духовным ресурсам общества, в котором живут. Соответственно, бесконтрольное развитие социального неравенства ведёт к социальной напряжённости и экономическим кризисам. Социальное неравенство объективно присуще любому обществу, полностью преодолеть его невозможно и не нужно, поскольку неравенство в разумных пределах способствует всестороннему развитию общества. Однако, когда эти пределы безмерно нарушаются, избыточное неравенство ведёт к снижению производительности труда, ухудшению здоровья населения, сокращению рождаемости, повышению смертности, торможению процессов социально-экономического развития и т.д. В соответствии с современными исследованиями нормальным считается неравенство, при котором отношение доходов 10% наиболее богатых к доходам 10% наиболее бедных не превышает 6-8 раз, а при более высоких значениях этого показателя (децильного коэффициента) социальное неравенство считается чрезмерным, разрушительным, вызывающим социальную напряжённость в обществе и конфликты. По данным современных исследований в РФ децильный коэффициент раскрывает критическое состояние расслоения общества и составляет около 25. «Это сближает нашу страну со странами с отсталой экономикой и не справедливой социальной структурой» [1, с. 52].

Анализ причин растущего социального неравенства показывает, что они вытекают из природы российской модели социально-экономического развития, носят системный долговременный характер. Экономика России, принявшая форму сырьевого олигархического капитализма, стремящегося любой ценой и в кратчайшие сроки получить сверхприбыль, не выполняет возложенные на него обществом социальные функции. Российский бизнес опирается на чудовищную по меркам цивилизованных стран, но «узаконенную» эксплуатацию лиц наёмного труда. Органы государственной власти и управления, сросшиеся с олигархическими кругами, не считаются с интересами населения, гражданскими инициа-

ми, общественным мнением, оппозицией, теряют свою легитимность. Всё это угрожает национальной безопасности, поэтому лимит времени этой модели «развития» исчерпан.

Проблемы и последствия растущего социального неравенства

Постсоветские десятилетия в РФ не без основания характеризуются исследователями временем наибольшей социальной нестабильности и кризисов, важнейшими последствиями которых являются чрезмерное неравенство доходов, соответственно социальное неравенство, снижающее уровень легитимности власти. Политические группировки, руководители разных уровней управления, сменявшие друг друга, разрабатывали и продолжают разрабатывать многочисленные программы социально-экономического развития РФ. Однако необходимость учёта и согласования интересов различных социальных общностей и слоёв, преодоления чрезмерного социального расслоения и напряжённости, достижения на этой основе согласия и поддержки социально-экономических преобразований населением, игнорируется властями. Проблемы минимизации негативных последствий для общества растущего социального неравенства, разработка, базирующегося на защите интересов большинства населения, социально-экономического курса, не рассматривается в качестве приоритетной задачи. Сегодня в российском обществе фактически отсутствует дискурс о социально-политическом согласии, его важности и путях достижения, хотя социальная напряжённость, недовольство своим социально-экономическим, часто бедственным, положением налицо.

Анализируя последствия для российского общества функционирующей социально-экономической модели, невозможно обойти стороной тот факт, что всё большее количество россиян, особенно молодёжи, не видя перспектив в своей стране, потеряв чувство уверенности в завтрашнем дне, хотели бы навсегда уехать из страны. В условиях новой, непонятной с точки зрения потребностей социально-экономического и технологического развития страны системы образования большинство студентов не знают смогут ли они трудоустроиться после окончания учёбы. Данное обстоятельство разрушает стимул хорошо учиться, достигать вершин избранной профессии. А многие трудоустроенные специалисты не развивают своих профессиональных компетенций на производстве, не чувствуют уверенности в завтрашнем дне, вынуждены думать

о новой работе, поскольку контракты заключаются в основном на год. В современном российском обществе, по сути, любая семья может оказаться без средств к существованию или за чертой бедности. Всеобщий характер приобрели массовый пессимизм, нигилизм и т.д. В феврале 2019 г. «Левада-центр» опубликовал результаты социологических исследований, в соответствии с которыми 41% россиян в возрасте от 18 до 24 лет изъявили желание уехать из РФ на постоянное место жительства за границу. «Это, – по мнению профессора П. Циткилова, – является подтверждением состояния системного неблагополучия современной России» [16, с. 54].

Растущее социальное неравенство существенным образом влияет на социально-психологическое настроение и социальные позиции подавляющего большинства граждан. Результатом чего становится низкий уровень доверия органам власти, с одной стороны, и нарастающая пассивность граждан в отстаивании своих интересов, с другой. Многочисленные социологические исследования свидетельствуют о низком уровне доверия населения РФ к органам власти и управления, кроме Президента РФ. Не более 40% жителей доверяют региональным и муниципальным властям. Наша страна находится на 11-м (из 16 стран) месте по уровню доверия парламенту, на 10-м месте – партиям, по уровню доверия судебно-правовой системе – на 14-м месте, а полиции – на последнем месте [6]. Председатель Конституционного Суда РФ В. Зорькин, анализируя взаимоотношения российских властей с обществом, констатируя недоверие граждан к ним, характеризуя причины и последствия растущего социального неравенства, отмечает многофакторность этих процессов и явлений. Наряду с алчностью и ханжеством он вскрывает также аксиологическую природу этих взаимоотношений, отмечая, что российское общество «расщепилось» на конфликтующие страты с очень разными представлениями о справедливости, морали, нравственности и. т.д. «При этом, во всех социальных стратах, – считает он, – в значительной степени утрачены и альтруизм, и разумность эгоизма. Причём особенно явно это выражено... в нашей нынешней элите» [7].

Массовое сознание россиян, основывающееся на определённых ценностных установках, приводит к социально-психологическому расколу, неприязненным отношениям в современном российском обществе. Негативное отношение подавляющего большинства россиян к чрезмерному богатству и

привилегиям олигархических кругов объясняется тем, что приобретено оно несправедливым, заведомо незаконным путём, в результате так называемой «прихватизации». Социально-психологический раскол, усиливающаяся социальная напряжённость, оценка благосостояния олигархических кругов подавляющим большинством россиян как результат социальной несправедливости – все это последствия социально-экономической политики постсоветского российского государства, растущего социального неравенства.

Важным звеном в данной цепи негативных последствий растущего социального неравенства являются работающие бедные – специфическое изобретение российского олигархического государственно-бюрократического капитализма. Проблема в том, что эта довольно многочисленная категория граждан не видит связи между своим трудом и собственным благосостоянием, наиболее активно выражают своё недовольство степенью их эксплуатации и социально-экономической политикой государства. И это несмотря на то, что большинство учреждений, компаний, фирм самых, разных форм собственности, проводят так называемую «оптимизацию» персонала, значительно сокращая его количество. По расчётам экономистов, в мире в целом на каждые 170 млрд долл. дохода граждан приходится 1 миллиардер, тогда как в РФ – 1 миллиардер возникает на почве 11 млрд. дохода граждан [5].

По данным соцопросов ИС РАН подавляющее большинство россиян признают справедливым неравенство, вызванное приносимой пользой обществу и самому себе, талантами, личными заслугами человека, его достижениями честным трудом. При этом, подавляющее большинство населения считает, что главной причиной несправедливостей является отсутствие равных возможностей для получения образования, профессии, устройства на работу, служебного роста, повышения доходов. Существующие различия в доходах, ведущие к росту социального неравенства считают слишком большими 83% россиян, причины и последствия этих процессов их возмущают. «Подавляющее большинство граждан – две трети считают сложившуюся систему распределения частной собственности в России несправедливой, и столько же граждан полагают, что люди не получают достойного вознаграждения за свои навыки, способности и квалификацию» [2].

Социально-психологическая неприязнь к богатым подогревается также их поведением, характеризующимся игнориро-

ванием интересов бедных, стремлением наращивать элитарное потребление, поражающее воображение шикарными загородными дворцами, дорогой собственностью на престижных мировых курортах, дорогими яхтами, частными самолётами, покупкой акций зарубежных предприятий, футбольных клубов, крупных земельных участков и т.д. Демонстрируя дорогостоящие забавы, банкеты, фешенебельные курорты, другие красочные картинки из их жизни, симпатизирующие им СМИ, ещё больше провоцируют общественность, усиливая социальную напряжённость в обществе. К сожалению, это не полная мозаика социальной жизни современной РФ. Растущее социальное неравенство ведёт к тому, что количество бедных увеличивается. Бедность, образ и стиль жизни людей, доходов которых не хватает на удовлетворение самых необходимых потребностей, являясь не только экономическим, но и социокультурным, социально-психологическим феноменом порождает, с одной стороны, пессимизм, отчуждение от власти, зависимость, подчинённость и т.д., а с другой, повышенную агрессивность.

Актуальность проблемы определяется ещё и тем, что она усугубляет множество других, напрямую с ней связанных проблем, таких как: кризис института семьи, образования, общая социальная деградация, ухудшение здоровья населения, человеческого капитала и т.д. По официальным данным, оглашенным на съезде «Единой России» декабрь 2017 г., к началу 2018 г. бедных уже насчитывалось 20,3 млн.. По методике этой партии бедными считаются те, чей доход ниже прожиточного минимума (ПМ). Однако, по мнению квалифицированных специалистов, такой подход не выглядит корректным, поскольку не учитывает потери социальных благ, которые в реальной жизни недополучены гражданами, но которые соответствуют общепринятому в обществе стандарту потребления материальных благ (например, жилищные условия или полноценное питание). Следуя данной общепринятой методике специалисты Института социального анализа и прогнозирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы, подсчитали, что уровень бедности в РФ составляет более 25% (около 36 млн. человек), т.е. почти вдвое выше официального [15].

Признанная в современном мире международная Организация экономического сотрудничества, занимающаяся выработкой общих подходов по совершенствованию государственной социально-экономической политики, и Евростат к числу

бедных относят тех, кто имеет доход ниже 60% медианного дохода в стране. Под последним понимается доход, выше и ниже которого получают одинаковое количество граждан. Получается, что если применить к подсчёту количества бедного населения в РФ их подходы, то по этим критериям данного населения в стране гораздо больше. Рассматривая и сравнивая различные подходы анализа данного феномена, исследователи Д. Кравцов, В. Понкратьев пришли к следующему выводу: «... прожиточный минимум трудоспособного населения в России не отвечает реальной жизненной ситуации, и если бы он рассчитывался объективно, то количество бедных, согласно статистике, выросло бы ещё в разы» [9, с. 111].

Вот как, в реальных цифрах, выглядят последствия «развития» российского олигархического капитализма. Анализируя данные процессы, профессор А. Тонконогов отмечает, «Олигархический капитализм, исходя из своей сути, не предполагает честную открытую конкуренцию, так как монополисты, не вкладывая значительных средств в модернизацию, научные исследования, улучшение инфраструктуры труда и отдыха рабочих могут получать гарантированную сверхприбыль» [15].

Перечисленными и многими другими негативными последствиями современной социально-экономической жизни российского общества, в значительной степени определяется поведение широких слоёв населения. Более образованная, деятельная часть стремится найти применение своим способностям за границей, менее образованная, но деятельная, не соглашаясь на официальные условия жизнеобеспечения уходят в теневые, криминальные структуры. Остальные либо доживают, влача жалкое существование, либо связываются с противозаконной деятельностью, либо уходят в мир наркомании, алкоголизма и т.д. Доказательством чему служат статистические данные об этих пагубных для общества явлениях. Неприемлемое для большинства граждан РФ растущее социальное неравенство, по всеобщему признанию, явилось результатом политики, проводимой на протяжении многих лет правящей элитой, отдававшей предпочтение интересам олигархических кругов. Неизбежным результатом этого стало отчуждение большинства граждан от социально-экономических преобразований, проводимых органами власти и управления. Исследуя данные проблемы, А. Галкин отмечает, что «В России отчуждение сказалось, в первую очередь, на отношении к представительным органам, правительству и средствам мас-

совой информации. На рейтинге президента оно пока сказало-сь в меньшей степени, хотя некоторые признаки уже налицо» [3].

П. Козырева и А. Смирнов, анализируя масштабы и динамику социально-экономического неравенства в постсоветские десятилетия, опираясь на данные «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ», многолетние лонгитюдные обследования домохозяйств, констатируют, что последствиями этого процесса является рост количества бедных семей. В обществе формируется неравенство возможностей для многих слоёв населения в пользовании услугами здравоохранения, образования, культуры и другими социальными благами. По их мнению, данные процессы повышают общую неудовлетворённость российских граждан своим социально-экономическим положением в обществе и делают вывод о том, что «...наблюдается огромная и постоянно возрастающая ускоренными темпами концентрация капиталов у очень узкой прослойки самых богатых людей» [8. с. 290]. Поэтому остаются, во многом, непонятными цели и задачи современной российской власти. Защитники современной системы управления страной объясняют недостатки социально-экономической политики переходным периодом. Однако, по мнению подавляющего большинства исследователей он слишком затянулся и характеризуется не реальным социально-экономическим развитием страны, а его имитацией. Следовательно, необходимо преодоление перечисленных деструктивных социально-экономических процессов и явлений в российском обществе, ведущих к росту социального неравенства и напряжённости.

Таким образом анализ причин и последствий растущего социального неравенства выявил их системный и долговременный характер, определяемый социально-экономическим курсом нынешнего руководства, что усиливает запрос россиян на участие государства в решении их социальных проблем. И объясняется это усиление не иждивенческими настроениями, а существующим неравенством, отсутствием, для большинства населения легальных возможностей самостоятельно решать объективные повседневные проблемы. Курс руководства представляет собой модель развития экономики, основанную на тотальном контроле всех ресурсов общества узкой группой сверх богатых олигархических кругов, пользующихся поддержкой правительства.

Растущее социальное неравенство, огромный разрыв в доходах между богатыми и бедными вызывают социальную напряжённость, поскольку наше общество многие десятилетия жило в условиях социалистического государственного обеспечения, регулировавшего социальное неравенство. Такая политика позволяла минимизировать негативные последствия данного, объективно присущего любому обществу явления. Современное социально-экономическое состояние российского общества демонстрирующее крайние формы неравенства возможностей, параллельное существование нищеты большинства населения, бок о бок с огромными богатствами и роскошью узких олигархических кругов, характеризуется социально-экономической деградацией и заметной социальной напряжённостью.

В соответствии с социально-мировоззренческой позицией подавляющего большинства населения и оценками исследователей роскошная жизнь современных богачей, к тому же вывозящих капиталы за границу, представляется не оправданной. Сомнения вызывают этическая, правовая, социальная и культурная основы их богатства и нового социального статуса в российском обществе. Поэтому устранение причин растущего социального неравенства видится в плоскости учёта реальной социально-экономической ситуации в обществе, организации широкого, демократического, научного обсуждения оптимальной стратегической модели развития страны, базирующейся на защите интересов большинства российских граждан, создании им равных условий для социализации.

Перечисленные и многие другие причины лежат в основе современных негативных социально-экономических процессов и явлений, происходящих в нашей стране, вызванных растущим социальным неравенством. Поэтому смягчение или устранение указанных причин и последствий растущего социального неравенства поможет создать условия бедному большинству улучшить своё социальное положение и повысить статус в обществе, снизит растущее социальное напряжение, создаст новую более надёжную и позитивную основу для единства и социально-экономического развития страны. Рост бедного населения, ухудшение социальной сферы диктуют необходимость оперативной реакции на последствия растущего социального неравенства со стороны государства, в первую очередь федерального центра.

Наступил момент, когда российское государство должно значительно усилить свои регулирующие функции в социально-экономических процессах, изменить принципы налогообложения, финансовую систему в целом и т.д. Существующему в РФ растущему социальному неравенству и массовой бедности нет никакого социально-экономического, политического, тем более морального оправдания. В то же время, устранение указанных причин, смягчение социально-экономического неравенства необходимо осуществлять, не подрывая мотивации честного, творческого, добросовестного труда, всемерно развивая реальный, не связанный с продажей за границу сырьевых ресурсов сектор экономики.

Литература

1. Варшавский А.Е. Чрезмерное неравенство доходов – проблемы и угрозы для России // Социологические исследования. 2019. № 8. С. 52.
2. Восканян М., Ремизов М. Патология неравенства. – URL:<http://expert.ru/2016/12/6/patologiya-neravenstva/> (дата обращения 21.12.2021).
3. Галкин А.А. Общественно-политические последствия социально-го неравенства. <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvenno-politicheskie-posledstviya-sotsialnogo-neravenstva> (дата обращения 21.12.2021).
4. Герсонская И.В. Государственная социальная политика на современном этапе развития России // Социально-экономические явления и процессы. 2020. Т.15 № 2 (109). С.9.
5. Домачёва Е. Богач – бедняк // Российская газета. 2013. 31 октября.
6. Европейское социальное исследование (The European Social Survey). URL:<http://www.ess-ru.ru> (дата обращения 26.12.2021).
7. Зорькин В.Д. Доверие и право // Российская газета [Электронный ресурс] URL:<http://rg.ru/2013/04/28/> (дата обращения 28.12.2021).
8. Козырева П.М, Смирнов А.И. Масштабы и динамика социально-экономического неравенства в современной России // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 16 / Отв. ред. М.К. Горшков. М., 2018. С. 290.
9. Кравцов Д.И., Понкратьев В.В. Проблемы бедности в России // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2018. № 1. С. 111.
10. Лапин Н.И., Ильин В.А., Морев М.В. Экстремальные неравенства и социальное государство // Социологические исследования. 2020. № 2. С. 22.
11. Мишустин назвал жадность причиной роста цен на продукты <https://www.rbc.ru/economics/12/05/2021/609b8de99a7947805ea9f> (дата обращения 21.12.2021).

12. Мосева Д.Н. Социальное неравенство в реалиях современной России // 2020. № 29 (319) С. 233-235. URL: <https://moluch.ru> (дата обращения 30.12.2021).

13. Руслан Хасбулатов: 20 лет правления Владимира Путина. Экономические достижения, нерешённые задачи и опасные тупики // Независимая газета, 9 сентября 2019г. URL:<http://www.ng.ru/ideas/2019-09-09/5> (дата обращения 21.12.2021).

14. Тонконогов А.В. Олигархический капитализм как угроза национальной безопасности современной России. <https://cyberleninka.ru/article/n/oligarhicheskiy-kapitalizm-kak-ugroza-natsionalnoy-bezopasnosti-sovremennoy-rossii> (дата обращения 21.12.2021).

15. Фаляхов Р.А. Бедность в России: десятки миллионов за чертой. Эксперты: в России не 20, а более 35 миллионов бедных, 09.05.2018г. <https://www.qazeta.ru/business/2018/05/09/11745109.-shtml-12.01.2019> (дата обращения 24.12.2021).

16. Циткилов П.Я. Современная российская социальная организация и её кризисные тенденции // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 2.

17. Черных Е. Бывший вице-премьер Михаил Полторанин: Олигархическую приватизацию для России утвердил Ельцин. Чубайс был у него на подхвате // Комсомольская правда. 2011. 10-17 ноября. С. 13.

18. Яхьяев М.Я., Поломошнов А.Ф., Мельникова Л.В., Бардаков А.И., Поломошнов П.А. Современная Россия: социально-философский анализ. – М., 2021. С. 448.

SAIDOV A.A.

**candidate of Political Sciences, associate
Professor of the Department of Philosophy and
Socio-Political Sciences, DSU**

Social inequality in russian society: causes and consequences

The article is devoted to the study of the causes and consequences of growing social inequality, which is a key concept that reveals the nature of the socio-economic relations of society. The relevance of the problems under study is due to the fact that the demand of Russians for the participation of the state in solving social problems has grown significantly, there is no justification for mass poverty that already threatens national security. It is shown that the relationship of oligarchic circles with the country's leadership led to ignoring the course towards the development of the real, non-primary sector of the economy. The main attention is paid to the analysis of the closely related socio-economic and political foundations of the growing social inequality. It is

concluded that its uncontrolled development leads to social tension and conflicts.

Keywords: *social inequality, poverty, decile coefficient, oligarchic capitalism, working poor, development model.*

Literature

1. Varshavsky A.E. Excessive income inequality – problems and threats for Russia // Sociological research. 2019. № 8. p. 52.

2. Voskanyan M., Remizov M. Pathology of inequality. – URL:<http://expert.ru/2016/12/6/patologiya-neravenstva/> (accessed 1.12.2021).

3. Galkin A.A. Socio-political consequences of social inequality. <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvenno-politicheskie-posledstviya-sotsialnoqo-neravenstva> (accessed 12/21/2021).

4. Gersonskaya I.V. State social policy at the present stage of Russia's development//Socio-economic phenomena and processes. 2020. Vol.15 № 2 (109). p. 9.

5. Domacheva E. Rich – poor//Rossiyskaya Gazeta. 2013. October 31.

6. The European Social Survey (The European Social Survey).URL:<http://www.ess-ru.ru> (accessed 26.12.2021).

7. Zorkin V.D. Trust and law // Rossiyskaya Gazeta [Electronic resource] URL:<http://rg.ru/2013/04/28/> (accessed 28.12. 2021).

8. Kozyreva P.M., Smirnov A.I. The scale and dynamics of socio-economic inequality in modern Russia // Russia is being reframed: Yearbook: vol. 16/ed. M.K. Gorshkov. M., 2018. p. 290.

9. Kravtsov D.I., Ponkratiev V.V. Problems of poverty in Russia // Socio-economic and Humanitarian Journal of the Krasnoyarsk State University. 2018. № 1. p. 111.

10. Lapin N.I., Ilyin V.A., Morev M.V. Extreme inequalities and the social state // Sociological research. 2020. № 2. p. 22.

11. Mishustin called greed the reason for the rise in food prices <https://www.rbc.ru/economics/12/05/2021/609b8de99a7947805ea9f> (accessed 12/21/2021).

12. Moseva D.N. Social inequality in the realities of modern Russia // 2020. № 29 (319) p. 233-235. URL: <https://moluch.ru> (date of formation 30.12.2021).

13. Ruslan Khasbulatov: 20 years of Vladimir Putin's rule. Economic achievements, unsolved tasks and dangerous dead ends//Nezavisimaya Gazeta, September 9, 2019 URL:<http://www.ng.ru/ideas /2019-09-09/5> (accessed 12/21/2021).

14. Tonkonogov A.V. Oligarchic capitalism as a threat to the national security of modern Russia. <https://cyberleninka.ru/article/n/oligarhicheskiy-kapitalizm-kak-ugroza-natsionalnoy-bezopasnosti-sovremennoy-rossii> (accessed 12/21/2021).

15. Falyakhov R.A. Poverty in Russia: tens of millions over the line. Experts: there are not 20, but more than 35 million poor people in Russia, 09. 05. 2018. <https://www.qazeta.ru/business/2018/05/09/11745109.-shtml-12.01. 2019> (date of appeal 24.12.2021).

16. Tsitkilov P.Ya. Modern Russian social organization and its crisis trends // Socio-humanitarian knowledge. 2020. №. 2.

17. Chernykh E. Former Deputy Prime Minister Mikhail Poltoranin: Yeltsin approved the oligarchic privatization for Russia. Chubais was at his side // Coma, really. 2011. November 10-17. p. 13.

18. Yakhyaev M.Ya., Polomoshnov A.F., Melnikova L.V., Bardakov A.I., Polomoshnov P.A. Modern Russia: socio-philosophical analysis. – M., 2021. p. 448.

КОРНЕВА Ольга Анатольевна
*аспирант кафедры экономики и управления
социально-экономическими системами
Санкт-Петербургского университета
технологий управления и экономики*
E-mail: k.o.a.15.10.87@mail.ru

БЕСЧАСНАЯ Альбина Ахметовна
*доктор социологических наук,
профессор кафедры государственного и
муниципального управления
Северо-Западный институт управления
Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ*
E-mail: aabes@inbox.ru

Понятие «социальная адаптация» в междисциплинарном дискурсе

Изучение социальной адаптации обусловлено глобальными переменами в современном обществе. В статье представлен междисциплинарный обзор понятия «социальная адаптация». Итогом работы явился сравнительный анализ с выявлением процессных характеристик, ассоциативных понятий и статуса индивида как участника адаптации.

Ключевые слова: социальная адаптация, междисциплинарный дискурс, анализ, приспособление, эволюция, общество, культура.

Понятие «адаптация» является одним из центральных в научном осмыслении мироздания – от биологической до социокультурной организации человеческой жизни. Все существование живого на Земле и вся история человечества пронизаны процессом адаптации, результатом которой становится гармо-

низация взаимодействия участников эволюционных и цивилизационных процессов. Социальная адаптация как социальный процесс тесно связана со способом организации общества. Адаптация личности в стабильные периоды развития общества протекает иначе, чем в кризисные периоды. В эти моменты происходит расшатывание системы ценностей, смена привычного порядка дел, ослабевают регулирующие функции социальных институций, что отражается на поведении личности.

Глобальные перемены в современном мире, динамичность изменений в социуме и необходимость оперативного принятия решений и опривычивания инноваций формируют потребность анализа социальной адаптации человека. Социальная адаптация выступает не только как процесс комплементарного соответствия изменениям, но и как критерий гармоничного приспособления к ним. Поэтому адаптация как объект исследования представляет интерес с целью выявления специфичных характеристик данного явления. Обзору понятия «социальная адаптация» с позиций различных научных дисциплин посвящена данная статья.

Рассмотрение «социальной адаптации» как междисциплинарного понятия целесообразно вести в соответствии с социологической структурой личности. Так как личность формируется благодаря последовательному развитию биологического, психологического и социального компонентов, то и адаптация как форма проявления этих сторон человеческой жизнедеятельности проявляет себя на уровне биологического организма, на уровне психологических проявлений и в процессе социокультурного взаимодействия индивида с социумом. Развитие и взросление человека, приобретение им личностных качеств в процессе социализации – это многогранный процесс адаптации, который находится в фокусе внимания многих научных дисциплин. Знакомство с понятием «адаптация» в работах отечественных и зарубежных ученых показало разнообразие его значений.

В биологических дисциплинах исторически первой была попытка формулирования понятия «адаптация» Ж.-Б. Ламарком. В своей эволюционной концепции французский мыслитель XVIII-XIX вв., еще не используя слово «адаптация» для обозначения постепенных изменений в живом мире, отмечает что происходят они под влиянием внешних воздействий: «Обстоятельства влияют на форму и организацию животных... значительное изменение обстоятельств приводит к

существенным изменениям в потребностях, а изменение последних по необходимости влекут за собой изменения в действиях. И вот, если новые потребности становятся постоянными или весьма длительными, животные приобретают привычки, которые оказываются столь же длительными, как и обусловившие их потребности... Если обстоятельства приводят к тому, что состояние индивидуумов становится для них обычным и постоянным, то внутренняя организация таких индивидуумов, в конце концов, изменяется. Потомство, получающееся при скрещивании таких индивидуумов, сохраняет приобретённые изменения и, в результате образуется порода, сильно отличающаяся от той, индивидуумы которой все время находились в условиях, благоприятных для их развития» [1].

В научный оборот термин «адаптация» впервые ввел в 1865 г. Г. Ауберт. Адаптацией он обозначил изменения чувствительности кожных анализаторов под влиянием приспособления органов чувств к действующим раздражителям [2]. Р. Фоули обогащает понятие «адаптация» действием длительного естественного отбора, который проходят организмы и выработывают таким образом соответствие внешней среде [3]. А. Марков выделяет в биологическом понятии «адаптация» два смысла – как орган, признак, свойство, имеющее приспособительное значение и как процесс приспособления таких признаков [4]. Первое значение показывает, как орган постепенно развивается путем естественного отбора и имеет приспособительное значение (к примеру, покровительственная или маскирующая окраска животного). И это характеризует индивидуальные свойства организма. Во втором значении понятие применяется при рассмотрении естественного отбора в популяции, для обозначения приобретения благоприятных для выживания черт и отбрасывания менее благоприятных альтернатив. Следовательно, в биологии понятие «адаптация» относится к структурным и поведенческим изменениям в организме (или его части), которые в наибольшей степени соответствуют окружающим условиям, причем эти изменения рассматриваются как имеющие эволюционную ценность, способствующие выживанию организма и вида .

Кроме этого, в биологических науках используется сопутствующее понятие «адаптивность». Как отмечает Т. Добжанский, «...адаптивность означает, что рассматриваемый организм или популяция могут сохраняться или могут стать физиологически или генетически адаптированными в определенном диапазоне сред...» [5].

Таким образом, в биологии адаптация рассматривается через анализ отношения между организмом и окружающей средой. Считается, что организм адаптирован к определенной среде, если он может выживать и воспроизводиться в этой среде. Мобилизация приспособительных (адаптационных) реакций организма происходит благодаря отбору адаптируемых признаков. При этом адаптации могут осуществляться на любом уровне биологического организма: биохимическом, физиологическом, анатомическом и поведенческом [6].

Близкое по смыслу биолого-ориентированное понимание адаптации можно обнаружить в антропологии. Так как антропологический фокус исследования, помимо выявления эволюционных новообразований, включает в себя обнаружение компонентов и изменений, возникающих в результате преобразующей деятельности человека, то и содержание понятия «адаптация» обогащается социокультурными смыслами. В антропологическом значении понятие «адаптация» приобретает субъектный аспект участника приспособительного поведения. Развивая в себе подобные способности, человек начинает справляться с изменениями своей окружающей среды (включая социальную) посредством модификации артефактов. Масштаб культурных изменений зависит от степени изменения среды обитания и может варьироваться от небольших трансформаций в жизненных системах (например, образ жизни, характеристики жилища, одежда и др.) до трансформаций культурных систем целиком [7]. Идея адаптации в антропологии восходит к представлениям американского антрополога Ф. Боаса, получившим наименование POSSIBILISMA. Ф. Боас рассматривал окружающую природно-географическую среду как детерминанту для развития разнообразных культурных сообществ [8]. Внутри них формируются определенные модели поведения, с помощью которых сообщество в лице индивида достигает цели самосохранения, нивелирования страхов, реализации ожиданий. Таким образом, опыт выживания приобретает коллективный характер и воспроизводится в поколенческом разрезе.

В психологии термин адаптации используется в различных контекстах, например, изучаются феномены визуальной адаптации, адаптации к боли, вкусовая адаптация, хроматическая адаптации и др. Как представляет «Кембриджский словарь психологии», психологическая адаптация – это индивидуальная и групповая способность обрабатывать новую или изме-

ненную информацию и последующие психические, физиологические или поведенческие реакции, которые позволяют эффективно функционировать или достигать целей в постоянно меняющейся среде [9].

По мнению Ж. Пиаже, процесс адаптации когнитивных структур человека к требованиям окружающей среды включает дополнительные процессы ассимиляции и аккомодации. По Ж. Пиаже, адаптация «обеспечивает равновесие между воздействием организма на среду и обратным воздействием среды» [10], при этом действие организма на окружающие его объекты является ассимиляцией в широком смысле слова, а воздействие среды на организм – это аккомодация. При ассимиляции люди усваивают информацию из окружающей среды и перерабатывают ее таким образом, чтобы она встроилась в существующие ментальные конструкции индивида (в терминологии Ж. Пиаже – «схемы»). Соответственно, при аккомодации происходит процесс изменения психических и ментальных характеристик индивида для соответствия окружающей среде.

В современной психологии ассоциированными с адаптацией терминами являются понятия «равновесие» (согласно учению Ж. Пиаже) и «привыкание», которое Р. Томпсон именуется «габитуацией». Он раскрывает психофизиологический механизм габитуации. Габитуация понимается (1) как снижение реакции организмов (рецепторов) в результате повторной стимуляции извне. В результате снижения реакции внешний раздражитель становится нормальным или ожидаемым [11].

Фундаментальным вкладом в раскрытие психологического значения понятия «адаптация» являются положения Л.С. Выготского, согласно которым внешние и внутренние средства и знаки опосредуют взаимодействие человека с окружающим миром, регулируют его поведение. Из этого следует, что адаптация в психологическом контексте заключается не только в реакции индивида на воздействия внешних условий, но и в адекватном их отражении с участием психических возможностей человека.

В психологии и родственных педагогических дисциплинах, а также в социальной работе также применяется междисциплинарный термин «психосоциальная адаптация», который трактуется как способность человека достигать относительной гармонии между своими индивидуальными нуждами и требованиями окружающей социальной среды [12]. Иными словами, подразумевается, что человек обладает достаточ-

ными возможностями и способностями для достижения удовлетворительного взаимодействия с социумом, что он интегрирован в него и успешно достигает своих цели [13].

В педагогических науках понятие адаптации встречается, по крайней мере в двух значениях. Во-первых, адаптация используется в качестве измерения прогресса в обучении, который понимается как изменения в поведении обучающихся и оптимальном приспособлении к образовательной среде, интегрированной с социальным контекстом (социальная и академическая компетентность) [14]. В данном значении понятие адаптации, прежде всего, используется для изучения процесса адаптации школьников и студентов. Например, часто исследуемыми проблемами является влияние школьной адаптации и самооценки на академическую успеваемость по школьным дисциплинам [15].

Второе значение понятия «адаптации» раскрывается в контексте организации образовательного процесса под особенности и запросы обучающихся и общества, что в совокупности оценивается как эффективность системы образования [16]. Адаптация в данном случае выражается в модификации учебного материала, технологий его подачи, обновлении образовательной среды в целом с целью учета психофизиологических или социокультурных особенностей обучающихся. Основным проводником и посредником адаптационных преобразований выступает педагог. От него требуется освоение и расширение компетенций в области педагогического мастерства. Поэтому возникает необходимость проявления адаптационного поведения со стороны самих преподавателей к новой образовательной среде, задачам в педагогической деятельности и пр. Например, в период пандемии COVID-19, учебные заведения всего мира были вынуждены реформировать образовательный в онлайн формат. Проблемы, с которыми столкнулись обучающиеся, преподаватели и администрация – необходимость технологической поддержки и повышения цифровой грамотности, неприспособленность онлайн платформ для обучения прикладным дисциплинам, трудности с мотивацией студентов, с оценкой академической успеваемости и др. [17]. В совокупности это является примером проблем адаптации.

На психолого-педагогическом уровне адаптация как процесс занимает промежуточное место между биолого-ориентированным подстраиванием под внешнюю среду, во время которого человек в основном выступает как объект, и социаль-

но-ориентированным уровнем, на котором человек приобретает роль субъекта с возможностью выбора – приспособляться или внести изменения в окружение. Данный характер отношений человека и внешнего мира представлен в социологических науках и в культурологии.

В социологических работах адаптационные процессы рассматриваются в социальном аспекте и находят свое отражение в нескольких понятиях – социализация, девиация, интеграция, аккультурация и др. [18].

Под социальной адаптацией, как правило, понимаются изменения в поведении и установках человека, которые необходимы для поддержания гармоничных социальных взаимодействий, социальной интеграции и развития чувства социальной принадлежности. Одним из классических примеров обозначенного понимания социальной адаптации является трактовка данного феномена американским социологом Р. Мертонем. Он использует понятие адаптации при описании возможных способов поведения людей по отношению к культурно одобряемым целям общества и средствам их достижения, или выполнения определенных функциональных действий, востребованных социумом. Р. Мертон делает акцент на том, как некоторые социальные структуры оказывают воздействие на определенных людей, вовлекая их в различные способы адаптации (конформизм, инновация, ритуализм, ретритизм и бунт) [19]. Р. Мертон указывает, что «люди могут переходить от одной альтернативы (перечисленной выше формы социальной адаптации) к другой по мере вовлечения в разные сферы социальной деятельности. Эти категории относятся к ролевому поведению в специфических типах ситуаций, но не к личности в целом» [19].

Активный характер личности в процессе адаптации проявляется в том, что действия личности детерминированы мотивацией и характеризующейся принятием или отрицанием внешних и внутренних условий существования, а также активностью личности по изменению этих условий в желаемом направлении [20].

В социологии индивид рассматривается как участник групповых отношений, как член сообщества, следовательно, социальная адаптация происходит с участием социальных институтов, и они оказывают регулирующую роль. Регуляция происходит благодаря воздействию системы норм, ценностей и социального контроля. Социокультурные средства адаптации

становятся инструментом развития общественных отношений. Участие в них большого количества участников формирует многовекторную адаптацию, поэтому культурные элементы выполняют не только функцию стабилизации и самосохранения, но и созидательно-адаптирующую. Адаптирующее воздействие социокультурных средств формирования моделей поведения человека выражается в ограничении или изоляции его от вредных воздействий окружающей среды, либо в преобразовании данной среды с целью соответствия биологическому и социальному развитию человека и обеспечения самосохранения.

Таким образом, в социологии акцент в концептуализации понятия адаптации делается на влияние социальных факторов (социальных институтов, социальных систем и др.) на процесс приспособления отдельных индивидов или целых социальных групп к доминирующим нормам и ценностям общества. Причем социальная адаптация рассматривается как процесс, интегрированный с социализацией и механизмами социокультурного контроля конкретных обществ на определенной стадии исторического развития.

Предложенный обзор содержания понятия «адаптация» с выделением особенностей, характерных для различных научных дисциплин, позволяет представить сравнительный анализ, отражающий усложнение процесса адаптации от биологического до социокультурного контекста (таблица 1).

Таблица 1

Определение понятия «адаптация» в различных научных дисциплинах

Дисциплина	Положение индивида в процессе адаптации	Специфика	Связанные понятия
Биология	Объектное	внешнее воздействие, приспособление, структурные и поведенческие изменения в организме (или его части)	эволюция, естественный отбор, способность к воспроизводству, взаимодействие организма и природной среды
Антропология	объект-субъектное	модель поведения, выживание, индивидуальное и групповое поведение, использование информации	приспособление, поппобилизм, самосохранение, эволюция культуры

		для оптимизации поведения	
Психология	субъект-объектное	усвоение и переработка информации об окружающей среде, изменение психических характеристик человека	ассимиляция, аккомодация, равновесие, габитуация
Педагогика	субъект-объектное	образовательно-воспитательная деятельность, учет психофизиологических и социокультурных особенностей обучающихся	обучение/научение, психосоциальное приспособление, интеграция
Культурология	субъектное	система норм, ценностей и социального контроля, стабилизация, созидание	аккультурация, регуляция, социализация
Социология	субъектное	социальная принадлежность, отношение, функциональные действия, активность, развитие общественных отношений	социализация, мотивация, модель поведения, интеграция

Сравнительный анализ показал, что понятие «адаптация» имеет специфические толкования и варьируется от одной дисциплины к другой. Во всех них присутствует смысловое ядро. Список дисциплин, в которых используется понятие «адаптация», можно продолжить – это философия, этика, культурология, экономика, политология, география и др. Разнообразие толкований определяется, прежде всего, аспектом окружающей среды, которому приспосабливается организм/индивид/социальная группа, то есть различается также субъект адаптации. Независимо от дисциплины, в понятии «адаптация» сохраняется первоначальный (идуций от биологических наук и корнями уходящий в эволюционную теорию) смысл, рассматривающей в качестве итога адаптации приспособление и выживание. Правда приспособление и выживание трактуется по-разному и с использованием разных концепций (интеграция, равновесие, приспособление, аккультурация, культурная эволюция, социализация и пр.). Поэтому самым высшим уровнем и сложным процессом адаптации является та, что происходит на социальном уровне. На этом уровне человек испытывает максимальное воздействие извне и должен сделать и осуществить такой выбор, который

не нарушит гармонию существования. Текущая ситуация жизни и уживания человека с коронавирусной инфекцией является ярким тому примером. Социальная адаптация человека является комплексной проблемой, требующей всестороннего внимания ряда общественных и гуманитарных дисциплин. Осмысливая биологические, психологические, культурные и социальные механизмы адаптации, мы выявляем взаимообусловленность разных форм проявления социальной адаптации.

Литература:

1. Ламарк Ж.-Б. Избранные произведения в двух томах. Том 1. М.: Изд. АН СССР. 1955. 958 с. С. 333.
2. Смылова Н.М. Адаптация как один из этапов социально-профессионального становления личности. Каазнский педагогический журнал. 2011. № 2. С. 85-90.
3. Фоули Р. Еще один неповторимый вид. Экологические аспекты эволюции человека. М.: Мир, 1990. 368 с.
4. Марков А. Рождение сложности. Эволюционная биология сегодня: неожиданные открытия и новые вопросы. М.: Астрель: CORPUS, 2010. 528 с. С.509.
5. О некоторых фундаментальных концепциях дарвиновской биологии. В: Добжанский Т. и др. (ред.). Эволюционная биология. Нью-Йорк: Пленум Пресс, 1968. С.7.
6. Альтман С.А. Адаптация биологическая. Энциклопедия антропологии. Под ред. Джеймса Биркса. Sage Publications, Inc. Том 1, 2006. С. 11-17.
7. Смытына О.В. Адаптация, Культурная. Энциклопедия антропологии. Под ред. Джеймса Биркса. Sage Publications, Inc. Том 1, 2006. С. 17-19.
8. Боас Ф. Антропология и современная жизнь. Лондон и Нью-Йорк: Routledge Classics, 20.
9. Кембриджский словарь по психологии. Главный редактор Дэвид Мацумото. Кембридж: Издательство Кембриджского университета. 2009. С.15.
10. Пиаже Ж. Психология интеллекта. СПб.: Питер, 2003. С. 191.
11. Кембриджский словарь по психологии. Главный редактор Дэвид Мацумото. Кембридж: Издательство Кембриджского университета. 2009. С. 228.
12. Вентцель К.Р., Макрой С. Психосоциальная адаптация (включает Психосоциальное функционирование и благополучие). В: Михалос А.С. (ред.). Энциклопедия исследований качества жизни и благополучия. Спрингер, Дордрехт, 2014. https://doi.org/10.1007/978-94-007-0753-5_2316

13. Пикерас Дж.А., Матеу-Мартинес О., Сехудо Дж., Перес-Гонсалес Дж.-С. Пути психосоциальной адаптации у детей: моделирование влияния эмоционального интеллекта, социально-эмоциональных проблем и пола. Границы в психологии. Том 10. 2019. doi: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.00507>

14. Вентцель К.Р. Школьная адаптация. В кн.: Справочник по психологии. Главный редактор Ирвинг Б. Вайнер. Том 7: Педагогическая психология. Хобокен, Нью-Джерси: John Wiley & Sons, Inc. 2003. Стр. 235-252.

15. Чжан Д., Цуй Ю., Чжоу Ю., Цай М., Лю Х. Роль школьной адаптации и самооценки во влиянии на рост успеваемости китайских старшеклассников по математике. Границы в психологии. 2018. Том 10. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.02356>

16. Круглов Д.В., Покровская Н.Н., Голохвастов Д.В. Социально-экономическое исследование управления знаниями в условиях цифровой трансформации. Курск: Университетская книга, 2021. 190 с.

17. Бесчасная А.А., Бесчасный А.А. Дистанционное образование: проверка на прочность, проверка на компетентность // Человеческий капитал в условиях эпидемиологического кризиса COVID-19: университеты, корпорации, ценности (Сессия 2, 16 мая 2020) / отв. ред. П.П. Дерюгин. СПб.: Медиапапир, 2020. 68 с. С. 18-23.

18. Симонет Г. Концепция адаптации: междисциплинарный охват и участие в изменении климата. Обзоры и перспективы Интеграции окружающей среды и Общества. 2010. Том 3 (1). С. 5.

19. Мертон Р. Социальная структура и аномия / Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ; Хранитель, 2006. 873 с. С. 231-281.

20. Кузнецов П.С. Адаптация как функция развития личности. Саратов: СГУ, 1991. 76 с

KORNEVA O.A.

***Postgraduate student of Department of economics
And management of socio-economic systems
St. Petersburg University of Management
Technologies and Economics***

BESCHASNAYA A.I.A.

***Doctor of Science (Sociology),
Professor of the Faculty of State and Municipal
Management North-West Institute of Management,
Branch of RANEPА***

The concept of "social adaptation" in interdisciplinary discourse

The study of social adaptation is conditioned by global changes in modern society. The article presents an interdisciplinary review of the concept of "social adaptation". The result of the work was a comparative analysis with the identification of process characteristics, associative concepts and the status of an individual as a participant in adaptation.

Keywords: social adaptation, interdisciplinary discourse, analysis, adaptation, evolution, society, culture.

literature:

1. Lamarck J.-B. Selected works in two volumes. Vol. 1. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 1955. 958 p. 333.
2. Smyslova N.M. Adaptation as one of the stages of social and professional formation of a personality. The Kaazn Pedagogical Journal. 2011. No. 2. pp. 85-90.
3. Foley R. Another unique view. Ecological aspects of human evolution. Moscow: Mir, 1990. 368 p
4. Markov A. The birth of complexity. Evolutionary biology today: unexpected discoveries and new questions. M.: Astrel: CORPUS, 2010. 528 p., p.509.
5. On Some Fundamental Concepts of Darwinian Biology. In: Dobzhansky T. et al. (eds.). Evolutionary Biology. New York: Plenum Press, 1968. P.7.
6. Altman S.A. Adaptation, Biological. Encyclopedia of anthropology. Ed. by James Bix. Sage Publications, Inc. Vol.1, 2006. P. 11-17.
7. Smytyna O.V. Adaptation, Cultural. Encyclopedia of anthropology. Ed. by James Bix. Sage Publications, Inc. Vol.1, 2006. P. 17-19
8. Boas F. Anthropology and Modern Life. London and New York: Routledge Classics, 202.
9. The Cambridge Dictionary of Psychology. General Editor David Matsumoto. Cambridge: Cambridge University Press. 2009. P.15
10. Piaget J. Psychology of intelligence. St. Petersburg: Peter, 2003. 191.
11. The Cambridge Dictionary of Psychology. General Editor David Matsumoto. Cambridge: Cambridge University Press. 2009. P. 228
12. Stubley T., McCroy C. Psychosocial Adjustment (Includes Psychosocial Functioning and Well-Being). In: Michalos A.C. (eds). Encyclopedia of Quality of Life and Well-Being Research. Springer, Dordrecht. 2014. https://doi.org/10.1007/978-94-007-0753-5_2316
13. Piqueras J.A., Mateu-Martínez O., Cejudo J., Pérez-González J.-C. Pathways into Psychosocial Adjustment in Children: Modeling the Effects of Trait Emotional Intelligence, Social-Emotional Problems, and Gender. Frontiers in Psychology. Vol. 10. 2019. doi: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.00507>

14. Wentzel K.R. School Adjustment. In: Handbook of psychology. Editor-in-chief Irving B. Weiner. Vol.7: Educational Psychology. Hoboken, New Jersey: John Wiley & Sons, Inc. 2003. P. 235-252
15. Zhang D., Cui Y., Zhou Y., Cai M., Liu H. The Role of School Adaptation and Self-Concept in Influencing Chinese High School Students' Growth in Math Achievement. *Frontiers in Psychology*. 2018. Vol. 10. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.02356>
16. Kruglov D.V., Pokrovskaya N.N., Golokhvastov D.V. Socio-economic research of knowledge management in the conditions of digital transformation. Kursk: University Book, 2021. 190 p.
17. Beschasnaya A.A., Beschasny A.A. Distance education: a test of strength, a test of competence // Human capital in the conditions of the epidemiological crisis COVID-19: universities, corporations, values (Session 2, May 16, 2020) / ed. P. P. Deryugin. SPb.: Mediapapir, 2020. 68 p. s. 18-23.
18. Simonet G. The concept of adaptation: interdisciplinary scope and involvement in climate change. *Surveys and Perspectives Integrating Environment and Society*. 2010. Vol 3 (1). P. 5.
19. Merton R. Social structure and anomie / Merton R. *Social theory and social structure*. Moscow: AST; Guardian, 2006. 873 p. S.231-281.
20. Kuznetsov P.S. Adaptation as a function of personality development. Saratov: SSU, 1991. 76 with

БЫЧКОВ Петр Иванович
*кандидат социологических наук, доцент
старший научный сотрудник научно-
исследовательского отдела
(военно-гуманитарных исследований)
Военного университета имени
князя Александра Невского*
E-mail: pbychkov64@yandex.ru

ЗОЛОТУХИН Алексей Геннадьевич
*начальник 16 кафедры (информационного
обеспечения) Военного университета имени
князя Александра Невского*
E-mail: Ps-vks@mail.ru

Военная служба по призыву – социологический анализ

В статье дается социологический анализ одному из способов комплектования российских Вооруженных сил – военной службе по призыву.

***Ключевые слова:** Вооруженные силы, способ комплектования, институт военной службы по призыву, престиж военной службы по призыву.*

В соответствии с Федеральным законом от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» в Вооруженных Силах Российской Федерации предусмотрены следующие формы прохождения военной службы:

«гражданами – по призыву;

гражданами, не имеющими гражданства (подданства) иностранного государства,....– в добровольном порядке (по контракту);

гражданами, имеющими гражданство (подданство) иностранного государства ... и иностранными гражданами – по контракту на воинских должностях, подлежащих замещению солдатами, матросами, сержантами и старшинами» [1].

В последнее время практически во всех странах мира идет оживленная дискуссия о целесообразности сохранения института военной службы по призыву. Сторонники данного подхода считают, что эксплуатировать и обслуживать современную и недешевую военную технику и вооружение могут только профессионалы, имеющие достаточную подготовку и опыт.

К тому же военная служба по призыву во многих странах ассоциируется с понятием «всеобщей воинской обязанностью», что, по мнению ряда государственных деятелей, неприемлемо в современном обществе [2].

При этом сторонники отмены института призыва и замены на контрактную форму комплектования армии приводят в качестве примера вооруженные силы высокоразвитых стран: США, Великобритания, Японии и ряда других государств.

Однако военная служба по призыву в настоящее время сохраняется более чем в 50 странах мира. В том числе в таких государствах, как Австрия, Республика Корея, Турецкая республика, Финляндия, а в Израиле и Нидерландах вообще сохранилась всеобщая воинская обязанность.

В целом дискуссии о необходимости и целесообразности военной службы по призыву не прекращаются даже в тех государствах, где по факту призыва уже нет. Так, в бундесвере ФРГ в 2011 г. военная служба по призыву была отменена. Однако уже в 2020 г. в политических кругах Германии разгорелась острая дискуссия о восстановлении данной формы прохождения военной службы. В качестве одной из основных причин, немецкие бюргеры указали на «необходимость установления тесного контакта между обществом и армией и роль своеобразного мостика, связующего звена принадлежит именно институту военной службе по призыву». Так, с предложением начать дискуссию о возвращении всеобщей воинской повинности в Германии выступила уполномоченная бундестага по делам военнослужащих бундесвера Ева Хёгль (Eva Högl). «Я считаю огромной ошибкой то, что воинская обязанность была снята. Нам необходимо критически проанализировать это решение», – заявила Хёгль. Высказывания депутата от партии социал-демократов (СДПГ) вызвали широкую дискуссию в ФРГ, к которой подключилась и министр обороны [3].

Институт военной службы по призыву в Российской Федерации (а ранее в СССР), как способ комплектования армии и флота тесно связан с конкретными историческими событиями.

В этом отношении как никогда остается актуальным мнение одного из видных военачальников РККА М.В. Фрунзе о том, что форма комплектования армии «не должна рассматриваться вне исторических условий военного строительства, необходимо принимать во внимание политические, экономические и чисто военные факторы, оказывающие влияние на военное строительство» [4, с.47].

Накануне начала второй мировой войны руководством советского государства было принято решение о комплектовании Красной Армии на основе всеобщей воинской обязанности [5].

Первая Конституция СССР (1936 год) – основным законом первого в мире социалистического государства провозгласила защиту социалистического Отечества священной обязанностью каждого гражданина и способствовала росту авторитета института военной службе по призыву. Это решение явилось одной из причин победы советского народа: в ряды РККА и КВМФ СССР в годы Великой Отечественной войны было призвано около 30 миллионов человек.

После массовых сокращений личного состава армии и флота (в 1956-1958 гг.) и начала «холодной войны» возникла острая необходимость в резком увеличении численности Вооруженных Сил. В силу резко ухудшившейся международной обстановки, Верховный Совет СССР в 1967 г. был принят Закон «О всеобщей воинской обязанности». В соответствии с данным законодательным актом в 80-е гг. в армию и на флот ежегодно призывалось более миллиона молодых людей.

В Российской Федерации наиболее остро вопрос о целесообразности института военной службы по призыву встал в девяностых годах прошлого столетия. Было принято ряд законодательных актов направленных на перевод Вооруженных Сил с весны 2000 г. на комплектование рядовым и сержантским составом на добровольной основе [6].

В соответствии с нормативно-правовыми актами была принята Федеральная целевая программа «Перехода к комплектованию воинских должностей преимущественно военными служащими, проходящими военную службу по контракту, в соединениях и воинских частях постоянной готовности» (2004-2007 гг.). Однако призыв, как способ комплектования Вооруженных Сил остался и по сей день (см. таблицу 1).

**Количество призывников в Вооруженных Силах
Российской Федерации**

годы	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
количество призывников	303230	308100	297200	306000	236000	260500	230400

Более того, в нашей стране полный отказ от института по призыву считается лишь отдаленной перспективой [7].

Анализ истории военного строительства в разных странах мира показывает, что принципы комплектования армии государств в процессе их развития меняются, и ни один из них в чистом виде, как правило, не применяется. Вероятно необходим баланс в соотношении различных способов комплектования. Так, за двухвековую историю США принцип комплектования армии менялся шесть раз.

Как правило, сторонники сохранения института военной службы по призыву используют следующие аргументы:

Во-первых, только институт военной службы по призыву позволяет подготовить многочисленный и сравнительно профессиональный резерв. Он будет необходим при участии государства в крупномасштабном вооруженном конфликте.

Во-вторых, как уже указывалось выше, сохранение института военной службы по призыву, способствует единению нации. Служба в армии и на флоте воспитывает у молодых людей высоконравственные качества, чувство локтя товарища, физически закаляет защитника Родины.

Поэтому не зря, 64% граждан страны, считают службу в армии для молодых людей хорошей школой жизни [8].

В-третьих, институт призыва на военную службу способствует возникновению и сохранению обязательств между государством и его гражданами, с одной стороны государство стимулирует патриотические настроения в обществе, а с другой нахождение в армии призывников обеспечивает гражданский контроль над вооруженными силами.

В-четвертых, наличие призывной армии способствует появлению и сохранению тысячи рабочих мест, обеспечивающих призывников обмундированием, питанием, транспортировкой, учетом и т.д. То есть фактически за счет призывников существует целая отрасль национальной экономики.

В-пятых, несмотря на значительные затраты по содержанию призывной армии, она все же обходится государству дешевле профессиональной, укомплектованной военнослужащими по контракту.

Вместе с тем анализ исторического наследия не позволяет установить тесную связь между уровнем боевой готовности армии и принципами ее комплектования. Поэтому институт военной службы по призыву присутствует в силу выше указанных причин в странах различающихся как типом государственного устройства, так и по экономическому развитию.

Главным условием сохранения института военной службы, как свидетельствует опыт большинства государств, является соответствие критериям современного цивилизованного общества всех этапов организации обязательной военной службы от момента постановки на учет будущих призывников до момента их увольнения из рядов вооруженных сил.

Другими словами, государство, где сохраняется институт военной службы по призыву должно поддерживать привлекательность данного института. Обеспечивать права и свободы военнослужащих по призыву, защищать их от произвола, предлагать достойное жалование, хорошие условия размещения, питания и проведения досуга, а также адекватные социальные льготы и преимущества при поступлении на учебу и трудоустройстве после завершения службы.

При выборе способа комплектования экономические соображения, безусловно, имеют громадное значение, но главное – это государственная целесообразность и военная эффективность, ибо, как принято говорить: оборона стоит столько, во сколько государство оценивает свой суверенитет.

Какими характеристиками в настоящее время обладает военнослужащие по призыву?

Демографические характеристики военнослужащих, проходящих военную службу по призыву

Большинство (74%) военнослужащих по призыву выросли и воспитывались в полных семьях, а каждый четвертый к тому же жил в многодетной семье [8].

Более половины военнослужащих (55%) – это выходцы из семей рабочих (для примера в 2012 году – 68%). Продолжает увеличиваться количество призывников из семей государственных служащих, предпринимателей и интеллигенции, что в целом соответствует изменению структуры трудовой заня-

тости населения страны и появлению многочисленной прослойки людей, не связанных с материальным производством (см. рис. 1).

Рис. 1. Социальное происхождение военнослужащих, проходящих военную службу по призыву (в %)

Каждый третий военнослужащий до призыва на военную службу постоянно проживал либо в областных центрах (включая Москву и Санкт-Петербург), либо в поселках и деревнях.

Большинство военнослужащих по призыву заканчивали только общеобразовательную школу, либо колледж, а каждый десятый (10%) высшее учебное заведение.

Столь незначительное количество молодых людей с высшим образованием обусловлено ростом популярности военной службы по контракту и появившейся возможностью ее выбора взамен службы по призыву.

Допризывная подготовка

В советское время большинство призывников проходило допризывную подготовку в школах ДОСААФ, а по ряду специальностей (водители, автомеханики, связисты и ряд других, связанных с эксплуатацией техники и вооружения практически 100%).

В настоящее время количество военнослужащих по призыву прошедших допризывную подготовку заметно снизилось

(до 33%). Среди тех, кто имеет допризывную подготовку большинство прошли подготовку в учреждениях начального и среднего профессионального образования, а четвертая часть в фактически заново восстановленном ДОСААФе.

В настоящий момент, появилось ряд общественных организаций занимающихся допризывной подготовкой потенциальных призывников. Одной из самых массовых стала «Юнармия» – добровольное российское детско-юношеское движение, созданное в 2016 г. при активной поддержке Минобороны России. Движение объединила на данный момент (2021 г.) более 1 000 000 детей и подростков со всей России.

Шефство над движением взяли соединения и воинские части Вооруженных Сил. Данное обстоятельство дает членам движения возможность изучать военную технику и заниматься спортом, способствует приобретению специальных знаний и навыков, сохранения и укрепления здоровья подрастающего поколения, а главное воспитывает у юношей и девушек чувство гордости за страну [10].

Практически 66% военнослужащих до призыва на военную службу уже имели, хотя и незначительный опыт трудовой деятельности. При этом каждый четвертый работал на предприятиях, занятых материальным производством. Наличие опыта работы в трудовых коллективах, знание особенностей взаимоотношений между сотрудниками благотворно влияет на их последующую адаптацию в воинском коллективе и способствует быстрому вводу в строй военнослужащего.

Особенности мотивации к военной службе по призыву

Большинство призывников (65%) относятся к своей службе как к законодательной обязанности, гражданскому долгу. Негативно к военной службе по призыву относится лишь 7%. С каждым годом растет количество военнослужащих по призыву считающих военную службу интересным занятием (в 4 раза).

Это связано как со значительным техническим перевооружением армии, так и с тем, что многие хозяйственные функции, такие как уборка территории, наряды по кухне в армии и на флоте отошли к сторонним организациям.

Существенное влияние на мотивацию военнослужащих по призыву оказывает такой внешний фактор, как их удовлетворенность тем, насколько престижна и почетна военная служба в обществе. Удовлетворённость уровнем престижа военной

службы, существующего в российском обществе, на протяжении последних лет стабильна (71%) и имеет тенденции к росту.

Удовлетворенность военнослужащих по призыву своей службой можно рассматривать как показатель того, насколько успешно проходит становление призывников в новой для них социальной роли защитников Отечества. Большинство (76%) военнослужащих отмечают, что они в той или иной степени удовлетворены прохождением военной службы в своих воинских частях и всего 6% заявили, что не удовлетворены данным процессом.

Большое значение для военнослужащих по призыву имеет то, как их ближайшее социальное окружение относится к прохождению ими военной службы. Большинство военнослужащих (83%) считают, что их родители положительно относятся к тому, что они проходят службу в армии, одобряют и постоянно интересуются ей. Только 7% сообщили, что родителей не интересует их служба, а 2% из числа опрошенных считают, что их родители отрицательно относятся к военной службе своего ребенка.

Большинство самих родителей (близких родственников) потенциальных призывников хотели бы, чтобы их сыновья служили бы в армии или на флоте (см. рис. 2).

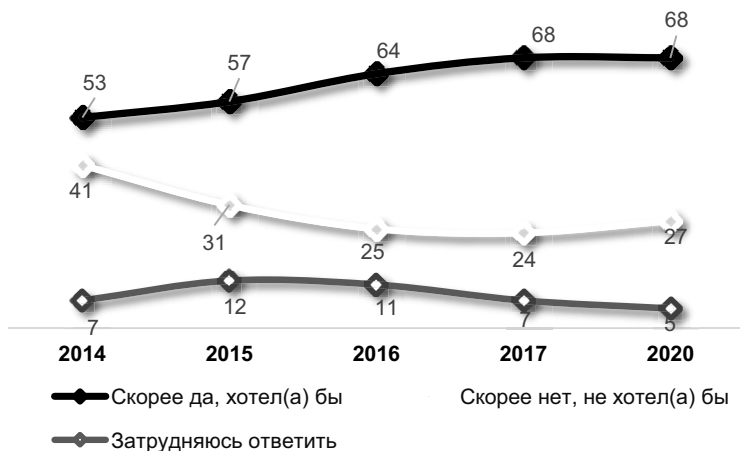

Рис.2. Хотели бы Вы, чтобы Ваш сын, брат, муж или другой близкий родственник служил сейчас в армии? (По данным ВЦИОМ, в % от количества опрошенных)

Таким образом, прослеживается тесная зависимость между отношением молодежи к военной службе по призыву и состоянием престижа военной службы в обществе, организацией целенаправленного патриотического воспитания на всех уровнях и со всеми категориями граждан страны.

Оценка внутриколлективных отношений среди военнослужащих, проходящих военную службу по призыву

Показатель ощущения удовлетворенности службой в воинских коллективах у военнослужащих находится на высоком уровне. Большинство (75%) военнослужащих по призыву отмечают, что они удовлетворены службой в своем воинском коллективе. Подавляющее большинство (84%) военнослужащих считают, что межличностные отношения в их подразделениях товарищеские, доверительные и деловые.

Сокращение сроков прохождения военной службы по призыву способствовало снижению, а в большинстве воинских частей к полному исчезновению, такого позорного явления «как дедовщина». Однако в любом здоровом мужском коллективе, какими являются воинские подразделения, иногда происходят конфликты. Основной причиной конфликтов треть военнослужащих считают личную неприязнь, либо стремление некоторых рядовых, сержантов переложить часть своих обязанностей на сослуживцев.

Соблюдение социально-правовых гарантий военнослужащих, проходящих военную службу по призыву

Существенным условием поддержания высокой боевой готовности и качественного выполнения военнослужащими, проходящими военную службу по призыву, своих обязанностей является обязательное соблюдение их конституционных прав и социальных гарантий. Права и гарантии военнослужащих определяют нормативные требования к качеству и полноте их продовольственного, вещевого и денежного обеспечения, к бытовым и санитарно-гигиеническим условиям прохождения военной службы, а также к организации их отдыха и досуга.

В последнее время предпринято ряд кардинальных мер по существенному улучшению всех видов обеспечения:

- на аутсорсинг переведена организация питания. Данная мера позволила уменьшить количество внутренних нарядов,

пища стала готовиться профессиональными поварами, а ассортимент блюд стал шире;

- обязательным атрибутом мест проживания военнослужащих по призыву стали душевые кабины и стиральные машины, соответственно появились нормы выдачи стирального порошка (ранее такой номенклатуры не было). Само название «казарма» было заменено на «общежитие».

- помимо повседневной и рабочей (специальной) формы каждому военнослужащему по призыву стали выдавать спортивное обмундирование.

Даже этот далеко не полный, перечень изменений не мог благотворно не сказаться на моральном настрое военнослужащих по призыву, да и целом на престиже военной службы.

Так, качество приготовления пищи в солдатских столовых на «отлично» или «хорошо» оценивают большинство (71%) солдат и сержантов по призыву. В их ежедневном рационе в соответствии с установленными нормами присутствуют необходимые продукты для сбалансированного и калорийного питания: мясо, рыба, сливочное масло, сахар, хлеб, овощи, фрукты, яйца (еженедельно). Не остались забытыми и те военнослужащие, кто в полевых условиях выполняет служебные задачи. Разработанный российскими специалистами сухой продовольственный паек (сокращенно – ИРП), считается одним из лучших в мире. Помимо необходимых продуктов питания он включает шоколад, сок, спички, обеззараживающие препараты, влажные салфетки.

Сохранился в армии и на флоте и такой вид обеспечения, как предоставление бесплатных конвертов для личной переписки. Казалось, при наличии мобильной связи предоставление конвертов является не нужным. Однако существуют места службы, где она не доступна для потенциальных абонентов, да к тому же солдату иногда проще и удобней свои мысли изложить на бумаге.

Вещевое обеспечение военнослужащих включает несколько комплектов различной формы одежды, которая используется в зависимости от выполняемых задач и погодных условий. Военнослужащим по призыву обеспечивают следующей одеждой:

- повседневным обмундированием (камуфляжем);
- специальной (рабочей) формой;
- спортивной формой;
- офисной формой.

В период прохождения военной службы военнослужащие по призыву получают денежное довольствие (около 2 105 руб. в месяц). В армии и на флоте существует система денежных надбавок за особые условия службы. Например, за службу в высокогорных районах, прыжки с парашютом, командование отделением, расчетом. Тратят деньги военнослужащие по призыву исключительно на личные нужды.

Одним из факторов удовлетворенности военной службой, является неукоснительное исполнение установленных приказами и директивами мероприятий повседневной деятельности, занятий по боевой подготовке личного состава воинской части. При этом в распорядком дня воинской части должно предусмотрено время не только для боевой подготовки личного состава, но и присутствовать мероприятия в интересах повышения культурного уровня, своевременного сна и отдыха военнослужащих.

Несмотря на существенно возросшую интенсивность боевой подготовки, увеличение количества учений, стрельб, в результате чего достижение стоящих целей невозможно без привлечения военнослужащих к выполнению задач в ущерб их времени отдыха, более половины военнослужащих (54%) полностью удовлетворены созданными в воинской части условиями для отдыха и досуга. При этом большинству (79%) солдат и сержантов регулярно предоставляется 2 часа в сутки для личных потребностей, и лишь 3% – личным временем не располагают.

Наиболее доступными формами проведения досуга для военнослужащих, являются: занятия спортом (89%), просмотр телепередач (84%), просмотр фильмов (82%) (см. рис. 3).

Военнослужащие по призыву высоко оценивают свои знания прав, гарантированных им Конституцией Российской Федерации, Федеральными законами и общевоинскими уставами.

Наиболее хорошо они осведомлены о своих правах на охрану здоровья – 86%, норм выдачи бесплатных конвертов, мыла, конфет – 85%, на свободу совести и вероисповедания – 84%, на личную неприкосновенность – 84%, право на отдых – 82%, на бесплатный проезд к месту службы и обратно – 79%. Несколько хуже военнослужащие осведомлены о страховых гарантиях и об избирательных правах (по 76% соответственно), т.е. теми гарантиями и правами, которыми они пользуются не регулярно, а лишь эпизодически.

Рис. 3. Доступность основных мероприятий, организуемых для военнослужащих, проходящих военную службу по призыву (в %) ¹

Привлекательность прохождения военной службы по призыву

Военная служба по призыву все больше способствует социализации и становлению, воспитанию у российской молодежи гражданственности, патриотизма и мужественности. Стоит сказать, что военнослужащие отмечают улучшение своих индивидуальных качеств за время службы в армии. Особенно отмечены такие характеристики как самостоятельность (68%), способность разбираться в людях (67%), самоуважение (60%), и умение ориентироваться в жизненных ситуациях (65%).

На состоянии привлекательности военной службы по призыву в Вооруженных Силах годов повлияли следующие факторы:

во-первых, повысилась общественная оценка социальной значимости военной службы, способствующая формированию среди молодых людей положительного настроения на прохождение службы в армии;

во-вторых, осуществляются меры, направленные на улучшение социально-экономического и правового положения военнослужащих, введена строгая регламентация жизнедеятельности призывников с выделением времени на боевую подготовку, отдых и личные потребности;

¹ Сумма ответов больше 100%, так как респонденты могли выбрать несколько вариантов ответов.

в-третьих, особое внимание в воинских частях уделяется вопросам создания благоприятных условий прохождения военной службы по призыву, доведения до военнослужащих положенных норм всех видов довольствия.

Так, Федеральным законом от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» определен порядок реализации гражданами, прошедшими военную службу по призыву, права на подготовительные отделения федеральных государственных образовательных организаций высшего образования за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета, а также преимущественного зачисления в образовательную организацию. Федеральным законом № 170-ФЗ от 2 июля 2013 г. «О внесении изменений в законодательство Российской Федерации в части реализации мер по повышению престижа и привлекательности военной службы по призыву» в федеральные законы «О воинской обязанности и военной службе», «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и «О муниципальной службе в Российской Федерации» внесены изменения, в соответствии с которыми в отношении граждан мужского пола, признанными призывными комиссиями субъектов Российской Федерации не прошедшими военную службу по призыву, не имея на то законных оснований, установлено ограничение на замещение должностей государственной и муниципальной службы.

Вышеперечисленные меры, безусловно, свидетельствуют об активной деятельности органов государственной власти Российской Федерации по повышению престижа военной службы по призыву.

Поэтому неудивительно, что большинство (61%) военнослужащих по призыву высоко оценивают уровень престижа военной службы в Вооруженных Силах России, 29% – считают его средним и только 10% – низким (см. рис. 4).

В заключении говоря о перспективах сохранения института военной службы по призыву, следует согласиться с мнением видного военачальника генерала армии М. Гареева: «Государства, которые вынуждены, будут считаться с возможностью агрессивных действий против них или участия по тем или иным причинам в крупномасштабной войне, придется кроме содержания кадровой армии мирного времени, больше заботиться о развертывании на время войны более крупных вооруженных сил и подготовке мобилизационных ресурсов путем обучения систематически призываемых в вооруженные силы воинских контингентов» [11, с.195].

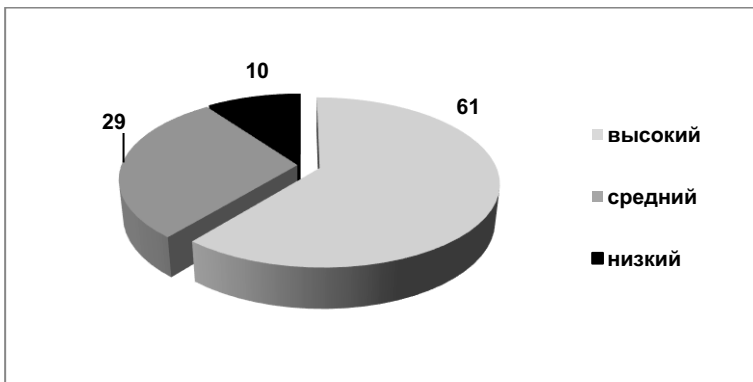

Рис. 4. Уровень престижа военной службы в России)
(по мнению опрошенных военнослужащих, в %)

Все это свидетельствует о том, что совершенно идеальных систем комплектования вооруженных сил нет, и не может быть. Есть только определенные национальные интересы, социально-политические, экономические, геостратегические условия и возможности государства, задачи вооруженных сил, вынуждающие каждое государство избирать конкретную, наиболее рациональную для него систему комплектования Вооруженных сил.

Литература:

1. Федеральным законом от 28 марта 1998 г. №53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе».
2. Проект федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с отменой призыва на военную службу в мирное время». Официальный сайт ЛДПР от 26 ноября 2011 года.
3. DW. 26 июня 2020 г. [Электронный ресурс].
4. Фрунзе М.В. Единая военная доктрина и Красная Армия / Избр. произв. М., 1965. С. 47.
5. Закон «О всеобщей воинской обязанности» от 1 сентября 1939 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1939. № 32.
6. Постановление Правительством Российской Федерации от 30 ноября 1992 года № 918 «О мероприятиях по поэтапному переходу к комплектованию Вооруженных Сил Российской Федерации военнослужащими в добровольном порядке – по контракту». Указ Президента Российской Федерации № 722 (май 1996 г) «О переходе к комплектованию должностей рядового и сержантского состава Вооруженных Сил и других войск Российской Федерации на профессиональной основе».

7. Болдырев В. Выступление главы Комитета Совета Федерации по обороне и безопасности 20 февраля 2020 года.

8. ВЦИОМ, Информационный сборник, декабрь 2020 года.

9. Ежегодный доклад о социально-экономическом и правовом положении военнослужащих и членов их семей в 2019 г., М. 2020 г.

10. Шойгу С.К., Выступление перед активом «Юнармии» 28 мая 2016 г. РИА новости 28 мая 2016 г.

11. Слипченко В.Н., Гареев М.А. Будущая война ISBN: 5-94282-345-6 Год издания: 2005 Издательство: ОГИ Язык. С. 195.

BYCHKOV P.I.

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor Senior Researcher of the Research Department (Military-Humanitarian Research) of the Military University named after Prince Alexander Nevsky

ZOLOTUKHIN A.G.

Head of Department 16 (information support) of Military University named after Prince Alexander Nevsky

Conscription – sociological analysis

The article tells about sociological analysis of the way to staff Russian Armed Forces – conscription.

Keywords: *Armed Forces, way to staff, the institute of conscription, military unit, conscripts, credibility of conscription.*

Literature:

1. Federal Law No. 53-FZ of March 28, 1998 "On Military Duty and Military Service".

2. Draft Federal Law "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with the Abolition of Conscription for Military Service in Peacetime." The official website of the LDPR dated November 26, 2011.

3. DW. June 26, 2020 [Electronic resource].

4. Frunze M.V. Unified military doctrine and the Red Army / Elected proc. M., 1965. p. 47.

5. The Law "On Universal military duty" of September 1, 1939 // Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR. 1939. No. 32.

6. Resolution by the Government of the Russian Federation of November 30, 1992 No. 918 "On measures for the gradual transition to the recruitment of the Armed Forces of the Russian Federation by military personnel on a voluntary basis – under contract." Decree of the President of the Russian Federation No. 722 (May 1996) "On the transition to the recruitment of positions of enlisted and non-

commissioned personnel of the Armed Forces and other troops of the Russian Federation on a professional basis."

7. Boldyrev V. Speech by the head of the Federation Council Committee on Defense and Security on February 20, 2020.

8. VTSIOM, Information Sourcebook, December 2020.

9. Annual report on the socio-economic and legal situation of servicemen and their family members in 2019, M. 2020

10. Shoigu S.K., Speech to the active members of "Unarmia" on May 28, 2016 RIA Novosti on May 28, 2016

11. Slipchenko V.N., Gareev M.A. Future war ISBN: 5-94282-345-6
Year of publication: 2005 Publisher: OGI Language. p. 195.

ШЕРЕМЕТ Александр Николаевич,
кандидат социологических наук, доцент,
старший научный сотрудник лаборатории
социальноэкономических проблем человеческого
развития Института социально-экономических
проблем народонаселения ФГБУН ФНИСЦ РАН
E-mail: 201071sh@gmail.com

Искусство как фактор интеграции и дезинтеграции в социальном пространстве

Статья посвящена анализу аспектов влияния искусства на интеграционные и дезинтеграционные процессы в социальном пространстве.

В статье предпринята попытка раскрытия сущности искусства как способа познания и отражения, социального поля и творческой деятельности. Проанализированы взаимообусловленность искусства и общества, социальное функционирование и эффективность искусства, современные виды социального искусства, в том числе в ракурсе практики социальной инклюзии.

Ключевые слова: *искусство, социальная интеграция, социальная дезинтеграция, социальное искусство.*

Жизнь общества, как и жизнь отдельно взятого человека, характеризуется постоянным движением и изменениями. Наиболее общая модель социокультурных изменений – это модель постоянно меняющихся повторяющихся процессов, таких как явления войны и мира, стабильные и нестабильные периоды, индивидуализм и коллективизм, классицизм и романтизм, идеализм и материализм, мир и анархия, пик и упадок, интеграция и распад. В разные эпохи, в своеобразных культурных системах люди по-своему осознают мир, понимают его сущность, организуют деятельность, определяют и налаживают отношения между собой и окружающим миром.

Социальная интеграция, в отличие от противоположного ей явления дезинтеграции, понимается как динамичный и принципиальный процесс продвижения ценностей, отноше-

ний и институтов, которые позволяют участвовать в социальной, экономической, культурной и политической жизни на основе равенства прав, справедливости и достоинства. Тем не менее, сегодня люди в обществе часто чувствуют себя изолированными и незначимыми, поскольку их ранее существовавшие системы ценностей разрушаются. Для таких людей дезинтеграция может рассматриваться как бегство от невыносимого чувства бессилия. Однако массовая дезинтеграция по мере разложения общества ассоциируется с чувством примитивного всемогущества. В таком состоянии возникает проблема в желании полного уничтожения существующего общества, которое воспринимается как враг [9].

Важное место в процессе интеграции и дезинтеграции в социальном пространстве отводится искусству. Различные подходы ученых к определению сущности феномена искусства, места в общественной жизни обусловили неоднозначность понимания этого сложного и многогранного явления. Среди распространенных понятий о том, что такое искусство, можно выделить такие, как: искусство – специфический способ познания действительности; способ отражения действительности; форма самовыражения художника; связь человека с Богом, Абсолютом, Космосом; особая знаковая система; способ получения удовольствия и т. д. Искусство трактуют и как субъективный образ объективного мира или как сложную многогранную разновидность человеческой духовно-практической деятельности. Все многочисленные теоретические осмысления сущности этого феномена еще более подчеркивают его многозначность и многомерность. Искусство рассматривается как явление, порожденное людьми, как феномен, который не только имеет человеческую природу, но и обеспечивает универсальность человека. Оно является своеобразной формой сочетания человека с окружающим миром, в частности с другими людьми. Им утверждаются ориентиры мировосприятия, определяется общая принципиальная позиция человека в его отношении к действительности. Искусство воспроизводит процесс переживания человеком реальных отношений, реализует неповторимость его духовного мира, отражает уровень его социальности, свободы, а также философские и нравственные наставления, творческие поиски и т.п. [5]. Оно воспроизводит, удваивает реальность человеческого мира в его наивысшей жизненной полноте и делает это благодаря системе чувств, представлений

и переживаний. Искусство способно одновременно аккумулировать в себе разновременные и разнокачественные реалии человеческого опыта и воплощать их в переживания. Это, с одной стороны, результат и процесс взаимодействий художника и действительности, а с другой – результат и процесс взаимодействий зрителя, слушателя и художественного произведения. Художника (творца) и потребителя (сотворца) объединяет действительность, которая является для них единственным началом. Поэтому искусство невозможно представить, как вне процесса его создания, так и вне процесса его восприятия, ибо это является фундаментом целостной сущности данного явления. Это процесс эмоционально-чувственного овладения художником действительности, зафиксированный в художественных произведениях, который воспроизводится потребителем благодаря восприятию этих произведений.

По мнению К.Б. Соколова, в искусстве воплощен опыт не одного поколения, а многих, им создается своеобразная биография человечества, фиксируются все качественные изменения, происходящие в его духовной жизни. Оно способно вобрать в себя и передать все разнообразие ситуаций взаимодействий человека и мира, человека и человека. Искусство социализирует индивида, является воплощением общечеловеческих идеалов. Оно формирует личность во всей ее сложности и глубине, выступает наиболее совершенной формой осмысления мира, передачи опыта отношение людей к нему, влияет на глубинные внутренние начала человека [9].

История мирового искусства – это большая летопись человеческой жизни, история мыслей и чувств, пережитых человечеством в непрерывных поисках истины, это возвращение нас в прошлые эпохи, сопереживания радости и горя как прошлых поколений, так и современников. История культуры показывает, что искусство, начиная с эпохи Античности, ставило перед собой цель совершенствования человека и общества. Все виды искусства Древней Греции (литература, скульптура, музыка, театр и др.) исповедовали идеал калократии и стремились к его воплощению. Традиция социологической теории и исследований рассматривала культурные изменения в создании и восприятии произведений искусства как зависимые от изменений положения классов, слоев, несущих групп и т. д. Наиболее очевидная и, возможно, самая крайняя нить в этой традиции обнаруживается в работах К.

Маркса [1], который предложил одну из наиболее всеобъемлющих теорий развития человеческих обществ от первых охотников-собирателей до индустриальной эпохи. Для К. Маркса основная структура обществ и сил исторических изменений основывалась на идее «основы и надстройки». В этой модели экономическая структура общества составляет основу, на которой покоятся культура и социальные институты, формируя его надстройку.

Для разных эпох характерны разные формы собственности и разные классовые структуры, у которых на протяжении всей истории были противоположные или противоречивые интересы. Для К. Маркса то, что делают люди, определяет то, кем они являются. То, что значит быть «человеком», определяется способностью, которой он обладает как вид, в частности умением творчески преобразовывать мир, в котором он живет, для удовлетворения его потребностей в выживании. С исторической точки зрения, несмотря на постоянную природу доминирования одного класса над другим, элемент человечества как создателя существовал всегда. Но с буржуазной революцией, ростом промышленности и капитализма, как отмечается в трудах К. Маркса, рабочие трудились только за заработную плату. Существенные элементы творчества и самоутверждения в свободном распорядке были заменены принуждением. К. Маркс описал экономические условия производства при капитализме в терминах отчуждения, которое относится к состоянию изоляции человека и его отделения от своего общества, чувства собственного достоинства и общей человечности [6]. У Э. Дюркгейма также обнаруживается, что изменения в религии, морали, законах и культурных ценностях, таких как индивидуализм, коренятся в возрастающей сложности общества. Для Э. Дюркгейма общество было больше, чем сумма его частей. Он утверждал, что индивидуальное поведение не то же самое, что коллективное, и что изучение коллективного поведения сильно отличается от изучения действий отдельного человека. Общество действовало как внешний сдерживающий фактор для индивидуального поведения. Э. Дюркгейм также считал, что социальная интеграция, или сила связей, которые люди имеют со своими социальными группами, была ключевым фактором социальной жизни. Как наблюдатель за своим современным социальным миром, особенно за беспокойной историей Франции конца XIX в., Э. Дюркгейм интересовался признаками того, что общество

того времени находится в процессе социальной дезинтеграции. Главная проблема заключалась в том, что «культурный клей», скрепляющий общество, рушился, и что люди становились все более разделенными. Согласно взглядам Э. Дюркгейма, доиндустриальные общества держались вместе механической солидарностью, поддерживаемым общим коллективным сознанием. Такие общества допускали низкую степень индивидуальной автономии.

В индустриальных обществах механическая солидарность заменяется органической солидарностью, социальным порядком, основанным на признании экономических и социальных различий.

В капиталистических обществах разделение труда становится настолько специализированным, что каждый занимается разными делами. Несмотря на повышенный уровень индивидуальной автономии общество сплочено, потому что каждый зависит от всех остальных. Вместо того чтобы наказывать членов общества за неспособность ассимилироваться с общими ценностями, органическая солидарность позволяет сосуществовать людям с разными ценностями. Хотя переход от механической к органической солидарности в конечном итоге выгоден для общества, Э. Дюркгейм отметил, что это может быть время хаоса. Один из результатов перехода – социальная аномия, в которой общество больше не имеет поддержки твердого коллективного сознания. Нет четких норм или ценностей, которыми можно руководствоваться и регулировать поведение. Э. Дюркгейм считал, что по мере того, как общества достигают продвинутой стадии органической солидарности, они избегают аномии, заново разрабатывая набор общих норм [10].

Французский социолог П. Бурдьё исследовал не культуру и произведения искусства, а их институциональный контекст, который формирует, легитимизирует и поддерживает те или иные ценности и вкусы. Благодаря ему в современной критике появились такие понятия, как «культурный капитал», «габитус». П. Бурдьё утверждает, что в мире искусства идет борьба за власть определять ценность и идентификацию искусства через его производство. Все те, кто связан с искусством и те, кто, живя искусством и живя за счет искусства, противостоят друг другу в конкурентной борьбе за определение смысла и ценности произведения искусства. Идеи П. Бурдьё о габитусе – совокупности диспозиций, склоняющих человека действо-

вать и реагировать определенным образом, порождают практики, восприятия и отношения, «которые являются регулярными без сознательной координации или регулируется каким-либо правилом» [13]. Эта динамика далее понимается через концепцию «культурного капитала» П.Бурдье, приписывающая символическое значение человеку (например, художнику) или объекту (например, произведению искусства) на основе воспринимаемого статуса в культуре. Общественно признанные правила и иерархии мира искусства узаконены культурно и символически [4].

Искусство как «эстетика повторения» создается внутри социальных систем центробежными силами, которые приводят к усилению феномена «избытка», влияющего на содержание, структуры, формы, дискурсы и способы его восприятия в целом. Эти центробежные силы преобладают внутри, а не снаружи социальных систем. События записываются, воспроизводятся, ритуализируются и повторно используются. Повторение символизируется как сечение жизни во всех ее сферах, от искусства, мифов и ритуалов до повседневной жизни. Это говорит о том, что построение смысла на самом деле является типом социального вспоминания, которое сегодня подчеркивается глобализацией распространения информации в реальном времени. Намеренное и творческое выполнение повторения можно даже рассматривать как перевод рефлексивности, когда память о прошлом обращено лицом к настоящему будущему. Эта рефлексивность, как правило, усиливается во времена кризиса, когда участие в искусстве становится альтернативой занятию политикой. С помощью искусства люди смогут действовать по-другому – в форме действия, предполагающей не только рефлексивность, но и изменчивость, необходимую для нахождения неcodифицированных решений в рамках уже известных эффектов [10]. Производительность, с этой конкретной социальной точки зрения, становится двигателем, который управляет всеми аспектами социальных отношений, от их наиболее публичного выражения в работе и досуге до их наиболее личного выражения в личной жизни человека. Этот процесс побудил различных авторов заявить, что социальное исполнение является «новой идеологией» современного общества [7]. С этой точки зрения искусство участия может стать альтернативой самой политике, параллельным полисом, гражданской силой вовлечения и вмешательства граждан, действующей в рамках гражданского общества и выходящей за рамки власти

государства. Так, например, креативность, распространившаяся на улицу в Португалии, была частью глобального процесса, начавшегося в 60-х гг. XX в., когда улица стала местом художественных практик – от ситуационизма Ги Дебора в Париже до граффити в Нью-Йорке. Это было время, когда французы в своей революционной борьбе против отчуждения досуга создавали свои «ситуации», превращая повседневную жизнь в «театр операций» и настаивая на том, что искусство должно быть «языком общения». А в Нью-Йорке огромное количество произведений искусства во многих жанрах создавалось одновременно, на тему улицы, а иногда и прямо на улице. А тем временем множество уличных артистов играли на инструментах или пели музыку всех видов, танцевали, исполняли или импровизировали пьесы, создавали события, окружающую среду и фрески и насыщали улицы. Многие проявления и конфронтации 60-х гг. XX в. стали заметными произведениями кинетического искусства и искусства окружающей среды, в создании которых участвовали миллионы людей [11].

Современная культура и искусство – это область, порождающая множество интеграционных процессов, среди них интеграция искусства и науки, искусства и технологий и т. д. Имея дело с изменениями в культуре и искусстве, которые можно наблюдать сегодня как отражение политической, социальной или экономической интеграции, следует использовать более осторожно такие широко используемые термины, как интеграция. Это связано в первую очередь с тем, что все еще существуют тяжело преодолимые различия в культуре, которые могут быть местными, национальными или региональными. Поскольку художники подходят к художественному диалогу с совершенно разных точек зрения, с совершенно разным опытом, это вызывает конфликты, общественные скандалы и небольшие, но настоящие культурные войны, которые приводят к отступлению в свои собственные культурные границы. Сейчас тот факт, что эти страны одна за другой выходят из своей изоляции, приводит к поднятию проблемы недостаточного знания искусства друг друга [3].

Третье тысячелетие отличается от прошлых эпох активным процессом переоценки ценностей, именно в современных условиях стремительно меняются не только, как мы сегодня это наблюдаем, геополитические реалии, философские системы и моральные наставления, но и фундаментальные

основы жизни – то, что долгое время составляло так называемые «культурные коды». Никогда духовный мир человека так не трансформировался, радикально не менялся, как сейчас, а человек не чувствовал себя настолько свободным и таким одиноким. Происходящая в современном мире глобализация вместе с положительными последствиями проявляет свои негативные начала, которые связаны с тем, что человек начинает ощущать свою беспризорность, неизвестную по масштабам негарантированность существования, социальную бездомность, страх, предчувствие катастрофического конца света и т.д. В этих условиях кардинальные изменения касаются и искусства. Оно создает принципиально новую действительность, которая отличается от реальной заметным обнаружением свободы. Стремительный рост свободы применительно к реальности делает искусство полем экспериментирования. Оно существенно отличается от того, чем было в прошлом. Меняется не только смысл искусства, а его предназначение и место в обществе. Паблик-арт нового жанра, социально-ориентированное искусство, реляционная и диалогическая эстетика, *Arte til* – существует множественность терминов, возникающих в последние десятилетия, что сигнализирует о растущем интересе к искусству, которое не просто тематическое, а привлекает человека к социальной активности, ответственности, сотрудничеству и т.п. 1990-е гг. были признаны решающим десятилетием для этого поворота. Хотя социально-экстравертные художественные практики существовали десятилетиями, они исторически были отодвинуты на задний план мира искусства. Еще в 80-е гг. XX в. новаторские практики социального искусства, коллективности и активности существовали скорее отдельно от высокого искусства [2].

Сегодня во многих случаях художественные интервенции, направленные на установление отношений с обществом, восстанавливают это участие и социальный эффект, чтобы выразить свои «крики на улице». Конкретным примером, среди прочего, является работа Уго Канойласа, молодого португальского художника. Одна из работ Канойласа, которая была включена в выставку «Люди» в EDP Foundation (2010) в Лиссабоне, представляла собой большую белую стену, состоящую из предложений, относящихся к людям. За ночь, после демонтажа выставки, художник тайно «установил» части фрески на улицах жилых домов среднего класса. Другой

совместный проект Jornal Mural и Canoilas, привел к появлению эфемерной газеты, «наклеенной» на стены Лиссабона. Его цель состояла в том, чтобы зарекомендовать себя как художественное вмешательство и политический вызов городской аудитории с «новостями о том, что произошло, хотя никто этого не видел или что не было засвидетельствовано в целом», что привело бы к «предложению интеллектуального капитала». Тексты этого искусства тайно вторгаются в общественное пространство, воспринимая его как «дискуссионный форум», где искусство может заложить основы для создания «общего языка», который может мобилизовать действия, ведущие к гражданским и политическим изменениям [5]. В современном контексте, который начинает обсуждать существование глобализированного искусства, работы Уго Канойласа, таким образом, демонстрируют одну из особенностей нашего времени: возвращение социального искусства в публичное пространство. В данном случае эти произведения вышли из выставочного пространства музея на улицу в многофокусном режиме, характерном для «прямого театра». Спустя некоторое время после этих художественных инсталляций на улицах всего мира возобновились гражданские события, что позволило наглядно продемонстрировать шаткость и неуправляемость, благодаря интенсивному использованию эстетических, гражданских и политических постановок. Они открывают новые формы политического выражения, которые можно анализировать в контексте теории производительности. Этот анализ может быть проведен на общей мизансцене в рамках новых социальных движений, рамки которых подразумевают понимание прошлого как «дебатов» и искусства как «процесса». Чтобы искусство оставалось в движении, люди, как актеры и сети актеров, должны изобретать искусство, размышлять над ним, экспериментировать с ним, помнить его (или хранить любым способом), обсуждать и передавать другим [8].

Идея «возврата» к прямому подходу к уличному искусству подчеркивает понятие излишества, подходящего для отбора и позитивного творчества. Но во времена «структурной гибридности», которой способствует интенсификация обменов между всеми сферами общества (культурными, социальными, экономическими и политическими) и всеми региональными уровнями (локальным, региональным, глобальным и транслокальным), сама перформативность гибридного миме-

сиса или миметическая гибридность, в ее наиболее эффектной и наиболее повторяющейся, наиболее разной и наиболее сходной форме, ускоряется. Социальное искусство стремится рефлексивно и перформативно вмешиваться в социальное, в котором периоды кризиса кажутся эквивалентными в определенном сценарии периодам восстания и революции. Искусство в это время может быть эффективным инструментом перед лицом несправедливости, апатии, недоверия, невежества и страха, способствует пониманию, общению, сочувствию, чувству общечеловечности и творческому поиску решений насущных системных проблем [10].

Наиболее интеграционным социальным видом искусства, объединяющим в себе различные средства воздействия на личность, является театр. Театральное искусство – один из самых древних и значимых видов творческой деятельности человека. В более ранних аналитических обзорах [12] нами было отмечено, что театр, в первую очередь как социальный институт, является средством адаптации и ориентации отдельного человека в обществе, позволяет овладеть системой социальных ценностей, повышает значимость и роль личности. Социально вовлеченные спектакли – известные попеременно как общественные представления, театр для социальных изменений и активистское искусство – стремятся познакомить людей с системами, в которые они встроены. Социальный театр относится к событиям, которые могут наладить партнерские отношения между артистическими и гражданскими группами, решать конкретные вопросы, важные для этих сообществ. Социальный театр «объединяет эстетика и политика» и является «взаимосвязанным, воплощенным и продолжительным». Идея социального театра также обращает внимание на характер публичного дискурса, который подскажут театральные события. Так, например, театральный коллектив Мнушкина известен тем, что использует эстетически красивые массивные театральные работы для социальной и политической критики конкретных местных и глобальных условий. Ее работа динамично укоренена в современном мире и реагирует на него. Театр угнетенных Боала использует исполнителей для постановки сцен, основанных на проблемах, которые распространены в этом сообществе и приветствуют участников аудитории, которые выходят на сцену, чтобы изменить то, как сцена разыгрывается. В Театре войны и Возвращении домой профессиональные актеры сосредотачивают внимание аудитории к словам и ситуациям, которые они

описывают. Большая часть этого искусства также имела политическую повестку дня, связанную с тем, чтобы сделать заметными голоса маргинализированных групп населения: СПИД-активизм, женское движение, движение против апартеида, гражданское движение, движение за права и свободы и т.д. [12].

Таким образом, искусство – это, помимо всего прочего, способ передачи культуры и накопления знаний, поскольку оно воплощает в жизнь и фиксирует убеждения, переживания, ожидания, страхи и надежды в форме, которую можно разделять (а также по-разному интерпретировать) вне времени, в котором оно создано. Тем не менее каждому типу общества присущ свой характер, доминирующий вид и стиль искусства. Дезинтеграция групп часто возникает в результате их интеграции. Следовательно, это культурное и художественное противостояние приводит к выводу о том, что возможна эскалация конфликтов между группами, народами, расами и культурами.

Современная социология рассматривает искусство как систему социально значимых действий, где происходит овладение личностью зрителя системой социальных ролей, социальным опытом, что и определяет функцию искусства в целом и социального театра в частности, отмечает его эффективность в ракурсе социальной инклюзии и, тем самым, интеграции общества, как способа регулирования социальных процессов и освоение общей культуры и коммуникации.

Литература:

1. Андреев А.Л. Марксистско-ленинская концепция искусства и принцип отражения / А.Л. Андреев. М.: Наука, 1988. – 206 с.
2. Гюйо Ж.М. Искусство с точки зрения социологии. 2-е изд. URSS, 2015. - 392 с.
3. Жидков В.С., Соколов К.Б. Искусство и общество. СПб.: Алетейя, 2005. - 592 с.
4. Калашникова А.А. Произведение в поле искусства: ставка, капитал, габитус / А.А. Калашникова // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2017. – Т. 23. – № 1. – С. 174-192.
5. Келеберда Н.Г. О целях и предназначении искусства в социокультурном контексте современности / Н.Г. Келеберда // Философия права. – 2017. – № 4(83). – С. 106-110.
6. Овсянников М.Ф. Искусство и капитализм / М.Ф. Овсянников. – Москва: Искусство, 1979. – 343 с.

7. Орлова И.Б. Современные социологические теории: Э. Гидденс Ю. Хабермас П. Бурдьё / И.Б. Орлова, Т.И. Шумилина // Наука. Культура. Общество. – 2010. – № 4. – С. 112-125.
8. Склез В.М. «Трава растет из середины»: современное искусство как пространство исследования социального / В.М. Склез // Шаги-Steps. – 2017. – Т. 3. – № 3. – С. 204-208.
9. Соколов К.Б. Социология искусства как часть искусствоведения: становление и развитие // Художественная культура. - 2014. - № 3 (12). - ISSN 2226-0072
10. Фриче В.М. Социология искусства. – Изд.5-е. – М., 2010. – 208 с.
11. Человек в мире художественной культуры: Приобщение к искусству: процесс и управление / [Ю.У. Фохт-Бабушкин, В.Я. Нейгольдберг, В.Н. Дмитриевский и др.; Отв. ред. Ю.У. Фохт-Бабушкин]. – М.: Наука, 1982. – 335 с.
12. Шеремет А.Н. Социальный театр как способ преодоления социальной эксклюзии / А.Н. Шеремет // Социология. – 2021. – № 4. – С. 227-235.
13. Шматко Н.А. «Социальные пространства» Пьера Бурдьё // Бурдьё Пьер. Социальное пространство: поля и практики: пер. с фр. / Сост., общ. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. СПб.; М.: Алетейя; Институт экспериментальной социологии, 2007. ISBN 978-5-903354-03-0.

SHEREMET A.N.

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Senior Researcher at the Laboratory of Socio-Economic Problems of Human Development of the Institute of Socio-Economic Problems of Population of the Federal State Budgetary Institution FCTAS RAS

Art as a factor of integration and disintegration in social space

The article is devoted to the analysis of aspects of the influence of art on the integration and disintegration processes in the social space.

The article analyzes the interdependence of art and society, social functioning and effectiveness of art, modern types of social art, including from the perspective of the practice of social inclusion.

Keywords: *art, social integration, social disintegration, social art.*

Literature:

1. Andreev, A.L. Marxist-Leninist concept of art and the principle of reflection / A.L. Andreev. М.: Nauka, 1988. – 206 p.

2. Guyot J.M. Art from the point of view of sociology. – 2nd ed. – URSS, 2015. – 392 p.
3. Zhidkov V.S., Sokolov K.B. Art and Society. St. Petersburg: Aleteya, 2005. – 592 p.
4. Kalashnikova A.A. A work in the field of art: rate, capital, habitus / A.A. Kalashnikova // Bulletin of the Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science. - 2017. – Vol. 23. – No. 1. – pp. 174-192.
5. Celeberda N.G. On the goals and purpose of art in the socio-cultural context of modernity / N.G. Celeberda // Philosophy of Law. – 2017. – № 4(83). – Pp. 106-110.
6. Ovsyannikov M.F. Art and capitalism / M.F. Ovsyannikov. – Moscow: Iskusstvo, 1979. – 343 p.
7. Orlova I.B. Modern sociological theories: E. Giddens, Y. Habermas, P. Bourdieu / I.B. Orlova, T.I. Shumilina // Nauka. Culture. Society. – 2010. – No. 4. – pp. 112-125.
8. Sklez V.M. "Grass grows from the middle": contemporary art as a space for social research / V. M. Sklez // Steps-Steps. – 2017. – Vol. 3. – No. 3. – pp. 204-208.
9. Sokolov K.B. Sociology of art as part of art studies: formation and development // Artistic culture. – 2014. – № 3 (12). – ISSN 2226-0072
10. Fritsche V.M. Sociology of Art. – Ed. 5-E. – M., 2010. – 208 p.
11. People in the world of artistic culture: Introduction to art: process and management / [Yu.U. Focht-Babushkin, V.Ya. Neigoldberg, V.N. Dmitrievsky, etc.; Ed. Yu.U. Focht-Babushkin]. M.: Nauka, 1982. – 335 p.
12. Sheremet A.N. Social theater as a way to overcome social exclusion / A.N. Sheremet // Sociology. – 2021. – No. 4. – pp. 227-235
13. Shmatko N.A. "Social spaces" by Pierre Bourdieu // Bourdieu, Pierre. Social space: fields and practices: trans. from the French / Comp., General ed. trans. and afterword by N.A. Shmatko. – St. Petersburg.; M.: Aleteya; Institute of Experimental Sociology, 2007. ISBN 978-5-903354-03-0.

МАКАРОВА Елена Александровна
доктор психологических наук, профессор ДГТУ
г. Ростов-на-Дону
E-mail: makarova.h@gmail.com

ХОЛИНА Оксана Александровна
кандидат психологических наук, доцент,
зав.кафедрой психологии ТИ им. А.П.Чехова
(РГЭУ «РИНХ»), г. Таганрог

Роль социализации и отношения к деньгам в формировании финансовой грамотности детей и подростков

Целью данного исследования было проверить отношения между социализацией, финансовым опытом, отношением к деньгам, установить демографические характеристики и их роль в формировании финансовой грамотности детей и подростков. Для воспитания отношения к деньгам необходимо, в первую очередь, определить демографические факторы, связанные с финансовой грамотностью. Это третья статья в цикле работ по финансовой грамотности и социально-психологическим факторам ее формирования. Материалы статьи могут быть полезны для экономистов, педагогов и психологов, которые занимаются воспитанием ответственного отношения к деньгам и формированием финансовой грамотности детей и подростков. В статье рассматривается также феномен финансовой социализации, ранее в научной литературе не рассматриваемый.

Ключевые слова: финансовая грамотность, кредитная зависимость, социализация, финансовое беспокойство.

Финансовая грамотность обычно определяется, как способность человека понимать, анализировать, управлять финансами, а также общаться и обсуждать финансовые вопросы [1]. На микроуровне финансовая грамотность относится к знаниям и навыкам, необходимым для управления финансовыми проблемами и решениями в повседневной жизни. На макроуровне

финансовая грамотность гарантирует, что граждане страны должным образом оснащены для решения повседневных финансовых проблем и ситуаций, а также для операций на рынке. Низкий уровень финансовой грамотности может привести к принятию неоптимальных финансовых решений, которые в совокупности могут повлиять на уровень благосостояния страны в целом, усложнив потребителям удовлетворение финансовых потребностей, необходимых для жизни. Предыдущие исследования в нашей стране и за рубежом [2,3,4,5,6] показали, что низкая финансовая грамотность связана с тем, что потребители отстранены от процессов, ведущих к принятию оптимальных финансовых решений. Такие результаты финансового поведения и отрицательное отношение молодых людей к деньгам способствуют значительному снижению уровня финансового благополучия [7]. Кроме того, измерение финансовой грамотности молодых людей особенно важно, если смотреть с точки зрения того, что финансовые знания и навыки, приобретенные на ранних этапах жизни, создают основу для будущего обоснованного финансового поведения и материального благополучия граждан [8].

Исследование направлено на понимание, почему некоторые подростки более склонны к неразумному финансовому (потребительскому) поведению, которое, скорее всего, приведет к долговым обязательствам в будущем. Долги (личные или по кредитной карте) рассматриваются как возникающие из нескольких факторов, среди них демографические, личностные, социальные и образовательные переменные, играющие роль в формировании финансовой грамотности и кредитной ответственности.

Кредитные карты являются актуальной частью современной жизни для значительной части населения, а в последнее время и для детей и молодежи. Кредитные карты служат многим полезным целям, например, как практически незаменимое средство создания кредитной истории, позволяют совершать немедленные покупки, чтобы затем оплачивать их, и позволяют временно ликвидировать разрывы в денежных потоках. Однако злоупотребление кредитными картами и несоответствие между структурами доходов и потребления могут легко привести к значительному накоплению возобновляемой ежемесячной задолженности. Задолженность по кредитным картам может привести к финансовому беспокойству в связи с невозможностью погашения задолженности. Мы

придаем первостепенное значение тревоге, связанной с использованием кредитных карт, задолженностью и вопросами финансового образования, касающимися финансовой грамотности, погашения долга по кредитным картам и моделей принятия решений о потреблении. Регулирование платежей по кредитной карте позволяет физическим лицам накапливать ежемесячный баланс, поскольку полная оплата каждый месяц не является обязательной, а лишь одной из возможных форм погашения, которые есть у физических лиц. Фактически, до тех пор, пока люди совершают хотя бы минимальный платеж за каждый платежный цикл, им разрешено продолжать использовать кредитную карту, накапливать больше долгов и финансировать повседневные покупки несуществующими финансами вместо использования реальных денежных средств. Минимальные платежи (или любая другая частота платежей, отличная от полной оплаты) создают необъективные суммы платежей, которые переводятся в растущий ежемесячный баланс. Конечно, просроченные комиссии и дополнительные проценты на балансе также накапливаются. В этом контексте, однако, финансовое беспокойство, связанное с возможностями погашения долга по кредитной карте, получило лишь минимальное внимание, особенно та часть, которая касается подростков. Проблемы, связанные с неэффективным управлением задолженностью по кредитным картам, могут быть легко связаны с несколькими факторами, такими как легкий доступ к кредитным картам, отсутствие финансового образования и, как следствие, низкий уровень финансовой грамотности, что может в действительности привести к накоплению долгов по кредитным картам. Совокупный результат этих факторов – создать повсеместные стимулы для потребителей жить не по средствам. Образовательные программы и раннее вмешательство в области финансовой грамотности направлены на предотвращение участия молодых людей в этом типе потребительского поведения и компенсируют эндогенное присутствие наивного поведения, отсутствие самоконтроля и самоуверенность в отношении возможностей погашения долга.

Демографические факторы, такие как год рождения, определяют вероятность приобретения подростком кредитной карты или счета в банке. Кроме того, независимо от года рождения, необходимо учитывать также пол, личностные качества и ценностно-смысловые ориентации подростка [9]. В

частности, более вольные отношения к использованию кредита, стремление любой ценой удовлетворить свои потребности, низкий уровень самоконтроля и компульсивные расходы связаны с повышенным финансовым риском [10]. Социокультурные факторы оказывают существенное влияние на формирование ценностно-смысловых ориентаций. Национальный стиль жизни, привычки и ценности, этнические основы общества влияют на способность молодых людей контролировать свои компульсивные расходы и ответственно относиться к расходованию финансов (личных или денег родителей). Социальное сравнение, тенденция противопоставлять свой финансовый статус статусу других молодых людей указывают на связь с удовлетворенностью (неудовлетворенностью) доходами и успехом [11].

Кредитные карты и их безответственное использование представляют серьезную угрозу финансовой стабильности и благосостоянию подрастающего поколения. В связи с этим обучение финансовой грамотности должно помочь молодым людям принимать более обоснованные и ответственные экономические решения и контролировать свои компульсивные порывы.

Литература по рациональному финансовому поведению предполагает и, следовательно, диктует, что физические лица могут получать долги в соответствии со своими возможностями погашения и придерживаться оптимального погашения задолженности. В этом контексте процессы принятия решений являются оптимальными, и поэтому потребление сглаживается во времени. С другой стороны, в литературе по поведенческим предубеждениям, главным образом, связанным с моделями потребления, предлагается существование нескольких факторов, регулирующих поведение людей. В частности, проблемы, связанные с использованием кредитных карт, указывают на слишком большое накопление задолженности в результате гиперболических дисконтных функций в потреблении – существующее смещение – наивное поведение, отсутствие самоконтроля и нетерпение, компульсивное поведение среди прочих. Этот тип поведения приводит к непредвиденным последствиям, таким как высокий уровень финансового беспокойства. Существующая литература не дает однозначного ответа относительно того, яв-

ляется ли беспокойство эндогенным – результатом самостоятельных процессов принятия решений отдельными лицами – или экзогенно передается от родителей к детям.

Социальные и психолого-педагогические факторы играют свою положительную роль в формировании не только финансовых знаний, но и в психологических процессах построения системы отношений к деньгам и финансовой задолженности, имеют своего рода защитный эффект [12]. Позитивное родительское моделирование и детальные инструкции, как экономно расходовать деньги, как соотнести возможности с потребностями, как снизить риск долгов должны дополнять формальные условия финансового надзора.

Проведенные опросы и анкетирование студентов и школьников дали неутешительные результаты. Конечным итогом данных опросов является то, что финансовой грамотности молодых людей в целом не хватает. Это может быть результатом недостаточной подготовки в системе формального образования, так как на финансовый опыт и отношение к деньгам, несомненно, влияет общая грамотность детей и молодежи, полученная в школе и в ВУЗе. Отсутствие финансовой грамотности связано также с другими факторами, в том числе мы рассматривали усвоенные взгляды и моделированное поведение, приобретенные в неформальной обстановке, такой как семья, сверстники и в большой степени СМИ. В частности, широкая цель исследования – изучить не только влияние формального образования на финансовую грамотность и эффективные способы предоставления финансовых знаний, но и проложить дорогу к формированию так называемого финансового мышления. Изучение экономической теории, формирование осознанного отношения к деньгам и развитие финансового мышления – вот три ступени к финансово обеспеченной жизни и длительному материальному благосостоянию [13].

Однако на сегодняшний день лишь немногие академические исследования изучили детерминанты финансовой грамотности подростков, выходящие за рамки концептуализации [14, 15]. Таким образом, мало что известно о взаимодействии между финансовой грамотностью и другими факторами, например, о роли финансовой социализации и финансового опыта в освоении финансовой грамотности и формировании финансового сознания.

Мы использовали перспективу финансовой социализации в качестве концептуальной основы для проверки взаимосвязи

между финансовой грамотностью и финансовой социализацией. С точки зрения социологии «социализация происходит через взаимодействие человека с другими людьми в определенных социальных условиях» [16].

Те люди, с которыми подросток взаимодействует в социальных сетях, называются посредниками социализации. Основное предположение состоит в том, чтобы понять, как подростки формируют свои финансовые знания и потребительское поведение, важно уточнить влияние посредников социализации и изучить процессы, с помощью которых подростки приобретают финансовые знания и формируют потребительское поведение [17].

Конечно, родители могут сообщить о финансовом поведении подростков в семье и о модели поведения, которую они передают своим детям. Кроме того, предварительные исследования выявили связь между социально-экономическим статусом и финансовой уверенностью в себе. Социально-экономический статус не оценивался в нашем настоящем исследовании, так как доходы студентов не были учтены, финансовая грамотность не была связана с материальным благополучием семьи и среднегодовым заработком, полом опрошиваемых и ВВП на душу населения в стране, как это было сделано в других исследованиях [18]. Несмотря на ограничения данного исследования, в нем поднимались интересные вопросы об универсальности предикторов финансового поведения детей и подростков, а также рассматривались положительное и отрицательное отношение к кредитным картам и долгу в целом в зависимости от обеспеченности семьи, а также пола и возраста подростков.

Отношение к деньгам, изученное в нашем исследовании, включало отношение подростков к долгу, использованию кредитных карт, к финансовой уверенности; субъективные нормы включали меры социального сравнения в целом и финансово-социальное сравнение в частности; а воспринимаемый поведенческий контроль оценивался по самооценке способности регулировать компульсивные расходы, беспокойство, постоянную потребность в покупках, а также удовлетворение от приобретения бесполезных предметов.

Подростки получают финансовые знания не только из формальной образовательной системы, но и от взаимодействия в ходе социализации, от друзей, членов семьи и через средства массовой информации. Помимо социализа-

ции, финансовый опыт был отмечен как наиболее значительный фактор формирования финансовой грамотности, потому что знания в области финансов могут быть получены намного более эффективно, когда подростки реально практикуют разумную финансовую деятельность. Отношение к деньгам (то есть восприятие денег как вознаграждение за усилия, награда за труд) также может сыграть положительную роль в повышении мотивации к получению дополнительных знаний в области финансового менеджмента [19].

Финансовая социализация это процесс, посредством которого дети и подростки приобретают из окружающей среды навыки, знания и отношения, которые необходимы, чтобы максимально укрепить их потребительскую роль на финансовом рынке. Социализация часто рассматривается как социальный процесс, посредством которого различные потребительские характеристики передаются из конкретных источников [20].

Центральное место в теории финансовой социализации подростков, которая подчеркивает важность определения социального происхождения, чтобы понять, как они приобретают различные знания и модели поведения, занимает понимание, насколько участники социализации влияют на молодых людей в формировании и развитии финансовых навыков, знаний и отношения к деньгам.

Если раньше семья, особенно родители, являлись основным фактором социализации молодежи при формировании отношения к деньгам или кредитным картам, то сейчас, как в ходе исследования обнаружилось, семейное влияние по вопросам потребления снижается с возрастом, тогда как влияние сверстников и их влияние увеличивается. То есть, родительское влияние слабеет со временем, в то время как влияние сверстников и СМИ становится все сильнее. Когда дети взрослеют, они становятся членами социальных групп, соответственно подвергаются воздействию различных факторов социализации, и в результате взаимодействия в социальных группах подросток узнает о роли потребителя, развивает финансовую грамотность и формирует финансовое мышление. Гендерный фактор тоже играет немаловажную роль, девочки меньше, чем мальчики, подвержены воздействию сверстников. Возраст, в течение которого родители еще имеют влияние на формирование потребительских привычек и финансовой грамотности, у девочек выше, чем у мальчиков. Считается, что студенты, которые живут в общежитии, воспринимают потребление как способ принадлежать к социальной

группе или быть принятыми их сверстниками, в результате чего они проявляют себя как менее компетентные потребители, тогда как те, кто живет в семье и получает информацию не от сверстников, а от родителей или других членов семьи, с большей вероятностью будут более компетентными и ответственными потребителями. В ходе опроса было обнаружено, что мнение сверстников влияет на подростков в отношении выбора товара или продукта, при покупке подарков, при выборе одежды и обуви, а также при приобретении электронных устройств.

Большую роль в моделировании финансового поведения играют онлайн игры, в игровом контексте подростки учатся «зарабатывать» и «тратить» виртуальные деньги, вкладывать их и получать прибыль. В играх, таких как «Ферма», «Фазенда», «Золотой рубеж», «Дачники», «Зоомагазин», формируются финансовые отношения и потребительская компетентность. Финансовая практика, а также удовлетворение от покупок или вложений в играх служит мотивацией для дальнейшего освоения финансовых знаний. Американские психологи продвигали концепцию финансовых возможностей в онлайн играх как альтернативную, но более конкретную концепцию для финансовой грамотности. Они утверждали, чтобы стать грамотным финансовым гражданином, «подростки должны развивать финансовые знания и навыки, а также получить доступ к финансовой практике, инструментам и услугам, пусть даже виртуальным» [21]. Они также предположили, что формирование финансового мышления может быть более эффективным, если оно объединяет когнитивные навыки с практическим финансовым опытом, таким как, например, наличие банковского счета, дебитной или кредитной карты, пополнение счета на телефоне или Интернете. Исследование показало, активное участие в управлении собственными финансами, банковским счетом, картой или другим финансовым продуктом, положительно влияет на финансовое поведение и финансовое мышление молодых людей [22].

Другими словами, финансовая грамотность и формирование финансового мышления напрямую связаны с практическим финансовым опытом. Таким образом, практический финансовый опыт в молодом возрасте может стать катализатором, который приведет к повышению финансовой грамотности, формированию финансового мышления и упорядочиванию потребительского поведения, необходимого для взрослой жизни.

Следующим вопросом, требующим рассмотрения, является отношение к деньгам, которое напрямую связано с финансовой грамотностью. Деньги – важная проблема для людей, не только как выражение стоимости товаров, средство оплаты товаров и услуг, но и как эмоциональное представление ценности через символические значения [23]. Кроме того, деньги признаются мощным мотиватором поведения (например, ведущим к повышению производительности труда, к поискам более высокооплачиваемой работы), а также фактором, формирующим удовлетворенность, полученную от работы, или неудовлетворенность и стресс.

Отношение подростков к деньгам часто связано с тем, насколько открыто они делятся с родителями проблемами о своем финансовом положении. Традиционное отношение к денежным средствам может служить мотиватором поведения, связанного с поиском знаний, касающихся финансовых вопросов, так же, как и потребительских навыков (например, задолженность по кредитной карте и компульсивный шоппинг). Однако существуют научные данные о взаимосвязи между конкретным отношением к деньгам и финансовой грамотностью. Результаты исследования показывают, что финансовая грамотность напрямую связана с социализацией, использованием СМИ как источника информации, и с финансовым опытом, таким как владение банковским счетом, дебетной или кредитной картой, управление финансами (карманными деньгами, ежемесячным пособием), пополнение счета на телефоне и в Интернете, совершение покупок онлайн или в магазине. Отношение к деньгам – это еще одна переменная, связанные с финансовой грамотностью, с формированием финансового мышления детей и подростков [24]. Положительное отношение к деньгам, как к средствам вознаграждения за усилия, мотивирует подростков к овладению финансовой грамотностью. Отрицательное отношение к деньгам, как к тому, о чем не следует открыто говорить, рассматривая деньги как простой инструмент власти, как правило, не ведет к овладению финансовой грамотностью, к формированию финансового мышления. В этом случае можно также говорить о низком уровне удовлетворенности жизнью, о внешнем локусе контроля подростка, иногда о высоком уровне стресса.

Финансовое поведение в значительной степени связано с положительным отношением к деньгам как к инструменту безопасности, гаранту свободы выбора, признаку статуса в

обществе. Вполне возможно, что те, кто положительно относятся к деньгам, будут активно усваивать финансовые знания, навыки управления финансами как способ повысить свой статус в обществе, что приведет к более высоким уровням грамотности в сфере личных финансов и кредитной истории [25]. Результаты исследования показывают, что усилия по изменению восприятия или отношения к деньгам могут быть очень важными факторами в процессе финансового образования и формирования финансового мышления молодежи.

Может быть, целесообразным будет включить в понятие денег и отношения к ним эмоциональные или культурно-этические аспекты, посредником в распространении этих аспектов могут служить не только семья и родители, сверстники, социальные группы и СМИ, но и более широкая национально-этническая и социально-культурная среда обитания подростка. Чтобы подростки могли узнать больше о деньгах и об управлении своими личными финансами через средства массовой информации, такие медиа-взаимодействия должны быть разработаны с учетом потребностей, желаний и предпочтений современных подростков, чтобы они согласись использовать средства массовой информации для расширения своих финансовых знаний. С другой стороны, финансовые знания и информация должны усваиваться через естественное повседневное общение с родителями и сверстниками, через непосредственный практический опыт использования финансов для удовлетворения своих потребностей.

Таким образом, можно утверждать, что получение финансовых знаний подростками посредством специального обучения, поиск информации в средствах массовой информации, а также социализация и возможность финансового опыта свидетельствуют об активном стремлении молодых людей к формированию эффективного финансового мышления, а не просто к поиску информации по управлению личными финансами. Установлено, что подростки с положительным и бережливым отношением к деньгам демонстрируют лучшую мотивацию к усвоению финансовой грамотности, что оказывает сильное влияние на их потребительское поведение. Все это, вместе взятое, способствует формированию финансового мышления, что должно привести к неременному финансовому благосостоянию и материальному благополучию в будущем.

Различия в отношениях к деньгам следует рассматривать более тщательно в контексте культурных различий и сходств

ва. Дальнейшие исследования планируется посвятить вопросам о том, как развивать финансовые образовательные инициативы и улучшать мотивацию по повышению финансовой грамотности молодого поколения.

Исследование подтвердило, что социализация является важным фактором при формировании ответственного отношения к деньгам, влияние сверстников, семьи и общества в целом способствует развитию активной позиции молодых людей в усвоении финансовых знаний и формированию навыков управления финансами, что должно привести к положительным результатам в долгосрочной перспективе.

Литература:

1. Корконосова Е.И., Г.Р. Имаева, О.А. Шарова. Социально-экономическое развитие. Социология. Статистика. Публикации. Отраслевые обзоры. Москва: Издательство НАФИ, 2017. С. 45-46.

2. Антонян С.С. Дети и финансы 2.0: Безопасность сбережений и расчетов / Антонян С.С., Имаева Г.Р., Аймалетдинов Т.А., Баймуратова Л.Р., Шарова О.А.; Аналитический центр НАФИ. М.: Издательство НАФИ, 2017. – 72 с.

3. Klapper, Leora F, Annamaria Lusardi, Georgios A Panos. Financial Literacy and the Financial Crisis. – National Bureau of Economic Research, 2012. № 17930.

4. Кузина О.Е. Финансовая грамотность и финансовая компетентность: определение, методики измерения и результаты анализа в России // Вопросы экономики. – 2015. – № 8. – С. 129-148.

5. Рутковская Е.Л. Финансовая грамотность как необходимый навык жизни в современном социуме: цели, содержание и первые результаты международного исследования / Преподавание истории и обществознания в школе. – 2014. – № 4. – С. 36-45.

6. Судакова А.Е. Финансовая грамотность: теоретическое осмысление и практическое исследование // Финансы и кредит. 2017. №26(746).

7. Lusardi A., & Mitchell O. S. (2007). Financial literacy and retirement preparedness: evidence and implications for financial education. *Business Economics*, 42(January), 35-44.

8. Beverly S.G., & Burkhalter E.K. (2005). Improving the financial literacy and practices of youths. *Children & Schools*, 27(2), 121-124.

9. Макарова Е.А., Макарова Е.Л., Махрина Е.А. Анализ характеристик ценностно-смысловых отношений к деньгам юношей и девушек студентов. Вестник Адыгейского государственного университета, серия «Педагогика и психология» №1 (173), Майкоп, 2016, стр. 107-115.

10. Norvilitis J.M., Merwin M.M., Osberg T.M., Roehling P.V., Young P., & Kamas M.M. (2006). Personality factors, money attitudes, financial knowledge, and credit-card debt in college students. *Journal of Applied Social Psychology*, 36(6), 1395–1413.

11. McBride, M. (2010). Money, happiness, and aspirations: An experimental study. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 74, 262-276.
12. Пучкина Е.С., Сусская А.С. Исследование финансовой грамотности молодежи: текущее состояние и возможности повышения // Финансовые исследования. 2015. №1 (46).
13. Norvilitis J.M., & Mao Y. (2012). Attitudes toward credit and finances in college students in China and the United States. *International Journal of Psychology*.
14. Haultain S., Kemp S., & Chernyshenko O.S. (2010). The structure of attitudes to student debt. *Journal of Economic Psychology*, 31, 322-330.
15. Caplan L.J., & Schooler C. (2007). Socioeconomic status and financial coping strategies: The mediating role of perceived control. *Social Psychology Quarterly*, 70(1), 43-58.
16. McLeod J.M., & O'Keefe G.J., Jr. (1972). The socialization prospective and communication behavior. In G. Kline, & P. Tichenor (Eds.), *Current perspectives in mass communication research* (pp. 121–168). Beverly Hills, CA: Sage.
17. Churchill G.A., & Moschis G.P. (1979). Television and interpersonal influences on adolescent consumer learning. *Journal of Consumer Research*, 6, 23-35.
18. Edwards R., Allen M.A., & Hayhoe C.R. (2007). Financial attitudes and family communication about students' finances: the role of sex differences. *Communication Reports*, 20(2), 90-100.
19. Johnson E., & Sherraden M.S. (2007). From financial literacy to financial capability among youth. *Journal of Sociology and Social Welfare*, 34(3), 119-146.
20. Lachance M.J., & Legault F. (2007). College students' consumer competence: identifying the socialization sources. *Journal of Research for Consumers*, 13, 1-5.
21. Moore E.S., & Bowman G.D. (2006). Of friends and family: how do peers affect the development of intergenerational influences? *Advances in Consumer Research*, 33, 526-542.
22. Zimmer-Gembeck M.J., & Locke E.M. (2007). The socialization of adolescent coping behaviours: relationships with families and teachers. *Journal of Adolescence*, 30, 1-16.
23. Engelberg E., & Sjoberg L. (2006). Money attitudes and emotional intelligence. *Journal of Applied Social Psychology*, 36(8), 2027-2047.
24. Макарова Е.А., Макарова Е.Л., Махрина Е.А. Психологические аспекты структурных компонентов и характеристик ценностно-смысловых отношений к деньгам. *Вестник Адыгейского государственного университета, серия «Педагогика и психология» №4, Майкоп, 2015, стр. 107-115.*
25. Lyons A.C., Scherpf E., & Roberts H. (2006). Financial education and communication between parents and children. *Journal of Consumer Education*, 23, 64-76.

MAKAROVA E.A.
PhD, Proessor,
DSTU, Rostov-on-Don,

KHOLINA O.A.
Candidate of Psychology, Associate Professor,
Taganrog Institute named after. A.P. Chekhov (RSUE
"RINH"), Taganrog

The role of socialization and attitude to money in the formation of financial literacy of children and adolescents

The purpose of this study was to evaluate relationship between socialization, financial experience, attitude towards money, to establish demographic characteristics and their role in shaping the financial literacy of children and adolescents. To nurture an attitude towards money, it is necessary, first of all, to determine the demographic factors associated with financial literacy. This is the third article in a series of works on financial literacy and socio-psychological factors of its formation. The materials of the article can be useful for economists, educators and psychologists who are involved in the education of a responsible attitude to money and the formation of financial literacy of children and adolescents. The article also discusses the phenomenon of financial socialization, which was not previously considered in the scientific literature.

Keywords: *financial literacy, credit dependence, socialization, financial anxiety.*

Literature:

1. Korkonosova E.I., G.R. Imaeva, O.A. Sharova. Socio-economic development. Sociology. Statistics. Publications. Industry reviews. Moscow: NAFI Publishing House, 2017. pp. 45-46.

2. Antonyan S.S. Children and Finance 2.0: Safety of savings and settlements / Antonyan S.S., Imaeva G.R., Aimaletdinov T.A., Baymuratova L.R., Sharova O.A.; Analytical Center of NAFI. M.: NAFI Publishing House, 2017. – 72 p.

3. Klapper, Leora F, Annamaria Lusardi, Georgios A Panos. Financial Literacy and the Financial Crisis. – National Bureau of Economic Research, 2012. No. 17930.

4. Kuzina O.E. Financial Literacy and Financial Competence: Definition, Measurement methods and analysis results in Russia // Economic issues. - 2015. – No. 8. – pp. 129-148.

5. Rutkovskaya E.L. Financial literacy as a necessary life skill in modern society: goals, content and first results of international research / Teaching history and social studies at school. - 2014. – No. 4. – pp. 36-45.
6. Sudakova A.E. Financial literacy: theoretical understanding and practical research // Finance and credit. 2017. №26(746).
7. Lusardi A., & Mitchell O. S. (2007). Financial literacy and retirement preparedness: evidence and implications for financial education. *Business Economics*, 42(January), 35-44.
8. Beverly S.G., & Burkhalter E.K. (2005). Improving the financial literacy and practices of youths. *Children & Schools*, 27(2), 121-124.
9. Makarova E.A., Makarova E.L., Mahrina E.A. Analysis of the characteristics of value-semantic relations to money of young men and girls of students. *Bulletin of the Adygea State University, series "Pedagogy and Psychology" No. 1 (173), Maykop, 2016, pp. 107-115.*
10. Norvilitis J.M., Merwin M.M., Osberg T.M., Roehling P.V., Young P., & Kamas M.M. (2006). Personality factors, money attitudes, financial knowledge, and credit-card debt in college students. *Journal of Applied Social Psychology*, 36(6), 1395–1413.
11. McBride, M. (2010). Money, happiness, and aspirations: An experimental study. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 74, 262-276.
12. Puchkina E.S., Susskaya A.S. The study of financial literacy of youth: the current state and opportunities for improvement // *Financial Research*. 2015. №1 (46).
13. Norvilitis J.M., & Mao Y. (2012). Attitudes toward credit and finances in college students in China and the United States. *International Journal of Psychology*.
14. Haultain S., Kemp S., & Chernyshenko O.S. (2010). The structure of attitudes to student debt. *Journal of Economic Psychology*, 31, 322-330.
15. Caplan L.J., & Schooler C. (2007). Socioeconomic status and financial coping strategies: The mediating role of perceived control. *Social Psychology Quarterly*, 70(1), 43-58.
16. McLeod J.M., & O'Keefe G.J., Jr. (1972). The socialization prospective and communication behavior. In G. Kline, & P. Tichenor (Eds.), *Current perspectives in mass communication research* (pp. 121–168). Beverly Hills, CA: Sage.
17. Churchill G.A., & Moschis G.P. (1979). Television and interpersonal influences on adolescent consumer learning. *Journal of Consumer Research*, 6, 23-35.
18. Edwards R., Allen M.A., & Hayhoe C.R. (2007). Financial attitudes and family communication about students' finances: the role of sex differences. *Communication Reports*, 20(2), 90-100.
19. Johnson E., & Sherraden M.S. (2007). From financial literacy to financial capability among youth. *Journal of Sociology and Social Welfare*, 34(3), 119-146.
20. Lachance M.J., & Legault F. (2007). College students' consumer competence: identifying the socialization sources. *Journal of Research for Consumers*, 13, 1-5.

21. Moore E.S., & Bowman G.D. (2006). Of friends and family: how do peers affect the development of intergenerational influences? *Advances in Consumer Research*, 33, 526-542.
22. Zimmer-Gembeck M.J., & Locke E.M. (2007). The socialization of adolescent coping behaviours: relationships with families and teachers. *Journal of Adolescence*, 30, 1-16.
23. Engelberg E., & Sjoberg L. (2006). Money attitudes and emotional intelligence. *Journal of Applied Social Psychology*, 36(8), 2027-2047.
24. Makarova E.A., Makarova E.L., Makhrina E.A. Psychological aspects of structural components and characteristics of value-semantic relations to money. *Bulletin of the Adygea State University, series "Pedagogy and Psychology" No. 4, Maykop, 2015, pp. 107-115.*
25. Lyons A.C., Scherpf E., & Roberts H. (2006). Financial education and communication between parents and children. *Journal of Consumer Education*, 23, 64-76.

МЕЩАНИНОВА Евгения Юрьевна
тьютор кафедры социологии коммуникативных
систем социологического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: E.Meshchaninova@yandex.ru

Отношение к деньгам как объект изучения прикладной социологии

В данной статье рассматриваются особенности изучения отношения индивидов к деньгам. При изучении отношения людей к деньгам и их финансового поведения исследователь сталкивается с рядом трудностей, связанных не только со спецификой проведения самого социологического исследования, но и с особенностями предмета – отношения к деньгам, обнаруживающими и делающими явными субъективные компоненты. Эти особенности и сложности оказывают влияние не только на исследовательские процедуры, но и на подход ученого к данной проблематике.

Ключевые слова: деньги, отношение к деньгам, финансовое поведение, массовый опрос, нерациональность экономического поведения, цифровые технологии, криптовалюта.

При изучении финансового поведения и отношения индивидов к деньгам посредством метода массового опроса социолог сталкивается с рядом теоретико-методических и методологических трудностей. Во-первых, вопросы, касающиеся темы материального положения, денег, доходов и их источников относятся к типу сензитивных, т.е. «чувствительных», а значит получить на них честные, искренние ответы – задача не из простых. На феномен «интимизации» темы денег в свое время обратил внимание советский и российский психиатр А.И. Белкин, который изучал эмоциональные переживания, связанные с деньгами, и отношение людей к деньгам [1]. В свою очередь В. Рубинштейн выявила интересную закономерность: по мере возрастания дохода увеличивается склонность людей скрывать их величину, т.е. с ростом доходов усиливается «интимизация» денег, возрастает настороженность и стремление утаить свое богатство [9]. Действительно,

в сознании людей деньги зачастую выступают чем-то более личным и интимным, чем даже сексуальные отношения.

Деньги – это категория слишком «интимизированная», чтобы говорить о них откровенно. У индивидов имеется четкое осознание ценности, значимости и необходимости денег как средства достижения целей (или как конечной самоцели), как инструмента реализации своих представлений о благополучии, успехе, справедливости, достоинстве и т.п., однако индивиды оказываются не готовы откровенно об этом говорить. Само существование института денег есть результат функционирования «систем доверия». Следовательно, люди не готовы обсуждать с посторонними людьми, коими являются исследователи, свои доходы, накопления, траты и т.п. либо без выстроенных доверительных отношений, либо без компонента анонимности при взаимодействии. В связи с этим социологам приходится прибегать к определенным «уловкам», методологическим приемам: например, для выявления оценки респондентом своего материального положения использовать не интервальную шкалу с количественными показателями (индивидуальный (или семейный) ежемесячный доход: «до 10000 руб.», «10001-15000 руб.», «15001-20000 руб.» и т.д.), а именную (номинальную) шкалу (например, «Денег не хватает на питание», «На питание денег хватает, но одежду и обувь купить не можем», «На одежду и обувь денег хватает, но купить крупную бытовую технику не можем», «На бытовую технику денег хватает, но автомобиль купить не можем», «На автомобиль денег хватает, но квартиру или дом купить не можем», «На квартиру или дом денег хватает» и другие типовые высказывания).

Вторая трудность связана с самой спецификой массового опроса как метода. Результаты опроса, с которыми работает социолог, представляют собой продукт кристаллизации мнения в форме вербально-оценочной репрезентации людьми конкретной ценности и конкретного смысла денег в соответствии с их потребностями, взглядами, убеждениями. Дело в том, что массовый опрос не предполагает сопоставление мнений и моделей фактического поведения. То немногое, что может сделать социолог, так это зафиксировать с помощью контрольных вопросов (то есть опять-таки со слов опрашиваемых) некоторые описания и оценки респондентами своих поведенческих актов. Например, если удалось определить, что у людей есть стремление зарабатывать больше денег, последние являются для них выражением труда, усердия,

профессионализма, работоспособности и пр., если опрашиваемые заявляют о своей необходимости в дополнительном доходе, то для выявления у них интенции к определенному действию имеет смысл задать уточняющие вопросы о том, что конкретно индивид делает (и делает ли вообще), для того чтобы иметь как можно больше денег, готов ли он работать больше ради увеличения своего дохода («Если представить, что Вам предложили зарплату в два-три раза выше Вашей нынешней зарплаты, но при этом работы будет столько, что у вас практически не останется свободного времени, Вы бы согласились или не согласились на это?»[11]) и др.

Однако проблема еще и в том, что существует своего рода рассогласованность между поведением респондента и теми суждениями, которые он высказывает, а также некоторое искаженное восприятие собственного поведения. Речь не идет только о фиксируемой непоследовательности (нелинейности) в ответах респондентов. Совершенно нормально, что люди нередко переоценивают (или недооценивают) свои знания и возможности, но для исследователя сопоставление мнений относительно ценности денег и моделей монетарного поведения может стать дополнительной исследовательской задачей. Так, респонденты часто переоценивают рациональность своих трат, да и в целом преувеличивают степень рациональности своего поведения. Например, согласно результатам опроса, проведенного ФОМ (январь 2020 г.), респонденты, по их собственной оценке, относятся к деньгам достаточно рационально: 68% стараются рассчитывать свои траты (28% тратят деньги без предварительных расчетов, т.е. совершают траты спонтанно). Но дополнительные вопросы выявили, что только 40% ведут учет расходов (из них лишь 8% фиксируют почти все расходы с помощью электронных программ, 24% фиксируют практически все расходы, 16% – большую их часть), в противовес 60%, которые не ведут учет своих трат, причем 26% вообще не следят за потраченным [5].

Таким образом, в большинстве случаев в рамках подобных исследований, социолог имеет дело только с самооценками респондентов, в то время как фактическое поведение индивидов может быть далеким от идеалов, декларируемых учеными и самими респондентами. Здесь на помощь может прийти междисциплинарный подход. В рамках маркетинговых исследований и экономической психологии было установлено, что большая часть денежных трат индивида приходится

именно на ситуативные (потому часто нерациональные) покупки, т.е. на те, что предварительно не планируются, не просчитываются, не продумываются. Нерациональность экономического поведения заключается в том, что решения о трате денег нередко принимаются (или трата осуществляется рутинно, вообще при отсутствии принятия рационального решения) без учета всех имеющихся ограничений и возможностей, выгод и потерь, под влиянием эмоций, чужих мнений, привычек, психологических установок, групповых решений и даже экономической ментальности. Существует точка зрения, что поведение хозяйствующих субъектов обусловлено действием фактора национальной экономической ментальности (включает в себя нормы хозяйственной жизни, стереотипы потребления, ценностное отношение к деньгам, труду, богатству и др.), которая в свою очередь зависит от социально-экономической системы государства [12]. Имеет место действие «нерациональных» эффектов поведения при покупке товаров: эффект Веблена, эффект «сноба», эффект «присоединения к большинству», нерациональный спрос и спекулятивный спрос [4]. Экономист Р. Талер, лауреат Нобелевской премии по экономике, в свою очередь разработал концепцию «ментального учета», согласно которой люди в своем сознании распределяют денежные средства по разным «ментальным счетам», что отражается на их экономическом (в частности финансовом) поведении. Это своего рода систематическая, закономерная неразумность. Если согласно классической экономической теории любая денежная единица обладает имманентной универсальностью независимо от того, как она получена и на что будет потрачена, то с точки зрения реального хозяйствующего субъекта, деньги имеют разную «ценность» (стоимость): деньги, полученные легко (наследство, выигрыш, процент по вкладу, скидка, бонус и пр.), – это не то же самое, что деньги, заработанные своим трудом (зарплата, премия, прибыль и пр.). С «легкими» деньгами значительно проще расстаться, чем с «тяжелыми», поэтому и обращение с ними менее «рационально». Более того, с появлением цифровых технологий, в т.ч. технологий электронных платежей, стало проще тратить деньги, проще в том смысле, что с виртуальными деньгами легче расстаться, чем с их вещной формой (например, кбланкетами), т.к. финансовые операции происходят как бы без задействования тактильного компонента между деньгами и человеком. Пользование платежными картами и интернет- и

мобильными банками – наиболее распространенные типы финансовых услуг в современном российском обществе.

Тяга людей к «легким» и «быстрым» деньгам представляет отдельный интерес, потому что сталкивает нас с некорректным и мистическим (магическим) восприятием индивидов относительно денег и способов их получения. Так, согласно уже приведенному выше исследованию ФОМ большинство людей (82%) не верят в магические способы привлечения денег, лишь 15% ответили, что верят в приметы, обычаи и ритуалы, связанные с деньгами [5]. И проблема не сводится лишь к выявлению того, какие ритуальные действия люди предпринимуют для привлечения денег (ношение талисманов в кошелке, неприемлемость пустого кошелка в качестве подарка, соблюдение ритуалов, связанных с деньгами и пр.). Проблема искушения «легкими» (и «быстрыми») деньгами куда более обширна. В 2020 доля спама в мировом почтовом электронном трафике составила 50,4% (в I квартале 2021 г. она составила в среднем 45,7%) [7, 8], значительная часть этого трафика составляет тема финансов (спам-сообщения, эксплуатирующие тему финансов: легкие методы зарабатывания денег, автобиографические легенды о финансовом успехе, сообщение о денежном выигрыше, вознаграждении др.). Также все большее распространение получает покупка виртуальной валюты. Популярный сегодня рынок криптовалюты держится на желании части населения планеты быстро разбогатеть, не прилагая для этого особых усилий. Помимо этого, существуют и другие способы нерационально тратить деньги – на различные «марафоны желаний», тренинги личностного роста, «донаты» и т.п. Это говорит о том, что доверчивые люди с магическим мышлением, которым обещают большой, мгновенный и сиюминутный заработок, являются настоящим золотым (и неиссякаемым) ресурсом для мошенников. Основой подобной деятельности являются реальные люди, их деньги и «вера в чудо», т.е. вера в возможность быстрого заработка при малых ресурсных затратах, вера в то, что кто-то посторонний желает им помочь быстро и легко разбогатеть. Следовательно, противоречивость поведения индивидов, а также противоречивость самого отношения к деньгам является трудностью для изучения этого самого отношения. Данная непоследовательность исследуется также психологами, однако последние применяют в основном проективные

методики изучения, которые позволяют работать с быстрыми, ассоциативными, бессознательными реакциями индивидов (а значит, выявлять скрытые мотивы и значения), но которые сложно (а нередко просто невозможно) использовать при изучении больших совокупностей людей, таких как, например, население страны.

Третья проблема, с которой сталкивается исследователь, – сама программа исследования задает некий фокус рассмотрения проблемы денег. При логическом анализе понятий и формировании концепции исследования, при создании исследовательского инструментария (анкеты или гайда) уже закладываются определенные идеи и установки, своеобразный теоретический конструкт относительно сущности, функций, предназначения, оценки денег. Этого невозможно избежать. Поэтому опросы также демонстрируют ценностную атмосферу, в которой работают исследователи, точнее иерархию ценностей и установки самих исследователей. Поэтому об «объективном» знании относительно отношения людей к деньгам можно говорить скорее условно.

Что же интересует исследователя-социолога при изучении отношений людей к деньгам? Социологи исходят из положения, что отношение к деньгам социально и культурно обусловлено. Соответственно, их интересует не просто характеристика подобного отношения – позитивное, негативное, амбивалентное, индифферентное, но и факторы, влияющие на его специфику, т.е. факторы, предопределяющие отношение к деньгам, социальную ценность денег. К ним относятся пол, возраст, уровень дохода (материальное положение в целом), социальный статус, социокультурные особенности, характер трудовой деятельности, особенности социализации и др. Субъективная важность денег связана с уровнем материального положения индивида: чем ниже материальное положение, тем выше значимость денег, при том что деньги важны для всех доходных групп (деньги – важная составляющая личного и семейного благополучия). От возраста и экономического благосостояния, например, зависит не только восприятие денег, но и отношение к людям, которые стремятся заработать как можно больше или к личной ответственности индивида за свое материальное положение: молодежь, люди среднего возраста, а также более обеспеченные граждане склонны считать, что материальное положение зависит от усилий и качеств самого человека, а люди старшего возраста и более бедные возлагают ответственность на

внешние, не зависящих от человека обстоятельства [2, 5]. Люди с разным уровнем дохода по-разному получают и расходуют свои денежные средства [2]. С ростом дохода растет и ценность денег, но затем она снижается, т.е. наивысшей значимости деньги достигают у людей со средним достатком (Р. Линн) [10]. В. Рубинштейн исследовала влияние половой принадлежности на установки по отношению к деньгам. Оказалось, что нет особых различий в значимости денег у мужчин и женщин: и те, и другие придают одинаковое значение финансам. Но мужчины более уверены в себе, когда дело доходит до денежных вопросов [10]. Не меньший интерес представляет роль денег в жизни людей, их место в системе ценностей (ценность денег и материального достатка в сравнении с другими ценностями).

Тем не менее за пределами внимания социологии остаются несколько сторон исследуемого явления. Так, социология не исследует влияние психологических факторов (темперамент, экстраверсия или интроверсия, уровень самооценки и т.п.) на отношение к деньгам, этим в большей степени занимается экономическая психология. Социолога, как правило, не интересуют личностные особенности, влияющие на отношение к деньгам, такие как, например, уровень зрелости личности (выражается на уровне ценностей, потребностей, степени их удовлетворения, социальных установках, связанных с деньгами, мотивах использования денег и пр.): у людей с высоким уровнем личностной зрелости ниже ценность денег и выше уровень финансовой удовлетворенности [6]. Меньшее внимание уделяется этнопсихологическим особенностям личности и этническому фактору, которые могут оказывать влияние на денежное поведение людей [3]. Это связано с тем, что в рамках социологии системы ценностей и норм поведения, социальные установки, обычаи, суеверия, мифы, ожидания, предпочтения и т.п. связываются не столько с этнической и национальной принадлежностью как таковой, сколько с особенностями национальных культур (фокус внимания направлен не на этнос, а на его культуру, социальную среду, в которой воспитывается человек).

Таким образом, для современного человека деньги постепенно занимают все более важное место, что объясняет высокий исследовательский интерес к теме денег и отношения к ним граждан. Однако при изучении отношения к деньгам ученый сталкивается с рядом особенностей и трудностей субъективного и методологического характера, которые влияют на

восприятие данной проблематики и не могут быть в полной мере преодолены в рамках прикладной социологии.

Литература:

1. Белкин А.И. Запах денег, Олимп, Терра-Книжный клуб, 1999, 400 с.

2. Голубева Е. В. Отношение к деньгам людей с разным уровнем дохода // ОНВ. 2010. №3 (88). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otnoshenie-k-dengam-lyudey-s-raznym-urovнем-dohoda> (Дата обращения: 11.01.2022).

3. Короткина Е.Д. Кросс культурное исследование отношения к деньгам у представителей разных национальностей // Психология в экономике и управлении, 2009, № 1 URL: <https://ecsosman.hse.ru/data/2011/02/02/1214884772/14.pdf> (Дата обращения: 11.01.2022).

4. Лейбенштейн Х. Эффект присоединения к большинству, эффект сноба и эффект Веблена в теории покупательского спроса // Теория потребительского поведения и спроса / под ред. В. М. Гальперина. СПб: Экономическая школа, 1999.

5. Люди и деньги. Как россияне относятся к деньгам [Электронный ресурс] // ФОМ, 21.01.2020 [сайт]. URL: <https://fom.ru/Ekonomika/14333> (Дата обращения: 28.12.2021).

6. Семенов М.Ю. Особенности отношения к деньгам у самореализующихся людей //: Материалы Международного психологического конгресса. Кострома, 23-24 октября 2003 г., Т.2 / Отв. ред.: А.Л. Журавлев, Н.П. Фетискин. М.: Кострома, КГУ им. Н.А. Некрасова, 2003.

7. Спам и фишинг в 2020 году [Электронный ресурс] // Отчеты по спаму и фишингу, 15.12.2021 [сайт]. URL: <https://securelist.ru/spam-and-phishing-in-2020/100408/> (Дата обращения: 08.01.2021).

8. Спам и фишинг в I квартале 2021 года [Электронный ресурс] // Отчеты по спаму и фишингу, 03.09.2021 [сайт]. URL: <https://securelist.ru/spam-and-phishing-in-q1-2021/101270/> (Дата обращения: 08.01.2021).

9. Фенько А. Б. Проблема денег в зарубежных психологических исследованиях [Текст] / А. Б. Фенько // Психологический журнал. — 2000. № 1. С.50-62.

10. Экономическая психология [Текст] / Под. ред. И. В. Андреевой. СПб.: Питер, 2000. – 512 с.

11. Об отношении к деньгам. Как россияне относятся к стремлению как можно больше зарабатывать? [Электронный ресурс] // ФОМ, 24.02.2014 [сайт]. URL: <https://fom.ru/obshchestvo/11365> (Дата обращения: 28.12.2021).

12. Розмаинский И. В. На пути к общей теории нерациональности поведения хозяйствующих субъектов // Пространство экономики. 2003. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/na-puti-k-obschey-teorii-neratsionalnosti-povedeniya-hozyaystvuyuschih-subektov> (дата обращения: 11.01.2022).

MESHCHANINOVA E.Y.
Tutor, Department of Sociology of Communicative
Sitsems, Sociology Faculty of the Lomonosov
Moscow State University

Attitude to money as an object of study applied sociology

This article discusses the specifics of studying the attitude of individuals to money and their financial behavior. When studying the attitude to money, the researcher faces a number of features and difficulties associated not only with the specifics of conducting the sociological research itself, but also with the features of the subject - the attitude to money – revealing and making explicit subjective components. These features and complexities have an impact not only on research procedures, but also on the approach to this problem.

Keywords: money, attitude to money, financial behavior, mass survey, irrationality of economic behavior, digital technologies, cryptocurrency.

References:

1. Belkin A.I. The smell of money, Olympus, Terra-Book Club, 1999, 400 p.
2. Golubeva E.V. Attitude to money of people with different income levels // ONV. 2010. No. 3 (88). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otnoshenie-k-dengam-lyudey-s-raznym-urovнем-dohoda> (Accessed: 11.01.2022).
3. Korotkina E.D. Cross-cultural study of the attitude to money among representatives of different nationalities // Psychology in economics and management, 2009, No. 1 URL: <https://ecsocman.hse.ru/data/2011/02/02/1214884772/14.pdf> (Accessed: 11.01.2022).
4. Leibenstein H. The effect of joining the majority, the snob effect and the Veblen effect in the theory of consumer demand // Theory of consumer behavior and demand / ed. by V. M. Galperin. St. Petersburg: Economic School, 1999.
5. People and money. How Russians treat money // FOM, 21.01.2020 [website]. URL: <https://fom.ru/Ekonomika/14333> (Accessed: 12.28.2021).
6. Semenov M.Y. Features of the attitude to money among self-fulfilling people //: Materials of the International Psychological Congress. Kostroma, October 23-24, 2003, Vol.2 / Ed.: A.L. Zhuravlev, N.P. Fetiskin. M.: Kostroma, Nekrasov KSU, 2003.
7. Spam and phishing in 2020 // Spam and Phishing Reports, 12/15/2021 [website]. URL: <https://securelist.ru/spam-and-phishing-in-2020/100408/> (Accessed: 08.01.2021).
8. Spam and phishing in the first quarter of 2021 // Spam and Phishing reports, 03.09.2021 [website]. URL: <https://securelist.ru/spam-and-phishing-in-q1-2021/101270/> (Accessed: 08.01.2021).

9. Fenko A.B. The problem of money in foreign psychological research [Text] / A. B. Fenko // Psychological Journal. 2000. No. 1. pp. 50-62.

10. Economic psychology [Text] / edited by I.V. Andreeva. St. Petersburg: Peter, 2000. – 512 p.

11. About the attitude to money. How do Russians feel about the desire to earn as much as possible? [Elektronnyi resurs] // FOM, 24.02.2014 [site]. URL: <https://fom.ru/obshchestvo/11365> (Retrieved 12/28/2021).

12. Rozmainsky I.V. On the way to the general theory of non-rationality of the behavior of economic entities // Space of Economy. 2003. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/na-puti-k-obschey-teorii-neratsionalnosti-povedeniya-hozyaystvuyuschih-subektov> (date of access: 11.01.2022).

КАПУСТИН Владимир Владимирович
кандидат социологических наук,
докторант кафедры социологии ФГКВБОУ ВО
«Военный университет имени князя
Александра Невского» МО РФ
E-mail: kapustinww@list.ru

Патриотизм и военно-патриотическая подготовка граждан России в современной цифровой реальности

Автор статьи анализирует теоретические аспекты, современные тенденции и направления формирования патриотизма, а также взгляд на проблему военной-патриотической подготовки и необходимости анализа и внедрения новых форм и направлений деятельности через призму социологии.

Ключевые слова: патриотизм, цифровая реальность, военно-патриотическое воспитание, военно-патриотическая подготовка.

В современных условиях напряженной международной обстановки, с появлением новых видов, форм и способов ведения войн, социально-политических противостояний, перешедших в другие измерения; использование ранее не применявшихся в этих отраслях жизнедеятельности человечества невоенных методов ведения войны, обострили и без того наиболее проблемные вопросы обеспечения национальной безопасности России. Одна из них – военно-патриотическая подготовка населения страны и молодежи в том числе и к защите Отечества. Актуализировались задачи совершенствования и повышения эффективности системы военно-патриотической и допризывной подготовки, формирование оборонного сознания и готовности граждан к защите Родины. Данные процессы происходят в условиях смены классического формата социального взаимодействия на цифровой; происходящие процессы в современном контексте звучат как цифровизация – научно-технический прогресс перевод всех существующих элементов социальной жизни человека и общества в

информационно-коммуникативный формат взаимодействия – киберпространства интернет-технологий. Появился новый цифровой инструментарий практически во всех областях жизни общества: цифровая валюта, цифровые паспорта, идентификационные биологические данные человека в цифровом виде, всё больше входит в жизнь онлайн-формат по средствам видео конференц-программ и т.д. Не остались в стороне от происходящего и процессы в сфере обеспечения безопасности государства и военной организации российского общества. Стало реальностью проявления современного вида противостояния войн нового поколения – информационных войн, которые из классического вида противостояния вооруженных сил противоборствующих государств на территориальных полях сражений земного шара перешли в информационное пространство и все сферы деятельности государств: политику, экономику, духовную и социальную.

В начале хотелось бы коснуться вопроса что же такое информация, которая опосредованно управляет социумом и формирует мировоззрение, а также общественное и том числе патристическое сознание граждан. Современное научное знание предлагает рассматривать информацию как фундаментальную категорию, которая определяет все известные процессы и состояния как в физическом материальном, так и в нематериальном духовном идеологическом мире. Учёные по-разному объясняют феномен информации, однако, разнообразные и несовместимые научные взгляды сводятся к следующему.

Сегодня в науке выделяют несколько основных «теорий информации»:

- первая – атрибутивная теория;
- вторая – вероятностно-статистическая теория информации;
- третья – кибернетическая (управленческая) теория информации;
- четвёртая – семиотическая теория информации.

Из всех многочисленных подходов к определению понятия информации можно выделить естественно-научные преимущественно математические и статистические определения информации и гуманитарные социально-философские трактовки этого феномена.

Термин «информация» «от латинского слова *informatio*, разъяснения, изложение, в самом общем виде – передача сообщений между передающей и принимающей системами» [1].

Наиболее признанное определение информации сформулировал Норберт Винер, «информация – обозначение содержания, полученного из внешнего мира в процессе нашего приспособления к нему и приспособления к нему наших чувств» [2].

В социальных системах информация не существует в отрыве от её носителя. И информация, и носитель являются одним целым. Поэтому носитель информации отождествляют с самой информацией, а информацию представляют как носитель. Как правило, носители информации материальны. В современных социальных системах заполняя собой окружающую среду в физическом значении, они создают довольно специфическое пространство. Поскольку они являются переносчиками информации, то и пространство становится информационным. Так в самом общем виде появляется информационное пространство.

Социологическое понимание информационного пространства является своеобразной областью формирования, трансляции и практического применения различных информационных источников. *Информационное пространство* – физическая объективная реальность, существующая в трех ипостасях (время, протяженность и объем), проходящая информационные пути передачи информации, при помощи которых обеспечивается гомеостаз социальной системы. Это объясняется с одной стороны глобальным открытым характером информационного пространства, а с другой стороны хаотичными процессами информации, протекающими в открытой естественной физической среде. И вот в настоящее время стало реальностью представление факта свершения какого-либо события как информацию путём комментирования и представления этого события или реальности в выгодном социально-политическом контексте. Всё это стало этапом формирования и регулирования в сознании социума нужной картины реальности или произошедшего события и представление этого в своих интересах. А также прочно утвердилось в стратегии военных действий как информационный подготовительный этап создания требуемых социально-психологических образов в сознании социума для узаконивания своей целенаправленной деятельности. Современный человек в своем сознании складывает как мозаику информацию и порождает представления о реальной жизни, событиях

в ней, таким образом информация опосредованно формирует, управляет и регулирует социальные процессы становясь одним из важных стратегических ресурсов в 21 в.

Автором термина «информационная война» является Томас Рона, однозначного взгляда на это понятие научные школы до настоящего времени не достигли. Информационная война имеет ряд разновидностей, таких как: электронная; разведывательно-информационная; психологическая; «хакер-война», «кибер-война», экономическая информационная; симуляционная» [3].

Цель данной информационной войны уничтожение народов способных на собственное мировоззрение и нравственные принципы таких как Россия, которая способна стать нравственным стержнем человеческой цивилизации. Поэтому основной разрушающий удар наносится по национальному самосознанию, самоидентификации и национальной культуре. Так же нагнетание социальной напряжённости и враждебности в отношениях между странами выбранного региона производится через информационные интернет-агентства, данные действия уже стали начальным этапом полномасштабных боевых действий с целью нарушения целостности народа и свержению существующего правительства в интересующем регионе.

В будущих войнах победит тот народ, который наряду с мастерским владением оружием и боевой техникой, также обладает высоким уровнем социальной солидарности, патриотизма и сформированного патриотического и оборонного сознания граждан с целью сплочения нации и сохранения государственного единства. И как уже было сказано, война или военное противостояние как политическое целедостижение перешло в другие не классические отрасли и пространства: киберпространство, информационное, экономическое, и собственно сознание человека. Всё это актуализирует проблемы сплочивания народа, единения нации, социализации молодёжи с мотивацией на сохранение и защиту российского государства.

В целях определения, поиска и выработки государственной идеологии в нашем изменяющемся мире Президент Российской Федерации Владимир Путин указал на необходимость обратиться к исторически проверенным отечественным постулатам, одним из которых является патриотизм.

Возникает вопрос, который хочется задать всем и самому себе, в частности: «Что же такое патриотизм, какова его структура? В чём реальное содержание патриотизма?». Множественность определений патриотизма, его междисциплинарность и нежелание автора ещё раз перечислять устоявшиеся определения патриотизма, заставили выделить лишь некоторые из определений наиболее отличающиеся от остальных.

Реализованной в дальнейшем в официальных документах является авторская позиция Лутовинова В.И. заключающаяся в том, что «патриотизм понимается как одна из наиболее значимых, непреходящих ценностей, присущих всем сферам жизни общества и государства; является важнейшим духовным достоянием личности, характеризует высший уровень её развития и проявляется в её активно-деятельностной самореализации на благо Отечества» [4].

Микроков В.Ю. видит патриотизм как исторически сложившуюся и развивающуюся категорию социальной педагогики, отражающую устойчивое положительное отношение людей к своему Отечеству, проявляющееся в деятельности на его благо; в реализации которого с единых позиций участвуют и государство, и общество. Патриотизм является важным ресурсом консолидации общества. Патриотизм выступает в качестве важного внутреннего мобилизующего ресурса развития общества, активной гражданской позиции личности, готовности её к самоотверженному служению своему Отечеству. Патриотизм как социальное явление - цементирующая основа существования и развития государства. Определяет патриотическое воспитание как скоординированный совместный процесс деятельности государственных и общественных организаций по формированию у граждан высокого патриотического долга и конституционных обязанностей по защите интересов Родины [5].

Взгляды на природу патриотизма в различных науках отличаются уже предметом самой науки и спецификой инструментария конкретной отрасли научного знания.

Так, например, представитель Санкт-Петербургской социологической школы Санина А.Г. видит в «патриотизме любовь к Родине, преданность своему государству, знание исторических и современных достижений страны, поддержку духовно-нравственных ценностей, проявление гражданской позиции, активного участия в деятельности институтов гражданского общества, обладании собственной позицией, конструктивной критике власти» [6]. Патриотизм, по её мнению, является

средством воздействия на объект формирования и управления государственной идентичности, а также содержит: когнитивный, эмоционально-оценочный, нормативно-ценностный, поведенческий элементы [6].

Ивченков С.И. и Сайганова Е.В., рассматривая теоретические походы к анализу патриотизма как социального явления с позиций его многовариантности, показывают содержание термина «патриотизм» через те ценности, которые разделяет молодёжь. В результате социологического анализа проводят типологизацию патриотизма разделяя его на 7 моделей: абстрактный патриотизм; традиционный; локальный; либеральный; демократический; критический; глобалистический антипатриотизм [7].

Халий И.А. проведя исследование в 9 регионах России, пришла к выводу что патриотизм – «веками сложившаяся и устойчивая традиционная ценностная установка, которую продолжают поддерживать современные экономические и политические условия» [8].

Необходимо отметить, что патриотизм рассматривался в основном как процесс военно-патриотического воспитания что и внедрено на уровне государственного управления в виде «Концепции патриотического воспитания граждан РФ» с перспективой планирования на 5 лет. Автор считает, что данная формулировка нуждается в корректировке и более широком взгляде на проблему. На социальном виртуальном информационном поле в условиях постоянного негативного воздействия управленческие действия органов государственного управления недостаточно своевременны и, к сожалению, не всегда соответствуют реальной ситуации.

В настоящее время социально-управленческая деятельность представляет собой сложную динамическую систему [9]. Поэтому одного воспитания мало и, кроме того, необходим структурно-функциональный анализ военно-патриотической деятельности с позиций социологии управления и социологии образования, для чего необходимо отметить, что военно-патриотическая подготовка по мнению автора должна включать: военно-патриотическое воспитание, военно-патриотическое обучение, формирование и развитие личности.

Таким образом, в условиях стремительного развития технических средств в области информационных технологий, меняющих пути социальной коммуникации, оказывающих огромное влияние на представление о жизни у молодого поко-

ления, необходимо проведение военно-патриотической подготовки с учётом изменяющейся социальной реальности и социально-управленческая информационная защита общественного сознания от негативного воздействия информационного контента. Для осознания подрастающим поколением важности военно-патриотической деятельности с целью сохранения государственного суверенитета и единства народа необходимо проводить постоянную социально-управленческую деятельность в информационном пространстве по формированию и поддержанию национального самосознания, самоидентификации и национальной культуры, а так же позитивного образа Отечества в общественном сознании молодёжи и его социально-правовой информационной защиты от внутреннего и внешнего негативного влияния.

Литература:

1. Ожегов С.И., Шведов Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская АН.; Российский фонд культуры; 3-е изд. Стереотипное. М. АЗЪ. 1995. С. 245.
2. Винер Н. Кибернетика и общество. М.: Издательство на русском языке AST Publishers. 2019. С.30.
3. Петрий П.В. К вопросу о методологии анализа войны как социального феномена / П.В. Петрий // Безопасность Евразии. 2015. № 1(49). С. 225-228.
4. Лутовинов В.И. Патриотизм и проблемы его формирования у Российской молодежи в современных условиях (социально-философский анализ). Диссертация д.ф.н. Москва. 1998. С. 33.
5. Микрюков В.Ю. Теория и практика военно-патриотического воспитания учащихся в современной России: автореф. Дисс. д-ра пед. наук. М. 2008. С. 9
6. Санина А.Г. Патриотизм и патриотическое воспитание в современной России // Социологические исследования. 2016. № 5. С.44-53.
7. Ивченков С.Г., Сайганова Е.В. Ценностные ориентиры и их влияние на восприятие патриотизма у молодёжи // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 2. С. 106–125.
8. Халий И.А. Патриотизм в России: опыт типологизации. Социологические исследования. 2017. № 2. С.67-73.
9. Погребной Д.Н. К вопросу о социальном управлении служебным поведением военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации / Д. Н. Погребной // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 2. С. 339-344.

KAPUSTIN V.V.

***Social Sciences, Doctoral Student of the Department of
Sociology of the Military University of the Ministry of
Defense of the Russian Federation***

Patriotism and military-patriotic training of Russian citizens in modern digital reality

The author of the article tries to rethink the social attitude of modern youth to patriotism, modern trends and directions of the formation of patriotism, as well as a view of the problem of military patriotic training and the need and introduction of new forms and directions of activity through the prism of sociology.

Keywords: *patriotism, digital reality, military-patriotic education, military-patriotic training*

References:

1. Ozhegov S.I., Shvedov N.Y. The Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80000 words and phraseological expressions / Russian Academy of Sciences; Russian Cultural Foundation; 3rd ed. stereotyped. M. AZ. 1995. C.245.
2. Wiener N. Cybernetics and Society. M.: Publishing house AST Pustlishchers in Russian. 2019. C.30.
3. Petriy P. V. On the methodology of analysis of war as a social phenomenon / P. V. Petriy // Safety of Eurasia. 2015. № 1(49). C. 225-228.
4. Lutovinov V.I. Patriotism and problems of its formation among the Russian youth in modern conditions (socio-philosophical analysis). D. dissertation of Doctor of Philosophy, Moscow. 1998. C. 33.
5. Mikryukov V.Y. Theory and practice of military-patriotic upbringing of students in modern Russia: Dissertation. M. 2008. C. 9
6. Sanina A. G. Patriotism and patriotic education in modern Russia // Sociological Studies. 2016. № 5. C.44-53.
7. Ivchenkov S. G., Saiganova E. V. Value orientations and their influence on the perception of patriotism by young people // Bulletin of the Institute of Sociology. 2020. Vol. 11. № 2. C. 106-125.
8. Khaliy I.A. Patriotism in Russia: the experience of typologization. Sociological Studies. 2017. № 2. C.67-73.
9. Pogrebnoy D. N. On the issue of social management of service behavior of the military personnel of the Armed Forces of the Russian Federation / D. N. Pogrebnoy // Socio-humanitarian knowledge. 2020. № 2. C. 339-344.

СЕМИКОЛЕННОВА Юлия Александровна
*аспирант кафедры социологии, общей и
юридической психологии Волгоградского института
управления – филиала РАНХиГС*
E-mail: semikolennova96@yandex.ru

Внутренняя социальная политика в волгоградских бизнес-организациях: управленческий аспект (по данным экспертного опроса)

В данной статье представлены результаты социологического исследования управления внутренней социальной политикой в волгоградских бизнес-организациях по данным экспертного опроса. Определены факторы и мотивы, способствующие её осуществлению; выявлены направления деятельности внутренней социальной политики, предлагаемые инструменты и методы управления; а также установлены барьеры, оказывающие влияние на процесс реализации внутренней социальной политики. В конце статьи отмечены перспективы управления внутренней социальной политикой в волгоградских бизнес-организациях.

Ключевые слова: *внутренняя социальная политика; экспертный опрос; лояльность сотрудников; методы управления; инструменты; мотивы; барьеры.*

Внутренняя социальная политика представляет собой составную часть корпоративной социальной ответственности современных компаний, где деятельность работодателей, менеджеров и сотрудников направлена на удовлетворение социальных потребностей, гармонизацию социальных интересов, реализацию социальных прав и социальных гарантий, а также предоставление социальных услуг и социальной защиты работникам [1, с. 52]. Управление внутренней социальной политикой в современных бизнес-организациях представляет собой механизм реализации различного рода социально-ориентированных мероприятий для сотрудников со стороны

руководящего состава как в рамках соблюдения действующего законодательства, так и предложение социальных инструментов и гарантий сверх законодательно установленных требований и нормативов.

Оценка реальной ситуации по степени реализации внутренней социальной политики в волгоградских бизнес-организациях подразумевала осуществление эмпирического социологического исследования в трех направлениях, где проведение экспертного опроса среди компетентных специалистов позволило детально рассмотреть, конкретизировать и дополнить управленческую специфику полученных данных. Итоговые результаты социологического исследования представлены в рамках данной статьи более детально.

Согласно проведенному опросу, больше половины экспертов полагают, что реальная ситуация в волгоградских бизнес-организациях относительно степени развития по формированию и реализации внутренней социальной политики находится в нестабильном положении, что характеризуется значением показателя «скорее не развита, чем развита», который отметили больше половины экспертов. Несмотря на то, что на данный момент ситуация в отношении внутренней социальной политики «оставляет желать лучшего», каждый второй эксперт отметил улучшение социально-ориентированной практики в волгоградских компаниях.

В современное время, учитывая последствия пандемии коронавирусной инфекции и экономические проблемы, объективно связанные с ней, управленцы предприятий осознают, что социальная сфера способна создавать взаимовыгодные условия между администрацией и рабочим персоналом: социальная защита, организованные условия труда, отдыха и досуга повышают престиж предприятия, помогают привлекать, удерживать и адаптировать квалифицированных работников и, самое главное, способствовать повышению производительности труда, что является весьма важным аспектом для любого работодателя [2, с. 5].

Основными факторами, которые повлияли на изменение ситуации в сфере внутренней социальной политики в волгоградских бизнес-организациях, согласно представлениям экспертов, являются: 1) условия внешней среды и ситуация на рынке (в том числе и на рынке труда); 2) изменение эпидемиологической ситуации в стране (появление и развитие коронавирусной инфекции), что способствовало изменению при-

вычного функционирования большинства организаций, обусловленного необходимостью реализации мероприятий, ориентированных на создание безопасных условий труда, а также охрану здоровья сотрудников; 3) каждый второй эксперт отметил фактор активности конкурентов на рынке, что отражает заинтересованность компаний в поддержании собственной конкурентоспособности в условиях рыночной экономики посредством реализации мероприятий в области внутренней социальной политики.

Анализ факторов, в наибольшей степени влияющих на уровень заинтересованности руководства в плане осуществления мероприятий в области внутренней социальной политики, согласно представлениям экспертов, отражает три наиболее распространенные категории мотивов. Больше половины экспертов указали на «необходимость снижения текучести кадров», что является весьма объективным показателем, учитывая реальную демографическую ситуацию в стране, обусловленную демографической ямой, а также высокой стоимостью в плане поиска, подбора и адаптации новых сотрудников. Каждый второй эксперт отметил такие факторы, как: 1) «удовлетворение актуальных потребностей или запросов сотрудников, способствующих увеличению их лояльности и вовлеченности», что свидетельствует о наличии заинтересованности со стороны компаний в формировании позитивно настроенной команды, готовой принимать и транслировать внутрикорпоративные ценности, способной эффективно достигать поставленных целей, а также демонстрировать благоприятное отношение к организации и руководителю как при выполнении рабочих задач, так и в рамках неформальных взаимоотношений, что обусловлено периодическим и продуктивным удовлетворением важных запросов собственных сотрудников; 2) «формирование благоприятного HR-бренда», что является одним из ключевых показателей, оказывающих влияние как на потенциальных соискателей, так и на внутренний персонал в рамках привлечения и дальнейшего удержания. Данная позиция поддерживается З.Н. Савельевой и Ю.С. Колесниковой, которые отмечают, что социальная политика не может быть ограничена только обязательными социальными услугами; конкуренция на рынке труда предполагает использование социальных услуг, которые способны привлекать новых сотрудников на работу или удерживать работающих людей [3, с. 454-455].

Согласно проведенному опросу, направление деятельности «развитие персонала, повышение профессионально-квалификационного уровня сотрудников» было оценено экспертами в большей степени, что свидетельствует о заинтересованности руководителей в осуществлении планомерной работы по профессиональному развитию сотрудников (совершенствование уровня их компетентности), что, скорее всего, обусловлено заинтересованностью компаний в повышении производительности труда, представляющего собой выполнение более качественной работы за меньшее количество времени, обусловленное наличием актуального уровня профессиональной подготовки согласно занимаемой должности в организационной структуре. Интересной особенностью выступает тот факт, что такие направления, как «формирование и развитие организационной (корпоративной) культуры», «охрана труда и обеспечение условий труда, отвечающих современным требованиям безопасности, экологическим стандартам и требованиям эргономики», а также «создание благоприятных условий для поддержания здоровья сотрудников компании, охрана здоровья и содействие формированию здорового образа жизни» были оценены экспертами в равной степени, что свидетельствует о мультинаправленности действий волгоградских бизнес-организаций в плане реализации социально-ориентированных мер для сотрудников.

Наиболее распространенные направления деятельности, согласно представлениям экспертов, реализуются не в полной степени в волгоградских компаниях, где основными причинами выступают:

- 1) отсутствие осознания руководителем важности и значимости данного направления в работе с персоналом;
- 2) ограниченность разного рода ресурсов;
- 3) недостаток профессионального опыта руководителя в осуществлении подобных программ,
- 4) сложные социально-экономические условия ведения бизнеса. Данный результат свидетельствует о том, что вся ситуация, связанная с реализацией внутренней социальной политикой в волгоградских компаниях, в большей степени зависит не только от условий внешней среды, сколько от фигуры руководящего лица компании, его фактических установок и ориентаций в плане заинтересованности по осуществлению социально-ориентированных мер для собственных сотрудников.

Инструменты внутренней социальной политики представляют собой точечные действия или мероприятия, которые позволяют удовлетворять отдельные категории потребностей различных работников, способствуют формированию благоприятного микроклимата в компании, ориентированы на повышение лояльности со стороны коллектива, но весьма ограничены по своему функционалу и масштабам реализации. Анализ инструментов свидетельствует о наиболее популярном предложении сотрудникам волгоградских бизнес-организаций таких мер, как: 1) корпоративные подарки для сотрудников и их детей в связи с наступлением государственных или корпоративных праздников; 2) приобретение продукции или услуг, производимых организацией, по себестоимости их изготовления и производства; 3) оплата счетов мобильной связи, подключаемых по корпоративному тарифу; 4) возможности обучения во внутрикорпоративных учебных центрах и бизнес-школах; 5) оказание денежной помощи при наступлении трудной жизненной ситуации; 6) корпоративное социальное страхование (чаще распространено медицинское). Данная ситуация обусловлена тем, что далеко не все волгоградские компании обладают крупным социальным фондом или готовы выделять значимые финансовые ресурсы, которые позволяют реализовывать масштабные социальные мероприятия для персонала, однако, большинство компаний стараются поддерживать необходимый минимальный уровень социальных мер для работников.

Методы управления внутренней социальной политикой представляют собой совокупность действий, подразумевающих организационно-административные, экономические и социально-психологические мероприятия со стороны руководителей, ориентированные на достижение положительных результатов в социально-ориентированной работе с персоналом. Проведенный экспертный анализ позволил выявить следующие закономерности: большинство экспертов продемонстрировали схожесть позиций в плане оценки фактической реализации данных методов в волгоградских компаниях: все три категории методов управления используются «отчасти эффективно», что может свидетельствовать об их применении либо выборочно (в зависимости от ситуации), либо в ограниченном объеме, что не всегда способствует решению поставленных задач, и, как следствие, получению желаемого социального эффекта.

Проблемы реализации внутренней социальной политики в волгоградских бизнес-организациях, согласно представлениям экспертов, обусловлены наличием таких барьеров, как «ограниченность различного рода ресурсов» и «отсутствие полноценного понимания роли внутренней социальной политики руководителем», где наиболее значимыми мероприятиями по их преодолению выступают:

1) разработка программы реализации внутренней социальной политики компании (отказ от стихийного регулирования данного процесса);

2) учет реальных мнений и интересов сотрудников при разработке социально-ориентированных мероприятий;

3) создание профилированного отдела или привлечение специалиста, компетентного в данной области;

4) разработка социально-ориентированных мероприятий с учетом реальной ситуации и тенденций как во внутренней, так и во внешней среде компании (ориентация на их актуальность).

Подводя итоги проведенного исследования, необходимо отметить, что ключевыми перспективами, которые возможны в волгоградских компаниях, согласно представлениям большинства экспертов, выступают следующие тенденции: использование внутренней социальной политики как одного из способов повышения эффективности управления человеческими ресурсами, ориентированного на привлечение и удержание персонала, что определяется ростом заинтересованности руководителей в реализации социально-ориентированных действий для сотрудников в компании, где анализ процесса возможного расширения либо сокращения мероприятий остается сложным вопросом для дальнейшего прогнозирования, учитывая сложившуюся ситуацию на рынке.

Литература:

1. Нефедьева Е.И., Гаврисенко Д.М. Внутренняя социальная политика организации как элемент корпоративной социальной ответственности (на примере ООО «Иркутская нефтяная компания») / Е.И. Нефедьева, Д.М. Гаврисенко // Социальное предпринимательство и корпоративная социальная ответственность. – 2021. – Т. 2. – № 1. – С. 51-70.

2. Попов Ю.А. Специализированные социальные службы как элемент реализации внутренней социальной политики предприятия / Ю.А. Попов // Вектор экономики. – 2021. – № 9 (63) – С. 1-13.

3. Савельева З.Н., Колесникова Ю.С. Влияние экономического кризиса на социальную политику предприятия / З.Н. Савельева, Ю.С.

SEMIKOLENNOVA Yu.A.
**Post-graduate student Department of sociology,
general and legal psychology Volgograd Institute
of Management – Branch of RANEPA**

Internal social policy in Volgograd business organizations: managerial aspect (according to an expert survey)

This article presents the results of a sociological study of the management of internal social policy in Volgograd business organizations according to an expert survey. The factors and motives contributing to its implementation are identified; the directions of the internal social policy, the proposed tools and management methods are identified; and barriers that influence the process of implementing internal social policy are identified. At the end of the article, the prospects of managing internal social policy in Volgograd business organizations are noted.

Keywords: *internal social policy; expert survey; employee loyalty; management methods; tools; motives; barriers.*

Literature:

1. Nefedieva E.I., Gavrisenko D.M. Internal social policy of an organization as an element of corporate social responsibility (on the example of Irkutsk Oil Company LLC) / E.I. Nefedieva, D.M. Gavrisenko // Social entrepreneurship and corporate social responsibility. - 2021. – Vol. 2. – No. 1. – pp. 51-70.
2. Popov Yu.A. Specialized social services as an element of the implementation of the internal social policy of the enterprise / Yu.A. Popov // Vector of Economics. – 2021. – № 9 (63) – P. 1-13.
3. Savelyeva Z.N., Kolesnikova Yu.S. The impact of the economic crisis on the social policy of the enterprise / Z. N. Savelyeva, Yu. S. Kolesnikova // National economic systems in the context of the formation of the global economic space: collection of scientific tr. III MNPК. – 2017. – pp. 454-455.

**Социальная структура.
Социология управления.
Социальные институты и процессы** **=====**

УДК 316.354:351/354
DOI 10.34823/SGZ.2022.3.51809

ЗИМОВА Наталья Сергеевна
*кандидат социологических наук, доцент кафедры
социального конструирования Высшей школы
современных социальных наук (факультет),
МГУ имени М.В. Ломоносова*
E-mail: nzimova@mail.ru

ФОМИН Егор Васильевич
*старший преподаватель кафедры социологии
знания Высшей школы современных социальных
наук (факультет), МГУ М.В. Ломоносова*
E-mail: fominegorv@mail.ru

Сетевая солидарность как ответ на коллективную травму (на примере специальной военной операции России на Украине)

Статья посвящена изучению механизмов формирования и расширения социальной солидарности на основе конструктора коллективной травмы. Анализ классических и современных подходов к изучению солидарности, в том числе трактовка солидарности в рамках теории травмы позволил сформулировать предположение, что проживание обществом коллективной травмы ведет к проявлению новых форм сетевой солидарности.

В качестве примера формирования и поддержания солидарности рассматриваются события специальной военной операции на Украине. Приведенные в статье результаты контент-анализа показали, что данные события, сконструированные как коллективная травма, стали точками роста социальной солидарности, что нашло отражение в отечественных социальных сетях. Наиболее ярко проявляются такие элементы социальной солидарности как: повышение доверия социальным институтам, националь-

ному лидеру и высшему руководству страны; формирование единой символической знаковой системы; единая трактовка исторического прошлого; единое смысловое понимание целей и задач принимаемых государственных решений. Основные сюжеты травматического нарратива: ущемление прав русскоязычного населения на Украине, преступления против граждан Донбасса, фашистская идеология, военные преступления украинских националистов.

Ключевые слова: *солидарность, коллективные травмы, социальные сети, специальная военная операция, Украина, демилитаризация, денацификация.*

Сегодня находясь в точке исторической бифуркации, когда мировая социально-экономическая и политическая система дестабилизирована, а против России разворачивается «гибридная война», российское общество переживает один из самых тяжелых и значимых моментов своей истории [1]. Во многом развитие ситуации в ближайшие месяцы предопределяет будущее развитие страны и скажется не на одном поколении россиян. Глобальные катаклизмы, травмирующие общество актуализируют идеи о социальной солидарности, так как справиться с внешними вызовами можно лишь при условии внутренней сплоченности. Можно предположить, что происходящие сегодня события, кульминацией которых стало начало специальной военной операции на Украине, могут быть сконструированы как коллективная травма и стать точками роста социальной солидарности. Масштаб изменений таков, что реальный анализ происходящих событий ученые могут дать лишь спустя десятилетия, но уже сейчас методы цифровой социологии позволяют взглянуть на протекание отдельных социальных процессов и явлений.

Новая повестка оживила идеи о солидарности общества в социологическом дискурсе. Мысль А.Б. Гофмана о том, что «в определенном смысле социология начиналась именно как изучение социальной солидарности» можно продолжить заключением, что солидарность является одной из базовых, фундаментальных категорий в социологии, которая в современных реалиях находится в центре внимания исследователей.

Термином «солидарность» оперируют сразу несколько социологических парадигм, обращаясь к различным его аспектам. Их анализ показывает, что большинство авторов, давая определение понятию солидарность, останавливаются на двух подходах: классическом, в лице структурного функционализма, фокусировавшегося в изучении солидарности на ценностях и установках, и подходе в рамках символического

интеракционизма, в котором предпринимаются попытки дать осмысление социального значения солидарности и солидаризации.

Учитывая оба подхода, а также подходы к изучению солидарности в смежных науках, к солидарности мы относим: во-первых, общность людей, формирование идентичности в ходе коммуникативных практик; во-вторых, форму социальных отношений, которой свойственен определенный вид эмоционального обмена с характерным для него артикулированием доверия, поддержки, единства; в-третьих, готовность в связи с вышеперечисленным совершить действие ради достижения цели этой группы.

При этом под солидаризацией мы понимаем социальное взаимодействие людей, их объединение, рассматриваемые в динамике их становления, для которых свойственны дискурсивные практики единения.

Новация современного понимания социальной солидарности сводима к тезису о том, что базой форсирования солидарности становится коммуникация. Стоит отметить коммуникативный подход Ю. Хабермаса, для которого солидарность неотделима от современных коммуникативных практик, формируется посредством различных институтов, как, например, институт медиа, выборные органы власти и т.д. В таких условиях формируется новая модель социального порядка и его дискурс [2, p.112-113].

Вслед за А. Комтэ мы отмечаем, что традиционные формы солидарности в настоящее время находятся в упадке. Новые формы солидарности имеют все больше сетевой, виртуальный характер, а при их формировании значимое место занимают информационные технологии [3, p.205-231].

Современные средства коммуникации формируют новую сетевую социальность. Социальные сети и блогосфера стали не только площадками общественных дискуссий по вопросам внешней и внутренней политики, экономического и социального развития, но и презентации проявления различных форм сетевой солидарности. При этом современность делает новые формы солидарности и сильнее, и уязвимее по сравнению с традиционными. С одной стороны, использование новых технологий расширяет географию и стирает границы для формирования глобальной солидарности. С другой стороны, отсутствие личных контактов при такой форме солидарности сужает круг предпринимаемых группой действий до символических. Для новых форм солидарности

современного общества характерен их мозаичный и ситуативный характер, направленный вовне дискурс, предназначенный, прежде всего на артикулирование границ своей и чужой групп.

Если на мезо уровне новые формы солидарности проявляются в различных типах сообществах – религиозных, политических, благотворительных, гендерных, гражданских, культурных, то на уровне макропроцессов и явлений новая сетевая солидарность переживается различными территориальными обществами, где точками сбора солидарности выступают его коллективные травмы.

В данной статье мы концентрируем внимание на утверждении о том, что травматические для общества события, сконструированные как коллективная травма, являются основой для проявления новых форм сетевой солидарности.

Основоположники современной западной социологической теории травмы, – Дж. Александер [4], П. Штомка [5], Р. Айерман [6] [7] искали ответ на вопрос – какую роль играет символическое конструирование травмы в формировании коллективных идентичностей современных обществ. Под кризисами и травмами здесь понимается шокирующее событие или явление, провоцирующее нарушение повседневных практик, обострить ценности группы, отношение к которым до произошедшей в группе травмы могло ритуализироваться и притупиться. Таким образом, кризис, или в данном случае травма, способствует формированию или укреплению групповой идентичности.

Дж. Александер формулирует следующую концепцию коллективной травмы: социальные группы, столкнувшись с коллективной травмой, начинают воспроизводить нарратив травмы, артикулируя тему страдания для данной социальной группы, актуализируя вовлеченность членов этой группы в эпицентр травматических событий [8, p.4].

Однако, Дж. Александер выделяет и иной сценарий развития событий, в соответствии с которым группа отказывается от признания чужих травм и осуществляет оценку произошедшего коллективного опыта через призму морали, что приводит к отрицанию собственной ответственности в травматическом опыте других групп, а также перекладыванию ответственности за травмы своей же группы [8, p.10]. По мнению Дж. Александера, непрожитым на сегодняшний день является травматический опыт военных действий в

Донецке и Луганске, и возвращения Крыма в состав Российской Федерации [8, p.11].

По аналогии с травмой личности, коллективная травма, или общественный кризис, влечет потрясение устоявшихся идентичностей и паттернов, а также точки роста новых идентичностей и связанный с этим потенциал конструирования общественной солидарности. При этом точки роста для пересмотра и укрепления идентичности и солидарности дает не само травмирующее событие, а его проживание, иногда длительное, представляющее собой конструирование культурной травмы. Именно по этой причине культурные сбой и травмы имеют такую значимость для групповой идентичности и развития общества в целом.

И для личной травмы, и для коллективной свойственно то, что в основе их возникновения лежит шок. Полученные травмы одновременно и индивидуальны, и коллективны, и социальны. При совмещении индивидуальной и коллективной травмы эффект последует кумулятивный, что особенно характерно для военных условий и общественных кризисов. При этом, для того чтобы личная, а затем коллективная травма приобрела более масштабные последствия и стала культурной, по мнению О.В. Головашиной, необходимы дистанция во времени, репрезентация события в медиа, чувство сопричастности общественности к событию, ставшему травмой, а также потребностью, запросом общества на проявление этой солидарности [9, с.2-12].

Согласно концепции коллективной травмы отечественных социологов Л.Б. Зубановой и Н.Л. Зыховской, общество может переживать травму, актуализируя различные формы солидарности [10, 119-128]. Одной из таких форм является карнавализация. В качестве примеров карнавализации авторы приводят презентацию в Сети и флешмобы.

Ж.Т. Тощенко выделяет травму и антиномию как отражение конфликта и раскола в восприятии действительности [11, 45-60]. В эту концепцию вписывается идея о смысле и назначении карнавализации и Интернет-презентации травмы в Интернет-флешмобах – они репрезентуют произошедший в обществе раскол в восприятии его членами действительности. В этом смысле карнавализация становится легальным проявлением солидарности в попытке пережить травмирующий опыт, перенести его в символический формат пересмотра иерархий и вообще общественных основ. В таком случае сетевые флешмобы становятся виртуальным

аналогом солидарности, имевшей под собой реальную коммуникативную основу.

На наш взгляд, происходящие события, связанные с началом специальной военной операции (далее СВО) на Украине, могут быть рассмотрены сквозь призму теории коллективной травмы. Они имеют шокирующий для общества характер, влекут потрясение устоявшихся идентичностей и паттернов, провоцируют нарушение повседневных практик. Следовательно, можно предположить, что проживание их обществом ведет к проявлению новых форм сетевой солидарности в отечественном сегменте интернет-пространства.

Для проверки данного предположения был проведен контент-анализ сообщений социальных сетей, который выступает не столько предмет научного изучения социального явления, сколько средством социальной рефлексии текущих событий обществом. В качестве инструмента использовались возможности системы многофакторного анализа «Крибрум», позволяющей осуществлять в интерактивном режиме анализ сообщений социальных медиа с использованием технологии лингвосемантического анализа текстов. Временной интервал автоматического мониторинга охватил период с 24.02.2022 г. по 24.04.2022 г.

Результаты проведенного нами анализа показали, что в социальных сетях происходящие события вызвали рост презентаций солидарности.

При этом наиболее ярко высвечиваются несколько элементов социальной солидарности, которые выражают ценности и нормы общества, способствуют единению индивидов, стабилизируя основы общества. Такими элементами являются:

- повышение доверия социальным институтам;
- повышение доверия политическому руководству страны;
- формирование единой символической знаковой системы;
- единая трактовка исторического прошлого;
- единое смысловое понимание целей и задач принимаемых государственных решений.

Первый элемент солидарности – повышение доверия социальным институтам, национальному лидеру и высшему руководству страны.

По оценкам ведущих исследовательских компаний с начала спецоперации выросли рейтинги высшего руководства России. Рейтинг оценки эффективности работы В.В. Путина на посту Президента России вырос с 60-63% до 81%, а рейтинг недоверия снизился с 21% до 13-8%. Аналогично вырос рейтинг доверия Президенту России с 60% до 75% [12].

Выросли показатели доверия к Премьер-министру России М.В. Мишустину (с 49.9% до 63%) и лидеру партии ЛДПР В.В. Жириновскому (с 29.1% до 46%) [13].

Вместе с увеличением рейтинга доверия высшим должностным лицам страны, снизился рейтинг недоверия им. Затруднились ответить на вопрос о доверии политическому руководству страны всего около 9% опрошенных. По данным социологических служб около 74% россиян поддерживают проведение СВО [14]. Большинство россиян доверяют российской армии и поддерживают ее (84%) [15] [16]. Таким образом, это показывает высокую солидарность общества, ее сплоченность. Отмеченные тенденции прослеживаются и в сообщениях социальных сетей, что будет продемонстрировано далее.

В социальных сетях роль руководителей страны представляется российскими пользователями через архетипы семьи и семейных традиций, в которых каждому из высших действующих лиц отведена своя роль. Президент Путин выступает в роли отца-защитника, заступника народа, который больше концентрируется на внешней политике и роли России в мировой системе. Его образ пользователи социальных сетей характеризуют с позиции воинственности, силы, мощи, энергии.

Премьер-министр Мишустин по мнению пользователей выполняет роль расчетливого семейного управляющего, который бережет, считает и распределяет семейный бюджет. Его образ в социальных сетях, характеризуется как рассудительный, спокойный, расчетливый, прагматичный современный внутриполитический чиновник. В качестве помощников у него выступают заместители и федеральные министры – министр финансов А.Г. Силуанов, заместитель по социальным вопросам Т.А. Голикова.

В социальных сетях данный элемент солидарности проявляется в таких нарративах:

«Люди, Россия!!! Мы должны, обязаны сплотиться и стать одной семьёй!!! Мы как никогда должны поддерживать наших дорогих солдат и нашего президента Владимира Владимировича Путина!!! Перестаньте хаять нашу власть! Сейчас не та ситуация, чтобы

высказывать свои недовольства! Вместе мы сила!! Добро победит!» (Светлана Золотых, Донбасс – сердце России!, 05.04.2022)

«ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ ПУТИН – самый РАЗУМНЫЙ, самый СИЛЬНЫЙ, самый ВОЛЕВОЙ, наш ЛЮБИМЫЙ ПРЕЗИДЕНТ! Недаром вся Россия сплотилась. И это признают все, и наши враги особенно. Он всю РОССИЮ собрал в КРЕПКИЙ КУЛАК!» (Елена Фоминова, РОССИЯ, 04.04.2022)

«Мишустин это надёжный тыл, когда Путин и Шойгу на передовой! Вместе сила!» (Татьяна Ивонина, КОМАНДА ЗА В.В. ПУТИНА И РОССИЮ!, 15.03.2022)

Отметим, что в случае острых социальных вопросов солидарность общества с руководством страны может не проявляться. То есть не все решения по политическим и социальным вопросам могут быть приняты обществом и приводить к солидарности с руководством. Например, некоторые политические решения не были приняты российским обществом, вызвали широкие дискуссии, привели к дезинтеграции. Среди таких событий можно назвать повышение пенсионного возраста, коронавирусные ограничения, решение о проведении СВО. Наиболее остро в российском обществе обсуждалась проблема противоречивом отношении к СВО широкой части культурной элиты страны. Несмотря на высокий процент поддержки среди обычных граждан, пользователей социальных сетей, отдельные лидеры общественного мнения, инфлюенсеры, медийные персоны выразили в социальных сетях свое несогласие с проведением СВО. Часть из них открыто призывали и агитировали граждан к протестным акциям против руководства страны, другая часть в знак протеста уехала из России [17]. Этим подтверждается парадокс солидарности по Дж. Александру. Общественный кризис в виде европейских санкций, русофобская политика по отношению к России и коллективная травма в виде СВО в соседней стране порождают не только усиление идентичности и консолидации, но и углубляет общественный раскол, поляризируя общество на тех, кто «за» и тех, кто «против».

Второй элемент солидарности – формирование единой символической знаковой системы.

В результате спецоперации появились символические конструкции, которые выступили как проявление солидарности. Ими стали буквы латинского алфавита Z, V, O.

Символы Z, V, O выражают стремление, силу, энергию. Так как данные символы наносятся на военную технику, в гражданской сфере они формируют пространство гражданской поддержки армии – данными знаками украшают окна квартир, наносят на автомобили. Особо активно они используются в социальных сетях – их ставят на аватарки, публикуют в группах и на личных страницах. Это произошло по нескольким причинам. Во-первых, они не имеют авторства, т.е. анонимны, деперсонифицированы. Во-вторых, они – буквы латинского алфавита, просты в запоминании, воспроизведении, передачи. В-третьих, они «заразительны» и быстро распространяются в форме флешмобов, интернет-челенджей, сетевых перформансов. В-четвертых, они могут иметь множество значений.

У пользователей социальных сетей обнаруживается эффект мифотворчества, наделения сакральным смыслом данных символов, что объясняется отсутствием официальной трактовки их происхождения и значения министерством обороны. Это приводит к появлению различных комбинаций данных трех символов, как правило, означающих мощные военные, патриотические, ободряющие значения.

В сообщениях пользователей социальных сетей прослеживается несколько способов применения данных символов:

1. Как предлог, выступающий ответом на вопрос «за что мы воюем?»:

- показывающий направление и цели СВО: «За правду», «За веру», «За свободу», «За справедливость», «За независимость»;

- для указания на конкретные категории населения, которые защищают: «За президента», «За народ», «За славы», «За наших ребят», «За матерей», «За дедов», «За детей»;

- для отражения конкретных локации и территорий, важных для российского общества: «За Донбасс», «За Державу», «За Россию», «За отечество».

2. Как прилагательные, для характеристики российских военных как «Заботливых» и «Вежливых» людей.

3. Как «народные» выражения, отсылающие к мифологическому, историческому, культурному прошлому, истории России, ее боевых полководцах и руководителей, исконных ценностей народов страны: «Защита», «Земля», «Знамя», «Воля», «Воины», «Вера», «ПраВда».

4. Использование знаков Z V в политических лозунгах: «Сила V правде!», «За победу!», «Задача будет выполнена!», «Победа будет За нами!», «За Родину Мать!», «За мир без нацизма!», «За Мир на русской земле!».

Как правило, это абстрактные философские понятия, пользователи социальных сетей, таким образом, выражают слова поддержки СВО.

«Официальная версия буква Z и V – остались от учений и обозначают две группировки войск – "Запад" и "Восток". Но, у этих букв есть ещё один смысл – сакральный. И чтобы его узнать, надо заглянуть в историю русского народа. Это славянская буква Z, ζ, взятая, как это было принято в раннем написании кириллицы, из греческого алфавита. Z – это "земля", символ объединения русских земель, данных самим Богом.» (Нина Михайлова, АВТОКАДР_46 ДТП | ЧП | Аварии | Курска и области, 21.03.2022)

«Z-за, O-отечество, V-в границах 1945 г» (Александр Макаров, Михаил Советский [группа], 31.03.2022)

«Символ Z означает «За победу», а буква V несет сразу два значения: «Сила в правде» и «Задача будет выполнена»». (Ольга Зворыгина, Полезная страничка! Здоровье | Красота | Спорт, 02.04.2022)

Третий элемент – единая трактовка исторического прошлого и четвертый элемент – единое смысловое понимание целей и задач СВО тесно переплетены, их мы рассматриваем одновременно, как взаимосвязанные единицы.

Официальная позиция высших должностных лиц России объясняла цель специальной военной операции следующим образом:

Демилитаризация – устранение систем вооружения, угрожающего России; законодательное закрепление нейтрального и безъядерного статуса Украины; запрет вступления в НАТО (и другие военные союзы), размещения на ее территории военных баз иностранных государств.

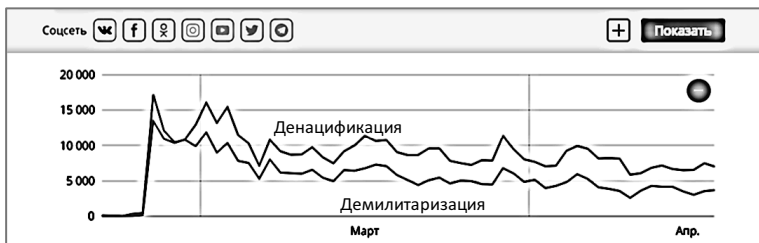
Денацификация – защита прав русскоязычного населения, отказ от законов, ограничивающих использование русского языка, суд над нацистскими военными преступниками, ответственных за преступления против граждан Донбасса.

Обратимся к трактовкам основных терминов СВО – демилитаризации и денацификации пользователями самой популярной отечественной социальной сети «ВКонтакте». Для

этого воспользуемся системой многофакторного анализа социальных медиа Крибрум (<https://kribrum.io/>).

Таблица 1.

Количество использования терминов «демилитаризация» и «денацификация» во «ВКонтакте» (24.02.2022-24.04.2022)

За исследуемый период (24.02.2022-24.04.2022) по теме демилитаризации и денацификации и опубликовано 600 577 сообщений. По теме денацификации опубликовано сообщений 372 703 (62.1%), по теме демилитаризации 227 874 (37.9%).

Из графика можно сделать несколько выводов. Во-первых, взрывное увеличение общего количества сообщений по теме после начала СВО. Это объясняется тем, что ранее понятия денацификации и демилитаризации отсутствовали в лексическом обороте. Если 21.02.2022 опубликовано 67 сообщений, посвященных денацификации и 19 демилитаризации, 22.02.2022 – 303 и 162 сообщений соответственно, то уже 24.02.2022 эти показатели составили 9 896 и 7 751 сообщений соответственно.

Во-вторых, по теме денацификации Украины опубликовано большее количество сообщений, чем по тематике демилитаризации (на 163.5 %). Период 24-26 февраля единственный, в котором тема демилитаризации доминирует над денацификацией. Это связано с начальным этапом СВО, когда освещались исключительно боевые действия, а общественная реакция только формировалась. В целом в период 24.02.2022-24.04.2022 тема демилитаризации вызвала меньший интерес у пользователей социальной сети. Под демилитаризацией понимают устранение систем вооружения, угрожающего России; законодательное закрепление нейтрального и безъядерного статуса Украины; запрет

вступления в НАТО (и другие военные союзы). Следовательно, милитаризация, военизированный статус соседней страны вызывают меньший интерес и не являются коллективной травмой российского общества.

Таким образом, общенародной исторической травмой выступает именно процесс денацификации. Наибольшее обсуждение получили темы защиты прав русскоязычного населения на Украине; отказ от законов, ограничивающих использование русского языка; суд над нацистскими военными преступниками, ответственными за преступления против граждан Донбасса; помощь народным Республикам Донбасса; защита гражданского населения от боевиков националистических вооруженных формирований.

По результатам анализа отношения пользователей к денацификации и демилитаризации в самой популярной отечественной социальной сети ВКонтакте выявлено наличие диссонанса в понимании целей СВО высшими политическими кругами и российскими пользователями социальных сетей. Если официальными лицами нашей страны объявляется главной целью разоружение Украины, ее демилитаризация, отказ от вступления в военные союзы, то в социальных сетях артикулируется иное видение цели СВО как – денацификация, искоренение крайней нацистской идеологии на Украине.

Согласно Дж. Александеру, социальные группы воспроизводят нарратив коллективной травмы через страдания группы, показывая высокую вовлеченность участников в события. Таким событием, объединяющим российское общество относительно СВО, является травмирующий опыт Великой Отечественной Войны, который воспроизводит народный нарратив страдания через воспоминания и переживания фашистских захватчиков и распространения нацистской идеологии. В этой аналогии нацистами, которых необходимо денацифицировать выступают носители современной украинской идеологии. Согласно Дж. Александеру к солидарности приводит переживание травмирующего опыта общества в прошлом. В данном случае, российское общество пережившее борьбу с нацизмом, осознает ее важность и значимость, в то время как демилитаризация в общественном сознании – расплывчатый термин. Денацификация как одна из задач СВО сталкивается с собственной коллективной травмой в народном сознании, что и показывают пользователи социальных сетей.

«Зверства украинских националистов не имеют сроков давности. Зверские пытки и издевательства, циничная жестокость по отношению к пленным и гражданскому населению отличали украинских националистов не только в годы Великой Отечественной войны». Победили тогда – искореним сейчас! Денацификация неизбежна!» (Вежливые Люди | Миротворцы | Спецоперация Z, 01.04.2022)

Таким образом, если задача демилитаризации является технической, утилитарной, то выполнение задачи по денацификации Украины является культурно и идеологически значимыми, объединяющим общество. Если задачу демилитаризации выполняют институционально (через формат переговоров), то денацификация – задача многоплановая, сложностная, моральная.

В то же время, сталкиваясь с собственной исторической травмой, российское общество отказывается от признания травм другого сообщества – украинского, отрицает свою ответственность и заявляет о полной поддержке решения Президента о проведении СВО (что показывают и социологические опросы), наделяя решения властей моральным правом принимать жесткие политические шаги. СВО также признается необходимой, неизбежной и даже справедливой, праведной, потому что направлена на защиту младших и незащищенных – угнетенных жителей ЛДНР.

«Украинцы, все вы прекрасно знаете, кто живёт рядом с вами. Кто орал фашистское "слава Украине", кто собирал деньги на "АТО", кто принимал участие в бандеровских митингах, майданах, шествиях, акциях, кто писал нацистские комментарии в городских группах, в игровых сообществах, в блогах, на сайтах. Кто агитировал за украинский, жовто-блакитный фашизм у вас на учёбе, работе. Так вот, пришло время. Время собирать камни».

«Не забывайте, что денацификация бывшей Украины будет полная и тотальная!! Россия пришла и не уйдёт!! Ни одна сволочь не уйдёт от суда и наказания!!» (Сообщество Рука Кремля Z / Спецоперация / Война, 30.03.2022)

Денацификация понимается пользователями социальных сетей как рубеж, пройдя который отдельный индивид, поселение, страна перестают являться военной, политической целью и становятся на нормальный путь развития. При этом четко выделяется два направления трактовки денацификация: в педагогическом контексте – как перевоспитание,

переобучение, вторичная социализация, постепенная включенность в систему русской культуры и истории, и в медицинском контексте как исправление, излечение организма, искоренении из него патогенных элементов.

«Что же такое денацификация? Это уничтожение всего, что формирует нацию: флаг, язык, гимн, лозунги, школьная литература, студенческая литература и пособия, СМИ, медиа, фильмы, музыка, исторические персонажи, настоящие и придуманные, экономика, валюта, вещи, одежда. Всё, что выше – всё будет уничтожаться или форматироваться. Только так, и никак иначе».

«Кстати, можете посмотреть на Херсон, там денацификация уже в самом разгаре. Люди счастливы, спокойно живут, работают, ничего не боятся, начинают выплачиваться пенсии и пособия, открываются магазины, рынки. То есть, начинается нормальная, человеческая жизнь. Так же будет и везде». (Рука Кремля Z / Спецоперация / Война, 28.03.2022)

Итак, проведенное исследование позволило подтвердить предположение, что события, связанные с началом СВО на Украине, сконструированные как коллективная травма, стали точками роста социальной солидарности, что нашло отражение в отечественном сегменте социальных сетей. Основные сюжеты травматического нарратива: ущемление прав русскоязычного населения на Украине, преступления против граждан Донбасса, фашистская идеология, преступления украинских националистов.

Мы выделяем несколько элементов социальной солидарности, которые формируют единение общества через проживание травмирующих событий:

- повышение доверия социальным институтам, Президенту и высшему руководству страны. Политическими центральными фигурами, вокруг которых формируется солидарность стали Президент России В.В. Путин и Председатель Правительства М.В. Мишустин;
- формирование единой символической знаковой системы. Символическими конструкциями, которые выступили как проявление солидарности в социальных сетях стали буквы латинского алфавита Z, V, O;
- единая трактовка исторического прошлого. Для пользователей отечественного сегмента интернета проведение СВО отсылает к травмирующему опыту Великой Отечественной Войны, через который общество воспроизводит народный

нарратив боли и страдания, борьбы с нацизмом, сопротивление фашистской идеологии. Современными противниками в период СВО, которых необходимо денацифицировать, выступают носители современной украинской идеологии.

- единое смысловое понимание целей и задач принимаемых государственных решений. Объявленная приоритетной задачей демилитаризации Украины кажется пользователям социальных сетей второстепенной, утилитарной, технической. Задача по денацификации Украины значима для них культурно и идеологически. Украинское общество, пронизанное духом нацизма, понимается как больное, дряхлое, неравильное, зараженное и должно быть в перспективе переобучено, перевоспитано, вылечено. Это показывает, что культурные травмы связаны скорее с историческими и социальными явлениями (от народа), чем с политическими и военными (от политической элиты).

Проведенное исследование показывает, что социальные сети сегодня выступают пространством, формирующим социальную солидарность через феномен коллективной травмы, которая выступает в период социальных и политических кризисов.

Литература:

1. РИА-Новости. Запад объявил России тотальную гибридную войну, заявил Лавров. 14 апреля 2022. URL: https://ria.ru/20220414/zapad-1783472028.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения – 18.04.2022).

2. Lee Ph. B. Habermas, From Society to Family: Communicative Sociation, Solidarity and Emancipation / A Thesis Submitted to the College of Graduate Studies and Research. 2007. Pp. 112-113.

3. Komter A. Solidarity and sacrifice; An analysis of contemporary solidarity / Advances in Sociology. Vol. 2. New York: Novascience Publishers. 2005. Pp. 205-231.

4. Александр Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. М. 2012. № 3.

5. Штопка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. М. 2001. № 1. pp. 6-16.

6. Eyerman R. The cultural sociology of political assassination. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2011.

7. Eyerman R. The assassination of Theo van Gogh: From social drama to cultural trauma. Durham (NC): Duke univ. press, 2008.

8. Alexander Ch.J. Culture trauma, morality and solidarity: The social construction of «Holocaust» and other mass murders // Thesis Eleven. L. 2016. Vol. 132. No 1.

9. Головашина О.В. Как боль становится общей? Культурная травма как процесс// Studia Humanitatis. 2018. № 4. С. 2-12.

10. Зубанова Л. Б., Зыховская Н. Л. Транзитная солидарность в современной сетевой культуре: между карнавалом и травмой // Социологические исследования. 2019. № 5. С. 119-128.

11. Тощенко Ж.Т. Травма и антиномия – новые черты общественного сознания и поведения в современной России // Социология: научно-теоретический журнал. 2014. № 4. С. 45-60.

12. ФОМ. Владимир Путин: оценки работы, отношение. 8 апреля 2022. URL: <https://fom.ru/Politika/10946> (дата обращения – 10.04.2022).

13. ВЦИОМ. Доверие политикам, 10 апреля 2022. URL: <https://wciom.ru/ratings/doverie-politikam/> (дата обращения – 12.04.2022).

14. ВЦИОМ. Деятельность государственных институтов, 10 апреля 2022. URL: <https://wciom.ru/ratings/dejatelnost-gosudarstvennykh-institutov/> (дата обращения – 12.04.2022).

15. ВЦИОМ. Специальная военная операция: мониторинг. 23.03.2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor-specialnaja-voennaja-operacija-monitoring> (дата обращения – 14.04.2022).

16. ВЦИОМ. Армия и общество на фоне специальной военной операции. 05.03.2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/armija-i-obshchestvo-na-fone-specialnoi-voennoi-operacii> (дата обращения – 16.04.2022).

17. РБК. Песков призвал не драматизировать отъезд звезд из России из-за Украины. 23 марта 2022. URL: <https://www.rbc.ru/politics/23/03/2022/623af1569a79473fa8542537> (дата обращения – 18.04.2022).

ZIMOVA N.S.

***PhD, docent, School of Contemporary Social Sciences
Lomonosov Moscow State University***

FOMIN E.V.

***Senior Teacher, School of Contemporary Social
Sciences Lomonosov Moscow State University***

Network solidarity as a response to collective trauma (on the example of Russia's special military operation in Ukraine)

The article studies the mechanisms of emergence and expansion of social solidarity that is considered through the phenomenon of collective

trauma. Classical and modern approaches are applied to the study of solidarity. The interpretation of solidarity within the framework of the trauma theory allowed us to assume that living in a society of collective trauma leads to the manifestation of new forms of network solidarity. The events of a special military operation in Ukraine are considered an example of the formation of network solidarity, which is analyzed with the help of the content analysis method. As a result, it is concluded that these events are a constructed collective trauma, which is reflected in social networks. Such elements of social solidarity as the increasing trust in social institutions, the national leader and the country's leadership, the formation of a unified symbolic sign system, and the unified interpretation of the historical past events, the unified semantic understanding of the goals and objectives of government decisions are clearly manifested. The main plots of the traumatic narrative are as follows: firstly, the infringement of the Russian-speaking population rights in Ukraine, secondly, these are crimes against the citizens of Donbass, fascist ideology, war crimes of Ukrainian nationalists.

Keyword: *solidarity, collective traumas, social networks, special military operation, Ukraine, demilitarization, denazification.*

References:

1. RIA-Novosti. Zapad ob'yavil Rossii total'nyuy gibridnyuy vojnu, zayavil Lavrov. [Electronic resource]: https://ria.ru/20220414/zapad-1783472028.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (accessed: 18.04.2022). (In Russian).
2. Lee Ph. B. Habermas. From Society to Family: Communicative Sociation, Solidarity and Emancipation / A Thesis Submitted to the College of Graduate Studies and Research, 2007. Pp. 112-113.
3. Komter A. Solidarity and sacrifice; An analysis of contemporary solidarity / Advances in Sociology. Vol. 2. New York: Novascience Publishers, 2005. Pp. 205-231.
4. Alexander, J. Kulturnaya travma i kollektivnaya identichnost [Cultural Trauma and Collective Identity]. Sociological Journal. no 3. pp. 6-40. 2012. (In Russian).
5. Shtompka, P. (2001) Sotsial'noe izmenenie kak travma [Social Change as Trauma]. Sociological Studies. 1. pp. 6-16. (In Russian).
6. Eyerman R. The cultural sociology of political assassination. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2011.
7. Eyerman R. The assassination of Theo van Gogh: From social drama to cultural trauma. Durham (NC): Duke univ. press, 2008.
8. Alexander Ch.J. Culture trauma, morality and solidarity: The social construction of «Holocaust» and other mass murders // Thesis Eleven. L. Vol. 132. no 1. 2016.
9. Golovashina O.V. Kak bol stanovitsya obschei Kulturnaya travma kak process [How does pain become common? Cultural trauma as a process] // Studia Humanitatis. no 4. 2018. (In Russ.)

10. Zubanova, L. B., Zykhevskaya, N. L. Tranzitnaya solidarnost v sovremennoi setevoi kulture_ mejdu karnavalom i travmoi [Transit solidarity in modern network culture: between carnival and trauma]. Sociological Studies, no. 5, pp. 119-128, 2019. (In Russ.)

11. Toshchenko Zh.T. Travma i antinomiya – novye cherty obshchestvennogo soznaniya i povedeniya v sovremennoy Rossii [Trauma and antinomy – new features of public consciousness and behavior in contemporary Russia]. Sociology: a scientific and theoretical journal. no 4. 2014 (In Russ.).

12. FOM. Vladimir Putin: ocenki raboty, otnoshenie. [Electronic resource]: <https://fom.ru/Politika/10946> (accessed: 10.04.2022) (In Russian).

13. VCIOM. Doverie politikam. [Electronic resource]: <https://wciom.ru/ratings/doverie-politikam/> (accessed: 12.04.2022) (In Russian).

14. VCIOM. Deyatel'nost' gosudarstvennykh institutov. [Electronic resource]: <https://wciom.ru/ratings/deyatelnost-gosudarstvennykh-institutov/> (accessed: 12.04.2022) (In Russian).

15. VCIOM. Special'naya voennaya operaciya: monitoring.23.03.2022. [Electronic resource]: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/specialnaja-voennaja-operaciya-monitoring> (accessed: 14.04.2022) (In Russian).

16. VCIOM. Armiya i obshchestvo na fone special'noj voennoj operacii. [Electronic resource]: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/armiya-i-obshchestvo-na-fone-specialnoi-voennoi-operacii> (accessed: 14.04.2022) (In Russian).

17. RBK. Peskov prizval ne drammatizirovat' ot"ezd zvezd iz Rossii iz-za Ukrainy. [Electronic resource]: <https://www.rbc.ru/politics/23/03/2022/623af1569a79473fa8542537> (accessed: 18.04.2022) (In Russian).

ЗУБЕЦ Алексей Николаевич
доктор экономических наук, доцент, директор
Центра социально-экономических исследований
Финансового университета при Правительстве РФ
E-mail: ANZubets@fa.ru

Разработка и апробация системы индикаторов качества жизни: на примере российских городов¹

В статье показана необходимость разработки индикаторов качества жизни, которые могли бы заменить ВВП на душу населения в качестве индикаторов человеческого благополучия. Показано, что измерители качества жизни могут быть построены на основании объективных статистических показателей, субъективных оценок, которые можно собрать при помощи социологических опросов, или на основе их комбинации. Приводится пример рейтинга качества жизни в городах России, который основан на оценках настроений населения и оценках положения с городским хозяйством в городах России. Представлена динамика Индекса качества жизни, полученного на основании ежеквартальных замеров настроений и оценок положения дел в городах. Показано, что качество жизни в России в 1 квартале 2021 года практически не изменилось по сравнению с 4 кварталом 2021 года. Предлагается использовать приведенную методику для мониторинга качества жизни в городах России.

Ключевые слова: *Качество жизни, рейтинг качества жизни, Динамика качества жизни, Измерение качества жизни, Настроения населения, Тревожность, Протестная активность.*

При анализе динамики социально экономического развития страны, а также при определении эффективности работы федеральных, региональных и местных властей в части управления социально-экономическим развитием, встает вопрос об инструментах измерения, которые позволили бы с достаточной точностью определять необходимые показатели. До недавнего

¹ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситета.

времени наиболее авторитетным инструментом измерения социально экономического прогресса был валовый ВВП страны, ВВП на душу населения, а также и их динамика. Однако исследования показывают, что при достижении определенного уровня благополучия рост доходов не приводит к увеличению доли тех, кто считает себя счастливым. Исследования, проведенные компанией Gallup показывают, что в домохозяйствах, перешагнувших уровень годового дохода в \$36 тыс., последующее увеличение благополучия приносит незначительное увеличение самооценки уровне счастья [1]. Аналогичные данные дают расчеты по базе данных Международного исследования ценностей (World Values Survey), которые показаны рисунке 1.

Источник: расчета автора по данным Международного исследования ценностей

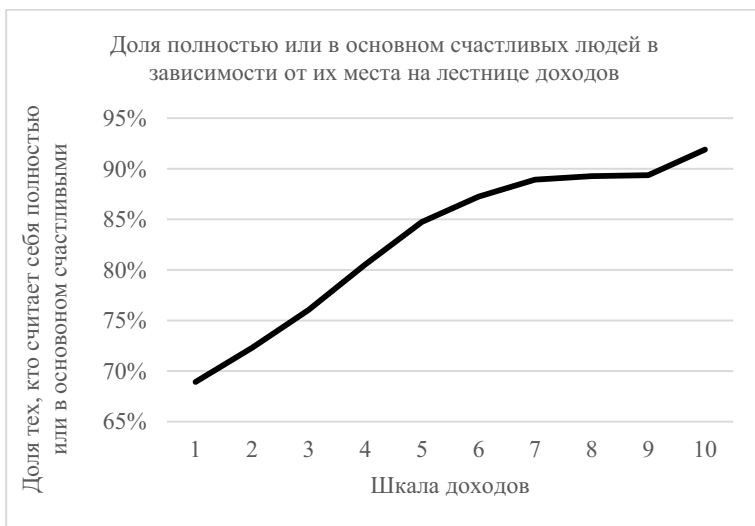

Рис. 1. Зависимость доли полностью или в основном счастливых людей в группах с различным уровнем дохода (по шкале от 0 до 10)

Как видно из рисунка, начиная с определенного уровня благополучия выше среднего уровня доля полностью или в основном счастливых людей начинает стагнировать, несмотря на повышение уровня доходов населения. Из чего наглядно видно, что для развитых стран с высоким уровнем дохода ВВП на душу населения не может служить адекватным индикатором благополучия. Чтобы заместить его, за последние

несколько десятилетий было разработан ряд комплексных показателей благополучия и качества жизни людей, которые основаны на использовании статистических показателей и субъективных оценок, собранных при помощи социологических исследований.

Одним из самых удачных измерителей качества жизни людей является HLE – Happy Life Expectancy (число лет счастливой жизни), произведение средней ожидаемой продолжительности жизни и доли жителей страны, довольных собственной жизнью (или считающих себя счастливыми) [2]. Этот показатель органично сочетает в себе, с одной стороны «уровень счастья» населения различных стран, а, с другой стороны – среднюю ожидаемую продолжительность жизни при рождении, которая представляет собой важнейший индикатор качества жизни. Этот показатель исходит из того, что основная цель любого человека состоит в том, чтобы прожить длинную счастливую жизнь.

Старейшим и наиболее авторитетным измерителем качества жизни людей является Human Development Index (HDI) или Индекс человеческого развития (ИЧР), который публикуется ежегодно с 1990 г. в рамках Программы развития ООН [3]. Сравнение качества жизни в различных странах проводится на основании трех видов показателей:

- 1) Ожидаемой продолжительности жизни;
- 2) Доступа к образованию;
- 3) Уровня жизни, оцененного через валовой национальный доход на душу населения.

В Индексе качества жизни OECD (Better Life Index) [4], разработанном Организацией по экономическому сотрудничеству и развитию (ОЭСР), используются следующие показатели:

- жилищные условия населения;
- уровень дохода;
- безработица и качество рабочих мест;
- самоорганизация населения для социальной поддержки, насыщенность общественной жизни;
- качество образования;
- состояние окружающей среды;
- политическая активность – общественные действия за демократию;
- состояние здоровья населения;
- удовлетворенность населения своей жизнью;
- безопасность;

- соотношение труда и отдыха в жизни людей.

Большой интерес представляет Глобальный индекс благополучия, разработанный компанией Gallup [5, 6] и построенный на субъективных оценках населением различных сторон своей жизни. В качестве базы для расчета индекса выступают социологические исследования, проводимые по всему миру. В рамках данного проекта выделяются следующие показатели благополучия людей:

- наличие у человека жизненных целей и возможность их достичь;
- круг общения, семейное благополучие;
- финансовое благополучие;
- комфортные отношения на уровне местного сообщества;
- здоровье.

Каждый элемент Глобального индекса благополучия содержит по два вопроса (всего их соответственно 10):

- Вам нравится то, что вы делаете каждый день?
- Вы учитесь или делаете что-то интересное каждый день?
- Кто-то в вашей жизни всегда поощряет вас быть здоровым?
- Ваши друзья и семья дарят вам позитивную энергию каждый день?
- У вас достаточно денег, чтобы сделать все, что вы хотите сделать?
- В последние семь дней вы беспокоились о деньгах?
- Город или район, где вы живете, это идеальное место для вас?
- За последние 12 месяцев вы получили признание за помощь в улучшении города или района, где вы живете?
- В течение последних семи дней вы чувствовали себя активным и продуктивным каждый день?
- Ваше физическое здоровье почти идеально?

Уровень благополучия человека по каждому из этих показателей оценивается тремя уровнями: «процветает», «борется» или «страдает». «Процветание» определяется как высокий уровень благополучия с перспективой его сохранения или роста, «борьба» – умеренное или нестабильное благополучие, «страдание» – низкий и нестабильный уровень благополучия.

Одним из ярких проявлений высокого качества жизни является обилие положительных эмоций в жизни человека. Поэтому большой интерес с точки зрения оценки качества жизни в различных странах мира представляет другое исследование Gallup – Индексы позитивного и негативного опыта [7], которые измеряют нематериальные ценности жизни – чувства и эмоции при помощи опросов населения. Для измерения позитивных эмоций респондентам в ходе опросов задают следующие вопросы:

- Вчера вы чувствовали себя хорошо отдохнувшим?
- Относились ли к вам вчера с уважением?
- Вы вчера много улыбались или смеялись?
- Вы вчера чему-то научились или что-то сделали интересное?
- Испытывали ли вы удовольствие в течение большей части вчерашнего дня?

Оценка индекса положительного опыта рассчитывается как средняя для утвердительных ответов. Показатели индекса на страновом уровне колеблются в диапазоне от 0 до 100. Высокая оценка означает преобладание положительных эмоций в жизни людей.

Индекс негативного опыта рассчитывается аналогичным образом на основании ответов респондентов на следующие вопросы:

Испытывали ли вы следующие чувства в течение большей части вчерашнего дня?

- Физическую боль?
- Беспокойство?
- Грусть?
- Стресс?
- Гнев?

Всемирный доклад о счастье (World Happiness Report) – описывает национальный уровень счастья исходя из следующих составляющих [8]:

- ВВП на душу населения;
- продолжительность здоровой жизни;
- социальная поддержка (если вы находитесь в затруднительном положении, есть ли у вас друзья или родственники, чтобы помочь?);
- социальная свобода (удовлетворенность возможностью принимать важные жизненные решения);

- щедрость (передавали ли вы деньги на благотворительность в прошлом месяце?);
- отсутствие коррупции (распространена ли коррупция в правительстве?);
- положительные эмоции – доля тех, кто на протяжении вчерашнего дня испытывал счастье, смеялся и наслаждался жизнью;
- отрицательные эмоции – доля тех, кто на протяжении прошедшего дня часто испытывал беспокойство, печаль и гнев.

Еще один интересный измеритель качества жизни – это Индекс счастливой планеты (Happy Planet Index) [9]. Для его расчета используются следующие показатели:

- Ожидаемая продолжительность жизни (годы),
- Оценка населением уровня жизни (благополучия) по шкале от 0 до 10;
- Экологический след – экологическая нагрузка на природу.

С учетом исследований, проведенных ранее по этой теме в Финансовом университете и накопленных в ходе этих исследований данных, кратко качество жизни можно определить как общую оценку комфортности своего существования, сделанную самим человеком, оценку соответствия жизни ожиданиям и устремлениям человека [10, 11]. В рамках данного определения на первый план с очевидностью выходит субъективная составляющая оценки качества жизни, которую можно определить как общую удовлетворенность своей жизнью или, например, как уровень счастья конкретного индивида (а также как усредненные показатели субъективных оценок по более или менее крупным социальным группам). При этом исследования показывают, что субъективные показатели, отражающие самооценку населением собственного благополучия, достаточно тесно связаны с объективными показателями, отражающими доступность для населения различных товаров и услуг. Поэтому субъективные показатели качества жизни могут вполне успешно использоваться для оценки комфортности человеческого существования без параллельного применения объективных показателей.

Назначение объективных статистических показателей при измерениях качества жизни – не допустить ситуации, при которой на территории существует завышенная эмоциональная оценка качества собственной жизни, не опирающаяся на знакомство с современными стандартами потребления товаров и

услуг. Такая ситуация может быть вызвана, например, отдаленностью от центров современной цивилизации, отсутствием информации о возможностях для повышения качества жизни, неразвитостью коммуникаций, всеобщей бедностью, низким культурным уровнем и т.д. В России, плотно связанной с окружающим миром системой коммуникаций и открытой для перемещения людей, такая ситуация сложиться не может, поэтому вполне допустимы оценки качества жизни людей, построенные с опорой на его субъективные оценки.

Ценность субъективных оценок собственной жизни, сделанных самим населением, определяется еще и тем, что именно от них зависит такой важный показатель, как протестная активность граждан. Высокие объективные показатели благополучия граждан никак не помогут органам власти справиться с протестным движением, если население негативно оценивает качество собственной жизни. Объективные показатели оценки благополучия населения среди прочего сложно сделать всеохватными. На практике можно столкнуться с непредвиденными ситуациями, которые сложно учесть при конструировании системы объективных индикаторов качества жизни. Так, непредусмотренная в системе показателей экологическая катастрофа в регионе, лесной пожар или иное бедствие, конфликт населения с органами власти из-за тех или иных политических решений могут резко понизить самооценку качества жизни и повысить уровень протестной активности, при том, что объективные индикаторы останутся в пределах нормы. Как показывают наблюдения, одним из наилучших показателей качества жизни в городе может оказаться доля готовых покинуть собственный город в поисках лучшей, более комфортной жизни. Этот показатель лучше характеризует качество жизни в городах, чем многочисленные объективные индикаторы.

Финансовый университет при Правительстве РФ последние годы проводит на регулярной основе исследования качества жизни в городах с населением более 250 тыс. человек. Статистической базой для проводимых исследований являются результаты социологических опросов населения по различным темам, затрагивающим качество жизни и комфортность существования людей в своем родном городе. При оценке качества жизни в городах России в центре внимания находятся следующие темы:

1. Распространенность «деструктивного» поведения населения.

К деструктивному поведению относятся действия людей, которые приводят к необоснованному сокращению продолжительности жизни людей – бытовое насилие и бытовой травматизм, опасное управление автотранспортом, вызывающее повышенную смертность на дорогах, отказ от медосмотров и диспансеризаций, мелкая преступность и т.д.

2. Конфликтность социальных отношений.

Здесь относятся обращения в суд и правоохранительные органы по различным поводам, конфликты с финансовыми компаниями – банками и страховщиками вокруг выплаты кредитов, страховых возмещений и т.д.

3. Уровень дохода населения.

Показателями уровня материального благополучия являются самооценка уровня дохода, а также намерение брать кредиты, тратить деньги, приобретать различные товары услуги в течение ближайших месяцев.

4. Склонность к миграции из родного города в поисках лучшей жизни.

Склонность к миграции по нашему представлению является одним из важнейших показателей качества жизни в городе. При низком качестве жизни склонность к миграции на новое место жительства растет, при высоком качестве жизни она снижается.

5. Интерес населения к культурным ценностям – театрам, выставкам, музеям, книгам, а также стремление к получению хорошего образования для себя и детей.

Интерес к культурным ценностям представляется одним из основных показателей высокого качества жизни в регионе о в высоком качестве жизни говорит также интерес к хорошему образованию всех уровней.

6. Функционирование городского хозяйства.

Важной составляющей качества жизни является удобство города для комфортного существования. Для этого необходима эффективная работа городских коммунальных служб, дорожного хозяйства, жилищного строительства, общественного транспорта, системы здравоохранения, образования и иных инфраструктурных комплексов города.

7. Условия для ведения бизнеса.

Для самореализации граждан которое является одним из условий достижения высокого качества жизни, необходимы максимально благоприятные условия для развития малого предпринимательства. На практике это означает режим макси-

мального благоприятствования для регистрации малых предприятий и индивидуальных предпринимателей, обеспечение поддержки со стороны местных властей за счет предоставления помещений и доступа к инфраструктуре, комфортные условия работы с контрольными органами, такими как, например пожарный надзор, Налоговая инспекция, Федеральная антитимонопольная служба и другие.

8. Состояние экологической среды в городе.

Исследования Финансового университета показывают, что очень часто причиной миграции из города является плохое состояние окружающей среды. Причем большое количество людей, покидающих город могут сочетаться с высоким уровнем жизни, развитой медициной и качественным образованием. Поэтому качество воздуха и воды, проблемы вывоза и утилизации отходов является одним одной из основных составляющих высокого качества жизни.

9. Тревожность населения.

Наши исследования показывают, что уровень тревожности населения представляет собой крайне важный, ключевой индикатор, определяющий качество жизни людей в городе. Уровень озабоченности населения различными проблемами, страх бедности и болезней во многом определяют отношения населения к прочим составляющим качество жизни. То есть при наличии озабоченности и тревоги прочие оценки качества работы городского хозяйства, например, намного снижаются против аналогичных показателей в городах, где тревожность отсутствует. Поэтому при определении качества жизни по городам необходимо особое внимание уделять уровню тревоги среди населения. Кроме этого, надо помнить, что протестная активность, как правило, в большой степени зависит от уровня тревожности жителей городов.

Для построения оценок качества жизни по городам России при помощи социологических исследований были собраны данные о настроениях и оценках условий жизни населения. Далее для обеспечения сопоставимости полученных результатов собранные социологические данные были пересчитаны в индексные (балльные) оценки составляющих качества жизни по шкале от 0 до 100. Далее на этой основе были получены индексные оценки качества жизни по названным высшее группам показателей, которые определялись как средние значения по всем показателям группы. Они стали основой для расчета Индекса качества жизни, который был рассчитан как

среднее значение частичных индексов качества жизни по отдельным направлениям.

Города с самым высоким качеством жизни по итогам 2021 г. (см. таблицу 1) – это:

- 1) Москва,
- 2) Санкт-Петербург,
- 3) Грозный,
- 4) Магнитогорск,
- 5) Владимир,
- 6) Тула,
- 7) Калуга,
- 8) Набережные Челны,
- 9) Белгород,
- 10) Нижний Новгород,
- 11) Новороссийск,
- 12) Севастополь,
- 13) Стерлитамак,
- 14) Краснодар,
- 15) Махачкала.

Таблица 1.

Индексы качества жизни по городам России с населением более 250 тыс. человек по итогам измерений, проведенных в 2021 г.

№№ П/П	Название города	Итоговый балл	№№ П/П	Название города	Итоговый балл
1	Москва	79,5	39	Тверь	61,7
2	Санкт-Петербург	74,8	40	Орёл	61,6
3	Грозный	74,0	41	Волжский	61,4
4	Магнитогорск	69,7	42	Новокузнецк	61,4
5	Владимир	69,6	43	Уфа	61,3
6	Тула	69,1	44	Йошкар-Ола	60,9
7	Калуга	68,9	45	Курск	60,8
8	Набережные челны	68,6	46	Томск	60,6
9	Белгород	68,5	47	Иркутск	60,6
10	Нижний Новгород	68,0	48	Иваново	60,4
11	Новороссийск	67,2	49	Саранск	60,3
12	Севастополь	66,8	50	Чебоксары	60,3
13	Стерлитамак	66,8	51	Рязань	60,2
14	Краснодар	66,7	52	Ставрополь	60,1
15	Махачкала	66,6	53	Сургут	59,9
16	Калининград	66,5	54	Ижевск	59,8

17	Екатеринбург	65,9	55	Киров	59,8
18	Челябинск	65,1	56	Тамбов	59,7
19	Нижевартовск	65,1	57	Симферополь	59,4
20	Тольятти	64,9	58	Самара	59,3
21	Новосибирск	64,7	59	Красноярск	59,2
22	Казань	64,1	60	Владивосток	58,7
23	Ростов-на-Дону	64,1	61	Смоленск	58,5
24	Брянск	64,0	62	Оренбург	58,1
25	Вологда	64,0	63	Тюмень	58,0
26	Ярославль	63,9	64	Омск	57,8
27	Владикавказ	63,7	65	Якутск	57,4
28	Череповец	63,3	66	Воронеж	57,4
29	Пенза	63,2	67	Ульяновск	57,1
30	Липецк	63,0	68	Улан-Удэ	57,0
31	Сочи	62,8	69	Кемерово	56,9
32	Пермь	62,7	70	Саратов	55,8
33	Кострома	62,6	71	Волгоград	54,4
34	Петрозаводск	62,5	72	Чита	53,8
35	Нижний Тагил	62,3	73	Барнаул	53,4
36	Курган	62,3	74	Астрахань	52,9
37	Мурманск	61,8	75	Хабаровск	52,7
38	Архангельск	61,8			

Помимо статичной оценки качества жизни данная методика позволяет оценивать и его динамику на протяжении длительных временных интервалов. Мониторинг показал, что в 1 квартале 2022 г. качество жизни населения страны осталось на уровне 4 квартала прошлого года. Индекс качества жизни, рассчитываемый на основании мнений населения о положении дел в городах проживания и общественных настроениях, составил 82,9 (81,1 в 4 квартале).

В первом квартале 2022 г. по сравнению с 4 кварталом прошлого года заметно снизилась потребительская активность населения и самооценка уровня дохода, вырос уровень тревожности общественных настроений, заметно скорректировалась вниз оценка работы системы здравоохранения.

С другой стороны, повысилась оценка работы культурных и образовательных учреждений, предприятий системы ЖКХ, поднялась оценка состояния экологии в городах и качества работы дорожного хозяйства. По сравнению с предыдущим кварталом не изменилась оценка условий ведения бизнеса и оценка распространенности деструктивного поведения.

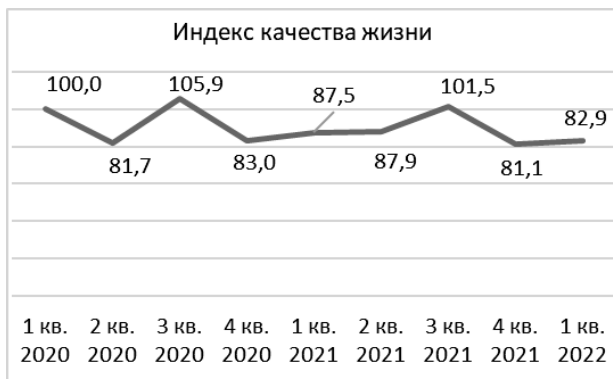

Рис. 2. Динамика качества жизни в России в 2020-2022 гг. (за 100 принят 1 кв. 2020 г.)

Если говорить о региональных различиях, то лидерами по качеству жизни среди городов с населением более 250 тыс. чел., как и по итогам 2021 года, являются Москва, Санкт-Петербург и Грозный.

Таким образом, исследования, проведенные в последние десятилетия, показали, что ВВП на душу населения более не является адекватной мерой для оценки комфортности человеческого бытия, особенно в экономически развитых странах. На смену ВВП пришли комплексные измерители качества жизни, более точно и адекватно оценивающие комфортность существования населения. Измерители качества жизни могут быть построены с использованием объективных статистических показателей, субъективных оценок, данных самим населением, на основании их комбинации, или же исключительно мы с использованием мнений населения по вопросам, определяющим качество жизни людей.

В связи с тем что субъективные оценки комфортности бытия играют ключевую роль в обеспечении социальной устойчивости общества и снижении протестной активности, вполне возможны варианты оценки качества жизни, построенные исключительно на основании мнений граждан об общественных настроениях и различных сторонах городской жизни.

Финансовый университет при Правительстве России проводит регулярные исследования качества жизни, основанные на субъективных оценках и настроениях населения крупных и средних российских городов. Исследования показали, что в 1 квартале 2022 г., несмотря на сложные социально экономичес-

кие условия, качество жизни в России не снизилась и сохранилась на уровне 4 квартала 2021 г. В дальнейшем для обеспечения устойчивости социально-экономической и политической системы целесообразно проводить мониторинг качества жизни в российских городах по описанной методике на регулярной основе.

Литература:

1. Megan Brenan. U.S. Adults Report Less Worry, More Happiness. Gallup, 18.05.2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://news.gallup.com/poll/311135/adults-report-less-worry-happiness.aspx> Дата обращения: 10.06.2022 г.
2. Ruut Veenhoven. HAPPY LIFE EXPECTANCY. A comprehensive measure of quality-of-life in nations. Social Indicators Research, 1996, vol. 39, 1-58.
3. Human Development Index [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://hdr.undp.org/reports-and-publications> Дата обращения: 10.06.2022 г.
4. OECD (2020), "Executive summary", in How's Life? 2020: Measuring Well-being, OECD Publishing, Paris. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.oecdbetterlifeindex.org/ru/#/111111111111> (Дата обращения: 10.06.2022 г.)
5. State of global well-being. Results of Gallup-Healthways global well-being index. 2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://news.gallup.com/poll/175694/country-varies-greatly-worldwide.aspx> Дата обращения: 10.06.2022 г.
6. Dan Witters. U.S. Wellbeing Declines Halted in 2019. Gallup, 25.09.2019 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://news.gallup.com/poll/266978/wellbeing-declines-halted-2019.aspx> Дата обращения: 10.06.2022 г.
7. Gallup Global Emotions Report. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://www.gallup.com/analytics/349280/gallup-global-emotions-report.aspx> Дата обращения: 10.06.2022 г.
8. World Happiness Report [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://worldhappiness.report/archive/> Дата обращения: 10.06.2022 г.
9. Happy Planet Index [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://happyplanetindex.org/learn-about-the-happy-planet-index/> Дата обращения: 10.06.2022 г.
10. Исследование качества жизни в российских городах. Отчет о НИР. Финансовый университет при Правительстве РФ, 2014. 275 с.
11. Исследование качества медицинского обслуживания российского населения в контексте повышения качества жизни. Отчет о НИР. Финансовый университет при Правительстве РФ, 2018. 184 с.

ZUBETS A.N.

**Doctor of Economics, Associate Professor, Financial
University under the Government of Russia**

Development and approbation of a system of quality of life indicators: on the example of Russian cities

The article shows the need to develop indicators of the quality of life, which could replace GDP per capita as indicators of human well-being. It is shown that the life quality meters can be built on the basis of objective statistical indicators, subjective assessments that can be collected using sociological surveys, or on the basis of their combination. An example of a rating of the life quality in Russian cities is given/ It is based on assessments of the mood of the population and assessments of the situation with urban economy in Russian cities. The dynamics of the Quality of Life Index calculated on the basis of quarterly measurements of moods and assessments of the state of affairs in cities is presented. It is shown that the quality of life in Russia in the 1st quarter of 2021 has practically not changed compared to the 4th quarter of 2021. It is proposed to use the methodology to monitor the quality of life in Russian cities.

Keywords: *Life quality, Rating of life quality, Dynamics of life quality, Measurement of life quality, Mood of the population, Anxiety, Protest activity*

Literature:

1. Megan Brenan. U.S. Adults Report Less Worry, More Happiness. Gallup, 05/18/2020. [Electronic resource]. Access mode: URL: <https://news.gallup.com/poll/311135/adults-report-less-worry-happiness.aspx> Date of access: 06/10/2022
2. Ruut Veenhoven. HAPPY LIFE EXPECTANCY. A comprehensive measure of quality-of-life in nations. Social Indicators Research, 1996, vol. 39: 1-58.
3. Human Development Index [Electronic resource]. Access mode: URL: <https://hdr.undp.org/reports-and-publications> Accessed: 06/10/2022
4. OECD (2020), "Executive summary", in How's Life? 2020: Measuring Well-being, OECD Publishing, Paris. [Electronic resource]. Access mode: URL: <http://www.oecdbetterlifeindex.org/ru/#/111111111111> Date of access: 06/10/2022
5. State of global well-being. Results of Gallup-Healthways global well-being index. 2014. [Electronic resource]. Access mode: URL: <https://news.gallup.com/poll/175694/country-varies-greatly-worldwide.aspx> Date of access: 06/10/2022

6. Dan Witters U.S. Wellbeing Declines Halted in 2019. Gallup, 09/25/2019 [Electronic resource]. Access mode: URL: <https://news.gallup.com/poll/266978/wellbeing-declines-halted-2019.aspx> Accessed 10/06/2022

7. Gallup Global Emotions Report. [Electronic resource]. Access mode: URL: <https://www.gallup.com/analytics/349280/gallup-global-emotions-report.aspx> Accessed: 06/10/2022

8. World Happiness Report [Electronic resource]. Access mode: URL: <https://worldhappiness.report/archive/> Date of access: 06/10/2022

9. Happy Planet Index [Electronic resource]. Access mode: URL: <https://happyplanetindex.org/learn-about-the-happy-planet-index/> Date of access: 06/10/2022

10. Study of the quality of life in Russian cities. Research report. Financial University under the Government of the Russian Federation, 2014. 275 p.

11. Study of the quality of medical care for the Russian population in the context of improving the quality of life. Research report. Financial University under the Government of the Russian Federation, 2018. 184 p.

ТРЕТЬЯКОВА Ирина Владиславна
кандидат физико-математических наук,
доцент кафедры социальных технологий
социологического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: silvervessel@bk.ru

Социальные технологии работы с молодежью

Автор отмечает, что молодежь является общественной группой, с которой население каждой страны связывает представления о своем будущем. Констатируется, что достижениями молодежи обеспечивается конкурентоспособность государства на международной арене, перспективность его социально-экономического развития. Этим обуславливается повышенное внимание к социальной работе с молодежью в российском обществе. В статье анализируется современное состояние социальной работы с юношеством, технологии, применяемые в ее рамках, их преимущества с точки зрения профилактики противоправных явлений в молодежной среде и приобщения молодежи к культурным практикам.

Ключевые слова: социальные технологии, молодежь, социальная работа, молодежная политика, социальный работник, онлайн – и – оффлайн среда, культура и искусство.

Актуальность исследования особенностей социальной работы с такой общественной группой, как молодежь, объясняется ее значительным влиянием на дальнейшее развитие российского государства и социума. Будущее страны во многом определяется степенью подготовленности молодежи к вступлению во взрослую жизнь, ее ценностями и целями, уровнем образования и воспитания, развития творческих способностей.

Ведь конкурентоспособность современной инновационной экономики в значительной степени определяется качеством профессиональных кадров, уровнем их социализации и кооперационности [6, с. 166]. Это определяет важность совместной работы государства и общества над формированием соответствующих качеств молодых людей, наличие,

либо отсутствие которых способно привести как к прогрессивному, так и к регрессивному развитию российского общества [7, с. 67; 13, р. 29].

В соответствии со ст. 2 Федерального закона от 30.12.2020 N 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» [1], под молодежью следует понимать социально-демографическую группу, возраст членов которой – от 14 до 35 лет. Иными словами, молодежь представляет собой весьма значительный пласт российского общества. Ее роль в структуре последнего подчеркивалась принятием настоящего Федерального закона в 2020 г., в тексте которого вводились и разъяснялись такие понятия, как «молодая семья», «молодежная политика», «молодой специалист» [1], что свидетельствовало о внимании государства к данной общественной группе, ее правам и обязанностям.

Наряду с этим, в ст. 2 настоящего Федерального закона вводились такие понятия, как «молодежная политика», «инфраструктура молодежной политики», «самореализация молодежи» и «специалист по работе с молодежью» [1]. Сущность данных понятий позволяет сделать вывод о том, что с 2020 г. в России на государственном уровне началось формирование системы социальной работы с данной общественной группой, предусматривающее взаимодействие соответствующих государственных, правовых и гражданских институтов в целях обеспечения всестороннего развития и самореализации молодежи. При этом предполагалось, что в различных сферах жизнедеятельности государства и общества реализация молодежи будет осуществляться на основе гражданско-патриотических и духовно-нравственных ценностей, что позволяет создать благоприятную перспективу для дальнейшего социально-экономического развития России, повышения ее конкурентоспособности на мировой арене.

Вместе с тем, введении в тексте статьи понятия «специалист по работе с молодежью» свидетельствует о развитии процесса институализации социальной работы в России, повышенном внимании государства к степени квалифицированности и компетентности специалистов, которые взаимодействуют с юношеством.

Подход к организации социальной работы с молодежью, нашедший отражение в отечественном законодательстве, определяется, в том числе, ростом численности молодежи за последние годы (что связано с повышением возрастного порога исследуемой социально-демографической группы).

Кроме того, значимость работы с данной социальной категорией населения определяется также основной направленностью ее потребностей. В таблице ниже представлены данные по основным интересам учащихся колледжей и техникумов, а также студентов высших учебных заведений на 2020 г.

Таблица № 1

Интересы и потребности учащихся общеобразовательных и профессиональных учебных заведений РФ (в %) [11]

Интересы и потребности	Учащиеся колледжей и техникумов (в %)	Учащиеся ВУЗов (в %)
Сидеть в Интернете	74	79
Общаться с друзьями	72	58
Читать научную литературу	52	21
Смотреть телепередачи	44	38
Читать художественную литературу и традиционные СМИ	40	39
Заниматься спортом	38	32
Ходить в театр, музей	36	11
Ходить в кинотеатр (либо иное – для учащихся ВУЗов)	36	3

Бесспорно, в настоящее время молодежь является самым активным пользователем современных мультимедийных сервисов Интернета [2, с. 66]. Мы наблюдаем, что на первом месте среди возможных вариантов проведения досуга у молодежи XXI в. стоит просмотр Интернет-контента, что, в свою очередь, ограничивает возможности юношей и девушек для реального человеческого общения. Кроме того, вовлеченность в онлайн-среду отнимает у них время, которое они могли бы потратить на активные занятия спортом, а также культурное развитие и образование посредством прочтения научной и художественной литературы, а также посещения музеев и театров. Это подтверждает вывод В.И. Курбатова о том, что молодежь как социальная группа в большей степени, нежели другие, подвержена воздействиям социальной среды [5, с. 34], в данном случае – современных тенденций ее развития – компьютеризации и интернет-технологий. Вместе с тем, по мере взросления и приобщения к задачам зрелой

жизни молодые люди все более нуждаются не только в раскрытии своих интеллектуальных и творческих способностей, но также и в вовлечении в социальные практики взрослого населения страны: в трудовую, общественную деятельность. Это определяет специфику социальных технологий, которые должны быть реализованы в работе с российской молодежью.

Принимая во внимание тот факт, что Интернет и социальные сети на сегодняшний день являются неотъемлемой частью жизни людей, и, безусловно, играют определенную положительную роль с точки зрения сохранения и передачи традиционных культурных ценностей, выработки новых идей и получения научных знаний [3, с. 219; 9, с. 110], социальные технологии, тем не менее, должны быть ориентированы на самореализацию молодежи в оффлайн среде. В немалой степени это определяется теми угрозами и вызовами современной цивилизации, которые несет в себе онлайн-пространство. Являясь ценным информационным и образовательно-культурным ресурсом, оно при этом таит в себе опасность вовлечения молодежи в разного рода противозаконную деятельность (например, Интернет-мошенничество), как по собственной воле, так и по заблуждению, стремления к легкому заработку (разного рода виртуальные казино и проч.), развращения подрастающего поколения [10, с. 25].

Минимизировать подобного рода угрозы способны современные социальные технологии работы с молодежью. В рамках настоящей статьи целесообразно остановиться на некоторых из них, продемонстрировав достоинства данных способов воздействия на молодежную аудиторию.

В качестве значимой социальной технологии работы с молодежью следует выделить арт-терапию, или терапию посредством искусства, подразумевающую вовлечение молодых людей в культурно-досуговые мероприятия и посещения различных учреждений данного профиля (выставок, музеев, театров и т.д.) [4, с. 268-270]. Это позволит восполнить пробелы в культурном развитии юношей и девушек посредством приобщения их к достижениям искусства – живописи, архитектуры, музыки и т.д., как современного, так и ушедших эпох. Одновременно с этим, данная социальная технология оказывает воздействие на нравственно-патриотическое становление личности: у молодежи формируется чувство уважения и сопричастности к культурному прошлому своей Родины, дос-

тижениям и славе их земляков. Наконец, арт-терапия оказывает глубоко положительное воздействие на психологическое состояние человека: позволяет сконцентрироваться и успокоить чувства, привести в порядок мысли, приобщиться к прекрасному.

Данная социальная технология может быть реализована не только за счет информирования молодых людей при помощи современных и традиционных СМИ о культурно-досуговых мероприятиях, которые проходят в конкретной административно-территориальной единице, на что молодежь может реагировать слабо, но за счет их тематической организации, привязки именно к молодежной аудитории. Это могут быть выставки работ юных художников, организация творческих состязаний (например, в чтении стихов собственного сочинения), учреждение фестивалей культуры молодежи с определенной периодичностью на базе школ, ВУЗов, домов творчества и т.п. В данном случае, большое значение имеет соблюдение определенных рамок подобных мероприятий (временных и контентных, в целях исключения негативного влияния на молодежь).

Другой значимой социальной технологией, как представляется, является терапия с активным участием социальных работников или педагогов, в задачу которых входит оказание поддержки молодежи. В данном случае, в какой бы области жизнедеятельности не требовалась помощь молодым людям, руководство данным процессом и его организация квалифицированными специалистами позволит обеспечить успешность мероприятий в работе с молодежью.

Большое значение в рамках данной технологии отводится так называемой «мобильной» социальной работе. Ее необходимость обусловлена тем, что значительная часть молодежи не склонна самостоятельно обращаться за квалифицированной помощью и поддержкой в специализированные учреждения в силу различных причин (из-за страха, боязни осуждения со стороны сверстников и родных и т.д.). Между тем, мобильная социальная работа, предполагающая установление доверительных отношений между социальным работником и молодым человеком/девушкой, позволяет избежать значительного числа потенциальных проблем, среди которых девиации, агрессивное поведение, депрессии, развитие суицидальных наклонностей и проч. Иными словами, квалифицированная помощь и консультации, которые могут

оказать социальные работники молодежи в различных вопросах: в выстраивании гармоничных отношений со сверстниками, гендерных отношений, разъяснении перспектив трудоустройства, содействие профессиональному и творческому ориентированию позволяют предупредить социальные проблемы, а не бороться с их последствиями.

Несмотря на то, что мобильная социальная работа еще не получила столь значительного развития в России по сравнению с другими странами, например, с Соединенными Штатами Америки – родиной мобильной социальной помощи, где специалисты, внедряясь в молодежные группировки, реализовывали комплекс мер по предупреждению противоправной активности молодежи и ее социальной адаптации [12, с. 81], на сегодняшний день в Российской Федерации социальная терапия с молодежью реализуется и часто принимает форму уличных акций, направленных на выявление членов молодежных групп, нуждающихся в помощи социальных работников [8, с. 70].

Таким образом, сегодня социальные технологии работы с молодежью продолжают активно развиваться усилиями государства и общества. Закрепление основ молодежной политики на законодательном уровне реализуется на практике посредством комплекса социальных мероприятий, целью которых является культурно-нравственное воздействие на молодежь, формирование гражданско-патриотической позиции юношества, развитие творческих способностей молодых людей, их вовлеченности в культурно-досуговые мероприятия и отвлечение от Интернета и социальных сетей, погружение в реальную действительность и подготовка к взрослой жизни.

В то же время, практика применения современных социальных технологий, а также разработка новых, обязательно должны учитывать реальные стремления молодежи, их интересы и планы личностной, профессиональной и творческой самореализации.

Литература:

1. Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» (посл. ред.) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46328> (дата обращения: 07.05.2022).
2. Гончарова И.В., Прончев Г.Б. Нравственное воспитание молодежи в контексте помощи людям с ограниченными возможностями здоровья // Образование и воспитание. 2015. № 2. С. 66-69;

3. Гончарова И.В., Прончев Г.Б., Прончева Н.Г., Кричевер Е.И. Коммерческая реклама в средствах массовой информации как инструмент нравственного воспитания // Образование и право. 2020. № 3. С. 212-221.
4. Денисова Н.С., Гизатова И.А. Технологии социальной работы с молодежью // Педагогическое мастерство: материалы II Междунар. науч. конф. (Москва, декабрь 2012 г.). – Магнитогорск: Буки-Веди, 2012. С. 268-270 [Электронный ресурс]. – URL: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/65/3177/> (дата обращения: 07.05.2022).
5. Курбатов В.И. Социальная работа: учебное пособие. – М.: Дашков и К; Ростов-на-Дону: Наука-Пресс; Люберцы: ПИК ВИНИТИ, 2007. – 478 с.
6. Лонцов В.В., Третьякова И.В. Информационная безопасность в виртуальных социальных средах // Социология. 2014. № 2. С. 166-170.
7. Осипова Н.Г., Елишев С.О., Прончев Г.Б. Представления студенческой молодежи московских вузов о процессах, институтах социализации и субъектах осуществления молодежной политики в Российской Федерации (по результатам исследования 2019 г.) // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2020. Т. 26. № 1. С. 46-69.
8. Павлюк С.В., Таова М.М. Технологии социальной работы с молодежью // KANT. 2015. № 2. С. 68-70.
9. Прончев Г.Б., Прончева Н.Г., Лонцов В.В., Третьякова И.В. Роль техно-социальных сред Интернета в инновационном развитии России // Человек, общество и культура в XXI в.: Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. В 5-ти частях / Под общей редакцией Е.П. Ткачевой. 2017. Т. 3. С. 110-114.
10. Рыжов В.Б. Правовое регулирование и государственное администрирование поведения несовершеннолетних пользователей в Интернете: зарубежный опыт [Электронный ресурс] // NB: Административное право и практика администрирования. 2020. № 1. С. 24-30. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33208 (дата обращения: 07.05.2022).
11. Статистика молодежи. 18.04.2020 [Электронный ресурс]. – URL: <https://vavilon.ru/statistika-molodezhi/> (дата обращения: 07.05.2022).
12. Хапаев И.Б., Павлюк С.В. Основные факторы воздействия на социальную среду современной молодёжи // Наука в современном обществе. 2014. № 5. С. 81-84.
13. Osipova N.G., Elishev S.O., Pronchev G.B., Monakhov D.N. Social and political portrait of contemporary Russian student youth // Journal of Social Studies Education Research. 2018. Vol. 9. № 1. P. 28-59.

TRETYAKOVA I.V.
Candidate of Physical and Mathematical Sciences,
Associate Professor, Department of Social
Technologies, Faculty of Sociology,
Lomonosov Moscow State University

Social technologies of work with youth

The author notes that young people are a social group with which the population of each country associates ideas about their future. It is stated that the achievements of youth ensure the competitiveness of the state in the international arena, the prospects for its socio-economic development. This causes increased attention to social work with young people in Russian society. The article analyzes the current state of social work with youth, the technologies used within its framework, their advantages in terms of preventing illegal phenomena in the youth environment and introducing young people to cultural practices.

Keywords: *social technologies, youth, social work, youth policy, social worker, online and offline environment, culture and art.*

Literature:

1. Federal Law No. 489-FZ of 30.12.2020 "On Youth Policy in the Russian Federation" (post. ed.) [Electronic resource]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46328> (date of appeal: 07.05.2022).

2. Goncharova I.V., Pronchev G.B. Moral education of youth in the context of helping people with disabilities // Education and upbringing. 2015. No. 2. pp. 66-69;

3. Goncharova I.V., Pronchev G.B., Proncheva N.G., Krichever E.I. Commercial advertising in mass media as a tool of moral education // Education and law. 2020. No. 3. pp. 212-221.

4. Denisova N.S., Gizatova I.A. Technologies of social work with youth // Pedagogical mastery: materials of the II International Scientific Conference (Moscow, December 2012). – Magnitogorsk: Buki-Vedi, 2012. pp. 268-270 [Electronic resource]. – URL: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/65/3177/> (date of reference: 07.05.2022).

5. Kurbatov V.I. Social work: a textbook. – M.: Dashkov and K; Rostov-on-Don: Nauka-Press; Lyubertsy: PEAK VINITI, 2007. – 478 p.

6. Lontsov V.V., Tretyakova I.V. Information security in virtual social environments // Sociology. 2014. No. 2. pp. 166-170.

7. Osipova N.G., Elishev S.O., Pronchev G.B. Representations of the student youth of Moscow universities about the processes, institutions of socialization and subjects of youth policy implementation in the Russian Federation (based on the results of the 2019 study) // Bulletin of the Moscow University. Series 18: Sociology and Political Science. 2020. Vol. 26. No. 1. pp. 46-69.

8. Pavlyuk S.V., Taova M.M. Technologies of social work with youth // KANT. 2015. No. 2. pp. 68-70.

9. Pronchev G.B., Proncheva N.G., Lontsov V.V., Tretyakova I.V. The role of techno-social media of the Internet in the innovative development of Russia // Man, society and culture in the XXI century: A collection of scientific papers based on the materials of the International Scientific and Practical Conference. In 5 parts / Under the general editorship of E.P. Tkacheva. 2017. Vol. 3. pp. 110-114.

10. Ryzhov V.B. Legal regulation and state administration of the behavior of underage users on the Internet: foreign experience [Electronic resource] // NB: Administrative law and practice of administration. 2020. No. 1. pp. 24-30. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33208 (accessed: 07.05.2022).

11. Youth statistics. 04/18/2020 [Electronic resource]. – URL: <https://vavilon.ru/statistika-molodezhi/> (accessed: 07.05.2022).

12. Khapaev I.B., Pavlyuk C.B. The main factors of influence on the social environment of modern youth // Science in modern society. 2014. No. 5. pp. 81-84.

13. Osipova N.G., Elishev S.O., Pronchev G.B., Monakhov D.N. Social and political portrait of contemporary Russian student youth // Journal of Social Studies Education Research. 2018. Vol. 9. № 1. P. 28-59.

**Философская антропология. Философия
структуры. Социальная философия**

УДК 159.9

DOI 10.34823/SGZ.2022.3.518837

ПОПОВ Виталий Владимирович
*доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры теории и философии права,
ФГБОУ ВО «Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)»*
– *Таганрогский институт им. А.П. Чехова (филиал)*
E-mail: vitl_2002@list.ru

ДЗЮБА Любовь Михайловна
*кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры гражданского процесса
Ростовского государственного экономического
университета (РИНХ)*
E-mail: Dzuba017@mail.ru

**Феноменологические основания
интерсубъективности как базовой
характеристики субъективного
времени индивида в
повседневном мире
включающего общества¹**

В современной социально-философской литературе вырос исследовательский интерес к вопросам социальной коммуникации в контексте обращения к различным аспектам социального бытия индивидов с ограниченными возможностями (ОВ). Показывается, что феноменологический базис интерсубъективности как базисной характеристики субъективного времени непосредственно связан с

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00515, <https://rscf.ru/project/22-28-00515/>, в рамках научно-исследовательского проекта «Субъективное время индивидов с ограниченными возможностями во включающем обществе» (Руководитель: профессор В.В. Попов).

особенностями формирования опыта человека с ОВ в социальном бытии. Демонстрируется, что интерессубъективность приобретает особую значимость именно при интегральном изучении сферы социального бытия, в которой осуществляется синтез индивидуально-личностных параметров индивидов с универсальными характеристиками мира повседневности индивидов с ограниченными возможностями. Анализируются коммуникационные установки индивидов с ограниченными возможностями, имеющие отпечаток коллективного бытия, отличительной чертой которого выступает весьма высокая степень осознания и осмысления свободы самого индивида. Постулируется, что понимание интерессубъективности в качестве значимой характеристики субъективного времени дает возможность индивиду с учетом собственного опыта реализовать аккумуляцию внутренних ценностей и императивов, необходимых для поддержания стабильности социального бытия. Показывается, что интерпретативно-локальные модели конструируют социально-рациональную деятельность индивида с ОВ в пространстве повседневных отношений, они определяют контент доминирующих мнений и знаний, которые влияют на интенциональность деятельности человека. Рассматриваются ситуации, в которых взаимодействие в рамках социальной координации позволяет индивиду с ограниченными возможностями приблизиться к спектру общезначимых ценностей мира обыденности людей с ОВ и найти наиболее комфортный сценарий вхождения в него.

Ключевые слова: субъективное время, феноменология, включающее общество, социальное бытие, индивидуальное бытие, интерессубъективность, ограниченные возможности (ОВ).

В современной социально-философской литературе вырос исследовательский интерес к вопросам социальной коммуникации в контексте обращения к различным аспектам социального бытия индивидов с ограниченными возможностями (ОВ). Теория интерессубъективности может рассматриваться как необходимый сегмент исследования субъективного времени как процесса «переживания» социальной коммуникации, имеющий базовое значение в сфере социальной феноменологии. В этой связи, интерессубъективность представляется как одна из ключевых категорий повседневного мира специальной социальной группы индивидов с ОВ. Сфера повседневности становится значимой для изучения основных параметров жизнедеятельности внутри социального бытия группы. Поэтому, интерессубъективность является и своеобразным показателем «освоения» индивидом социального пространства.

Феноменологический базис интерсубъективности как базисной характеристики субъективного времени непосредственно связан с особенностями формирования опыта человека с ОВ в социальном бытии. Интерсубъективность приобретает особую значимость именно при интегральном изучении сферы социального бытия, в которой осуществляется синтез индивидуально-личностных параметров индивидов с универсальными характеристиками мира повседневности индивидов с ограниченными возможностями. То есть, на практике это предполагает переход индивида от жизнедеятельности в рамках собственного бытия к жизнедеятельности в бытии социальной группы. В подобном процессе происходит как трансформация особенностей внутреннего бытия индивида, так и его социализация, касающаяся универсальных характеристик и стереотипов функционирования социальной группы с акцентом на приобщении индивида к ее базовым духовным ценностям. Эффективность подобного «входа» индивида в социальное пространство группы зависит от интенсивности наполнения его внутреннего мира ценностями, стереотипами и правилами поведения в сфере повседневного бытия. Диалогические особенности интерсубъективности заключаются в ее синтетически-коммуникационном характере в качестве корреляции рефлексировующего «Я» в становлении своего индивидуального пространства.

Интерсубъективность как характеристика субъективного времени в конструировании социального бытия осуществляется и как своеобразное переживание индивидом духовного мира этого бытия, и как формирование индивидуального опыта в воссоздании повседневной жизнедеятельности людей с ОВ. В этой связи, согласимся с представителями социальной феноменологии, что интерсубъективность в контексте формирования субъективного времени отражает степень «вхождения» индивида в сферу повседневности социальной бытия. Поэтому интерсубъективность выражает коммуникационно-темпоральный процесс конструирования индивидом собственного «Я» посредством приобщения к чувственному опыту и духовной сфере других индивидов, основывающихся на ментальных образах коллективного «Я».

Конечно, большинство индивидов с ОВ не сразу входят в пространство социального бытия, так как осуществляется своеобразное «наполнение» субъективного времени комплексами ментальных событий, необходимыми для осознания

и принятия правил поведения, ценностей и стереотипов повседневного мира специальной социальной группы. Исходно, коммуникационные установки индивидов имеют отпечаток коллективного бытия, отличительной чертой которого выступает весьма высокая степень осознания и осмысления свободы самого индивида. Причем, индивид принимает законы, нормативную базу и принципы функционирования социума.

В сфере отношений внутри социальной группы интерсубъективность проявляется в виде регулятора поведения. Поэтому в повседневной реальности индивид должен, с одной стороны, максимально ослабить действие норм социальной группы и общества в целом, а, с другой стороны – принять сложившиеся правила жизнедеятельности и стереотипы поведения. В мире повседневности людей с ОВ проведение комплексного дискурса в сфере «Я-Другой» осуществляется посредством осмысления индивидом особенностей собственного бытия. Индивид фактически редуцирует регуляторы своей непосредственной жизнедеятельности в пользу регуляторов социального бытия, так как индивидуальное бытие человека в социальной группе подчинено системе правил и стереотипов функционирования социального пространства группы. Понимание интерсубъективности в качестве значимой характеристики субъективного времени дает возможность индивиду с учетом собственного опыта реализовать аккумуляцию внутренних ценностей и императивов, необходимых для поддержания стабильности социального бытия. Продукты подобной аккумуляции внутри мира повседневности соотносятся с его основными стереотипами. Индивид в рамках человеческого сознания выходит за границы внутреннего опыта и посредством воображения формирует механизмы комплексного дискурса в сфере «Я- Другой», представляя свое внутреннее бытие и как самостоятельное, и как часть социального бытия.

Поэтому интерсубъективность через осознание и интерпретацию индивидом своего бытия в рамках субъективного времени конструирует основные сценарии перехода от собственного локального пространства к пространству социального бытия. Значимым становится принятие духовных принципов мира повседневности людей с ограниченными возможностями. Индивид в дискурсе «Я-Другой» получает и интерпретирует ценности социальной группы, причем восприятие и понимание таких процессов реализуется через предварительное вовлече-

ние индивида в сферу духовных ценностей людей с ОВ. Подобный процесс вовлеченности определяется тем, что индивид сопоставляет нормы и ценности социума с ценностями социальной группы, представляя, каким образом подобные нормы и ценности поддаются синтезу в корреляции индивидуального и социального бытия. Реально, подобный синтез инициирует трансформацию норм и ценностей, характерных для конкретной социальной группы – в нормы, ценности, традиции и стереотипы области интерсубъективности социального бытия.

Осмысление собственного бытия в социальной группе определяет уникальные смыслы и значения, которые индивид придает как своей деятельности, так и комплексу коммуникаций и взаимодействий с другими индивидами с ОВ. Как следствие, индивиды вырабатывают оригинальные интерпретативно-локальные модели, которые приобщают их к системе ценностей и универсальных смыслов мира повседневности специальной социальной группы. Интерпретативно-локальные модели конструируют социально-рациональную деятельность индивида с ОВ в пространстве повседневных отношений и как результат – они определяют контент доминирующих мнений и знаний, которые влияют на интенциональность деятельности человека.

Применение интерпретативно-локальных моделей дает возможность правильно понимать и интерпретировать явления и события, имеющие важное значение для группы индивидов с ОВ в рамках становления социального бытия. Это открывает достаточно широкие возможности, касающиеся социального конструирования деятельностного пространства индивида в процессе поиска альтернативных сценариев собственной адаптации к специальной социальной группе. Фактически индивид, опираясь на собственные социально-значимые предпочтения, выбирает из спектра сценариев наиболее эффективный, позволяющий построить индивидуальную траекторию вхождения в сферу повседневности жизнедеятельности социальной группы. Иногда такие сценарии имеют оттенок некоторой отдаленности от реальной бытийности группы и тогда проективные предпочтения индивида с ОВ относительно перспектив вхождения в повседневную реальность социальной группы будут основываться на индивидуальном опыте с использованием интерпретативно-локальных моделей.

Социальная координация является значимым моментом в рамках перехода от индивидуального бытия к социальному

бытию, так как индивиды осуществляют синхронизацию и корреляцию своих действий со стереотипами действий и поведения в мире повседневности. Представление и интерпретация подобных действий и поведения дает возможность трансформировать их в координационно-деятельностное пространство социальной группы. Взаимодействие в рамках социальной координации позволяет индивиду с ограниченными возможностями приобщиться к спектру общезначимых ценностей мира обыденности людей с ОВ и найти наиболее комфортный сценарий вхождения в него. Социальная координация предполагает комплексное использование универсально-локальных и интерпретативно-локальных моделей.

Универсально-локальные модели предполагают социальные координации индивидов в повседневном пространстве социальной группы, где приоритетом является социальное партнерство. Интерпретативно-локальные модели конструируют деятельностную координацию, регулирующую социально-рациональную деятельность индивида с ограниченными возможностями как на уровне своего бытия, так и в социальном бытии. Интерпретативно-локальные модели валидны для уровня субъективности индивида с ОВ для обеспечения соответственности и эффективности социальной деятельности каждого из членов социальной группы. Регуляция социальной координации в пространстве социального бытия связана с реальными характеристиками и особенностями индивидов с ОВ, различным уровнем их развития. Однако согласованность действий в социальной группе зависит от соответственности этих двух типов моделей, так как в основе социальной координации находятся принципы конвенциональности механизмов социального бытия.

Таким образом для индивидов с ограниченными возможностями в пространстве социального бытия важно осмыслить схемы и стереотипы взаимодействия с другими индивидами социальной группы. Индивидуальное бытие несет уникальные смыслы и значения, которые индивид с ОВ приписывает своим социально-рациональным действиям в сфере социального бытия, равно как и всем видам взаимодействий в социальной группе. В этой связи индивиды с ограниченными возможностями определяют значимость интерпретативно-локальных моделей с учетом их применения к социальным ценностям и универсальным смыслам социальной реальности. Поэтому интерсубъективность через осознание и интерпретацию инди-

видом своего бытия конструирует основные сценарии перехода от собственного локального пространства к пространству социального бытия.

Литература:

1. Аверина Н.В., Лойтаренко М.В., Попов В.В., Щеглов Б.С. Особенности альтернативности в социальных трансформациях // Фундаментальные исследования. 2014. № 9-9. С. 2115-2119.

2. Вачков И.В. Полисубъектный подход к инклюзивному пространству // Инклюзивное образование: непрерывность и преемственность. Москва: МГППУ, 2019. С.16-20.

3. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М.: Акад. Проект, 2009. 538 с.

4. НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ИНФОРМАЦИЯ, АНАЛИЗ, ПРОГНОЗ. Липская Т.А., Алдашова Е.Н., Атласов И.В., Батракова Т.С., Воронина Л.В., Гринь А.И., Гущина О.М., Донских Т.П., Дроздова Н.В., Егоров Д.В., Ильченко И.А., Каменева И.Ю., Колобкова Н.Н., Кондратьева М.В., Копытина М.Ю., Липич В.В., Мифтахова Г.М., Никитина В.В., Парахонский А.П., Попрядухина Е.А. и др. Под общей редакцией профессора О.И. Кирикова / Воронежский государственный педагогический университет. Воронеж, 2009. Том 25. 244 с.

5. Попов В.В., Музыка О.А., Тимофеев В.А. Противоречия в контексте переходных периодов транзитивного общества // Международный журнал экспериментального образования. 2016. № 7. С. 111-114.

6. Попов В.В., Музыка О.А. Исторический процесс: альтернативность и оценка // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 3-1. С. 147-150.

7. Попов В.В., Музыка О.А., Киселев С.А., Уколов А.О. Концепция транзитивности в контексте трансформации социума // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2016. Т. 5. № 5А. С. 114-122.

8. Попов В.В., Щеглов Б.С., Усатова Ю.Н. Случайность в системе динамических категорий // Философия права. 2015. № 1 (68). С. 25-29.

9. Попов В.В., Щеглов Б.С., Лойтаренко М.В. Особенности интегральной интерпретации вероятности в контексте факторов оценки и темпоральности // Философия права. 2015. № 2 (69). С. 23-27.

10. Попов В.В., Музыка О.А. Фактор темпоральности в контексте бытия социального субъекта // Международный журнал экспериментального образования. 2015. № 3-2. С. 40-43.

11. Попов В.В., Киселев С.А., Уколов А.О. Особенности структуры социального процесса в контексте исторических событий // Общество: философия, история, культура. 2016. № 11. С. 19-22.

12. Попов В.В., Лойтаренко М.В. Самоорганизующиеся системы в контексте постнеклассической науки // Международный журнал экспериментального образования. 2014. № 3-2. С. 177-178.

13. Попов В.В. Психологическое время в контексте интерпретации «включающего» общества: феноменологический аспект // Социология. 2020. № 2. С. 376-380.

14. Greene S. The Nature of Immobility in Russian Society // Pro et contra. 2015. № 2 (1). P. 6-19.

15. Hall J.P. Narrowing the breach: Can disability culture and full educational inclusion be reconciled? / J.P Hall // Journal of Disability Policy Studies. 2002. №13 (3). P.144-152.

POPOV V.V.

**Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the
Department of Theory and Philosophy of Law, Federal
State Budgetary Educational Institution of Higher
Education "Rostov State Economic University (RINH)" –
Taganrog Institute. A.P. Chekhov (branch)**

DZYUBA L.M.

**Candidate of Philosophical Sciences, Associate
Professor, Associate Professor of the Department of Civil
Procedure, Rostov State Economic University (RINH)**

Phenomenological foundations of intersubjectivity as a basic characteristic of the subjective time of the individual in the everyday world of the inclusive society¹

In modern socio-philosophical literature, research interest in the issues of social communication has grown in the context of addressing various aspects of the social life of individuals with disabilities (OS). It is shown that the phenomenological basis of intersubjectivity as a basic characteristic of subjective time is directly related to the features of the formation of the experience of a person with OB in social life. It is demonstrated that intersubjectivity acquires special significance precisely in the integral study of the sphere of social life, in which the synthesis of individual personal parameters of individuals with the universal characteristics of the world of everyday life of individuals with disabilities is carried out. The communication attitudes of individuals with disabilities are analyzed, which have the imprint of collective being, the hallmark of which is a very high degree of awareness and understanding of the freedom of the individual himself. It is postulated

¹ The study was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 22-28-00515, <https://rscf.ru/project/22-28-00515/>, within the framework of the research project "Subjective time of individuals with disabilities in an inclusive society" (Head: Professor V.V. Popov).

that the understanding of intersubjectivity as a significant characteristic of subjective time enables an individual, taking into account his own experience, to realize the accumulation of internal values and imperatives necessary to maintain the stability of social life. It is shown that interpretative-local models construct the socio-rational activity of an individual with OB in the space of everyday relationships, they determine the content of dominant opinions and knowledge that affect the intentionality of human activity. Situations are considered in which interaction within the framework of social coordination allows an individual with disabilities to join the spectrum of generally significant values of the world of everyday life of people with disabilities and find the most comfortable scenario for entering it.

Keywords: *subjective time, phenomenology, including society, social being, individual being, intersubjectivity, limited opportunities (OS).*

Literature:

1. Averina N.V., Loitarenko M.V., Popov V.V., Shcheglov B.S. Features of alternativeness in social transformations // Fundamental research. 2014. No. 9-9. pp. 2115-2119.

2. Vachkov I.V. Polysubject Approach to Inclusive Space// Inclusive Education: Continuity and Continuity. Moscow: MGPPU, 2019. P.16-20.

3. Husserl E. Ideas towards pure phenomenology and phenomenological philosophy. Moscow, Russia: Acad. Project, 2009. 538 p.

4. SCIENTIFIC RESEARCH: INFORMATION, ANALYSIS, FORECAST. Lipskaya T.A., Aldashova E.N., Atlasov I.V., Batrakova T.S., Voronina L.V., Grin A.I., Gushchina O.M., Donskikh T.P., Drozdova N. .V., Egorov D.V., Ilchenko I.A., Kameneva I.Yu., Kolobkova N.N., Kondratieva M.V., Kopytina M.Yu., Lipich V.V., Miftakhova G.M. ., Nikitina V.V., Parakhonsky A.P., Popryadukhina E.A. and others. Under the general editorship of Professor O.I. Kirikov / Voronezh State Pedagogical University. Voronezh, 2009. Volume 25. 244 p.

5. Popov V.V., Muzyka O.A., Timofeenko V.A. Contradictions in the context of transitional periods of a transitive society // International Journal of Experimental Education. 2016. No. 7. P. 111-114.

6. Popov V.V., Muzyka O.A. Historical process: alternativeness and evaluation // International Journal of Applied and Fundamental Research. 2017. No. 3-1. pp. 147-150.

7. Popov V.V., Muzyka O.A., Kiselev S.A., Ukolov A.O. The concept of transitivity in the context of the transformation of society // Context and reflection: philosophy about the world and man. 2016. V. 5. No. 5A. pp. 114-122.

8. Popov V.V., Shcheglov B.S., Usatova Yu.N. Randomness in the system of dynamic categories // Philosophy of Law. 2015. No. 1 (68). pp. 25-29.

9. Popov V.V., Shcheglov B.S., Loitarenko M.V. Features of the integral interpretation of probability in the context of evaluation factors and temporality // Philosophy of Law. 2015. No. 2 (69). pp. 23-27.

10. Popov V.V., Muzyka O.A. The factor of temporality in the context of being a social subject // International Journal of Experimental Education. 2015. No. 3-2. pp. 40-43.

11. Popov V.V., Kiselev S.A., Ukolov A.O. Features of the structure of the social process in the context of historical events // Society: philosophy, history, culture. 2016. No. 11. S. 19-22.

12. Popov V.V., Loitarenko M.V. Self-organizing systems in the context of post-non-classical science // International Journal of Experimental Education. 2014. No. 3-2. pp. 177-178.

13. Popov V.V. Psychological time in the context of the interpretation of the "inclusive" society: a phenomenological aspect // Sociology. 2020. No. 2. S. 376-380.

14. Greene, S. The Nature of Immobility in Russian Society // Pro et contra. 2015. No. 2 (1). R. 6-19.

15. Hall, J.P. Narrowing the breach: Can disability culture and full educational inclusion be reconciled? / J.P. Hall // Journal of Disability Policy Studies. 2002. No. 13 (3). R.144-152.

ПОНОМАРЕВ Сергей Борисович
доктор медицинских наук, профессор
главный научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт
Федеральной службы исполнения наказаний России
E-mail: docmedsb@mail.ru

ЛАКИНА Ирина Александровна
аспирант, начальник отдела разработки
методологий исполнения уголовных наказаний без
лишения свободы, Научно-исследовательский
институт Федеральной службы исполнения
наказаний России
E-mail: shumik.88@mail.ru

ПОНОМАРЕВ Дмитрий Сергеевич
кандидат технических наук,
ведущий научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт
Федеральной службы исполнения наказаний России
E-mail: ponomarev.dmitry1990@mail.ru

Системный подход в стратегии борьбы с тюремной субкультурой

С позиции теории систем рассмотрена неформальная структура коллективов осужденных. Отмечено, что существование неформальных страт осужденных и устойчивое тюремное кастообразование можно обосновать законами синергетики – науки, объясняющей поведение диссипативных структур. Показано, что основные характеристики самоорганизующейся системы характерны для структурированного по стратификационному типу тюремного социума. С точки зрения теории систем изучены возможные модели противодействия экспансии тюремной субкультуры. В частности, это следующие варианты общей стратегии: 1) деструкция системы, 2) внедрение элементов-инноваторов с образованием нового синтаксиса (законов взаимодействия отдельных элементов системы), 3) лишение самоорганизующейся системы способности к репродукции ее элементов. Показано, что наиболее приемлемым выбо-

ром в существующих условиях является последний вариант. Сделан вывод о перспективности проводимой в настоящее время пенитенциарной политики нашего государства.

Ключевые слова: самоорганизующаяся система, теория систем, синергетика, тюремная субкультура, пенитенциарная система, исполнение наказания, флуктуация.

Одним из направлений **философии и методологии науки является системный подход [1], использующий положения теории систем, которая** изучает явления окружающего мира, абстрагируясь от их конкретной природы, и основывается на формальных взаимосвязях между составляющими их элементами [2]. При этом под системой понимается совокупность отдельных компонентов, составляющих данную систему, которые находятся в отношениях и связях друг с другом.

Известно, что многие свойства тюремной субкультуры позволяют отнести социальную организацию коллективов осужденных к сложным социальным самоорганизующимся системам [3]. Это, в частности такие характеристики, как иерархичность построения тюремного социума, узкая специализация отдельных звеньев, составляющих систему (например, четырехзвенное строение страт осужденных: «авторитеты», «блатные», «мужики», «обиженные»), функционирование коллективов осужденных, вовлеченных в тюремную субкультуру, по принципам закрытой секты, в которой существует жесткая дисциплина и т.д. [3].

Общим местом стало утверждение, что российская тюремная субкультура является уникальным культурным феноменом, который не имеет аналогов в других странах и является в России устойчивым криминогенным фактором. В ранг добродетелей в этой субкультуре возведены тунеядство, культ насилия, воровство, употребление наркотиков и алкоголя, азартные игры, половые извращения и т.д. [3]. Благодаря доминированию тюремной субкультуры в местах лишения свободы российские исправительные учреждения во многом превратились в кузницы преступности, места, где взращиваются очередные поколения нарушителей закона. Являя собой упорядоченную и развивающуюся систему внебиологических программ, тюремная субкультура обеспечивает воспроизводство ее носителей, осуществляет экспансию во внешнее социо-культурное пространство. Последнее выражается в маргинализации сознания рядовых граждан, романтизации тюрьмы и преступной жизни, распространении тюремной лексики и т.п.

Одним из направлений исследования тюремной субкультуры является системный подход. При ее анализе можно обнаружить подобие внутренней структуры коллективов осужденных, подверженных воздействию тюремной субкультуры, со многими другими социальными системами. Этологи считают, что правила, наблюдающиеся в биологических и социальных системах (сообщества людей, обезьян, волков, общественных насекомых и т.д.) универсальны и подчиняется единым законам [4]. Другими словами сходные свойства структуры социальной системы и управления ею можно наблюдать и в муравейнике, и в стае макак, и в тюремном сообществе, и в государственном аппарате [3,4]. При этом любая социальная система относится к категории т.н. сложных систем, обладая определенным набором специфических свойств. Главными из этих свойств являются: способность системы оказывать сопротивление внешним воздействиям и ее высокая потенция при самоорганизации.

Изучением процесса самоорганизации в сложных системах систем занимается синергетика, наука, рассматривающая структуры системы в качестве состояний, возникающих вследствие их многовариантного поведения [5]. Так, И.Р. Пригожиным было показано существование т.н. диссипативных структур, способных, при определённых условиях, совершать качественные скачки к усложнению их строения. Этими условиями как правило являются внешние воздействия, называемые флуктуациями [6]. Например, одинокие волки сбиваются в организованную стаю холодной зимой, когда они испытывают недостаток в пище и именно слаженное коллективное ведение охоты с распределением обязанностей и ролей помогает стае выжить в голодную зиму [3]. С этой позиции можно рассматривать и тюремное кастообразование: устойчивые страты осужденных образуются там, где условия содержания отличаются суровостью. А.И. Мокрецов и В.В. Новиков отмечают: «... чем интенсивнее выражены условия изоляции... тем ригористичнее, жестче их влияние на личность осужденного... Чем глубже усвоены заключенными нормы и шаблоны поведения, тем фанатичнее будут они следовать им, а также выше вероятность образования солидарной оппозиции по отношению к программам исправления» [7, с. 91].

Таким образом, неформальная организация заключенных, сплоченных тюремной субкультурой, может рассматриваться как самоорганизующаяся система, обладающая эмерджент-

ностью – свойством появления у совокупности элементов новых качеств, позволяющих обеспечить существование в неудовлетворительных условиях (в нашем случае – это содержание в неволе) как указанных элементов, так и всей системы в целом.

Самоорганизующиеся системы обладают набором специфических свойств (нестационарность системы, стохастичность, адаптивность к условиям среды, способность системы к выработке вариантов поведения, способность к целеполаганию и др. [8]). Эти свойства позволяют сложным системам эффективно функционировать и оказывать сопротивление флуктуациям (деструктивным внешним воздействиям).

В целом самоорганизующиеся системы характеризуются наличием приспособительных реакций, образующихся в ответ на внешние воздействия. Другим, не менее важным свойством самоорганизующейся системы является способность к сохранению устойчивости ее внутренних структур за счет постоянного поддержания гомеостаза и самовоспроизводства.

К самоорганизующимся системам относятся биологические и экологические системы, а также – системы социальные, проявляющиеся в виде слаженной работы человеческих объединений на уровне небольшого коллектива, предприятия, а также отрасли и государства в целом. При этом имеет большое значение тот факт, что тюремный социум, относясь к классу социальных систем, также представляет собой самоорганизующуюся систему.

Самоорганизующаяся сложная система обладает рядом отличительных характеристик. Во первых это т.н. решающая система, которая отличается тем, что она обладает способностью принимать решения при контакте с факторами внешней среды. Другое свойство решающей системы – возможность распределять отдельные поручения между составляющими ее подсистемами. Наряду с этим, самоорганизующаяся система – это также и информационная система, функцией которой является сбор, анализ и дальнейшая трансляция нужной информации. Так как самоорганизующаяся система ориентирована на реализацию цели и самостоятельного принятия определенных решений, то она является также и управляющей системой. Следующим свойством самоорганизующейся системы является ее способность к сохранению динамического равновесия (гомеостаза). Последнее проявляется в ее способности самостоятельно регулировать потоки энергии

и вещества в составляющих ее подсистемах. Другими словами, самоорганизующаяся система является также и гомеостатной системой. Она способна к извлечению полезного опыта в процессе обработки информации и обучения. Последнее реализуется в способности к совершенствованию структуры системы и к улучшению ее функций. Данное свойство говорит о том, что самоорганизующаяся система является также и системой адаптивной. В результате проведенного краткого анализа свойств самоорганизующейся системы [3], можно утверждать, что для сообщества осужденных, вовлеченных в тюремную субкультуру, следует рассматривать как самоорганизующуюся социальную систему.

В качестве иллюстрации к описанию поведения самоорганизующейся системы приведем следующую цитату, взятую из предисловия к монографии «Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой» И.Р. Пригожина: «Например, в одном из недавно проведенных исследований муравьи подразделялись на две категории: «тружеников» и неактивных муравьев, или «лентяев». Особенности, определяющие принадлежность муравьев к той или другой из двух категорий, можно было бы опрометчиво отнести за счет генетической предрасположенности. Однако, как показали исследования, если разрушить сложившиеся в популяции связи, разделив муравьев на две группы, состоящие соответственно только из «тружеников» и только из «лентяев», то в каждой из групп в свою очередь происходит расслоение на «лентяев» и «тружеников». Значительный процент «лентяев» внезапно превращается в прилежных «тружеников!»» [9, с. 30].

В неформальном тюремном сообществе наблюдается сходное явление: оно, как сложная неравновесная система, оказывает сопротивление флуктуациям (действиям администрации исправительного учреждения), направленное на сохранение status quo: при этом наблюдается стремление системы к постоянству процентного состава представителей разных тюремных страт. «Как только из тюремного социума «изымаются» «петухи», их место занимают новые «опущенные», стоит убрать из «зоны» одного «смотрящего», на его место приходит другой» [3, с. 106]. Следствием отмеченного (как неоднократно отмечалось исследователями тюремной субкультуры) является то, что многочисленные попытки выстроить эффективную систему противодействия тюремной субкультуре не приводят к успеху [3, 10].

Теория систем рассматривает несколько вариантов борьбы с самоорганизующейся системой, которые можно применить при выработке стратегии противодействия распространению тюремной субкультуры в коллективах осужденных. Если рассматривать тюремное сообщество как самоорганизующуюся сложную социальную систему, становится очевидным, что существует как минимум три стратегии противодействия распространению тюремной субкультуры:

1. Полная деструкция системы.
2. Привнесение в систему элементов-инноваторов с созданием новых правил ее функционирования.
3. Обеспечение невозможности репродукции элементов системы.

Разберем подробнее каждый из этих вариантов. Первой стратегией борьбы с самоорганизующейся системой является (как было сказано) ее разрушение, тотальная деструкция. Исходя из того, что сложная система может рассматриваться как структурно-функциональное единство элементов системы и связей между ними, первое (и необходимое) действие заключается в 1) максимальном ослаблении существующих в системе связей 2) нивелировании активности отдельных элементов системы. Именно этот, самый простой и очевидный подход использовало человечество при реализации исполнения наказания: с древнейших времен преступников казнили и пытали. Цель пытки и казни – это не только реализация наказания, устрашение и получение признаний в совершенных преступлениях. Это также и нейтрализация активных членов криминального сообщества – элементов преступного субкультурного образования – сложной самоорганизующейся системы.

В наш гуманный век пытки признаны преступлением против человечности. Что же касается смертной казни, то она отменена в большинстве стран мира. основополагающим международным документом, касающимся борьбы с пытками является принятая в 1984 году «Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания», ратифицированная большинством государств мира. А смертная казнь запрещена в 169 из 193-х стран-членов ООН.

Второй стратегией, направленной на уничтожении сложной социальной системы (какой является тюремное преступное сообщество), является ослабление или прерывание связей между отдельными элементами системы. Этот подход также

известен с древности. Содержание узников в одиночных камерах, темницах, каменных мешках, лишение их полноценного общения – все эти меры издревле использовались при реализации наказания.

Классическим примером разрушения связей между отдельными элементами социальной системы является т.н. «Пенсильванский проект». В американском штате Пенсильвания в XVIII-XIX вв. успешно функционировала тюрьма одиночного заключения, где всего 5 тюремных сторожей контролировали 288 заключенных без применения каких-либо спецсредств. Это давало большую экономию расходов, но превращало содержание арестантов в многолетнюю пытку одиночеством. Аналогом «пенсильванской модели» выступает «филадельфийская модель», которая предписывает содержание осужденных в условиях одиночных камер, в абсолютной изоляции друг от друга. «Оборнская модель» предусматривает, наряду с содержанием заключенного в одиночной камере ночью, совместное принятие пищи при условии полного молчания. Крайней жестокостью в этом плане отличается пенитенциарная система Японии. Здесь заключенным запрещено не только разговаривать, но и просто смотреть друг на друга. Любое нарушение жестких тюремных правил ведет за собой применение спец средств, помещение в карцер, где осужденный должен в течение долгих часов неподвижно сидеть не меняя позы. Нужно отметить, что страх перед тюремным заключением в Японии является одной из причин того, что в этой стране наблюдается крайне низкий уровень преступности.

С точки зрения физиологии, длительное пребывание человека в одиночестве является одним из видов пытки. Так, например, видный отечественный ученый-пенитенциарист М. Гернет описал немало случаев, когда находившиеся в условиях одиночного содержания узники Петропавловской и Шлиссельбургской крепостей, деградировали и сходили с ума [11].

Следует также добавить, что в нашей стране предпринятая несколько лет тому назад попытка заменить отрядную систему содержания заключенных (в которой процветали неформальные отношения между осужденными), на тюремное заключение (при котором были бы максимально ослаблены интеракции между заключенными) закончилась неудовлетворительно из-за большой стоимости данного проекта.

Второй системной стратегией борьбы с тюремной субкультурой является привнесение в систему небольшого числа

так называемых элементов-инноваторов. Это ведет к появлению новой сети реакций при взаимодействии элементов, составляющих систему. Тут возможны два магистральных пути развития ситуации. Если система сохраняет единство и устойчива к появлению новых структурных единиц, преобразования системы не наступает, а сами элементы-инноваторы утилизируются системой, либо встраиваются в уже имеющиеся цепочки взаимодействия. В случае же, если привносимые в систему новые флуктуации начинают превалировать, то самоорганизующаяся система перестраивается на новый для нее режим функционирования.

На этом подходе базировалось (и сейчас от этого подхода полностью не отказались) видение стратегии борьбы с тюремной субкультурой в Советском Союзе. Так, в 1957 г. Правительством Советского Союза и руководством коммунистической партии был проведен эксперимент по масштабной перестройке системы исполнения наказаний. Известно, что существующая в СССР идеологическая доктрина, была ориентирована на возможность строительства коммунизма в отдельно взятой стране. Исходя из указанной парадигмы предполагалось скорейшее перевоспитание преступников в добропорядочных граждан. Цель наказания виделась не в возмездии за совершенное преступное деяние, а в превращении преступников в людей, способных жить в условиях светлого коммунистического будущего, построение которого планировалось на восьмидесятые годы двадцатого века. В УК РСФСР 1960 г. статья 20 гласила: «Наказание не только является карой за совершение преступления, но имеет целью перевоспитание и исправление осужденного в духе честного отношения к труду, точного исполнения законов, уважения к правам общежития...». Реализацией указанного идеологического посыла стала реформа политико-воспитательного аппарата уголовно-исполнительной системы, а также создание т.н. «актива» – вставших на путь исправления и порвавших с позорным прошлым осужденных, которым придавались функции, сходные с функциями мониторов известной с XIX в. Белл-Ланкастеровской системы обучения. Представители «актива», помощники администрации исправительных учреждений, должны были: следить за соблюдением режима, пресекать нарушения общественного порядка, участвовать в организации досуга, организовывать культурно-массовую и политико-просветительную работу. Учеными-пенитенциаристами была

разработана классификация осужденных [12], создана система критериев перевоспитания [13]. В результате предпринятых мер борьбы с криминальным миром организованная преступность понесла в те годы значительный урон. Лидеры преступного мира т.н. «воры в законе» подвергались репрессиям и в качестве ответа (в полном соответствии с положениями синергетики) выработали новую стратегию поведения криминального сообщества. Указанная стратегия заключалась в создании кастовой тюремной системы, ужесточении норм «тюремного закона», неприятии страты активистов. Несмотря на то, что организованная преступность, как сложная социальная система, по свидетельствам очевидцев тех событий, понесла значительные потери, она показала устойчивость по отношению к новой флуктуации. В результате прохождения т.н. «точки бифуркации» произошел переход режима функционирования системы на новый уровень: образовалась тотальная, жесткая иерархическая структура тюремного социума, закрепилась и обрела свойство самовоспроизводимости система деления на тюремные касты. В результате произошло не искоренение тюремной субкультуры, а, наоборот, ее усиление, вовлечение в тюремную субкультуру всех отбывающих наказание граждан [3]. А сам «актив» со временем частично преобразовался в страту т.н. «шерстяных» – пособников некоторых недобросовестных сотрудников исправительных учреждений в их противозаконной деятельности.

Третьим вариантом борьбы с влиянием сложной самоорганизующейся системы является создание комплекса мер, направленных на обеспечение невозможности системы к репродукции ее элементов, а также – связей между этими элементами. Одним из первых описаний попыток соответствующим образом воздействовать на социальную систему явилось описание реформы менеджмента производства, проведенной одним из основоположников социализма Р. Оуэном. Будучи владельцем фабрики, Р. Оуэн отменил наказания и штрафы для работников, которые совершали хищения. Кроме этого он ужесточил систему контроля и повысил рабочий зарплат. После этих мер воровство и беспорядок, царившие на производстве при прежних хозяевах, исчезли.

Иными словами борьба с тюремной субкультурой, как с самоорганизующейся системой, сводится к тому, чтобы лишить ее возможности самовоспроизводства, лишить «социальной почвы». В социально-ориентированном государстве организованная преступность минимальна и, следовательно,

минимально и число лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы. В этих условиях теряют свою действенность правила и устои криминальной (и ее разновидности – тюремной) субкультуры. Мировой опыт показывает, чем выше благосостояние граждан, чем меньше в обществе прослойка бедных, чем эффективнее реализуется социальная политика, тем слабее развито у граждан криминальное мировосприятие, антиобщественное поведение и, следовательно, криминальная и тюремная субкультуры [3,14,15,16]. Как отмечает А.А. Иванова, для победы над криминальной (и ее разновидностью – тюремной) субкультурой как минимум необходимы: 1) борьба с маргинализацией российского общества 2) создание привлекательной «российской мечты» 3) запрет на популяризацию криминальной субкультуры в средствах массовой информации [16]. Что же касается пенитенциарной политики нашего государства, то в целом она осуществляется в соответствии с третьим вариантом описанной выше стратегии: наблюдается гуманизация условий отбывания наказания, разрабатываются и внедряются в практику альтернативные меры наказания, меняется законодательство в сторону декриминализации некоторых статей УК, сокращается численность осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, развивается система ресоциализации.

Литература:

1. Нестеров А.В. Философия систем // Научно-техническая информация. Серия 1: Организация и методика информационной работы. - 2002.- № 4.- С. 1-5.
2. Месарович М., Такахара Я. Общая теория систем: математические основы/ М.: Мир, 1978. - 254 с.
3. Пономарев С.Б. Криминальная субкультура с позиции этологии человека и теории систем/ Ижевск, 2017. - 146 с.
4. Дольник В.Р. Этологические экскурсии по запретным садам гуманитариев// Природа. - 1993. - № 1. - С. 72-85.
5. Хакен Г. Синергетика / Москва, 1980. – 405 с.
6. Николис Г., Пригожин И.Р. Самоорганизация в неравновесных системах: От диссипативных структур к упорядоченности через флуктуации/ Москва, 1979. – 512 с.
7. Мокрецов А.И., Новиков В.В. Личность осужденного: социальная и психологическая работа с различными категориями лиц, отбывающих наказание/ Москва, 2006. – 220 с.
8. Саридис Д. Самоорганизующиеся стохастические системы управления/ Москва, 1980. – 397 с.
9. Пригожин И.Р., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой/ Москва, 1986. – 432 с.

10. Ханипов Р.А. Укорененность тюремных и криминальных практик в культуре современного российского общества // Мир России. - 2008. - №3.- С. 132-148.

11. Гернет М.Н. История царской тюрьмы / Москва, 1956.– 148 с.

12. Сундуров Ф.Р. Социально-психологические и правовые аспекты исправления и перевоспитания правонарушителей/ Казань, 1976. – 59 с.

13. Соколов С.А. Проблемы определения критериев и степени исправления осужденных к лишению свободы// История развития и современное состояние пенитенциарной науки, медицины и практики исполнения наказаний: Материалы Международной научно-практической конференции. - Москва, 2009.– С. 66-70.

14. Hooghe M., Vanhoutte B., Hardyns W., Bircan T. Unemployment, Inequality, Poverty and Crime: Spatial Distribution Patterns of Criminal Acts in Belgium// Br J Criminol.- 2011. - №1. -PP 1-20.

15. Rodger J.J. Criminalising social policy: anti-social behaviour and welfare in a de-civilised society // Br J Criminol. - 2010. - №1. - PP 145-147.

16. Иванова А.А. Криминальная культура как детерминант преступности// Всероссийский криминологический журнал, 2017, № 4, с. 671-681.

PONOMAREV S.B.

***Doctor of Medical Sciences, Professor,
Chief Researcher, Research Institute
Federal Penitentiary Service of Russia***

LAKINA I.A.

***Postgraduate Student, Head of the Department for the
Development of Methodologies for the Execution of Criminal
Sentences without Imprisonment, Research Institute of the
Federal Penitentiary Service of Russia***

PONOMAREV D.S.

***Candidate of technical sciences
Leading Researcher, Research Institute
Federal Penitentiary Service of Russia***

A systematic approach in the strategy of combating prison subculture

The informal structure of convicts' collectives is considered from the systems theory point of view. It is noted that prison caste formation and the stable existence of informal strata of prisoners can be explained by the synergetics - a science that studies the behavior of dissipative structures. It is shown that the main features of a complex self-organizing system is characteristic of the prison society structured according to the stratification

type. From the standpoint of systems theory, possible ways to counteract the development of prison subculture are considered. In particular, these are the following variants of the general strategy: 1) total destruction of the system, 2) introduction of innovator elements into the system with the creation of a new rules for the interaction of system elements, 3) deprivation of the self-organizing system of the possibility of reproducing its elements. It is shown that the most acceptable choice in the existing conditions is the last option. The conclusion is made about the prospects of the current penitentiary policy of our state.

Keywords: *self-organizing system, systems theory, synergetics, prison subculture, penitentiary system, execution of punishment, fluctuation.*

References:

1. Nesterov A.V. Philosophy of systems // Scientific and technical information. Series 1: Organization and methodology of information work.- 2002.- No. 4.-P. 1-5.
2. Mesarovich M., Takahara Y. General theory of systems: mathematical foundations / M.: Mir, 1978.- 254 p.
3. Ponomarev S.B. Criminal subculture from the standpoint of human ethology and systems theory / Izhevsk, 2017.- 146 p.
4. Dolnik V.R. Ethological excursions to the forbidden gardens of the humanities // Priroda.- 1993.- No. 1.-PP. 72-85.
5. Haken G. Synergetics / Moscow, 1980. - 405 p.
6. Nicolis G., Prigogine I.R. Self-organization in non-equilibrium systems: From dissipative structures to orderliness through fluctuations / Moscow, 1979.-512 p.
7. Mokretsov A.I., Novikov V.V. The personality of the convict: social and psychological work with various categories of persons serving sentences / Moscow, 2006.-220 p.
8. Saridis D. Self-organizing stochastic control systems / Moscow, 1980.-397 p.
9. Prigozhin I.R., Stengers I. Order out of chaos: A new dialogue between man and nature / Moscow, 1986. - 432 p.
10. Khanipov R.A. Rootedness of prison and criminal practices in the culture of modern Russian society // World of Russia.- 2008.- No. 3.- 132-148.
11. Gernet M.N. History of the royal prison / Moscow, 1956.-148 p.
12. Sundurov F.R. Socio-psychological and legal aspects of the correction and re-education of offenders / Kazan, 1976.-59 p.
13. Sokolov S.A. Problems of determining the criteria and degree of correction of those sentenced to deprivation of liberty// History of development and the current state of penitentiary science, medicine and the practice of penal execution: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. - Moscow, 2009.-P. 66-70.
14. Hooghe M., Vanhoutte B., Hardyns W., Bircan T. Unemployment, Inequality, Poverty and Crime: Spatial Distribution Patterns of Criminal Acts in Belgium// Br J Criminol.- 2011.- No. 1.-PP 1-20 .

15. Rodger J.J. Criminalizing social policy: anti-social behavior and welfare in a de-civilized society // Br J Criminol.- 2010.- No. 1.- PP 145-147.
16. Ivanova A.A. Criminal culture as a determinant of crime // All-Russian criminological journal.- 2017.- No. 4.-PP. 671-681.

Философские мировоззрения. Онтология и теория познания

УДК 165.12
DOI 10.34823/SGZ.2022.3.51813

КАБАХИДЗЕ Екатерина Львовна
кандидат философских наук, доцент
Департамента гуманитарных наук
Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации
E-mail: elkabakhidze@fa.ru

ОРЕХОВСКАЯ Наталья Анатольевна
доктор философских наук, профессор,
Департамента гуманитарных наук
Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации
E-mail: naorehovskaya@fa.ru

Философская герменевтика о трактовке понятий «ПОНИМАНИЕ» И «ЯЗЫК»

Актуальность работы определяется необходимостью философского анализа таких герменевтических категорий как язык, понимание, текст. Современные условия бытия и новые формы коммуникации дают толчок к переосмыслению герменевтических категорий и некорректному их трактованию, в этой связи необходимо обратиться к истокам герменевтических концепций.

Цель статьи состоит в анализе категорий: «язык» и «сознание» как сущностных оснований герменевтики.

В статье представлены обзоры герменевтических концепций и ключевых терминов, относящихся к герменевтике, изложенных в трудах Ф. Шлейермахера, В. Дильтея, Э.Гуссерля, Х.- Г. Гадамера, П. Рикера.

Методологическую базу исследования составили теоретические методы: метод синтеза применен в процессе исследования проблемного поля герменевтики. Сочетание описательного, сравнительно-исторического методов, а также методов классификации, аналитического прочтения способствовало формированию авторского понимания исследуемой проблемы.

Ключевые слова: герменевтика, понимание, интерпретация, сознание, язык.

Философские истоки герменевтики

Проблема понимания является ключевой для герменевтики. Один из крупнейших представителей современной герменевтики – Х.-Г. Гадамер – небезосновательно полагал, что понимание является универсальной категорией человеческого бытия, т.к. на протяжении всего своего развития человек познает мир через понимание (интерпретацию) людей, природы, истории, искусства и т.д.

В широком смысле философия герменевтики под пониманием подразумевает интерпретацию текста, причем не только устного, но и письменного.

Первым философом, который заложил основы герменевтики и семиотики, был Аристотель, у которого мы находим следующее изречение: «То, что в звукосочетаниях – это знаки представлений в душе, а письма – знаки то, что в звукосочетаниях. Подобно тому, как письма не одни и те же у всех (людей), так и звукосочетания не одни и те же. Однако представления в душе, непосредственные знаки которых суть то, что в звукосочетаниях, у всех (людей) одни и те же, то, что также одни и те же предметы, подобия которых суть представления» [1]. Аристотель исходит из представления Платона о том, что мышление – есть внутренний диалог души, а язык является отражением мыслительных процессов. Однако в истолковании природы имен Аристотель входит в противоречие с Платоном, считая, что слова языка являются лишь условными и произвольными символами для отображения вещей в нашем мышлении, в то время как для Платона идея условности имен была неприемлема.

Однако основной диалог Платона о языке «Кратил» и произведение Аристотеля «Об истолковании» имеют дело в основном с вопросами предъявления и опровержения аргументов, построением речей и составлением поэм, а не с проблемами интерпретации текстов. Стоики, столкнувшись с проблемой интерпретации мифов, впервые осознали необходимость применения методологии герменевтики к интерпретации текста.

Герменевтика как инструмент толкования текстов

С появлением христианства герменевтика становится тонким инструментом для толкования текстов Священного писания. Ранние христиане воспринимали первоначально текст

Библии, как запись слов Бога, в которых ошибки были исключены, а истина была абсолютной. Однако богословы, начиная с блаженного Августина, были вынуждены признать некоторые неточности в трактовке описываемых Библией событий, некоторой фактической информации. В письме блаженного Августина блаженному Иерониму есть такие строки: «Если я в Библии встречаю ошибки, то я думаю, что это ошибки не сказавшего их Господа Бога, а ошибки переписчиков или переводчиков. Если я убеждаюсь, что здесь нет ошибок переписчика или переводчика, то я думаю, что это я сам чего-то здесь недопонимаю. А если я убеждаюсь, что здесь дело не в моем недопонимании, что ошибка очевидна, противоречие в самой Библии налицо, – то я думаю, что правильное понимание библейских ошибок мне откроет сам Господь Бог на том свете, если я после смерти попаду в рай. На этом и успокаиваюсь» [12].

В дальнейшем религиозная герменевтика все больше стала получать статус светской философской науки. Бенедикт Спиноза является одним из философов, который заложили фундамент современной герменевтики. Так, в седьмой главе «Трактата о теологии и политике» (1670 г.) Спиноза предполагает, что для того, чтобы понять наиболее напряженные и сложные разделы Священного писания, читатель должен принимать во внимание исторический фон, при котором создавался текст Священного писания, а также состояние автора, переводящего его. Можно провести аналогию, рассуждает Спиноза, между нашим пониманием природы и пониманием Священного писания. В обоих случаях наше понимание частей тесно связано с пониманием всего текста, в свою очередь понимание целого базируется на понимании его частей. Впоследствии видение Спинозы было претворено в реальность Ф. Шлейермахером в виде герменевтического круга, в котором понимание совершает кругообразное движение от целого к части и наоборот: «...как целое понимается из отдельного, но и отдельное может быть понято только из целого, имеет такую важность для данного искусства и столь неоспоримо, что уже первые же операции невозможно проделать без применения его, да и огромное число герменевтических правил в большей или в меньшей степени основывается на нем...» [9]. Понимание, как писал Шлейермахер, является универсальным методом понимания смысла, поэтому он назвал свою герменевтику универсальной, т.е. применимой для любых текстов.

Ф. Шлейермахер полагал, что главная цель понимания состоит в том, чтобы понять автора текста, т.е. его скрытые между

строк интенции, иными словами понять сверхзадачу текста: любой акт понимания есть перевертывание акта речи, благодаря которому осознается, какое мышление лежало в основе речи.

Таким образом, в герменевтический круг Ф. Шлейермахер включал не только намерения автора, но и его личность, созданные ранее тексты, через которые сквозила психология автора, его характер, свое отражение находило социальное положение автора. Позднее Ф. Шлейермахер характеризовал герменевтику как метод, который позволяет избегать недопонимания, утверждая, что для этого необходимо знание грамматических законов языка и психологических законов человеческой природы. Таким образом, Ф. Шлейермахер совершил большой поворот от проблемы понимания объективного смысла слова к проблеме понимания индивидуальности автора или спикера.

Процесс понимания, по мнению философа, представляет собой напряженную работу, которая включает не только ментальные механизмы, но и эмоциональные. Для понимания необходимо «вчувствование» и «сопереживание». Сила такого напряжения напрямую связана со способностями интерпретатора, поэтому понять гениального автора может только конгенитальный интерпретатор.

В процессе интерпретации ключевую роль играют не только и даже не столько ментальные (мыслительные) процессы или психологические установки, сколько язык: «Поэтому любой человек, с одной стороны, является местом, в котором своеобразным образом формируется данный язык, и его речь следует понимать, исходя из тотальности языка. Но, с другой стороны, он является также постоянно развивающимся духом, и его речь является лишь фактом этого духа в связи со всеми прочими» [9].

Использование языковых средств автором колеблется от радикального индивидуализма до радикального универсализма. Все языковые средства можно условно разделить на грамматику и лексику, однако при их универсальной заданности в конкретном языке, автор, тем не менее, использует их по индивидуальному усмотрению. Так, например, авторский текст поэзии отличается максимальной индивидуальностью, в то время как для научно-технического текста характерна максимальная универсализация грамматики и лексики. Однако, замечает Ф. Шлейермахер, такая индивидуализация языковых средств не относится к сугубо внутренним, неизмеримым

процессам мышления автора, а носит характер поверхностный: стилистики, индивидуального тембра голоса, манеры высказывания и т.д.

Таким образом, для того, чтобы постичь смысл текста, интерпретатор должен сконцентрироваться на всех аспектах языка одновременно: грамматике, синтаксисе, а также их индивидуальных приемах использования. Особое место и значение в понимании отводится лексике. Для того чтобы правильно истолковать семантическое значение слов, необходимо провести исследование семантического поля использованных в тексте слов с учетом исторической эпохи, в которую жил автор текста.

Герменевтический круг как основа философской герменевтики

Улучшение понимания не всегда приводит к полному пониманию. По аналогии непонимание не означает тотального отчуждения текста. В тексте всегда будет оставаться ничтожно малая часть непонятого, которая и будет толкать интерпретатора заглянуть за горизонт объятый пониманием части текста. Принципиальная мысль Ф. Шлейермахера заключается в том, что процесс понимания не может быть завершен. Мысль совершает бесконечные движения по кругу – от целого к части и от частей обратно к целому, расширяя и углубляя смысл текста: «Язык есть бесконечное, ибо любой его элемент особым образом определяется остальными. Это относится и к психологической стороне, ибо любое созерцание индивидуального является бесконечным, а воздействие на человека извне также постепенно уменьшается вплоть до бесконечности» [9]. Данные постулаты зафиксированы и в герменевтическом круге. Герменевтический круг – одно из основных явлений философии герменевтики, которое было впервые введено Ф. Шлейермахером: «Герменевтический круг – это принцип понимания текста, основанный на диалектике части и целого: понимание целого складывается из понимания отдельных его частей, а для понимания частей необходимо предварительное понимание целого» [9].

Бесконечным континуумом Ф. Шлейермахер наделяет психологию и язык, это еще одна причина, по которой невозможно завершенность истолкования: «Чтобы была завершенна грамматическая сторона истолкования, необходимо совершенное знание языка; в другом случае – совершенное знание человека. Так как ни того, ни другого никогда не может быть,

то следует переходить от одной стороны истолкования к другой, а как именно, - для этого нельзя дать никаких правил» [9].

Герменевтика как методология гуманитарного познания

В. Дильтей внес существенный вклад в развитие философской герменевтики через соотнесение интерпретации и исторического объективизма. Происходит сдвиг понимания от анализа внешней манифестации человеческой речи или действия к обнаружению их внутреннего значения. В одном из своих поздних сочинений «Понимание других и их жизненных манифестаций», В. Дильтей пишет, что этот сдвиг от внешнего к внутреннему, от выражения к выраженному не основывается на эмпатии. Эмпатия подразумевает прямую идентификацию с другим человеком. Интерпретация же является косвенным или опосредованным пониманием, которого можно достичь путем помещения человеческого самовыражения в соответствующую историческую эпоху. Таким образом, понимание не является восстановлением цепочки размышления автора, а выражением того, что содержит собой работа.

Таким образом, В. Дильтей пытался тесно увязать герменевтику с идеей историзма, рассматривая герменевтику как метод гуманитарного познания. Будучи представителем философии жизни, В. Дильтей видел основную задачу понимания, вчувствования, интерпретации в постижении жизни в «науках о духе», противопоставляя данный метод «объяснению» в «науках о природе». Научное объяснение природы, по мнению В. Дильтея, должно быть дополнено теорией презентации мира через символические опосредованные учения. Цель гуманитарного познания – создать такую теорию. Предметом познания «наук о духе» является жизнь. Ввиду того, что жизнь – это процесс, полностью его охватить не представляется возможным, и познанию доступны лишь устойчивые формы жизни («объективация жизни»), одной из которых и является дискурс (текст).

Наряду с концепцией «понимание» в работах В. Дильтея значительное место занимает понятие «опыт». Опыт связан напрямую с процессом самопознания (со-знания), в то время как понимание относится к процессу познания других. Самопознание возможно только до той степени, до которой возможно самопознание через познание других, т.к. только познавая других, мы познаем себя. Тем не менее, опыт, являющийся синтезатором субъектного познания, остается важным психологическим условием любого жизненного события, опыт-

ной возможностью, которая реализована и концептуализирована в понимании. Задача философа-герменевтика заключается в комбинировании приемов интерпретации: выдвижение интуитивной гипотезы (на основании пережитого опыта), которая должна претерпеть сравнительно-сопоставительный анализ, который должен обеспечить объективность процесса. Это является одной из важнейших адаптаций герменевтических приемов Ф. Шлейермахера, кардинальным переходом от романтизированного процесса дивинаторного (интуитивного) понимания, конгениальности, к процессу критического, эмпирического исследования на основе исторического сравнения с целью воссоздания или улучшения первоначальной гипотезы. Самое большое достижение В. Дильтея в герменевтике, можно определить как привязывание последней к человеческой жизни и опыту, что разовьется впоследствии в онтологии герменевтики, смещении основной цели с интерпретации конкретного дискурса к проблематике понимания как способа бытия в целом.

Таким образом, с появлением работ В. Дильтея герменевтика стала своего рода методологией гуманитарного познания. Понимание в герменевтике В. Дильтея становится особым способом познания духовного существования человека, которое отличается кардинально от познания природы. Познание человека возможно только в условиях запущенного механизма самопознания, понимание собственного внутреннего мира достижимо через саморефлексию, отражение себя в других. Понимание чужой души возможно при условии вчувствования, переживания чужого духовного бытия как своего собственного: «Понимание – это повторное открытие «себя» в «тебе»... Возникает вопрос: насколько это способно помочь в решении главного проблемы эпистемологии» [13].

Феноменология и герменевтика

Существенное влияние на дальнейшее становление герменевтики оказало учение о феноменологии Э. Гуссерля, который предлагал принципиально новый метод анализа сознания. В основе феноменологии заложены две фундаментальные идеи: любой человек наделен сознанием и последнее же является основным инструментом познания окружающей действительности. Таким образом, объекты и факты окружающего мира могут быть познаны нами постольку, поскольку они запечатлены в сознании. Углубляя и развивая данную мысль, можно сказать, что все, что мы познаем – не является

объектами или фактами действительности, а всего лишь их проекциями, феноменами сознания познающего субъекта.

Э. Гуссерль принял основную идею Ф. Brentano об интенциональности сознания, немного ее видоизменив, и рассматривая позже интенциональность, как «сознание о» [4]. Вслед за Э. Гуссерлем можно сделать вывод, что интенциональность является универсальным свойством сознания: индивидуум постоянно находится в потоке своего сознания, осмысливая, анализируя, представляя, рефлекслируя.

Феноменология, таким образом, значительно обогащает герменевтику своим особым методом феноменологического познания и характеристикой сознания. Русский философ Г.Г. Шпет соединяет феноменологию Э. Гуссерля и герменевтику. Смысл объективного мира должен был не только усматриваться сознанием, но, главным образом, пониматься. Понимание реализуется через истолкование (интерпретацию) – таким образом, герменевтика гармонично влилась в феноменологию: герменевтика в функции осмысления и интерпретации, а феноменология – обнаружения смысла. Главная же цель языка, повторяет Г.Г. Шпет за В. Гумбольдтом – понимание, в «языке народ осуществляет свои мысли и ощущения» [4].

Язык является единственным и всеобщим орудием познания. Слово, однако, не может «передать» предмет, а может лишь назвать его. Предмет состоит из сенсуального материала (субстрата) и мыслимого содержания, которые являются трансцендентными по своей сути. Выражаясь терминологией Э. Гуссерля предмет – есть «что-акт» сознания: «Предмет вместе со своим содержанием есть то, о чем слово, о чем идет речь, а не то, что “передает” слово. Здесь лежит значение слова, но само по себе, очевидно, оно также не может быть “передано”. Оно передается только будучи оформлено» [4]. Слово также как и предмет надделено материальной основой – фонетикой и идеальной – интеллектуальным содержанием, которое не может быть «передано». Без внутренней формы нет и значения слова, т.е. оно не может быть осмысленным. Следовательно, слово можно «передать», если оно оформлено именно интеллектуальным содержанием.

Основной синтеза выступает проблема понимания, которое есть постижение смысла объекта: «Идея предмета лежит как признак в его содержании, именно в его сущности и поэтому может быть названа также энтелехией предмета. Раскрытие ее и есть формальное определение понимания» [11]. Анализом понимания занимается герменевтика, отвечая на вопрос

«как возможно понимание?», а анализом смысла и методов его постижения – феноменология.

Понимание как акт состоит из познающего субъекта и познаваемого объекта, который можно образно определить, как текст (под текстом в данном случае мы подразумеваем любой источник, наделенный знаково-символической формой), являющийся неким продуктом деятельности. Ф. Шлейермахер давал такое определение тексту: «факт языка», «застывшая речь». Одновременно текст можно рассматривать как проекцию субъективно-психологического внутреннего мира автора или «факта мышления» по словам Ф. Шлейермахера. Необходимо принимать в расчет, что в тексте отражается данная историческая эпоха и особенности языка, являясь порождением последнего и фактов мышления. Язык и мышление являются объективными природными свойствами познающего субъекта, обеспечивающие «предпонимание». Именно они определяют широту и глубину, «горизонт» понимания. Язык имеет независимое, внешнее бытие и порождается «внешней необходимостью общения», а также «внутренними потребностями человечества, лежащими в самой основе человеческого духа» [10].

Роль языка в герменевтике

Язык развивает духовное мировоззренческое начало в человеке. Таким образом, язык как инструмент, а сознание как метод понимания сливаются воедино, и возникает фундаментальное понятие «языковое сознание». Таким образом, понимание, толкование текстов должно опираться на языковое сознание индивидуума: «В конечном итоге, поэтому, – писал Г.Г. Шпет, – принципиальное рассмотрение языкового сознания всегда и необходимо ориентируется на последнее его единство, которое и в задаче, и в осуществлении, как всеобщее единство сознания, есть не что иное, как единство культурного сознания. Такие обнаружения культурного сознания, как искусство, наука, право и т.д. – не новые принципы, а модификации и формы единого культурного сознания, имеющие в языке архетип и начало. Философия языка в этом смысле есть принципиальная основа философии культуры» [10].

Для дельнейшего решения проблемы понимания, необходимо выполнить два действия: выявить историческую природу текста и расшифровать процесс интерпретации и понимания. Если до Г.Г. Шпета культурно-исторический фон служил ядром герменевтики и являлся центром герменевтического

круга, то Г.Г. Шпет выводит его за скобки слова. Таким образом, за скобки выносилось все, что не имело отношения к смыслу слова. Со-мыслятся только эйдетические структуры слова, все остальное со-переживается. Таким образом, понимание представляет собой два параллельных процесса: со-мыслить и со-чувствовать текст. Со-чувствование и со-переживание относятся к психологическим актам индивида, в то время как со-мыслить является сферой рациональной.

Таким образом, понимание как акт познавательной деятельности включает в себя филологический, исторический и психологический методы. Условия понимания образуют фон, внутри которого живет текст. Интерпретация текста должна осуществляться в условиях синтеза феноменологии и герменевтики, где ключевое значение отводится феномену языкового сознания.

От феноменологии Э. Гуссерля также оттолкнулся М. Хайдеггер, предлагая вместо гуссерлевской трансцендентальной феноменологии «герменевтическую феноменологию», онтологизируя последнюю, превращая ее в учение о бытии.

Основная герменевтическая концепция М. Хайдеггера представлена в труде «Бытие и время». По мнению М. Хайдеггера, герменевтика – это не только свод методов, направленных на интерпретацию текста, а явление специфики человеческого существования, т.к. понимание и истолкование являются, по сути, фундаментальными способами человеческого бытия, как и сам язык [8].

Ключевым понятием философии М. Хайдеггера становится *Dasein* – «здесь-бытие» человека. *Dasein* онтологично, оно всегда наличествует в смутном понимании бытия и одновременно становится явным только посредством человеческого присутствия. *Dasein* априорно мышлению о нем, являясь предпосылкой последнего. Для того чтобы мыслить нечто, субъект должен быть вовлечен в то, что им мыслится. Человек так или иначе со-бытийно находится внутри ситуаций, пространства, времени, места, с которыми акт мысли связан. Чтобы осознать себя в этой ситуации, необходимо понимание, интерпретация. Позже П. Рикер назовет такое пребывание «интерпретированным бытием».

В своем учении М. Хайдеггер формулирует важнейшие условия существования человека, называя их экзистенциалами: положенность (пребывание в мире) и открытость миру. Третий фундаментальный экзистенциал – понимание, который М.

Хайдеггер в работе «Бытие и время» описывает как основной модус Dasein. В самом понимании М. Хайдеггер выделяет первичное или предпонимание: «Понимание, – пишет М. Хайдеггер, – есть экзистенциальное бытие множествования, присущее «здесь-бытию», а именно так, что это бытие в нем раскрывает, как обстоит дело с бытием вместе с ним» [7].

Понимание, по мнению М. Хайдеггера, – есть открытость через возможности. Понимать означает эксплицировать себя на некоторую возможность, вкладывать себя в нее. Смысл, в свою очередь, является экзистенциалом человеческого бытия, а не идеальным свойством сущего. Следовательно, интерпретация – не свойство субъекта, а специфическая сущность бытия. Понимание является формой первичной данности субъекту мира. Таким образом, М. Хайдеггер совершает переход от эпистемологического обоснования понимания к онтологическому, в дальнейшем П. Рикер совершит обратный переход.

С понятием предпонимания тесно связано учение М. Хайдеггера о языке, который является подлинным предметом герменевтического анализа. Язык – не продукт человеческого существования, а «дом бытия».

М. Хайдеггер критикует современное состояние языка, называя его «неподлинным» и «формализованным», что мешает познанию бытия, однако подчеркивает, что язык играет существенную прикладную роль в передаче информации. Для того чтобы приобрести подлинный язык, нужно научиться молчать и прислушиваться к «тихому голосу бытия».

М. Хайдеггер сравнивает такой язык с мыслью, подчеркивая вневременную и внепространственную сущность мысли, которая сама конституирует свое пространство и время. Субъект постигает мир посредством представления, в котором фиксируется сущее, в качестве предмета. Такое представление, однако, является представлением себя, но не восприятием окружающего мира.

Для человека одной из первостепенных задач является возврат почти утраченного подлинного языка. В основе подлинного языка должна покоиться «органология». Органом понимания, по мнению М. Хайдеггера, выступает не столько интеллект, сколько тело, которое выполняет функцию вслушивания, всматривания, физического преодоления действительности.

Таким образом, выводя герменевтику на уровень онтологии, М. Хайдеггер закрепляет за ней функцию не интерпретации текстов, сколько отношение к существующему миру.

Подводим итог и делаем выводы...

Герменевтика представляет собой этап в присвоении смысла, этап, который пролегает между абстрактной и конкретной рефлексиями. Герменевтика есть выявление смысла, сокрытого в символе, посредством мышления. Так П. Рикер в качестве предмета герменевтики видел знак, признавая текст слишком широкой областью для толкования: «Я даже сводил в то время герменевтику к истолкованию символов, т.е. выявлению второго, часто скрытого смысла этих двухсмысленных выражений» [2]. Но позднее предпринял попытку расширить границы герменевтики до текста: «герменевтика уже не может быть определена просто через истолкование символов. Тем не менее, это определение должно быть сохранено как этап между общим признанием языкового характера опыта и более техническим определением герменевтики через истолкование текстов» [2].

П. Рикер первым из философов-герменевтиков обозначил проблему различия в понимании устного и письменного дискурса, которые основаны на психофизиологических особенностях восприятия.

Возвращаясь к дифференциации понимания и интерпретации, П. Рикер утверждает, что не существует понимания самого себя, не опосредованного знаками, символами и текстами. Действительно, языком сознания является знак, который имеет как материальную, так и идеальную природу. Без использования знаковой системы возможно лишь примитивное наглядно-образное мышление, в то время как для осознания себя требуется включение словесно-логического мышления, которое опосредованное знаком. П. Рикер приходит к важному выводу, что любое человеческое переживание также имеет знаковую природу [5,6].

Герменевтика, исследуя всю сложность и многоаспектность процесса понимания (интерпретации) человеком экзистенциального бытия, предлагает уникальный метод познания окружающей действительности с помощью герменевтического круга, конституируя два ведущих инструмента осмысления бытия человеком – через язык и сознание (мышление).

Литература:

1. Аристотель Собрание сочинений: в 4 т./ Т. 2: «Об Истолковании»/ Аристотель: [редактор З.Н. Микеладзе]. М.: изд-во «Мысль», 1978. С. 26.
2. Гадамер Г.Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988.
3. Гадамер Х. Г. Истина и метод. М., 1988. С. 38-43.
4. Гуссерль Э. Философия как строгая наука // Гуссерль Э. Логические исследования. Минск, 2000.
5. Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика (Московские лекции и интервью). М., 1995. С. 78-80.
6. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2002.С. 33
7. Рорти Р. Тексты и куски. М.: Логос, 1996. С. 173-189.
8. Хайдеггер М. Бытие и Время. М., 1997.
9. Шлейермахер Ф. Академические речи 1829 года. М.: Науч. изд., 1987. С. 109-220.
10. Шпет Г.Г. Внутренняя форма слова. М., 1997. С. 12-178.
11. Шпет Г.Г. Критические и методологические исследования. М.: Либроком, 2011. С. 211.
12. Aureli Augustini Hipponensis episcopi Epistulae. Pars 1. Ep. 1-30 / Rec. et comm. crit. instr. A. Goldbacher // CSEL 34, 1. Vindobonae; Lipsiae, 1895.
13. Dilthey Gesammelte Schriften, 7:191; Selected Writings, p. 208.

KABAKHIDZE E.L.

***PhD, Associate Professor of Department
of Humanities Financial University under the
Government of the Russian Federation***

OREKHOVSKAYA N.A.

***Ph.D., Professor of Department of Humanities
Financial University under the Government
of the Russian Federation***

Philosophical hermeneutics on the interpretation of the concepts of "understanding" and "language"

The relevance of the work is determined by the need for a philosophical analysis of such hermeneutic categories as language, understanding, text. Modern conditions of existence and new forms of communication give impetus to the rethinking of hermeneutic categories

and their incorrect interpretation, in this regard, it is necessary to turn to the origins of hermeneutic concepts.

The purpose of the article is to analyze the categories: "language" and "consciousness" as essential foundations of hermeneutics.

The article presents reviews of hermeneutic concepts and key terms related to hermeneutics, set forth in the works of F. Schleiermacher, W. Dilthey, E. Husserl, H.-G. Gadamer, P. Ricker.

The methodological basis of the study was made up of theoretical methods: the synthesis method was used in the process of studying the problem field of hermeneutics. The combination of descriptive, comparative-historical methods, as well as methods of classification, analytical reading contributed to the formation of the author's understanding of the problem under study.

Keywords: *hermeneutics, understanding, sense, interpretation, conscious, language.*

Literature:

1. Aristotle Collected works: in 4 vols./ Vol. 2: "On Interpretation"/ Aristotle: [editor Z.N. Mikeladze]. M.: publishing house "Thought", 1978. p. 26.
2. Gadamer G.G. Truth and method: Fundamentals of philosophical hermeneutics. M.: Progress, 1988.
3. Gadamer H. G. Truth and method. M., 1988. pp. 38-43.
4. Husserl E. Philosophy as a strict science // Husserl E. Logical research. Minsk, 2000.
5. Riker P. Hermeneutics. Ethics. Politics (Moscow lectures and interviews). M., 1995. pp. 78-80.
6. Riker P. Conflict of interpretations. Essays on hermeneutics. M.: CANON-press-Ts, 2002. P. 33.
7. Rorty R. Texts and pieces. M.: Logos, 1996. pp. 173-189.
8. Heidegger M. Being and Time. M., 1997.
9. Schleiermacher F. Academic speeches of 1829. M.: Scientific Publishing house, 1987. pp. 109-220.
10. Shpet G.G. The inner form of the word. M., 1997. pp. 12-178.
11. Shpet G.G. Critical and methodological research. M.: Librocom, 2011. p. 211.
12. Aureli Augustini Hipponensis episcopi Epistulae. Pars 1. Ep. 1–30 / Rec. et comm. crit. instr. A. Goldbacher // CSEL 34, 1. Vindobonae; Lipsiae, 1895.
13. Dilthey Gesammelte Schriften, 7:191; Selected Writings, p. 208.

ТРУБЕЦКАЯ Анастасия Юрьевна
кандидат философских наук, доцент кафедры
социально-гуманитарных дисциплин и истории
права МГУУ Правительства Москвы
E-mail: trubetskay@gmail.com

Государственная культурная политика в государствах-утопиях Томаса Мора и Томмазо Кампанеллы

В статье предпринята попытка теоретического моделирования государственной культурной политики в утопиях Томаса Мора и Томмазо Кампанелла. Рассматриваются пространство ценности и цели, а также механизмы реализации культурной политики, нашедшие отражение в «Утопии» и «Городе Солнца». Ключевые характеристики самих государств и роли культуры в них сравниваются с моделью идеального государства Платона.

Ключевые слова: культурная политика, государство, утопия, Томас Мор, Томмазо Кампанелла, общество

Вопросы идеального общественного устройства всегда были ключевыми в социальной и политической философии. Если рассматривать классические произведения, посвященные данной теме, то можно выявить ряд определяющих для моделей общественного устройства параметров: отношение к частной собственности, труду, религии и рабству, система власти и полномочия властных лиц, ведение войны, наука, образование и частная жизнь. Большое внимание обычно также уделяется не только материальным аспектам жизни человека, но и его духовной жизни, важной частью которой является в современном понимании культура.

Однако культура не всегда обозначалась объектом отдельного государственного интереса или управления, в связи с чем во многих классических философских произведениях отсутствует детальный анализ политики государства в сфере культуры. В тоже время в них можно найти множество отсылок к механизмам, которые необходимы для поддержания

состояния идеального государства, которые сегодня исследователи и практики относят к государственной культурной политике, определяемой как «комплекс операционных принципов, административных и финансовых видов деятельности и процедур, которые обеспечивают основу действий государства в области культуры, всю сумму сознательных и обдуманных действий (или отсутствие действий) в обществе, направленных на достижение определенных культурных целей посредством оптимального использования всех физических и духовных ресурсов, которыми располагает общество в данное время»[2]. Анализ таких «скрытых» в ранних моделях идеальных государств механизмов представляет особый исследовательский интерес, так как позволяет проследить взаимосвязи с моделями современных государств с четко обозначенными принципами действий в отношении сферы культуры.

Стоит отдельно подчеркнуть, что государственная культурная политика неразрывно связана с общими принципами государственного устройства. Например, ранее была рассмотрена модель государства Платона, построенная на основе принципов справедливости и общего блага, культурной политике, в которой «отводится ключевая роль в процессе воспитания граждан идеального государства. За культурой признается важнейшая роль формирования ценностно-смыслового ядра личности, но в тоже время и её опасность, если транслируемые идеи будут противоречить сущности справедливости. Выход из этой ситуации, предлагаемый Платоном, – регламентация духовной сферы общества» [4]. На современном этапе общественного развития трудно себе представить широкую популярность подхода, предложенного Платоном. Тем больший интерес вызывает рассмотрение других вариантов, заложенных в ключевых произведениях о государствах-утопиях: «Утопии» Томаса Мора и «Городе Солнца» Томмазо Кампанеллы.

Утопии как произведения имеют важную сущностную характеристику – они выражают мечты человечества о счастливом будущем (в отличие от дистопий, которые выражают страх человечества о грядущем). То есть представленная в них модель общественного устройства, по мнению автора, позволяет достичь наиболее желаемого для общества состояния, которое уже в свою очередь может быть выражено различными принципами: справедливости, общего блага, удовольствия и пр. Представить себе идеальное общество без культуры как сферы духовной жизни человека достаточно трудно, поэтому

очевидно, что в утопиях можно найти идеальные представления не только о самой культуре, но и её взаимосвязи с государством. Разумеется, понятия государственной культурной политики в рассматриваемых государствах-утопиях еще не существовало, однако, используя современный понятийный аппарат, мы можем сформировать присущие им теоретические модели государственной культурной политики.

Рассмотрение любой модели культурной политики (теоретической, как в данном случае, или практической) сопряжено с поиском и анализом большого количества данных, среди которых определяющими являются те, которые дают представление о пространстве и ценностно-целевых установках культурной политики. Пространство культурной политики определяет действующих в её поле субъектов и объектов, место человека в нем, т.е. какие элементы духовной сферы общества попадают под действия культурной политики (только лишь сфера культуры и исполнительских искусств, либо дополнительно сфера образования, средства массовой информации и пр.). Ценностно-целевые установки включают цели, ценности, принципы, направления и социальный результат от их достижения, которые в свою очередь определяют конкретные административные, финансово-экономические, кадровые и другие механизмы реализации культурной политики[4].

Прежде чем перейти к выявлению описанных выше составляющих культурной политики в моделях государств-утопий Томаса Мора и Томмазо Кампанеллы необходимо обозначить их основные характеристики. Главным принципом обеих моделей является социальная справедливость, без которой, по мнению авторов, невозможно состояние счастья для всех людей (схожие взгляды разделял ранее и Платон). Достижение же социальной справедливости возможно только при обеспечении равенства в имущественных, экономических, социальных и других вопросах.

Остров Утопия представляет собой государство, главным приоритетом для которого является общественное благополучие и состояние счастья, сопряженное с природой человека. «Тут не существует неравномерного распределения продуктов, нет ни одного нуждающегося, ни одного нищего, и хотя никто ничего не имеет, тем не менее все богаты. Действительно, может ли быть лучшее богатство, как лишенная всяких забот, веселая и спокойная жизнь?» [1, С. 147]. По мнению утопийцев, человеческая душа рождена для счастья, ей не чужды стремления к удовольствиям, но только к таким, которые не

влекут за собой никаких страданий. «Счастье <...> заключается не во всяком удовольствии, а только в честном и благородном» [1, С. 91-92]. При этом достижение счастья возможно только с помощью добродетели, которую сами утопийцы видят, как «жизнь, согласную с законами природы» [1, С. 92], причем жизнь, подчиненную разуму. В таком государстве реализованы принципы общественной, а не частной собственности, обязательности труда, приоритета знаний, имеются демократические государственные институты (часто сменяемые выборные должностные лица), обладающие полным доверием граждан, но в тоже время регламентирующие и унифицирующие частную жизнь человека. Идеальная модель государственного устройства, наиболее близкая к смешанной форме с преобладанием демократии и построенная на принципах разумности, призвана воплотить в жизнь гуманистические представления о человеческом счастье.

Город Солнца представляет собой схожую модель государственного устройства: отсутствие частной собственности, всеобщая трудовая повинность, опора на знания, контроль частной жизни граждан и пр. «<...> у них все общее. Распределение всего находится в руках должностных лиц; но так как знания, почести и наслаждения являются общим достоянием, то никто не может ничего себе присвоить. Они утверждают, что собственность образуется у нас и поддерживается тем, что мы имеем каждый свое отдельное жилище и собственных жен и детей. Отсюда возникает себялюбие <...> Но когда мы отрешимся от себялюбия, у нас остается только любовь к общине» [1, С. 165]. Как и в Утопии, в Городе Солнца большая роль отводится знанием, но в важнейших вопросах устройства государства или продолжения рода солярии руководствуются астрологией, а не точными или практически полезными научными знаниями. Выборные демократические институты в таком обществе отсутствуют, решение о назначении на должности принимается ответственными лицами, и не является волеизъявлением народа.

Пространство культурной политики в идеальном государстве острова Утопия включает в себя все сферы общественной жизни (религия, рабочее и свободное время, институт семьи, общественные отношения, ритуалы и обряды, жилища, прием пищи и пр.), но культура не выделяется в отдельный государственный институт. Основные принципы общественного устройства были заложены основателем Утопом, который «<...> довел грубый и дикий народ до такой степени культуры

и образованности, что теперь они почти превосходят в этом отношении прочих смертных» [1, С. 59], и поддерживаются до сих пор с тем отличием, что за их соблюдение по сути отвечают все жители утопии (любые важные вопросы обсуждаются сначала в семьях, затем выборными должностными лицами, а после – в сенате). Важно отметить, что из всех современных направлений государственной культурной политики в Утопии отмечается принципиальная значимость образования и воспитания, а прочие (например, исполнительские искусства, творческая деятельность и пр.) почти полностью вынесены за пределы пространства культурной политики. Причина этому – практическая рациональность – поощряются и поддерживаются те занятия и знания, которые приводят к осязаемым практическим результатам в земледелии, астрономии и других видах деятельности, исключение составляет только музыка, которая пробуждает человеческие чувства, но в то же время гармонична и естественна. Отсюда и неприятие к различного рода украшениям и эстетическому разнообразию: жилища, одежда и другие предметы обихода у утопийцев не просто одинаковые, но и ограничиваются своими функциональными свойствами. По сути единственный способ самовыражения не в полезном для общества труде – это вероисповедание: «каждому позволено принадлежать к той религии, которая ему нравится, если же он будет пытаться обратиться к ней другим, то может это устраивать только мирным и кротким путем, силой доказательств» [1, С. 133]. Но несмотря на религиозный плюрализм, у утопийцев есть общие представления о создании и устройстве мира, жизни после смерти, а также единые священные и религиозные праздники.

Пространство культурной политики Города Солнца включает в себя не только систему воспитания и обучения, но и различные виды искусств: музыку, поэзию, архитектуру, скульптуру, досуговые практики и празднества. Искусство однако имеет четкий утилитарный характер – например, живопись нужна не для выражения творческой свободы человека, а для трансляции знаний о мире. «<...> во всем городе стены, внутренние и внешние, нижние и верхние, расписаны превосходнейшею живописью, в удивительно стройной последовательности отображающей все науки» [1, С. 160]. Здесь и изображения звезд и небесных тел, математических фигур, минералов и камней, деревьев и трав, птиц и животных, ремесла и изобретатели наук, с которыми с помощью наставников знакомятся дети в процессе обучения.

Субъектом культурной политики в идеальном государстве острова Утопия можно назвать образованных людей и ученых, из числа которых выбираются должностные лица, а также уважаемых жителей, которые берут на себя соблюдение некоторых общественных норм (например, матроны в вопросах бракосочетания). Томас Мор отмечал, что «только просвещение, только решающая роль ученых в управлении государством ведут к торжеству разума над невежеством и суевериями и тем обеспечивают благополучие в мирских делах. Правители должны стать учеными, а ученые — правителями» [3]. Только мудрый правитель способствует установлению гуманистических идеалов разумного общества и транслирует их через систему образования, которое является обязательным и единым для всех утопийцев.

Субъекты культурной политики Города Солнца определены более четко, чем на острове Утопия. У верховного правителя государства – Метафизика, есть три соправителя – Мощь, Мудрость и Любовь. В соответствии с их функциональными разграничениями можно определить, что за реализацию государственной культурной политики отвечает Мудрость, так как ей подчинены свободные искусства, ремесла и науки, а также соответствующие этим направлениям должностные лица, например, Историограф, Поэт и Моралист. Трех соправителей назначает лично Метафизик в соответствии со знаниями в науках и ремеслах. Так претендент на должность Мудрости должен глубоко изучить искусства и науки, а также мудрость материального и духовного мира. В связи с установленной системой отслеживания знаний и способностей детей с самого рождения, задолго известно, кто сможет занять такую должность.

Объекты культурной политики в идеальном государстве острова Утопия и в Городе Солнца – это в первую очередь система образования и воспитания (такой подход встречается сегодня во многих моделях культурной политики, которые не ограничиваются только сферами культуры и искусства). Не таким явным, но в тоже время осязаемым объектом культурной политики становятся общественные отношения: от, так называемых, «серьезных» досуговых практик (лекций ученых и занятий ремеслами в свободное от работы время) до практик принятия пищи и совместных религиозных праздников. Отрасль культуры в современном понимании не представляется значимой для утопийцев. Встречаются отдельные упоминания игры на музыкальных инструментах во время приема пищи и

религиозных праздников, а также наличие скульптур выдающихся граждан. Им не чужда красота как особый природный дар («<...> утопийцы признают как приятную приправу жизни и те удовольствия, которые входят к нам через слух, зрение и обоняние и которые природа пожелала закрепить за человеком как его особое преимущество» [1, С. 102]), но в то же время они не прилагают усилий для её создания или распространения. Для соляриев культура и искусства имеют большее значение в эстетическом и утилитарном плане: живопись помогает усвоить науки, а пение, чтение и прогулки – провести свободное от работы время «радостно» [1, С. 183].

Ценностно-целевые установки культурной политики в идеальном государстве острова Утопия и Городе Солнца скорее можно определить, как смешанные. Они сочетают в себе антропоцентричные, то есть направленные на всестороннюю и всеобъемлющую поддержку и развитие человека, достижение им счастья, и экономоцентричные, так как развитие человеку не столько духовное или культурное, сколько полезное для общества в целом. Государство создается не для достижения экономического или политического превосходства, а ради достижения такого состояния при котором «ни один частный человек не будет ни в чем терпеть нужды, стоит только позаботиться о том, чтобы общественные магазины были полны».

К механизмам реализации культурной политики в идеальном государстве острова Утопия можно с большой долей условности отнести религиозные установки и систему досуговых практик, включающих приобщение к ремеслам. Религия для утопийцев является важным регулятором общественных отношений, в том числе в этическом плане. Общие для всех представления о бессмертии души и её предназначении к счастью определяют не только общественные, но и трудовые и личные отношения, являются источником морали. При этом религиозные установки утопийцев рационализированы и достаточно утилитарны. Томас Мор пытается подчинить религии «общественной пользе и доводами разума» [3], в конечном итоге все разумное объявляется угодным богу. Определённые интересы представляют собой регламентированные в большей степени по процедуре, чем по содержанию досуговые практики. Каждый утопиец после обязательного труда (в основном это земледелие) и до отхода ко сну имеет свободное время, которое может потратить на посещение лекций ученых (современные культурно-просветительские практики) или изучение какого-либо ремесла. При этом выбор

лекций для посещения или ремесла остаются за самим гражданином, однако решение о более глубоком изучении ремесел или определённым наук принимается на основе того, как это повлияет на основную трудовую деятельность.

Механизмами реализации культурной политики в Городе Солнца становятся система определённых правил в отношении свободных искусств, досуговых практик и праздничной культуры. Свободные искусства в произведении описаны на примере поэтов, в задачи которых входит воспевание подвигов в военном деле. При этом утверждать, что такое творчество является подлинно свободным, достаточно трудно, так как: «<...> кто что-нибудь при этом присочинит от себя, даже и к славе кого-либо из героев, подвергается наказанию. Недостоин имени поэта тот, кто занимается ложными вымыслами, и они считают это за распущенность, гибельную для всего человеческого рода». Досуговые практики также строго регламентируются: «В Городе Солнца, где обязанности, труды и работы распределяются между всеми, каждому приходится работать не больше четырех часов в день; остальное время проводится в приятных занятиях науками, собеседовании, чтении, рассказах, письме, прогулках, развитии умственных и телесных способностей, и все это делается радостно» [1, С. 183]. При этом запрещены сидячие игры, даже если они способствуют умственному развитию, например, шахматы. Праздничная культура соляриев привязана к астрологическим циклам и историческим событиям. Празднования сопровождаются пением, инструментальным исполнением и театрализованными постановками, содержание которых судя по всему строго регламентируются ответственными должностными лицами.

Выявление более конкретных механизмов государственного управления, в том числе в области культуры, в идеальном государстве-утопии видится достаточно трудным. Это связано с различиями в историческом контексте, понятийном аппарате, а также с ограниченными сведениями о конкретных действиях государства во многих сферах.

Таким образом, Томас Мор и Томмазо Кампанелла как и Платон предлагают достаточно жесткие модели государственного устройства, которые направлены на достижение высшей цели – идеалов общего блага и счастья для всех людей. Общим местом этих моделей является общинность и коллективизм, а также основанность управленческих решений на знаниях и опыте мудрейших из граждан. Как отмечается в Городе

Солнца: «<...> наш Метафизик, пусть он даже будет совершенно неопытен в делах управления государством, никогда, однако, не будет ни жестоким, ни преступником, ни тираном, именно потому, что он столь мудр» [1, С. 170]. Выбор между разумом и чувствами обе утопии делают в пользу разума, что приводит к ярко выраженной утилитарности моделей государственного устройства (в большей степени на острове Утопия), творческая свобода не поощряется, что делает эти модели статичными, не способными к развитию и адаптации к изменяющимся условиям внешнего мира.

При этом можно смело утверждать, что человек в рассмотренных утопичных моделях обладает в некоторой степени больше свободой, чем в модели Платона. Он может менять сферу труда и ремесло или выстраивать близкие отношения с другими людьми, если в нем обнаружатся соответствующие способности и это не повредит общему делу. Однако строгая регламентация всей экономической, социальной и личной жизни приводит к её унификации и механизации (у жителей одинаковые дома, одежда, предметы быта и роли в обществе). Схожие черты, например, Шпенглер, приписывал бездушной цивилизации, которая заменяет собой творческую духовную культуру и в конечном счете приводит к её гибели. При этом процесс унификации идет сверху, в качестве своеобразных директив, а не формируются снизу в ответ на демонстрацию средствами культуры приемлемого или желаемого образа жизни.

Культура как таковая не рассматривается авторами утопий ни как значимая часть духовной жизни человека, ни как отдельная сфера государственного интереса, она размывается в социальной и воспитательной сферах. Это может быть связано с недооценкой роли культуры в процветании справедливого государства, в развитии ценностно-смыслового ядра личности, в том числе включающего в себя ценности гражданственности, коллективизма, сострадания, взаимопомощи и пр.

Предложенные Томасом Мором и Томмазо Кампанеллой модели государств не смотря на их оторванность от реальной жизни, имеют много общего с современными представлениями или даже практиками (в части некоторых аспектов общественного уклада). Анализ государственной культурной политики в них носит очень условный характер, так как культура здесь является частью директивной системы управления личной и духовной жизнью человека, пусть и подчиненной целерацио-

нальным принципам общественного блага. Более поздние исследования скорее говорят о нежизнеспособности таких моделей, которые ограничивают творческую свободу человека, навязывают определенные модели поведения и жизненные устои, а не прибегают к так называемой «мягкой силе», демонстрируя лучшее и желаемое, но оставляя осознанный выбор за самим человеком, так как именно осознанность в вопросах ценностей является ключевым фактором их принятия.

Литература:

1. Классическая утопия: [сборник: переводы]/Т. Мор, Т. Кампанелла, Ф. Бэкон, С. Де Бержерак. – М.: АСТ, 2021. – 448 с.
2. Культурная политика. Круглый стол ЮНЕСКО. Монако, 1967 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://unesdoc.unesco.org/images/0000/000011/001173eo.pdf>.
3. Осиновский И.Н. Томас Мор [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://biography.wikireading.ru/51633>
4. Трубецкая А.Ю. Государственная культурная политика в идеальном государстве Платона // Социально-гуманитарные знания. – № 3, 2021. – С. 88-95

TRUBETSKAYA A. Yu.

Assistant Professor of the Chair of Social and Humanitarian Disciplines and History of Law of Moscow Metropolitan Governance Yury Luzhkov University, PhD in Philosophy

State cultural policy in ideal state concepts of Thomas More and Tommaso Campanella

The article attempts to theoretically model the state cultural policy in the utopias of Thomas More and Tommaso Campanella. The space of values and goals, as well as mechanisms for the implementation of cultural policy, reflected in the «Utopia» and «City of the Sun» are considered. The key characteristics of the states themselves and the role of culture in them are compared with Plato's model of the ideal state.

Keywords: *cultural policy, state, utopia, Thomas More, Tommaso Campanella, society.*

Literature:

1. Classical utopia: [collection: translations] / T. More, T. Campanella, F. Bacon, S. De Bergerac. - M.: AST, 2021. - 448 p.
2. Cultural policy: a preliminary study. Round-table Meeting on Cultural Policies, Monte Carlo, Monaco, 1967 [Electronic resource] - Access mode: <http://unesdoc.unesco.org/images/0000/000011/001173eo.pdf>.
3. Osinovsky I.N. Thomas More [Electronic resource]. - Access mode: <https://biography.wikireading.ru/51633>
4. Trubetskaya A.Yu. State cultural policy in plato's ideal state concept // // Social and humanitarian knowledge. - No. 3, 2021. - P. 88-95.

РАДЖАБОВ Осман Раджабович
доктор философских наук, профессор,
зав.кафедрой философии и истории
ДагГАУ им. М.М. Джамбулатова
E-mail: filek08@rambler.ru

РАДЖАБОВ Раджаб Османович
старший преподаватель кафедры уголовного
процесса и криминалистики ДГУ

Противодействие распространению религиозно- политической идеологии среди молодежи

В статье анализируется проблема распространения идеологии экстремизма и терроризма в молодежной среде. Авторы приводят основные воспитательные методы и формы деятельности, направленные на предупреждение и профилактику экстремизма среди молодежи.

Ключевые слова: *молодежь, экстремизм, терроризм, религия, идеология.*

В современных условиях проблема распространения идеологии экстремизма и терроризма среди молодежи признается не только в России, но и в других странах мира. Молодежная среда в силу своих социальных характеристик и остроты восприятия окружающего мира является той частью общества, в которую легко проникают радикальные взгляды и протесты, где умеренно происходят накопление и реализация негативного протестного потенциала, поэтому молодежь часто становятся мишенью экстремистских организаций. Пользуясь отсутствием у молодежи соответствующих знаний и опыта, а также данными о психологических и возрастных особенностях развития данной социально-демографической

группы, многие различного рода деятели и политехнологи, применяя манипулятивные технологии, активно вовлекают молодых людей в экстремистские организации и деятельность, используя их в своих эгоистических целях [3].

Доступность разнообразной информации в Интернете для подростков и молодежи позволяет беспрепятственно донести до них идеи религиозно-политического экстремизма, терроризма и национализма, отрицающих основные постулаты морали и нравственности. Рост экстремистских проявлений в молодежной среде происходит вследствие деформации и разрушения духовно-нравственной культуры.

Молодежь является одной из наиболее уязвимых для экстремизма социальных групп. Широкое распространение экстремизма среди молодежи свидетельствует о недостаточной социальной адаптации молодежи, о развитии асоциальных установок ее сознания, что становится причиной ее противоправного поведения.

Опасность экстремизма заключается, во-первых, в том, что он связан с проявлением крайних взглядов, непосредственно связанных с насилием или призывами к насилию в отношении личности, общества или государства, а во-вторых, в отсутствии понимания разницы между свободным изложением собственного мнения и сущностью экстремизма. В молодежной среде экстремизм проявляется в деформации сознания, увлеченности националистической, неонацистской идеологией, нетрадиционными религиозными доктринами, участии в деятельности радикальных движений и групп, совершении противоправных действий в связи со своими убеждениями [1].

В связи с трансформацией современных обществ остро встал вопрос об осознании идентичности, интеграции и дезинтеграции, сплоченности и системы ценностей. Особенно актуальными являются вопросы гражданской и этнокультурной идентичности для полиэтничных и многоконфессиональных регионов Северного Кавказа. Среди республик Северного Кавказа особое место занимает Дагестан, который расположен в геополитически важном регионе. При соответствующих условиях он может быть использован как детонатор для дестабилизации общественно-политической ситуации в этом регионе. При определенных условиях геополитические конкуренты России непременно воспользуются ситуацией и попытаются использовать дагестанские национальные проблемы в целях вытеснения России из Кавказского региона.

Социально-экономическое положение Республики Дагестан в целом остается сложным. Проблемы безработицы и сильное социальное расслоение негативно проявляются во всех сферах жизнедеятельности дагестанского общества, особенно молодежи. Принадлежность к той или иной социальной группе практически всецело определяет для молодежи жизненные перспективы и возможности реализовать себя. Высокий статус и неограниченные материальные, социальные и образовательные возможности так называемой «золотой молодежи» отражают особое положение в обществе их родителей, принадлежащих к местной элите. С другой стороны, в республике у части молодежи в силу бедности и низкого социального статуса родителей скудные жизненные перспективы. «Эта часть молодежи, являясь самой незащищенной частью общества, постепенно превращается в мощный ресурс экстремистской деятельности, ведь именно молодежь обладает наибольшей социальной энергией, потенциалом разрушительных протестных действий. Значительная часть этой «второсортной» молодежи, не занятая ничем, не востребованная обществом, деградирует, осваивая все новые формы экстремистского поведения» [2].

При отсутствии молодежной политики государства молодежь оказалась предоставлена сама себе, и «заботу» об этих людях сразу взяли на себя некоторые радикальные религиозные организации, этнические движения, криминальные структуры, которые доходчиво объясняют молодежи, что во всех их бедах виновны отступники от истинной веры, представители других национальностей, пророссийская власть и т. п. Принятые в среде организованной преступности социокультурные ориентиры приобретают ценностное значение в молодежной среде.

Политический экстремизм и его террористическое подполье в Дагестане характерен для молодежной среды. Число выпускников общеобразовательных школ, которые после окончания школы не находят себе применения, то есть не работают и не продолжают учебу, постоянно растет. Все чаще в молодежной среде наблюдаются аномалии норм жизни – наркомания, экстремизм и аморальный образ жизни. Такое положение без адекватной системы мер социальной помощи, несомненно, будет способствовать росту экстремистских настроений в молодежной среде.

Анализ причин распространения идей религиозно-политического экстремизма в Дагестане позволил выявить факторы,

обусловившие его распространение среди молодежи. Под влиянием этих идей около 1000 выходцев из Дагестана поехали воевать в Сирию на стороне международной террористической группировки «Исламское государство» (запрещена в России).

Дело в том, что экстремистская доктрина рациональна, доступна, обладает четкой внутренней логикой; буквально следуя ряду положений Корана, Сунны, создавая модель «чистого, первоначального ислама». «Ваххабитская идеология способна транслировать протест против традиционных форм социальной организации общества, выводить индивида из системы семейно-клановых, патриархально-традиционных, национальных связей, мобилизовать отдельные социальные группы, ваххабитские общины, выступающие нередко как организованная, вооруженная сила, способные обеспечивать своим членам чувство социальной защищенности, реальную защиту в условиях разгула преступности; привлекательна идея модели социальной организации в виде мини-общин, имеющих социально-политический, конфессиональный иммунитет от внешних воздействий» [4].

Эта идеология проповедует идеи равенства верующих перед Аллахом, сочетая их с призывом к социальному равенству и справедливости, к новому «исламскому порядку», тогда как традиционалисты, тарикатисты, несмотря на их аналогичные призывы к шариатскому устройству общества, воспринимаются как часть «старого порядка».

В психологическом плане молодежный возраст характеризуется развитием самосознания, обострением чувства справедливости, отрицанием авторитета взрослых, поиском смысла и ценности жизни. Именно в это время каждый желает найти свою группу единомышленников, ищет собственную идентичность. Также этому возрасту присущи романтические устремления, неустойчивая психика, молодежь легко подвержена внушению и манипулированию. «Молодежь, поскольку она находится в процессе социально-психологического, мировоззренческого становления, в большей степени, чем другие возрастные группы, подвержена различным чувственно-эмоциональным, субкультурным, информационным влияниям, более непосредственно и активно реагирует на них, что способствует поддержанию высокого уровня, непредсказуемости ее социальной мотивации, подвижности ценностных ориентаций» [5].

Поиск идентичности, попытка закрепится в жизни порождают неуверенность, желание сформировать круг близких по духу людей, найти виновных за все беды и неудачи. Таким кругом вполне могут стать экстремистская субкультура, неформальное объединение, политическая радикальная организация.

В таких условиях требуется комплексный подход к осуществлению противодействия религиозно-политическому экстремизму и терроризму, который включал бы в себя меры регулирующего, запрещающего и профилактического характера. Для предотвращения негативных последствий распространения религиозно-политического экстремизма необходимо не только выработать программы контрдействий, но и научиться переводить протестную энергию молодежи в позитивное русло.

Поэтому важно формировать культуру толерантного взаимодействия дагестанской молодежи, разделенной на множество социальных групп. Это и уважительное отношение к представителям различных социально-этнических, конфессиональных, региональных сообществ, и признание их прав, интересов, культуры, традиций, языка, истории. Необходимо возрождать традиционно-народные педагогические методов обучения и воспитания, уважительное отношение к культуре, истории (своего народа, народов страны в целом), правам, традициям, осознание принадлежности к общероссийской нации, единому государству. Все это формируется на основе познания и признания культуры своего народа.

В профилактике религиозного экстремизма нужно обращаться к культурно-нравственным ценностям традиционных религий, использовать опыт традиционных исламских механизмов социальной регуляции, бороться с преступностью, наркоманией и оказывать помощь незащищенным слоям населения.

Важнейшая роль в противодействии экстремизму и терроризму принадлежит системе школьного и вузовского образования, которое должно опережать активную экстремистскую пропаганду, противостоять ей знаниями, установками, системой духовных ценностей. Более того, молодежь надо готовить к возможным диверсиям со стороны экстремистов, объяснять их сущность, цели, методы и формы воздействия экстремистской пропаганды. Это возможно только на основе преподавания специальных курсов по проблеме религиозно-политического экстремизма среди молодежи.

Таким образом, экстремизм в молодежной среде можно рассматривать как неадекватный способ разрешения социально-политических противоречий некоторой части молодежи в области классовых, межэтнических, религиозных и иных социальных отношений. Профилактика молодежного экстремизма становится основным методом борьбы с распространением идеологии экстремизма, так, как только воспитательные, пропагандистские меры, направленные на предупреждение экстремистской деятельности, способны дать наилучшие результаты. В качестве основных методов профилактики экстремизма в молодежной среде можно предложить следующее:

- организация работы по профилактике экстремизма в образовательной организации, как и любая профилактическая работа, в школе, в вузе должна начинаться с анализа исходной ситуации. Для этого проводят социологические исследования, анкетирование, интервьюирование, опросы учащихся и студентов с целью выяснения наличия либо отсутствия проблемы, ее глубины, актуальности для конкретной аудитории, осведомленности всех участников образовательного сообщества по данной проблеме и т. п.;

- преподавание специальных курсов: мировая религия, религиоведение, религиозно-политический экстремизм для старшеклассников и студентов вузов с целью духовно-нравственного воспитания и формирования толерантности молодежи;

- разработка памятки с разъяснениями юристов, психологов, социальных педагогов, сотрудников правоохранительных органов;

- активная пропаганда духовно-нравственных традиций Дагестана и северокавказских народов – веротерпимости, взаимовыручки, ответственного отношения за судьбу будущих поколений;

- необходимо усилить пропаганду традиционного ислама, дискредитировать религиозный экстремизм через средства массовой информации, организовать контроль над деятельностью религиозных учебных заведений не только со стороны правоохранительных органов, но и со стороны органов власти и управления, общественно-политических, религиозных организаций и системы школьного и вузовского образования.

Важно донести до широких масс идеи, принципы истинной веры, пресекать распространение религиозно-экстремистской литературы. В Дагестане функционирует более 75% (17 вузов,

16 филиалов и около 300 медресе) от всех исламских учебных заведений, действующих на территории Российской Федерации. В этих исламских учебных заведениях необходимо систематически проводить профилактическую работу по разоблачению идеологии ваххабизма, экстремизма и терроризма.

Литература

1. Дибиров А.-Н. З. Дагестанцы кто мы? – Махачкала 2006. – С. 87
2. Довгялов В.К. Профилактика экстремизма в молодежной среде // Вестник ПГГПУ. Серия № 3: Гуманитарные и общественные науки. 2018.
3. С.О.Елишев. Молодежь как объект социализации и манипуляций. Изд.Канон+, РООИ «Реабилитация», Москва, 2015.
4. Саидов А.А. Молодежный экстремизм в Дагестане: причины и факторы противодействия // Полиэтническое общество, власть и демократия в России. Сб. ст. – Москва–Махачкала. 2012. – 557 с.
5. Ханбабаев К.М. Молодежь Дагестана в зоне внимания религиозно-политического экстремизма // Молодежь и культура. Материалы межвузовской научно-практической конференции. – Махачкала. 2019. – С. 211.

RADJABOV O.R.
*Doctor of Philosophy, Professor,
Head of the Department of Philosophy and
History DagGAU named after
M.M. Dzhambulatov;*

RAJABOV R.O.
*Senior Lecturer of the Department of Criminal
Law DGU Process and criminalistics*

Opposition to religious and political ideology among youth

The article analyzes the problem of spreading the ideology of extremism and terrorism among young people. The article presents the main propagandistic educational methods and forms aimed at preventing and preventing extremist activities of young people.

Keywords: *youth, extremism, terrorism, religion, ideology.*

Literature

1. Dibirow A.-N. Z. Dagestanis who are we? – Makhachkala 2006. – p. 87
2. Dovgyalo V.K. Prevention of extremism in the youth environment // Vestnik PGGPU. Series No. 3: Humanities and Social Sciences. 2018.
3. S.O.Elishev. Youth as an object of socialization and manipulation. Ed. Canon+, ROOI "Rehabilitation", Moscow, 2015.
4. Saidov A.A. Youth extremism in Dagestan: causes and factors of counteraction // Polyethnic society, power and democracy in Russia. Sat. art. – Moscow–Makhachkala. 2012. – 557 p.
5. Khanbabaev K.M. Youth of Dagestan in the zone of attention of religious and political extremism // Youth and culture. Materials of the interuniversity scientific and practical conference. – Makhachkala. 2019. – p. 211.

ХАНОВА Руфина Вильсоновна
кандидат философских наук, доцент
кафедры философии и культурологии
ФГБОУ ВО Башкирского государственного
университета
E-mail: khanova.r@bk.ru

Религия как социокультурное явление

В статье рассматриваются вопросы религии в современном мире, анализируется ее культурная и социальная значимость. Религия рассматривается как важнейший носитель общечеловеческой культурной ценности, как неотъемлемая часть культуры, выполняющая человекотворческую и культуросозидательную роль. Отмечается взаимосвязь религиозной и светской культур, объединяющих ценности культуры как таковой.

Ключевые слова: религия, культура, человек, общество, духовность, ценности, светскость.

В условиях современных социальных реалий религия рассматривается как неотъемлемая часть культуры, выполняющая человекотворческую и культуросозидательную роль. Религия как социокультурная система взаимодействует с обществом, культурой и человеком. Религия одновременно является социальным, культурным и духовным феноменом.

Религия как система верований и практических действий объединяет людей в единую социальную, культурную и духовную общность. Религия как социокультурное явление означает чувство социальной связанности, зависимости и долженствования по отношению к некоей таинственной, непостижимой силе, дающей опору и достойной поклонения. Человек связан с пониманием религии как сущностной силы, связанной с экзистенциальной решимостью человека. Религия – система верований, ценностей, поведенческих образцов, идеалов, способствующих осмыслению людьми мира и созидательной деятельности в нём, которая формирует духовное измерение и духовное пространство этого мира, задает контекст высшего смысла.

Религия как социокультурное явление неотделима от истории каждого человека и всего человечества. В любой культуре религия предстает «наиболее важным связующими узлами человечества» (Ф. Бэкон), обеспечивая не только связь человека с духовным Абсолютом, но и людей друг с другом. В основе религии всегда лежит духовный опыт, духовное чувство единения с Богом, Космосом, духовным миром. И чем глубже этот опыт, тем глубже духовная трансформация человека, единение его с Богом и миром на основе любви.

Религиозный Абсолют означает своего рода «якорь» мироздания, придающий ему устойчивость. Античная философия содержит рассуждения о таком «первоединстве», которое превышает все сущее [2, с. 386]. Таким образом, кроме сущего, существующего постулируется некое сверхсущее. Это сверхсущее есть всеобщий носитель существующего, без которого чувственно-материальный космос античности распался бы на отдельные части [2, с. 386-387]. Другой социокультурный смысл религиозного Абсолюта состоит в том, что только имея трансцендентный Абсолют, а значит, и уверенность в том, что мир – это далеко не бессмысленный хаос, а наше универсальное «Я», можно надеяться на какой-либо вариант личного духовного бессмертия.

Так, проблема выдвигания религиозного Абсолюта заключается в экзистенциальных потребностях человека: иметь уверенность в осмысленности и устойчивости социокультурного Космоса и вместе с ними и надежду на возможное духовное бессмертие.

Проблема религии, анализируемая в философском аспекте, предстает как проблема социальная и мировоззренческая. Специфические черты различных религий должны осмысливаться с учетом мифологических, исторических, социокультурных, психологических особенностей людей, исповедующих религию. Данные особенности обнаруживаются в различных представлениях о Божестве, ценности которого постулируется с помощью догматов в вере.

В научной литературе существует многообразие определений религии. «Религия становится частью культурного универсума и синтезирует внутри себя определенные явления других областей культурной жизни» [5, с. 42]. Большинство исследователей полагает, что значение термина «религия» происходит от двух взаимосвязанных латинских слов: 1) «religio», что значит «святыня, культ», в этом смысле религия – это набожность, предмет культа; 2) «religare» – «связывать,

объединять», здесь религия определяется как связь человека и Бога, Абсолюта, Космоса, Трансцендентного, а в более широком смысле – связь мира земного и космического как диалектического синтеза ограниченного и безграничного, материального и духовного, временного и вечного, смертного и бессмертного, мира преходящего и мира вечного.

«Религия не просто вид каких-то связей, взаимоотношений и действий людей, некоторое функционирующее образование, форма общественного или индивидуального сознания, она есть одна из сфер духовной жизни общества, групп, индивида, способ практически-духовного освоения мира, одна из областей духовного производства» [1, с. 175]. В таком качестве религия представляет собой:

- 1) способ выражения и преодоления человеческого самоотчуждения;
- 2) отражение действительности;
- 3) общественную подсистему;
- 4) феномен культуры.

Религиозная культура – одна из разновидностей духовной культуры человечества, совокупность ценностей, норм, идеалов, образов и значений, характеризующих каждую из мировых религий. Создание социокультурного пространства в религии сопровождается сосредоточением человека на решении духовных проблем и утверждении духовности, что является важным фактором развития и других форм культуры.

Исследователи различают различные ступени развития религии. Так, можно различать период «естественной» религии (человек находит своих богов в природных силах); период господства «религии закона» (человек здесь исходит из представления о всемогущем «Боге–Господине»); период возвышения «религии закона» до религии как чистой морали; период «религии искупления», возникающий из ощущения греховности, которое не проходит даже при великих нравственных устремлениях [4, с. 570].

Религия как социокультурный феномен, т.е. как духовное явление, связанное с сущностными силами человека, находится в процессе неуклонного развития. Религия означает постоянную борьбу с мировым уравниванием, борьбу Логоса и Хаоса и выступает как ресурс духовно-нравственного преобразования человека (на данный момент указывают С.Н. Булгаков, П.А. Флоренский). Так, художник, выступая в качестве субъекта культуры, совершает религиозный подвиг, так как творит новую

одухотворенную действительность. Только в храме, в церковном искусстве, полагает Флоренский, раскрывается подлинный смысл культуры. Лишь в духовном пространстве, где осуществляется возможность приобщения к собственным духовным и культурным традициям, возникает стремление к синтезу философских, эстетических, художественных, религиозных начал культурной деятельности [6, с. 215].

Религия «работает» в породившей, окружающей и испытывающей ее воздействию социокультурной среде, т.е. выполняет определенные функции. Васильев Л.С. в качестве основных функций религии выделяет компенсирующую, интегрирующую, регулирующие-контролирующую, экзистенциальную и политическую, а по мнению Яблокова И.Н., наиболее существенные – мировоззренческая, компенсаторная, коммуникативная, регулятивная, интегрирующее-дезинтегрирующая, культуротранслирующая функции.

Критерий оценки роли религии в обществе зависит от того, способствует ли религия общественному прогрессу или препятствует ему. Религии «в своей истории оказывали на людей не только освобождающее, гуманное, прогрессивное воздействие, но также и регрессивное, подавляющее, реакционное воздействие. Этот идейный трагизм присущ истории любой религии» [4, с. 570].

Взаимосвязь религии и общества сегодня имеют взаимопроникающий характер. С одной стороны, наблюдается процесс секуляризации духовной жизни, поворот к светским ценностям, а с другой – рост популярности религиозных ценностей в обществе. Религиозная мораль, религиозное искусство, религиозная философия оказывают влияние на нерелигиозную, светскую культуру. Религиозная и светская культуры имеют не только различные, но и общие ценности, ценности культуры как таковой.

Непреодолимое значение мировых религий заключено в том, что они выработали «многие из тех вечных человеческих ценностей, роль которых судьбах рода человеческого непрерывно возрастает» [3, с. 28]. Эти вечные человеческие ценности призывают к миру и согласию, что способствует проявлению взаимопонимания и терпимости по отношению и к верующим, и к неверующим, а среди верующих – к последователям разных религий. Сегодня необходимо обращение к общечеловеческим ценностям и идеалам, ориентированным на диалог различных культур и религий.

Литература

1. Введение в общее религиоведение / Под ред. проф. И.Н. Яблокова. М., 2001.
2. Посев А.Ф. История античной эстетики (итоги тысячелетнего развития). Кн. 1-2. Т.1. М., 1992 – 1993.
3. Моисеев Н.Н. Универсальный эволюционизм // Вопросы философии, 1991. №3.
4. Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. Минск, 1998.
5. Самыгин С.И., Нечипуренко В.И., Полонская И.Н. Религиоведение: социология и психология религии. Ростов н/Д., 2006.
6. Шелепанова Т.В. Культурологические идеи в русской религиозной философии // Человек – Философия – Гуманизм. В 7 т. Т.6. СПб., 1997.

KHANOVA R.V.

***PhD in Philosophy, Associate Professor at the
Department of Philosophy and Cultural Studies
Bashkir state University***

Religion as a socio-cultural phenomenon

The article analyzes religion as a socio-cultural phenomenon, i.e. as a spiritual, social and cultural phenomenon. Religion is considered as the most important carrier of universal cultural value, as an integral part of culture, performing a human-making and culture-creating role. The interpenetrating nature of religion and culture is noted.

Keywords: religion, culture, man, society, spirituality, values, secularism.

Literature

1. Introduction to General religious studies / Edited by prof. I.N. Yablokov. M., 2001.
2. Losev A.F. History of ancient aesthetics (results of millennial development). Books 1-2. Vol.1. M., 1992 – 1993.
3. Moiseev N.N. Universal evolutionism // Questions of Philosophy, 1991. No.3.
4. The newest Philosophical Dictionary / Comp. A.A. Gritsanov. Minsk, 1998.
5. Samygin S. I., Nechipurenko V. I., Polonskaya I. N. Religious studies: sociology and psychology of religion. Rostov N./D., 2006.
6. Shelepanova T.V. Culturological ideas in Russian religious philosophy // Man – Philosophy – Humanism. In 7 vols. 6. St. Petersburg, 1997.

ЧЕРНИКОВА Татьяна Альбертовна
*кандидат педагогических наук, доцент кафедры
педагогики, психологии и социальной работы,
Бирский филиал Башкирского государственного
университета*

E-mail: chernikova_ta@rambler.ru

ШАЙДУКОВА Лиана Димовна
*кандидат социологических наук, доцент кафедры
педагогики, психологии и социальной работы,
Бирский филиал Башкирского государственного
университета*

E-mail: lianagulina@mail.ru

ЮРИЧКА Алексей Юрьевич
*кандидат педагогических наук, доцент кафедры
педагогики, психологии и социальной работы,
Бирский филиал Башкирского государственного
университета*

E-mail: yurichka13121976@gmail.com

Дистанционное обучение в системе высшего образования: положительные и отрицательные аспекты

В статье раскрыты особенности дистанционного обучения в системе высшего образования. Проведен анализ положительных и отрицательных сторон дистанционного формата обучения. Авторы конкретизировали возникающие трудности использования дистанционных технологий обучения в вузе. Основной акцент сделан на особенностях и условиях организации учебного процесса в дистанционном режиме. Эмпирическую базу исследования составили результаты опроса студентов Бирского филиала Башкирского государственного университета по поводу

применения дистанционных форм обучения в высших учебных заведениях. Результаты проведенного исследования определили наиболее актуальные критерии, которые могли бы способствовать успешному внедрению форм дистанционного обучения в системе высшего образования.

Ключевые слова: дистанционное обучение, система высшего образования, смешанные дистанционные образовательные технологии, организационные формы дистанционного обучения, цифровизация.

Образовательная ситуация в мире характеризуется тенденцией перехода от традиционного обучения к инновационному, которое связано с использованием возможностей компьютерных технологий и интернет-ресурсов. Образовательный процесс в высшем учебном заведении уже нельзя представить без применения дистанционных технологий, которые рассматриваются как одна из инновационных форм организации обучения. В последнее время система дистанционного обучения стало приобретать большую популярность, являясь одним из динамичных и трендовых направлений в системе высшего образования. Тем не менее, вопрос о его положительных и отрицательных аспектах продолжает обсуждаться наряду с рассмотрением способов повышения его эффективности.

В научной литературе анализируются различные проблемы организации дистанционного обучения: особенности организации и его эффективности; формы, технологии, модели, инструменты, программные средства реализации; недостатки и проблемы дистанционного обучения, сравнение его с традиционным обучением; перспективы развития дистанционного обучения; качества человеческого капитала, формируемого в процессе дистанционного обучения; роль информационно-коммуникационных технологий в образовании.

Определений понятий «дистанционное обучение», «дистанционное образование» предлагается достаточно много. Одно из них формулирует Андреев А.А., которое с нашей точки зрения достаточно емко раскрывает его сущность, отражая его основные характеристики: «Дистанционное образование является синтетической, интегральной гуманистической формой обучения, которая строится на использовании широкого спектра традиционных и новых информационных технологий и их технических средств, которые используются для доставки учебного материала, его самостоятельного изучения, диалогового обмена между преподавателем и обучающимся,

причём процесс обучения в общем случае не критичен к их расположению в пространстве и во времени, а также к конкретному образовательному учреждению» [3, с. 16].

Характеристика данного понятия представлены также в нормативных документах. Согласно статье 16 Федерального закона № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» под дистанционными образовательными технологиями понимаются технологии, реализуемые в основном с применением информационно-телекоммуникационных сетей при опосредованном (на расстоянии) взаимодействии обучающихся и педагогических работников [18].

Сегодня в образовании предпринимаются попытки активно внедрения технологий искусственного интеллекта, использования цифровых платформ, применения в образовательных процессах возможностей глобальных сетевых коммуникаций и др. И все это в условиях развития технологического прогресса приводит к тому, что «информатизация образования полностью влияет на изменение его приоритетов: уточняются цели образования, трансформируется его содержание, изменяется деятельность обучающего и обучающегося, формируется новая информационная культура личности» [11, с. 86].

Перспективы развития дистанционного обучения в системе высшего образования в современных условиях связывают с цифровизацией, цифровой трансформацией общества. Понятием «цифровизация» можно обозначить общее направление или тренд преобразований в разных сферах, в которых применимы цифровые технологии. Осипова Н.Г. характеризует понятие «цифровое» как «то, что жизнь современного человека, его социальные взаимодействия, культурные смыслы и значения, которыми они наполнены, определяются возможностями, предоставляемыми новейшими цифровыми коммуникативными технологиями» [9, с. 57].

Новые социальные процессы, вызовы обществу, в том числе период пандемии, способствовали актуализации самоорганизованности работника в условиях дистанционной работы. В связи с этим, ряд работодателей, реагируют на запрос сотрудников, о возможности трудовой деятельности в режиме удаленной работы [7, с. 159-160].

В то же время, стоит отметить, что дистанционный формат обучения позволяет студентам практически формировать компетенции, которые могут оказаться необходимы в будущей профессиональной деятельности в условиях удаленного режима работы.

По мере вхождения в дистанционное обучение выяснилось, что данная система является не только более многогранной, но и более трудоемкой, так как сопровождается рядом технических проблем. Она отличается своеобразием специфики подачи материала, выбором методов обучения, способов контроля обучающихся. При этом некоторые вопросы в таком обучении решаются даже более успешно, например, индивидуализация обучения.

Дистанционное обучение, при использовании возможностей предлагаемых современными системами, специально разработанными для него, может содействовать активному включению студента в учебный процесс, и, в то же время, управлять этим процессом. Оно предполагает подготовку учебной программы таким образом, что обучающийся в большей степени будет самостоятельно осваивать учебный материал. Однако обучающийся не остается «один на один» со всем предлагаемым ему объемом учебного материала, интерактивные информационные технологии, используемые в системе дистанционного обучения, обеспечивают обратную связь и поддержку со стороны учебного заведения, преподавателей.

Одной из проблем дальнейшего развития дистанционной формы обучения является необходимость внедрения новых технологий обучения, которые будут соответствовать требованиям телекоммуникационной среды общения. При этом стоит учесть, что обучающиеся остаются просто потребителями информации, а вынуждены самостоятельно получать знания и формировать определенные умения. Поэтому эффективность интерактивных курсов в системе дистанционного обучения будет зависеть во многом от того, насколько глубоко обозначены цели обучения, определены дидактические возможности новых цифровых технологий, раскрыта их применимость к конкретным дисциплинам, сформулированы задачи самостоятельной работы студентов, корректировки критериев обученности.

Большинство исследователей, анализируя теорию и практику дистанционного обучения, отмечают следующие его положительные особенности:

- обучающиеся занимаются в удобном для себя темпе;
- дистанционный формат организует процесс самообучения эффективным для обучающегося;
- мобильность в процессе установления связи между преподавателем и обучающимися;

- использование новых достижений информационных и телекоммуникационных технологий.

В качестве достоинств также рассматриваются следующие: полиаспектность дистанционного обучения, что позволяет обучающимся самостоятельно планировать учебный процесс, распоряжаться собственным временем, выбирать наиболее оптимальные режимы обучения, экономить время на передвижениях, облегчает доступ к информации, делает возможность получения знаний более доступным [10, с. 402]. Еще одним достоинством является то, что дистанционное обучение решает проблемы работающих студентов [16, с. 46]. У них является возможность обучаться в удобное для них время.

Исследователи выделяют и явные отрицательные аспекты дистанционного обучения: отсутствие личного общения «лицом к лицу» между обучающимися и преподавателем; важность самодисциплины, сознательности со стороны обучающегося, которые напрямую влияют на результаты обучения; необходимость доступа к образовательной платформе вуза с любого электронного устройства, требующая наличие электронного оборудования и навыков работы с ними у обучающегося и преподавателя; невозможность постоянного контроля обучающихся и другие.

Панюкова С.В., Сергеева В.С. выделяют еще такие недостатки: зависимость от технических средств, обязательное владение навыками работы с данными средствами, недостаточный уровень компьютерной грамотности как преподавателей, так и обучающихся и т.п. [12, с. 74-76].

К проблемам реализации дистанционного обучения также добавляются следующие: отсутствие грамотного подхода в системе администрирования учебного процесса, невозможность внедрения всех педагогических приемов в процессе дистанционного обучения и др. Немаловажным является тот аспект, что студенты не могут в полной мере восполнить дефицит общения между собой, с преподавателями [19, с. 190-192].

Близкую позицию высказывают и Маслова М.А., Лагуткина Т.В. Люди не могут длительное время находиться без живого общения, дружбы. Межличностное взаимодействие – это важная сторона социальной жизни. В то же время, дистанционная форма обучения напрямую может нанести серьезный вред здоровью обучающихся и преподавателей: малоподвижный образ жизни, нагрузка на глаза из-за работы с компьютером. Кроме того, не все студенты являются уверенными пользо-

вателями ПК, т.к. не владеют необходимыми навыками в работе с наиболее продвинутым программным обеспечением, которое может использовать вуз. Существует опасность потери учебных материалов из-за сбоев в работе компьютера или интернет-связи [8, с. 54].

Трудности, с которыми сталкиваются студенты в условиях дистанционного обучения, по мнению Алешковского И.А., Гаспаришвили А.Т. можно распределить в две группы: 1) проблемы технического характера (скорость интернета и качество связи) и отсутствие необходимой оборудования; 2) личные проблемы: мотивация, самоорганизация, самодисциплина. Далеко не каждый студент может самостоятельно организовать себя, своё рабочее время для прохождения регулярного обучения. Отсутствие уверенной личной мотивации повлияет на качество образования, а возможно, станет причиной, по которой его не удастся завершить. При разработке дистанционных учебных курсов, стоит учитывать эти особенности [2, с. 106].

Ряд авторов указывают выделяют определенные ограничения дистанционного обучения, которые можно классифицировать в три группы сложности [4, с. 282-285].

В первую группу входят технические ограничения, связанные с 1) отвлекающими факторами, таковыми могут быть чат, слабое интернет-соединение; 2) отсутствие необходимого электронного оборудования необходимого для организации дистанционного формата обучения как у студентов, так и у преподавателей; 3) невозможность полноценного оперативного он-лайн – консультирования для решения возникающих проблем в процессе работы над учебными заданиями.

Во вторую группу входят ограничения, которые приводят к тому, что отсутствует возможность формирования здоровой студенческой социальной среды в связи с невозможностью установления личных контактов, общения, создания рабочей атмосферы, невозможности сформировать у них важных навыков, в том числе, навыков работы в команде. Также сюда можно отнести сложности, связанные с сужением круга общения студентов.

Третья группа – это ограничения дистанционного обучения, которые напрямую влияют на процесс преподавания: 1) невозможность использования многих приемов ораторского искусства для привлечения внимания аудитории; 2) неактивность студентов на занятиях; 3) несформированность навыков самостоятельной работы у обучающихся, навыков исследовательской, поисковой деятельности; 4) невозможность

контроля самостоятельности выполнения индивидуальных заданий обучающимися; 5) трудность использования компьютерных технологий преподавателями старшего возраста в силу отсутствия у них необходимых навыков; 6) отсутствие возможности организации учебных, производственных и исследовательских практик, лабораторных занятий.

Большинство специалистов в области дистанционного обучения отмечают, что в любом случае, ничто не может полностью заменить живое общение с настоящим преподавателем и создать рабочую атмосферу, складывающуюся во время аудиторных занятий [15, с. 156].

В условиях цифрового формата обучения одна из существенных проблем заключается в том, что он не способствует получению обучающимися крайне необходимых навыков социального общения. Развитие информатизации в сфере образования и, соответственно, расширение практики использования в ней цифровых технологий, может приводить и к возрастанию влияния негативных аспектов киберпространства на социализацию молодых людей. Специалисты часто указывают и на то, что «внедрение цифровых технологий в современную жизнь и в систему образования, в частности, приводит к расколу между чувствами и мышлением, разумом и переживаниями, все большей рациональности и прагматичности людей. Технологические новшества способны снижать порог восприимчивости и чувствительности к другому человеку и, как следствие, формировать духовную пустоту людей» [17, с. 161-162].

В связи с этим цифровая образовательная среда в образовательных учреждениях не должна ограничиваться только технологическими составляющими, а должна включать в себя и гуманитарный, в том числе ценностно-смысловой компонент. Поэтому и сам по себе важный и полезный процесс информатизации российского образования должен быть дополнен усилением гуманитарных составляющих и расширением гуманитарного содержания существующих образовательных программ [1, с. 102-104].

Исходя из того, что имеются как положительные, так и отрицательные стороны в дистанционном формате обучения, многие сходятся в том, что оптимальным будет использование смешанного подхода в обучении. В настоящее время такой способ получает наибольшую популярность, соответствуя запросам современных вызовов и потребностям обучающихся. Обучение призвано стать гибким и иметь

возможность подстроиться под запросы и возможности обучающихся, что безусловно скажется на уровне мотивации изучения учебного материала.

Обучение, реализуемое в смешанном формате, требует принципиально иного подхода к организации учебного процесса, поэтому возникает необходимость в издании электронных учебных пособий и учебников, что вызывает необходимость формирования у студентов практических и теоретических знаний и навыков в использовании новых информационных технологий.

Важно отметить, что использование современных информационных технологий требует от преподавателей совершенно новых знаний и умений в области информационно-коммуникационных необходимых для успешной реализации дистанционного образовательного процесса [5].

Романов Е.В., Дроздова Т.В. к условиям применения дистанционных технологий обучения относят:

- формирование у обучающихся системообразующего умения, включающего в себя умения учиться, самостоятельно «добывать» новые знания;

- наличие преподавателя, владеющего необходимыми цифровыми компетенциями и навыками;

- наличие необходимого технического оборудования, необходимого для разработки дистанционных учебных курсов [14].

Рапацкая Л.А., Снетков В.И. считают, что в процессе дистанционного обучения все ранее подготовленные конспекты для аудиторных занятий требуют радикальных мер по переосмыслению и переформатированию не только относительно формы подачи материала, его разнообразия, дозированного подбора, но и по задействованию всех возможностей Moodle. Цель в данном случае – мотивировать каждого студента выполнять работу самостоятельно, сократив до минимума возможности заимствования. Все представленные темы должны заключаться выводами и контрольными вопросами, не повторяющимися при окончательном тестировании [13, с. 500-504].

Громова Т.В. отмечают, что преподаватель в системе дистанционного обучения наделяется новыми функциональными ролями (тьютор, автор курсов, консультант, мотиватор), которые значительно отличаются от традиционной роли: простой передачи готовых знаний студентам к сопровождению их самостоятельной деятельности [6, с. 209].

С целью определения мнения обучающихся о переходе на дистанционный формат обучения в вузе, вызванный в

связи с необходимостью соблюдения изоляционных мер в период предупреждения распространения коронавирусной инфекции, был проведен социологический опрос студентов Бирского филиала Башкирского государственного университета. В опросе приняли участие 320 студентов очной формы обучения. Результаты опроса показали, что в 58,8% респондентов смогли достаточно быстро адаптироваться к дистанционному формату обучения. Это, безусловно связано с тем, что ряд студентов столкнулся с определенными трудностями, среди которых ими выделены: сложность выполнения практических заданий (32,4%), большой объем задаваемого материала (55,9%), недостаточно очных дискуссий с преподавателем (32,4%), сложность в самостоятельном изучении материала (20,6%), недостаточное владение компьютерными технологиями (17,6%). Все эти трудности, которые возникали у обучающихся напрямую влияли и на то, насколько повысилась их мотивация в обучению в рамках дистанционной формы. Меньше половины опрошенных (44,1%) ответили, что мотивация увеличилась, у 23,5% респондентов мотивация уменьшилась, у 32,4% – не изменилась. Однако это не повлияло в целом на удовлетворенность студентами процессом обучения в дистанционном режиме. Из опрошенных лишь 5,9% ответили, что не удовлетворены, в то же время, дистанционный формат большинству обучающихся понравился. Из положительных сторон обучения в дистанционном режиме ими отмечены: низкий риск заражения инфекцией (47,1% опрошенных), самообучение (41,2%), обучение в комфортной и привычной обстановке (73,5%), индивидуальный темп обучения (41,2%), использование современных технологий обучения (38,2%), возможность повторно воспользоваться учебным материалом, видеолекциями (50%), возможность совмещать работу с учебой (44,1%). В связи с тем, что столь положительно оценен студентами дистанционный формат обучения, большинство из них согласны перейти на смешанный формат обучения (обучение с применением дистанционных технологий), таковых 58,8% опрошенных. Думается, что немаловажную роль на мнение студентов сыграл и сам процесс организации дистанционного формата обучения в Бирском филиале Башкирского государственного университета. Так, обучающиеся отметили, что своевременно происходило информирование обо всех изменениях в процессе дистанционного обучения, вы-

соко оценена работа преподавательского состава, преподавателями использовались различные инструменты для организации дистанционного обучения: он-лайн лекции, видеоконференсвязь ZOOM, Discord, Skype, удобный образовательный портал вуза, организованный в системе Moodle.

Таким образом, можно сделать вывод о реальной перспективе развития дистанционной формы обучения в системе высшего образования. Но без сомнения, дистанционное обучение не сможет полностью заменить традиционную систему обучения. Оно не в состоянии воссоздать студенческую жизнь в стенах вуза и заменить живое общение с преподавателем. Однако данная форма обучения имеет свой запрос среди потребителя требует ее развития в соответствии с новыми тенденциями в системе высшего образования. При этом отметим, что дистанционное обучение требует соответствующего технологического оборудования, определенных знаний и навыков преподавателей и студентов.

Преподаватели и студенты видят в дистанционном образовании новые возможности. В связи с этим, необходима подготовка педагогов, профессионально работающих в смешанной образовательной среде. Результаты проведенного исследования показывают, что настала необходимость внедрения в систему высшего образования смешанного формата обучения, сочетающего в себе традиционное и дистанционное обучения. Также возросла потребность в подготовке выпускников, обладающих цифровыми компетенциями, столь необходимыми в эпоху «цифровизации». Следует активно развивать цифровую образовательную среду вуза, проектировать процесс дистанционного обучения с учетом его особенностей.

Литература:

1. Аллахвердиева Л.М., Гаспаришвили А.Т. Информатизация образования и сохранение гуманитарного характера российской образовательной системы // Социально-гуманитарные знания. – 2021. – № 3 – С. 102-108.

2. Алешковский И.А., Гаспаришвили А.Т. Студенты вузов России о дистанционном обучении: оценка и возможности // Высшее образование в России. – № 10. – 2020. – С. 86-100.

3. Андреев А.А. К вопросу об определении понятия «дистанционное образование» // Дистанционное образование. – 2004. – № 4. – С. 16-19.

4. Балезина Е.А., Форостян В.В. Особенности организации дистанционного обучения в вузе в условиях пандемии коронавируса:

проблемы и перспективы // Вестник Удмуртского университета. – 2021. – Т. 5, вып. 3. – С. 281-288.

5. Водолад, М. П. Зайковская, Т. В. Ковалева, Г. В. Савельева С.Н. Дистанционное обучение в вузе. – Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета, 2010. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/distantionnoe-obuchenie-v-vuze>. – (дата обращения: 06.04.2022).

6. Громова Т.В. Многоаспектная модель преподавателя дистанционного обучения / Т.В. Громова // Актуальные проблемы лингвистики, переводоведения и педагогики. – 2014. – № 1. – С. 208-213.

7. Железникова С.И. Трудовая мотивация молодежи в условиях цифровой экономики: проблемы изучения // Социально-гуманитарные знания. – 2021. – № 4 – С. 159-167.

8. Маслова М.А., Лагуткина Т.В. Анализ и выявление положительных и отрицательных сторон внедрения дистанционного обучения // Научный результат. Информационные технологии. – 2020. – Т.5. – №2. – С.54-60.

9. Осипова Н.Г. Актуальные проблемы гуманитарного образования в условиях цифрового общества // Социальные науки и образование в условиях становления электронно-цифровой цивилизации. Материалы научно-практической конференции. – М.; СПб.: Нес-тор-История, 2020. – С. 57-64.

10. Полат Е.С., Бухаркина М.Ю., Моисеева М.В. Теория и практика дистанционного обучения. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 414 с.

11 Полякова В.А. Обзор научных исследований в сфере информатизации образования в условиях глобальной коммуникации и сетевого взаимодействия // Научное обозрение. Педагогические науки. – 2016. – № 3. – С. 86-95.

12. Панюкова С.В., Сергеева В.С. Организационное и методическое обеспечение дистанционного обучения студентов с инвалидностью // Психолого-педагогические исследования. – 2019. – Том 11. – № 3. – С. 72-83.

13. Рапацкая Л.А., Снетков В.И. Особенности дистанционного обучения по дисциплинам направления «Науки о земле» в техническом вузе // Науки о Земле и недропользование. – 2020. – 43(4). – С. 499-509.

14. Романов Е.В., Дроздова Т.В. Дистанционное обучение: необходимые и достаточные условия эффективной реализации // Современное образование. – 2017. – № 1. – С. 172-195. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=22044. – (дата обращения: 02.04.2022)

15. Руденко Р., Ткачева И. Модель дистанционного обучения – как инновационная форма российского образования // Международный научно-исследовательский журнал. – № 1 (103). – Часть 4. – С. 153-155.

16. Сорокова М.Г. Цифровая образовательная среда университета: кому более комфортно в ней учиться? // Психологическая наука и образование. – 2020. – Том 25. – № 2. – С. 44-58.

17. Строков А.А. Гуманитарная безопасность России в условиях цифровизации образования // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого.– 2020.– № 1(33).– С. 161-162.

18. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174 (дата обращения: 06.04.2022).

19. COVID-19: психологические эффекты эпидемии. Чем помочь медикам? // Консультативная психология и психотерапия. – 2020. –Т. 28. – № 2. – С. 190-196.

CHERNIKOVA T.A.

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Pedagogy, Psychology and Social Work, Birsky Branch of Bashkir State University

SHAIUKOVA L.D.

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Pedagogy, Psychology and Social Work, Birsky Branch of Bashkir State University

YURICHKA A.Y.

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Pedagogy, Psychology and Social Work, Birsky Branch of Bashkir State University

Distance learning in higher education: positive and negative aspects

The article reveals the features of distance learning in the higher education system. The analysis of the positive and negative aspects of the distance learning format is carried out. The authors have specified the emerging difficulties of using distance learning technologies at the university. The main emphasis is placed on the features and conditions of the organization of the educational process in remote mode. The empirical basis of the study was the results of a survey of students of the Birsky branch of Bashkir State University about the use of distance learning in higher education institutions. The results of the study identified the most relevant criteria that could contribute to the successful introduction of forms of distance learning in the higher education system.

Keywords: *distance learning, higher education system, mixed distance education technologies, organizational forms of distance learning, digitalization.*

Literature:

1. Allakhverdieva L.M., Gasparishvili A.T. Informatization of education and preservation of the humanitarian character of the Russian educational system // Socio-humanitarian knowledge. – 2021. – No. 3 – pp. 102-108.

2. Aleshkovsky I.A., Gasparishvili A.T. Russian university students about distance learning: assessment and opportunities // Higher education in Russia. – No. 10. – 2020. – pp. 86-100.

3. Andreev A.A. On the question of the definition of the concept of "distance education" // Distance education. - 2004. – No. 4. – pp. 16-19.

4. Balezina E.A., Forostyan V.V. Features of the organization of distance learning in higher education in the conditions of the coronavirus pandemic: problems and prospects // Bulletin of the Udmurt University. - 2021. – Vol. 5, issue 3. – pp. 281-288.

5. Vodolad, M. P. Zaikovskaya, T. V. Kovaleva, G. V. Savelyeva S.N. Distance learning in higher education. – Scientific notes. Electronic Scientific Journal of Kursk State University, 2010. – [Electronic resource]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/distsantsionnoe-obuchenie-v-vuze> . – (accessed: 06.04.2022).

6. Gromova T.V. Multidimensional model of a distance learning teacher / T.V. Gromova // Actual problems of linguistics, translation studies and pedagogy. – 2014. – No. 1. – pp. 208-213.

7. Zheleznikova S.I. Labor motivation of youth in the digital economy: problems of studying // Social and humanitarian knowledge. – 2021. – No. 4 – pp. 159-167.

8. Maslova M.A., Lagutkina T.V. Analysis and identification of positive and negative aspects of the introduction of distance learning // Scientific result. Information technology. – 2020. – Vol.5. – No. 2. – pp. 54-60.

9. Osipova N.G. Actual problems of humanitarian education in the conditions of a digital society // Social sciences and education in the conditions of the formation of an electronic digital civilization. Materials of the scientific and practical conference. – M.; St. Petersburg: Nestor-History, 2020. – pp. 57-64.

10. Polat E.S., Bukharkina M.Yu., Moiseeva M.V. Theory and practice of distance learning. – M.: Publishing Center "Academy", 2004. – 414 p.

11. Polyakova V.A. Review of scientific research in the field of informatization of education in the context of global communication and networking // Scientific review. Pedagogical sciences. – 2016. – No. 3. – pp. 86-95.

12. Panyukova S.V., Sergeeva V.S. Organizational and methodological support of distance learning for students with disabilities // Psychological and pedagogical research. – 2019. – Vol. 11. – No. 3. – C. 72-83.

13. Rapatskaya L.A., Snetkov V.I. Features of distance learning in the disciplines of the direction of "Earth sciences" in a technical university // Earth Sciences and subsoil use. – 2020. – 43(4). – Pp. 499-509.

14. Romanov E.V., Drozdova T.V. Distance learning: necessary and sufficient conditions for effective implementation // Modern education. – 2017. – No. 1. – p. 172-195. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=22044 . – (accessed: 02.04.2022)

15. Rudenko R., Tkacheva I. Distance learning model – as an innovative form of Russian education // International Research Journal. – № 1 (103). – Part 4. – pp. 153-155.

16. Sorokova M.G. Digital educational environment of the university: who is more comfortable to study in it? // Psychological science and education. – 2020. – Vol. 25. – No. 2. – C. 44-58.

17. Stokov A.A. Humanitarian security of Russia in the conditions of digitalization of education // Humanitarian Vedomosti TSPU named after L.N. Tolstoy.– 2020.– № 1(33).– Pp. 161-162.

18. Federal Law "On Education in the Russian Federation" dated 29.12.2012 No. 273-FZ [Electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174 (accessed: 06.04.2022).

19. COVID-19: psychological effects of the epidemic. How can I help doctors? // Counseling psychology and psychotherapy. - 2020. –Vol. 28. – No. 2. – pp. 190-196.

ЧЕРНЫШЕВА Елена Николаевна
*кандидат философских наук, доцент,
заведующая кафедрой социально-гуманитарных
дисциплин Государственного института
русского языка им. А.С. Пушкина*
E-mail: chernel0602@gmail.com

БОРИСЕНКО Владимир Иванович
*кандидат исторических наук,
доцент кафедры социально-гуманитарных
дисциплин Государственного института
русского языка им. А.С. Пушкина*
E-mail: bvi095@mail.ru

Цифровая трансформация образования в России

В статье рассматриваются проблемы цифровой трансформации системы образования в Российской Федерации. При этом в центре внимания находятся вопросы, связанные с неизбежными рисками, которые возникают в ходе цифровой трансформации системы российского образования на всех уровнях. Делается вывод о необходимости формирования цифровой грамотности и цифровой компетентности в процессе обучения детей и взрослых.

Ключевые слова: *цифровая экономика, цифровая трансформация образования, оцифровка, информационно-коммуникационные технологии.*

В современном мире перспективы экономического развития любого государства сегодня неразрывно связаны с формированием структур цифровой экономики. В научной литературе можно найти ряд определений понятия «цифровая экономика», из анализа которых можно выделить следующие ее существенные особенности:

1. «Цифровая экономика включает товары или услуги, разработка, производство, продажа или предоставление которых критически зависят от цифровых технологий.

2. Цифровая экономика – это всемирная сеть экономической деятельности, обеспечиваемая информационно-коммуникационными технологиями (ИКТ).

3. Цифровая экономика представляет собой хозяйственную деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде» [6].

Одновременно с появлением и развитием структур цифровой экономики происходят кардинальные изменения характера труда, которые в свою очередь делают одни профессии ненужными и устаревшими и приводят к возникновению новых. Например, в последние годы в российских вузах стали обучать новым профессиям по таким направлениям, как «мехатроника и мобильная робототехника», «графический дизайн», «техническая эксплуатация и обслуживание роботизированного производства» и т.д. Все эти процессы, а также ряд других (необходимость создания системы непрерывного образования, пандемия и др.) не могут не влиять на развитие системы образования. И одним из важнейшим направлений эволюции системы образования, безусловно, является ее цифровая трансформация.

Говоря о цифровой трансформации образования, следует отличать этот процесс от процесса оцифровки. Оцифровка подразумевает перевод любой информации с физических носителей на цифровые. В системе образования оцифровке, в первую очередь, подлежат вся научная, учебно-методическая, справочная и т.д. литература. Сегодня в любом российском университете сотрудники и студенты могут пользоваться как сетевыми электронными библиотеками и образовательными ресурсами, так и электронными ресурсами, создаваемыми университетами для внутреннего использования. Кроме того, оцифровать можно и процесс самостоятельной работы. Большинство платформ открытого образования, например, таких как openu.ru, coursera.org, stepik.org, pushkininstitute.ru [4], предоставляют большое количество возможностей для создания заданий различных типов, с автоматической проверкой и/или проверкой, требующей комментариев преподавателя. Таким образом, оцифровка позволяет лишь совершенствовать уже существующие формы и форматы работы, модели взаимодействий между участниками образовательного процесса. Иначе дело обстоит с цифровой трансформацией.

В процессе цифровизации системы образования должен создаваться новый цифровой образовательный продукт и но-

вые модели организации всех сфер образовательной деятельности. Какие можно выделить основные направления цифровой трансформации системы образования? Во-первых, перед любой образовательной организацией, как и перед любым экономическим субъектом сегодня, прежде всего, стоит задача автоматизации бизнес-процессов, задача сведения к минимуму участия в них человека. Эту задачу в образовательных организациях решают, внедряя электронные информационно-образовательные среды, которые, как правило, состоят из нескольких интегрированных между собой информационных систем: система электронного документооборота, автоматизированная система управления процессами образовательной деятельности, система бухгалтерского учета и т.д.

Во-вторых, разработка принципиально новых цифровых образовательных продуктов с использованием ИКТ. К образовательным продуктам нового поколения можно отнести симулятивное обучение (например, технологии виртуальной реальности (VR)), игровое «обучение с элементами виртуальной реальности, когнитивное обучение (продукты, предназначенные для улучшения оперативной памяти, способности к восприятию, к принятию решений, поиску решения задач, развития логического мышления и др.)» [1], обучение с помощью искусственного интеллекта и т.д.

В условиях быстрого перехода на дистанционное обучение во время локдауна стали очевидными проблемы, возникающие в ходе цифровой трансформации системы образования на всех ее уровнях. Прежде всего, это цифровой разрыв – неодинаковый доступ обучающихся к интернету в отдельных районах внутри страны. Понимая и признавая эту проблему, российские власти продолжают выделять значительные дополнительные средства и развивать программу подключения всех российских школ к высокоскоростному интернету. Это позволит в ближайшее время всем учащимся независимо от места жительства получить равный доступ к качественным и современным образовательным программам. Однако, как только школьник оказывается дома, то ответственность за обеспечение его необходимыми гаджетами, доступом в интернет переходит к родителям, которые не всегда могут справиться с этой задачей даже с помощью государства. На сегодняшний день ситуация выглядит следующим образом:

«Число персональных компьютеров, используемых в учебных целях, в расчете на 100 обучающихся организаций, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам начального общего, основного общего, среднего общего образования:

1) всего – 13.18

1. город – 12.13

2. село – 16.20

2) имеющих доступ к сети «Интернет»:

всего – 9.61

1. город – 9.33

2. село – 10.34» [2].

Основным вызовом для российских вузов, одновременно вступивших в эпоху полного дистанционного обучения на первом этапе пандемии, «стало обеспечение качественного уровня образования в условиях полного дистанта. Все вузы столкнулись с целым рядом проблем: от нехватки серверных мощностей для обеспечения нагрузок связанных с одновременным подключением большого количества пользователей, до необеспеченности образовательных контентом в цифровом формате» [3, с. 41].

Можно выделить и ряд проблем, связанных с сопутствующими рисками. По мнению Синчуриной Е.С., к рискам цифровизации современного образовательного пространства на уровне высшего и среднего образования можно отнести:

- неизбежную конкуренцию отечественных программ и платформ с иностранными платформами;
- сокращение числа образовательных учреждений, которые будут признаны неэффективными в данных условиях;
- неправильно прописанную эффективную цифровую коммуникацию между обучающимся и преподавателем;
- потерю некоторого числа обучающейся аудитории из-за возможности получить аналогичное дистанционное образование на английском языке;
- отсутствие или недостаток квалифицированных преподавателей, которые смогли перестроиться на цифру и т.д. [5].

Подводя итоги вышесказанному, можно утверждать, что сегодня перед системой образования, в том числе и российской, возникает две оперативные задачи. Первая – сформировать цифровую грамотность у уже закончивших свое основное обучение людей через систему дополнительного образования. В том числе это касается российских учителей

и педагогов, программ повышения их квалификации. В качестве положительного примера такой работы можно привести Государственную программу дополнительного образования в сфере цифровой экономики «Цифровые профессии» [7]. Данный проект нацелен на решение приоритетных задач государства в области подготовки кадров для цифровой экономики. Таким образом, в России начала уже складываться система, в которой будет обеспечен всеобщий доступ к образованию, приобретающему при этом непрерывный характер, когда образование не заканчивается, а длится на протяжении всей жизни человека. Вторая – трансформировать систему образования, содержание образовательных программ так, чтобы на всех её уровнях формировалась цифровая компетентность или зрелость как основа для новой информационной культуры человека будущего.

Литература:

1. Жукова Е.А. Образовательные онлайн-ресурсы: определение и виды / Е.А. Жукова. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2017. – № 19 (153). – С. 18-20. // <https://moluch.ru/archive/153/43431/> (дата обращения: 06.11.2021).
2. Мониторинг цифровой трансформации образовательных организаций. // <http://xn--80adpcbcoiugo1суаi5а5i.xn--p1ai/> (дата обращения: 03.11.2021).
3. Павличева Е.Н., Сосенушкин С.Е., Куприяненко И.А. Технологические аспекты цифровой трансформации образовательной деятельности вуза в условиях пандемии. // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. 2021. Т. 10. № 1 (53). С. 40-44. // https://elibrary.ru/download/elibrary_44853743_59451882.pdf (дата обращения: 03.11.2021).
4. Портал «Открытое образование» // <https://openedu.ru/> (дата обращения: 03.11.2021).
5. Синчурина Е.С. Риски цифровизации современного образовательного пространства на примере высшего и среднего образования. // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2020. №3 (28). // <https://cyberleninka.ru/article/n/riski-tsifrovizatsii-sovremennogo-obrazovatel'nogo-prostranstva-na-primere-vysshego-i-srednego-obrazovaniya> (дата обращения: 06.11.2021).
6. Скляр М.А., Кудрявцева К.В. Цифровизация: основные направления, преимущества и риски. // Экономическое возрождение России. 2019. № 3 (61). С. 103-114. // https://elibrary.ru/download/elibrary_39547846_76534249.pdf (дата обращения: 03.11.2021).
7. Цифровые профессии. Государственная программа дополнительного образования в сфере цифровой экономики // <https://xn--b1agajda1bcigeoa6ahw4g.xn--p1ai/about> (дата обращения: 06.11.2021).

CHERNYSHEVA E.N.
Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Head of the Department of Social and Humanitarian
Disciplines, Pushkin State Russian Language Institute

BORISENKO V.I.
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department of Social
and Humanitarian Disciplines, Pushkin State
Russian Language Institute

Digital transformation of Education in Russia

The article deals with the problems of digital transformation of the education system in the Russian Federation. At the same time, the focus is on issues related to the inevitable risks that arise during the digital transformation of the Russian education system at all levels. The authors make conclusion that it is necessary to form digital literacy and digital competence in the process of teaching children and adults.

Keywords: *digital economy, digital transformation of education, digitization, information and communication technologies.*

Literature:

1. Zhukova E.A. Educational online resources: definition and views / E.A. Zhukova. – Text: immediate // *Molodoi naucheni*. – 2017. – № 19 (153). – S. 18-20. <https://moluch.ru/archive/153/43431/> (accessed 11/06/2021).

2. Monitoring the digital transformation of educational organizations. <http://xn--80adpcbcoiugo1cyai5a5i.xn--p1ai/> (accessed 11/03/2021).

3. Pavlicheva E.N., Sosenushkin S.E., Kupriyanenko I.A. Technological aspects of the digital transformation of the educational activities of the university in the context of the pandemic. XXI century: the results of the past and the problems of the present plus. 2021. T. 10. № 1 (53). S. 40-44. https://elibrary.ru/download/elibrary_44853743_59451882.pdf (accessed 11/03/2021).

4. Portal "Open Education" // <https://openedu.ru/> (date of access: 03.11.2021).

5. Sinchurina E.S. Risks of digitalization of the modern educational space on the example of higher and secondary education. Actual problems of our time: science and society. 2020. №3(28). <https://cyberleninka.ru/article/n/riski-tsifrovizatsii-sovremennogo-obrazovatel'nogo-prostranstva-na-primere-vysshego-i-srednego-obrazovaniya> (accessed 11/06/2021).

6. Sklyar M.A., Kudryavtseva K.V. Digitalization: main directions, advantages and risks. Economic revival of Russia. 2019. № 3 (61). S. 103-114. https://elibrary.ru/download/elibrary_39547846_76534249.pdf (accessed 11/03/2021).

7. Digital professions. State Program of Additional Education in the Field of Digital Economy // <https://xn--b1agajda1bcigeoa6ahw4g.xn--p1ai/about> (date of application: 06.11.2021).

АЛЛАХВЕРДИЕВА Лейла Мадат Кызы
*доктор экономических наук, профессор
Московского государственного гуманитарно-
экономического университета, профессор
Гжельского государственного университета,
член-корреспондент Российской академии
естественных наук*
E-mail: leila26uz@mail.ru

ГАСПАРИШВИЛИ Александр Тенгизович
*кандидат философских наук, доцент Московского
государственного университета имени
М.В. Ломоносова, Российского университета
дружбы народов, старший научный сотрудник
Института социологии ФНИСЦ РАН*
E-mail: gasparishvili@yandex.ru

Особенности применения новых цифровых технологий в системе инклюзивного образования

В статье анализируются вопросы особенностей применения новых цифровых технологий в системе инклюзивного образования. Авторы рассматривают проблемы развития инклюзивного образования в условиях формирования информационного общества и цифровой экономики.

Ключевые слова: образование, инклюзивное образование, цифровизация образования, цифровые технологии в обучении.

Мировой опыт использования цифровых технологий при обучении лиц с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) показывает, что их использование является необходимым как при создании более удобных для студентов условий обучения, так и при их социальной адаптации и социальной интеграции. В современных условиях формирования цифровой экономики можно наблюдать определенные тенденции влияния процессов цифровизации на развитие российского инклюзивного образования.

Начнем с того, что сама цифровизация российской системы образования несет в себе ряд положительных сторон. С их учетом Правительством Российской Федерации в декабре 2020 г. было принято Постановление «О проведении эксперимента по внедрению цифровой образовательной среды» [7]. И, хотя этот эксперимент проводится в системе общего и среднего образования, в нем заложены многие идеи, которые вполне применимы в системе высшего инклюзивного образования. В данном Постановлении, в частности, отмечалось, что цифровые технологии в настоящее время стали одним из наиболее востребованных инструментов в современном образовании.

В наиболее общем виде сам процесс цифровой трансформации образования представляет собой смену форм образовательной деятельности в новых технологических условиях, использование новых образовательных технологий и изменение способов получения знаний. При этом важно иметь в виду, что одной из центральных идей цифровизации образования является не просто их повсеместное включение в образовательные процессы, но и решение задачи повышения качества подготовки специалистов на основе совершенствования образовательных технологий, а в конечном итоге – улучшение результатов обучения и повышение конкурентоспособности подготавливаемых кадров.

В высшем образовании цифровая трансформация осуществляется по трем основным направлениям:

1. Развитие цифровой инфраструктуры образования (цифровое пространство).
2. Развитие цифровых учебно-методических материалов, инструментов и сервисов, включая цифровое оценивание в подготовке студентов.
3. Разработка и распространение новых моделей (направлений) организации учебной работы [9].

Вместе с тем, в условиях инклюзивного образования эта цифровая трансформация предполагает учет специфики обучаемых, которые имеют ограниченные образовательные потребности в силу ограниченных возможностей здоровья студентов. Здесь, на наш взгляд, широкое использование цифровых форматов обучения, с одной стороны, хотя и предполагает существенное облегчение труда студентов при освоении учебного материала, но, с другой стороны, «не способствует получению ими крайне необходимых навыков социального общения» [1, с. 106], которые они обязательно должны

приобрести для своей дальнейшей успешной профессиональной трудовой деятельности. И здесь так называемая «цифровая социализация», «без которой сегодня немыслима любая деятельность современного человека» [10], далеко не всегда способна заменить собой реальный опыт непосредственного человеческого общения, приобретаемого в рамках традиционного образовательного процесса.

Учитывая этот основной посыл, рассмотрим, какие основные тенденции можно наблюдать в развитии российского инклюзивного образования в условиях формирования цифровой экономики. Начнем с того, что внедрение новых цифровых и информационно-коммуникативных технологий во все сферы жизни общества привносят свои изменения в организацию обучения студентов с ОВЗ.

Здесь необходимо, с одной стороны, обеспечивать адаптацию образовательной среды к особым потребностям этой категории студентов, а, с другой стороны, организовывать обучение в инклюзивном режиме в виртуальной образовательной среде. При этом важно сохранить возможности межличностного взаимодействия как студентов с преподавателем, так и их взаимодействия между собой, что должно содействовать их полноценной социализации, на что в своей сущности и нацелено само инклюзивное образование.

Характерным является и то, что эти новые образовательные технологии в инклюзивном образовании нацелены на решение двух основных задач: «повышения доступности образовательной среды и знаний, и вовлечения всех обучаемых в общий образовательный процесс» [11]. В связи с этим следует отметить, что новые цифровые образовательные технологии в реальной практике уже достаточно давно стали привычными инструментами для решения менее сложных задач. Однако в отношении инклюзивного образования с его более сложными целями они способны вносить значительно больший вклад, как в обучение студентов с ОВЗ, имеющих особые образовательные потребности, так и в преодоление социальных барьеров в процессе их совместного обучения со своими здоровыми сверстниками.

К примеру, когда освоение студентами с ОВЗ учебного материала при использовании традиционных средств обучения оказывается в отдельных случаях недостаточно эффективным, то применение цифровых технологий часто позволяет более результативно решать эти задачи. В конечном

итоге, само по себе успешное освоение ими учебного материала по сути дела является частью решения задачи «повышения качества образования посредством более полной интеграции учащихся с ограниченными возможностями здоровья в образовательный процесс» [8, с. 82]. В частности, ряд учебных программ предполагает возможность выявлять успехи отдельных студентов, что особенно важно в условиях инклюзивного образования, когда в учебных группах обучаются люди с особыми образовательными потребностями и ограниченными возможностями здоровья.

Индивидуализация обучения с учётом особых образовательных потребностей студентов с ОВЗ всегда являлась одной из важных проблем, связанных с реализацией инклюзивного подхода. В этом отношении цифровизация инклюзивного образования позволяет осуществлять персонафикацию образовательных траекторий обучающихся. Следует отметить, что российские авторы при изучении и описании образования в контексте его направленности на усиление личностных смыслов обращаются в своих работах к различным терминам: «лично ориентированное обучение», а также «персонализация» и «персонификация» обучения.

Использование современных гаджетов, обеспечивающих доступ в интернет, доступ к базам данных, в том числе к сетевым библиотекам, обеспечивает возможности более широкого применения новых форм и методов обучения в системе инклюзивного образования. Все это создает условия для обеспечения постоянной связи с обучающимися, а также для предоставления им учебного материала в доступной форме с учетом их особенностей обучения и их реальных возможностей усваивать учебный материал. Иными словами, применение и активное использование цифровых технологий в инклюзивном образовании реально способствует созданию равных возможностей для всех обучающихся.

Таким образом, важнейшим из преимуществ цифровых технологий в инклюзивном образовании становится доступность обучения для различных категорий обучающихся, в том числе и для тех из них, кто имеет особые образовательные потребности и возможности. Соответственно, применение информационных технологий в инклюзивном образовании способствует организации учебного процесса таким образом, «что он приобретает одинаковую эффективность в отношении всех категорий обучающихся, особенно обучающихся с ОВЗ» [3, с. 104.]

Особо следует отметить и то, что цифровые образовательные технологии при умелом использовании способны освободить и самих педагогов от многих рутинных элементов их работы, а также облегчить выполнение учебных задач, в том числе в обучении студентов с ОВЗ. Но при этом необходимо постоянно иметь в виду, что в центре внимания всего учебного процесса, независимо от степени использования цифровых технологий, всегда должен оставаться человек.

Еще одним из важных аспектов широкого применения новых цифровых технологий в системе инклюзивного образования, как и в высшем образовании в целом, является формирование умений и навыков у студентов в использовании этих новых технологий в своей будущей профессиональной деятельности. Ведь несмотря на то, что интернет для современного молодого поколения является естественной средой обитания, важнейшей задачей высшего образования в данном аспекте является прививание им навыков самостоятельного поиска нужной информации и ее обработки.

Здесь следует иметь в виду, что в традиционной практике обучения многие студенты с ОВЗ часто испытывают трудности восприятия, переработки и использования учебной информации, что не способствует достижению их полноценной социализации. И, на наш взгляд, именно цифровые технологии, которые позволяют адаптировать учебный процесс к нуждам таких студентов, могут более эффективно обеспечить им равные возможности в получении требуемого уровня образования и профессиональной квалификации [4].

В конечном итоге, широкое использование цифровых технологий в условиях инклюзии положительно влияет на успешное освоение студентами с ОВЗ учебного материала, что, по сути дела, является частью решения задачи повышения качества образования посредством более полной интеграции учащихся с ограниченными возможностями здоровья в образовательный процесс.

При этом в развитии процессов цифровизации инклюзивного образования, как отмечено в ряде отечественных исследований, имеется и ряд негативных тенденций. Среди них следует отметить формальный подход, проявляющийся в том, что преподаватели не стремятся к полноценному использованию уже внедренных новых цифровых технологий. К примеру, только 23% преподавателей регулярно отслеживают и анализируют онлайн-активность студентов, и лишь

30% используют цифровые технологии для обмена профессиональными разработками или совместно работают над материалами с другими преподавателями [6, с. 1064-1065].

Еще одной негативной тенденцией является достаточно медленное внедрение цифровых технологий в деятельность вузов. К примеру, согласно исследованию ВШЭ, проникновение онлайн-образования в России в 2021 г. составило 5,5% [5]. При этом не все студенты с ограниченными возможностями здоровья имеют реальные условия полноценно обучаться с использованием интернета, что также является еще одной характерной сдерживающей тенденцией.

В то же время ряд авторов отмечает и новые барьеры, которые могут появляться при внедрении цифровых технологий в инклюзивное образование, к числу которых относят когнитивные проблемы и контент-барьеры, а также наличие в процессе цифровизации образования дидактических проблем и пр. [2, с. 143].

Несмотря на отмеченные проблемы, продолжающееся все более широкое распространение и применение цифровых технологий в обучении студентов с ОВЗ несет в себе много положительных моментов в их профессиональной подготовке. При этом особенно важное значение цифровые технологии приобретают при преодолении образовательных и социальных барьеров. Сами они уже стали привычными каждодневными инструментами в современной практике российского инклюзивного образования. Однако в центре внимания всего учебного процесса, независимо от степени использования цифровых технологий, всегда должен оставаться человек.

Литература

1. Аллахвердиева Л.М., Гаспаришвили А.Т. Информатизация образования и сохранение гуманитарного характера российской образовательной системы // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 3. С. 102-108.
2. Ахметова Д.З., Артюхина Т.С., Бикбаева М.Р., Сахнова И.А. и др. Цифровизация и инклюзивное образование: точки соприкосновения // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. № 2. С. 141-150.
3. Гончарова Н.А., Гончарова М.А., Фандеева Д.А. Информационные и коммуникационные технологии в развитии инклюзивного образования в новых социально-экономических условиях // Научный альманах. 2015. № 11–2(13). С. 104-107.

4. Инклюзивное образование в информационном обществе: опыт и перспективы [Электронный ресурс] // Pandia.ru. – Режим доступа: <https://pandia.ru/text/77/510/11507.php> (дата обращения 8.12.2021).

5. Исследование российского рынка онлайн-образования и образовательных технологий [Электронный ресурс] // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». – URL: <https://estars.hse.ru/mirror/pubs/share/211448255> (дата обращения 8.12.2021);

6. Константинова Д.С., Кудаева М.М. Цифровые компетенции как основа трансформации профессионального образования // Экономика труда. – 2020. – Том 7. – № 11. – С. 1055-1072.

7. Постановление Правительства Российской Федерации от 7.12.2020 г. № 2040 «О проведении эксперимента по внедрению цифровой образовательной среды» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012090002> (дата обращения: 21.11. 2021).

8. Рахматуллина Э.Д. Использование информационных технологий в инклюзивном образовании // Образование и воспитание. 2020. № 3 (29). С. 82-84.

9. Результаты мониторинга информации о тенденциях развития высшего образования в мире и в России. Выпуск 1. Основные тренды цифровизации высшего образования. [Электронный ресурс] // Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова. Научно-исследовательский институт развития образования. 2021. – URL: <https://www.rea.ru/ru/org/managements/Nauchno-issledovatelskijj-institut-razvitija-obrazovanija/Documents/Мониторинг%20Выпуск%201.%20ЦИФРОВИЗАЦИЯ.pdf> (дата обращения: 22.11. 2021).

10. Солдатова Г.У. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире [Электронный ресурс] // Интернет-проект «CYBERPSY». – URL: <http://cyberpsy.ru/articles/soldatova-cifrovaya-socializaciya-v-kulturnoistoricheskoj-paradigme/> (дата обращения 04.12.2021).

11. Технологии в инклюзивном образовании: все выигрывают от того, что учатся вместе [Электронный ресурс] // NEWNJNEW. – URL: <http://newtonew.com:81/school/tech-inclusive-education> (дата обращения 8.12.2021).

ALLAHVERDIYEVA L.M.
Doctor of Economics, Professor
of Moscow State University for the Humanities
and Economic, Professor of Gzhel State University,
Corresponding member of the Russian Academy
of Natural Sciences

GASPARISHVILI A.T.
Candidate of Philosophy, Associate Professor
of Lomonosov Moscow State University, Peoples'
Friendship University of Russia, Senior Researcher at the
Institute of Sociology of FCTAS RAS

Features of the use of new digital technologies in the system of inclusive education

The article analyzes the issues of the peculiarities of the use of new digital technologies in the system of inclusive education. The authors consider the problems of the development of inclusive education in the conditions of the formation of the information society and the digital economy.

Keywords: *education, inclusive education, digitalization of education, digital technologies in education.*

References

1. Allakhverdieva L.M., Gasparishvili A.T. Informatization of education and preservation of the humanitarian character of the Russian educational system // Socio-humanitarian knowledge. 2021. No. 3. pp. 102-108.

2. Akhmetova D.Z., Artyukhina T.S., Bikbaeva M.R., Sakhnova I.A., etc. Digitalization and inclusive education: points of contact // Higher education in Russia. 2020. Vol. 29. No. 2. pp. 141-150.

3. Goncharova N. A., Goncharova M. A., Fandeeva D. A. Information and communication technologies in the development of inclusive education in new socio-economic conditions // Scientific Almanac. 2015. No. 11-2(13). pp. 104-107.

4. Inclusive education in the information society: experience and prospects [Electronic resource] // Pandia.ru. – Access mode: <https://pandia.ru/text/77/510/11507.php> (accessed 8.12.2021).

5. Research of the Russian market of online education and educational technologies [Electronic resource] // National Research University "Higher School of Economics". – URL: [https:// estars.hse.ru/mirror/pubs/share/211448255](https://estars.hse.ru/mirror/pubs/share/211448255) (дата обращения 8.12.2021);

6. Konstantinova D.S., Kudaeva M.M. Digital competencies as a basis for the transformation of vocational education // Labor economics. - 2020. – Volume 7. – No. 11. – pp. 1055-1072.

7. Decree of the Government of the Russian Federation No. 2040 dated 7.12.2020 "On conducting an experiment on the introduction of a digital educational environment" [Electronic resource] // Official Internet portal of legal information. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012090002> (accessed: 21.11. 2021).

8. Rakhmatullina E.D. The use of information technologies in inclusive education // Education and upbringing. 2020. No. 3 (29). pp. 82-84.

9. Results of monitoring information on trends in the development of higher education in the world and in Russia. Issue 1. The main trends of digitalization of higher education. [Electronic resource] // Plekhanov Russian University of Economics. Research Institute for the Development of Education. 2021. – URL: <https://www.rea.ru/ru/org/managements/Nauchno-issledovatelskij-institut-razvitija-obrazovanija/Documents/Monitoring%20Issue%201.%20CIPHERIZATION.pdf> (accessed: 22.11. 2021).

10. Soldatova G.U. Digital socialization in the cultural and historical paradigm: a changing child in a changing world [Electronic resource] // Internet project "CYBERPSY". – URL: <http://cyberpsy.ru/articles/soldatova-cifrovaya-socializaciya-v-kulturnoistoricheskoy-paradigme/> (accessed 04.12.2021).

11. Technologies in inclusive education: everyone benefits from learning together [Electronic resource] // NEWNJNEW. – URL: <http://newto-new.com:81/school/tech-inclusive-education> (accessed 8.12.2021)

ГРИБАКИНА Эльвира Николаевна,
доктор философских наук, профессор кафедры
философии и социологии, профессор
Уральского государственного юридического
университета имени В.Ф. Яковлева (Екатеринбург)
E-mail: phil@usla.ru

Потенциал преподавания профессиональной этики юриста

В статье предлагаются новые подходы в преподавании курса профессиональной этики юриста: ввести темы зло как составляющая морали, критерии зла, профессионально-этические модели деятельности следователя, расследующего уголовные дела, матрица этического знания, методика написания эссе и др.

Ключевые слова: *этика, профессиональная этика юриста, совесть, убеждение, зло, профессионально-этические проблемы.*

Актуальность изучения студентами профессиональной этики юриста требует не только совершенствования содержания этого курса, но и решения ряда организационных и методических задач.

Необходимо четкое установление соотношения вопросов общей этики, профессиональной этики и наконец, профессиональной этики юриста. Считаю неверным существование такого положения, когда 60-80% материала отводится общим вопросам морали. Спорным, на наш взгляд, является и название самого курса: «Профессиональная этика», закрепленного в учебно-методических документах, потому, что профессиональная этика и профессиональная этика юриста имеют разное содержание.

Известно, что слабое место в преподавании курса «Профессиональная этика юриста» – это неразработанность специальной части дисциплины, где речь идет об этике следователя, прокурора, судьи. Дальнейших исследований требуют: этика осмотра места происшествия, этические тонкости допроса подозреваемого, нравственные требования к прокурорской деятельности. В этой части имеется огромный по-

тенциал для творчества, инноваций. Нетрадиционные подходы по темам курса можно обнаружить, анализируя, в частности, художественную литературу о юридической жизни. Так, например, книга А. Кивинова «Кошмар на улице стачек» позволяет на богатом практическом материале показать профессионально-этические особенности работы следователя со свидетелем-соучастником преступления, а знакомство с дневниками русского гения уголовного сыска И.Д. Путилина делает возможным познакомить студентов с профессионально-этическими моделями деятельности следователя. Книга Л.Я. Драпкина «Страницы из дневника следователя» акцентирует внимание на роли интуиции при выборе нравственной альтернативы поведения [2; 216 С.].

Что касается общих вопросов морали, то и здесь необходимы смелые решения, которые помогут неожиданно повернуть традиционное изложение материала. Например, известно, что среди следователей, помощников прокурора, судей и т.д. не так уж редки психические расстройства, самоубийства и др. Преподаватель не может уходить от этих вопросов. Следует предостеречь молодое поколение от индивидуальных ошибок, т.к. по своему психическому складу, особенностям восприятия жизни не каждый может выполнять функции следователя. И здесь в известной степени помогут такие темы как «Темное и светлое восприятие жизни», «Зло как составляющая морали», которые пока не включены в официальный тематический курс.

Золотухина-Аболина Е.В. в учебнике «Современная этика» обратила внимание на то, что вопрос о темном и светлом восприятии жизни никогда не был чисто психологическим, а всегда выступал как мировоззренческий и этический, ибо мирное, страдательное, мученическое отношение к реальности делает человека глубоко несчастным, в то время как радостный, оптимистический, мажорный взгляд позволяет ему чувствовать себя бытийно счастливым и уверенным даже при больших объективных трудностях [4; С. 369].

Слушая учебную лекцию, студент настроен не только понять, что значит быть честным, добрым, что такое профессиональный долг, объективность, беспристрастность, но он нуждается в практических рекомендациях, которые можно применить в конкретных жизненных ситуациях с целью поступить нравственно, или ориентироваться в том, как изменить себя, чтобы сформировать необходимые для юридической профессии черты личности.

Лекция на тему «Дисгармония темного и светлого восприятия жизни» раскрывает в частности вопрос о ложных установках сознания, которые ведут человека к темному восприятию реальности.

Ложные установки сознания, ведущие к темному восприятию жизни, необходимо знать любому человеку, а для юриста, который чаще других сталкивается в процессе работы с преступлениями, правонарушениями, аморальным поведением крайне актуально не просто их знать. Важно пытаться преодолеть, а главное постоянно корректировать темное на светлое восприятие жизни. Сегодня это звучит для них как нравственная норма-закон, если мы хотим сохранить людей-профессионалов для полиции, следственного комитета, суда и т.п.

Особого отношения требует тема: «Зло как составляющая морали» [1; С.129-144]. Нельзя, на наш взгляд, сводить этику к моральному учению о добре. Названная тема позволяет студенту увидеть сложную диалектику добра и зла, а главное учиться преодолевать риски, связанные с особенностями зла. Возможно, названную лекцию следует включить в модуль 1 рабочей программы по названной дисциплине.

Прежде всего молодого человека *«подстерегает»* изначальная слитность, неразъемность добра и зла. Понятно, что для различения добра и зла, необходим известный уровень образования, жизненный опыт, гуманная атмосфера в семье, учебном коллективе и т.д. и в целом по стране. Социальная практика убеждает в том, что добро может принимать форму зла, а зло нередко выглядит как добро.

В предлагаемой теме студент может познакомиться с биологическим и социальным критериями зла. Первый касается главного достояния индивида – продолжительности его жизни. Теряются качества, свойства человеческого рода, бесмысленно преждевременно гибнут многие миллионы людей.

Социальный критерий зла сводится к деградации личности, когда размываются границы дозволенного и запрещенного, исчезает или ослабляется система ценностей, общество хаотизируется.

В учебных классах юридического вуза актуально обсуждение вопроса об ответственности за нарушение норм морали, за девиантное содержание нравственности как формы проявления зла. В общественном мнении прочно укоренилось убеждение в том, что за отступление от моральных требований достаточно коллективного порицания в виде негативной оценки, которую человек должен сам осознать, принять

внутренне и соответствующим образом направлять свои действия в дальнейшем. При этом имеет значение не просто факт чьей-либо эмоционально-волевой реакции (возмущения или похвалы), но соответствие оценки общим принципам [3; С. 387]. Но есть и другая точка зрения. Например, утверждается, что наказание за нарушение морали является *более* фундаментальным, чем уголовное воздействие. Оно выходит на биологические изменения в человеческом существовании, развертывает законы агрессивных или дружественных отношений между людьми.

В ходе противоборства рассматриваемых точек зрения на наказание за нарушение морали анализируются аргументы за и против, у студента реально появится научный интерес, который определит его статус ученого и в дальнейшем реализуется возможность исследовать калейдоскоп судеб конкретных людей в связи с их нравственной или безнравственной деятельностью. Знакомство с законами зла позволит освоить модели его смягчения в действиях отдельных индивидов, или коллективов, в деятельности государства.

Следует обратить внимание на некоторые запреты и разрешения, оказавшиеся в учебно-методических документах. Имеется в виду, прежде всего, требование о том, что при проведении контрольного тестирования на потоке, студент не должен пользоваться учебником, материалами лекций, гаджетами и другими источниками информации. Возникает вопрос, как преподаватель может выполнить это требование на потоке, где 5-9 групп? Реализовать его в принципе невозможно. Но тогда подрывается авторитет учебной дисциплины, т.к. есть возможность списать правильный ответ, идет скрытое коллективное обсуждение вариантов решения теста, имеют место циничные реплики и улыбки студентов по поводу так называемых «контрольных». Уход от прямого запрета в последних изданиях РПД и указание на то, что можно пользоваться нормативными материалами не изменяет ситуацию, она остается по умолчанию. Не решен вопрос о том, какой тест для заполнения представить студенту, если он набрал менее трети предусмотренных баллов и переписывает тестирование в рамках консультаций. Считаю, что если студент пропустил тестирование на занятии по неуважительной причине, то просьбу принять тестирование на консультации следует оставить без удовлетворения, в целях предупреждения массовых пропусков на контрольном мероприятии.

В процессе становления новых форм преподавания возникло опасное для качества подготовки специалиста противоречие. Речь идет о том, что доценты, профессора обязаны в год опубликовать в журналах, утвержденных в ВАК, по 2-3 статьи научных работ. В то же время идеи из них, а также находки, изыскания, нетрадиционные точки зрения, темы нельзя включать в содержание лекций, семинаров, потому что они не предусмотрены учебно-методической документацией. Кроме того, исчезла возможность читать авторские курсы лекций.

А между тем профессиональную этику юриста делают инновационной, наиболее интересной, выигрышной, дают социализирующий эффект профессионально-этические проблемы. Если взять, например, следственную деятельность, то рассматривая нравственное содержание проблемы «Отношение государства к следователю» можно использовать исторический и современный фактический материал, анализ проблемы «Качества выполнения следователем своего профессионального долга» легко проиллюстрировать статистическими и социологическими данными. Профессионально-этическую проблему «Критериев неправового юридического закона» невозможно переоценить по ее значению для судеб миллионов людей в нашей стране, показать на примерах изучения материалов, решений, публикуемых Конституционным судом РФ в его Ведомостях. Своего внимания требует проблема «субъективного произвола следователя», которая связана с выявлением форм такого произвола, появляющегося там, где статусные требования к личности следователя и его деятельность не урегулированы законом. Проблема «Независимость следователя как юридическая фикция» дает возможность понять пути изменения сложившейся ситуации.

Анализ профессионально-этических проблем необходим по всем темам курса. Это, если так можно сказать, «высший пилотаж» этики юриста, без которого она «вянет», становится умозрительно-описательной и далекой от жизни. Вот почему научные находки преподавателей, нерешенные вопросы этической науки и практики, вошедшие в поле зрения обсуждений на лекциях и семинарах должны иметь учебно-методический вес.

Зорькин В. – известный юрист, председатель Конституционного суда РФ, осмысливая процессы модернизации, и в частности создания кардинально нового юридического права как отшлифованной до блеска рациональности, подчеркивает следующую мысль: «Нужно дать себе отчет в том, что мы

осуществляем правоприменение в условиях необходимости сосуществования двух правовых систем – формальной и неформальной» [5; С. 122]. Он призывает отказаться от тотальности юридического позитивизма, называемого им юридическим экстремизмом [5; С. 24]. Нужно еще расшифровать это положение применительно, например, к профессиональной этике юриста, рассматривая в частности, такие центральные категории в деятельности судьи, как совесть и убеждение, которыми судья должен руководствоваться при принятии решений. Данное положение сегодня интерпретируется как центральный моральный принцип, абсолютная ценность. Отказ от «юридического экстремизма», вероятно, означает критически посмотреть и на эти категории.

Дело в том, что обязанности судьи, принимающего решение по любому делу, руководствоваться совестью и внутренним убеждением реально «работает» только в социально однородном обществе, в котором фундаментальные ценностные ориентации населения совпадают, т.е. содержание совести и убеждений тождественны у разных категорий граждан. В социально поляризованном обществе у судей, как правило, элитарная установка. Неслучайно, российская Фемида как символ правосудия не имеет повязки на глазах: она видит, кого она судит. В зависимости от социального статуса подсудимого у судьи проявляются разные грани совести и убеждений. На наш взгляд, данное противоречие, сложившееся в нашем обществе за последние десятилетия может привлечь внимание студентов как тема их научной работы. Юношеская жажда справедливости, особенно у выходцев из социальных низов, подкрепляет этот интерес.

Опыт показывает, что студенты затрудняются представить общую картину учебной дисциплины, не всегда улавливают взаимосвязь тем. Раскрывая тот или иной вопрос, не имеют перед собой палитры рассуждений, поэтому возникла потребность на первой же лекции познакомить их со структурой данного курса.

Считаем, что возможно творческое осмысление, например, вопроса о профессионально-этических моделях поведения следователя при раскрытии уголовных дел. Это не только новая тема, но и сами модели нами сформулированы впервые. Так, предлагается модель № 1 «Спасения подследственного». Суть ее: следователь стоит перед фактом заpiresательства подозреваемых. Обнаружив, что один из них имеет

некоторое образование и способен к психологическому порыву, если задеть его самолюбие, приступает к «окончательному допросу». Заняв позицию обыкновенного человека, (а не устрашающего чиновника) следователь в спокойной, доброжелательной манере объясняет подозреваемому о возможности замены, например, военно-полевого суда на гражданский суд, если цель политического убийства на самом деле отсутствовала. Применяя в нужные моменты равнодушный тон, заботу о душевных переживаниях подозреваемого, следователь получает признательный рассказ о том, как было совершено преступление.

Модель № 2 «Признание ошибки». Следователь понимает, что с самого начала работал на ложной версии, при оправдании судом задержанных становится уязвленным его самолюбие, не дает покоя тот факт, что убийца на свободе. Понимает свою ошибку и начинает ее исправлять. После суда продолжает поиск убийцы по этому делу. Тайный агент по заданию следователя выходит на след кормилицы, работавшей ранее в доме убитых. У бывшей «кормилицы» обнаруживают нечеловеческую силу и вещи убиенных.

Модель № 3 «Тактика доброй услуги». Суть этой модели поведения: следователь устраивает побег сожительнице подозреваемого из камеры предварительного заключения, разрабатывает и реализует схему действий агента и устанавливает место хранения денег, о наличии которых отрицает обвиняемый. В данной модели тесно переплетаются тактика следственной работы и этическое. Последнее представлено как средство этой работы. Устройство побега – вид «перевернутой» доброты, добрая услуга ради целей следствия.

Выделение и описание профессионально-этических моделей поведения следователя возможно при знакомстве с окончательными и сданными в архив уголовными делами конкретного следователя. Что крайне необходимо в целях развития учебного курса «Профессиональная этика юриста». Интерес у студентов вызывают особенности моральных требований при работе с каждым типом свидетелей.

Сложная ситуация возникает при работе следователя со свидетелем-соучастником преступления. Такой свидетель может «запираться» продолжительное время.

На практике нередко у следователя возникает соблазн применить обман. Яркие примеры следственной практики можно использовать из художественной литературы.

В заключении хочу обратить внимание на возможность предложить студентам (магистрантам) выполнить задание на 12 баллов – написать эссе. В рабочей программе дисциплины даются условия оформления работы этого вида (допустим 5 страниц отпечатанного текста и т.п.). Далее рекомендуется тематика эссе. Получаются интересные тексты с просьбой реализации требований «индивидуального подхода», в частности, по теме: «Этический кодекс моей студенческой группы». Такое эссе может быть выполнено в виде рассказа, или даже у юристов с использованием элементов состава статьи из уголовного кодекса: субъект, субъективная сторона, объект, объективная сторона, санкции. Разнообразное содержание обеспечивается, например, по темам: «Мораль и коррупция», «Особенности правоприменения в России», или «Антиэтика правоприменения», удачные эссе были отмечены по теме: «Отличительные особенности Кодекса этики прокурорского работника».

Создание Эссе процесс творческий, всякое списывание (у коллеги, или текста) не поощряется, однако возможно самостоятельное определение темы с указанием использованных источников. Практика показывает, что не следует рекомендовать более десяти тем. Перечень последних не должен дублировать предлагаемые варианты из других учебных дисциплин и тем более провоцировать студентов списывать материалы из интернета по «избитым» вопросам, например, «мораль и право» и представлять эссе на 20 страницах «известного текста». Можно рекомендовать для Эссе следующие темы: «Признаки идеологии зла», «Этические запреты для судьи по Кодексу судейской этики 2012 г.», «Фактические, неписанные права и мой опыт их обнаружения», «Особенные черты личности следователя (на примере И.Д. Путилина – выдающегося сыщика XIX в.)», «А.Ф. Кони о будущем судейской деятельности (по работе «Нравственные начала в уголовном процессе)», «Способы маскировки юридического неправового закона в системе законодательства России».

Литература:

1. Грибакина Э.Н. Зло как составляющая морали // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 3.
2. Драпкин Л.Я. Страницы из дневника следователя. 2-е изд., доп. Екатеринбург: Изд-во УрГЮУ, 2016.
3. Дробницкий О.Г. Мораль // Философский энциклопедический словарь. – М.: 1983.

4. Золотухина-Аболина Е.В. Современная этика. Учебное пособие для студентов вузов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ИКЦ «МарТ», Ростов н/Д: Изд. центр «МарТ», 2003.

5. Зорькин В. Правоприменение как стратегическая проблема // Право и правоприменение. М., 2011.

GRIBAKINA E.N.
Doctor of Philosophical Sciences,
Professor of the Department of Philosophy and
Sociology, Professor
Ural State Law University named after
V. F. Yakovlev (Yekaterinburg)

Potential of teaching professional ethics for lawyers

The paper proposes new approaches to teaching the course of lawyer's professional ethics: to introduce such topics as evil as a component of morality, criteria of evil, professional and ethical models of criminal investigator's activity, ethical knowledge matrix, essay-writing technique, etc.

Keywords: *ethics, lawyer's professional ethics, conscience, belief, evil, professional and ethical problems.*

References:

1. Gribakina E.N. Zlo kak sostavlyayushchaya morali [Evil as a component of moral]. Social'no-gumanitarnye znaniya [Socio-humanitarian knowledge], 2019, no.3.

2. Drapkin L.YA. Stranicy iz dnevnika sledovatelya [Pages from the investigator's diary], 2nd edition, Yekaterinburg, Ural State Law University Publishing House, 2016.

3. Drobnickij O.G. Moral' // Filosofskij enciklopedicheskij slovar' [Philosophical Encyclopedic Dictionary], Moscow, 1983.

4. Zolotuhina-Abolina E. V. Sovremennaya etika. Uchebnoe posobie dlya studentov vuzov [Modern ethics. Study books for the students of higher educational establishments], 2nd edition, – Moscow, "MarT" Publ, Rostov on Don, "MarT" Publ, 2003.

5. Zor'kin V. Pravoprimerenie kak strategicheskaya problema [Law enforcement as a strategic issue]. // Pravo i pravoprimerenie, Moscow, 2011.

ЕРМОЛАЕВА Светлана Юрьевна
доцент кафедры журналистики и
медиакоммуникаций Института журналистики,
коммуникаций и медиаобразования,
Московский педагогический
Государственный университет
E-mail: Syu.ermolaeva@mpgu.su

ШВЕДОВА Анастасия Сергеевна,
магистрант кафедры журналистики и
медиакоммуникаций Института журналистики,
коммуникаций и медиаобразования,
Московский педагогический
государственный университет
E-mail: shvedova-nastya9@mail.ru

Роль современных медиа в образовательном процессе

В данной статье рассматривается роль медиа в образовании. Автор анализирует основные моменты, необходимые для определения роли медиа в образовании, такие как информационное общество, «рынок» и т.п. На основе проведенного анализа делается вывод о важности формирования медиакультуры, которая бы закрепила критическое отношение к информации у обучающихся и ввела медиа в рамки современной образовательной системы.

Ключевые слова: медиа, медиакультура, образование, информация, ресурс, СМИ.

Новые медиа – термин, который означает компьютерные, цифровые технологии и сетевые коммуникаций. Их массовость и доступность напрямую связаны с компьютеризацией общества и дальнейшей цифровой грамотностью. С развитием технологий и появлением интернета наблюдается стремительная трансформация медиа.

Термин «медиа» – в современном мире является синонимом понятия средств массовой информации. К медиа мы относим газеты, фотографии, радио, кинематограф, телевидение, видео, всемирную сеть «Internet» и пр. Всё это, помогает

расширить кругозор человека, ведь в настоящее время без новых медиа никуда.

Для определения роли медиа в образовательном процессе нужно принимать во внимание ряд факторов, создающих современную образовательную повестку:

1) **Информационное общество.** Новые средства коммуникации, такие как Всемирная сеть «Интернет», обуславливают продуктивность использования мультимедийных технологий в учебном процессе [10]. Информированность учащихся относительно современных реалий (социальных, экономических, политических и т.д.) имеет свои нюансы. С одной стороны, эта информированность существенно расширяет горизонт восприятия личности, открывая доступ к новым знаниям, с другой – необъятный поток информации может сформировать зависимость учащихся от медиасреды, негативно воздействовать на их психологическое здоровье [5, с. 23]. Кроме того, само обращение обучающихся с информацией часто носит некритический, спонтанный характер [4, с. 16], что вызывает риск манипуляции личностью ученика [3, с. 29]. Важной мерой противодействия негативистскому влиянию медиа является формирование у учащихся медиакультуры, норм «восприятия и передачи информации» [6, с. 30], способности анализировать, оценивать информацию, а также заниматься медиатворчеством, адаптироваться к меняющейся медиасреде» [6, с. 30].

2) **Переход от «парадигмы развития» к «парадигме саморазвития»** [2, с. 207]. Возможность моментального обращения к информации является признаком разрушения классического института образования, где знание как социальный феномен институционализировано, локализовано в конкретных учебных заведениях. Медиасреда формирует альтернативный, конкурирующий с классическим [7, с. 288], путь к знанию, идет «процесс цифровизации образования, перехода его на интернет-платформы в виде различных форм дистанционного обучения, с использованием разнообразных медиаресурсов» [13, с. 266]. Возникает эффект «параллельной школы», «опасный» тем, что, например, на работу с информационными ресурсами, средний ученик затрачивает больше времени, чем на само обучение [14, с. 134]. Это означает фактическое «расслоение» образовательного процесса, его дефундаментализацию [13, с. 266].

3) **Деперсонализация образования** [13, с. 267]. Напрямую связан с предыдущим пунктом. Данный фактор заключается в отходе от традиционной модели обучения, где учитель, как

авторитарная фигура, является главным действующим звеном образовательного процесса. Появление современной медиасферы, базирующейся на понятиях интерсубъекта и «коллективного разума» [12, с. 62], размывает эту схему обучения, представляя учителя и учеников как равных соучастников, формирующих знания. Современный учитель только направляет учеников на «правильный» поиск информации, но не является её единственным медиумом, поскольку в открытом информационном мире это фактически невозможно.

4) **Рынок.** В современной медиасфере образование представляет собой некий продукт, который имеет определенную рыночную стоимость. Для рынка характерно стремление к специализации производства [13, с. 266] и введения инноваций, в то время как в классической «советской» модели обучения основное внимание уделяется универсализму образования и традиционным воспитательным целям (формированию патриотизма, культурного «кода», определенных норм поведения молодежи) [7, с. 299]. Эти два подхода противоречат друг другу, при этом сосуществуя в российской системе образования [7, с. 299], что вызывает ряд противоречий и в медиаисточниках, связанных с образовательными вопросами.

Учет вышеприведенных факторов необходим, чтобы понять ту действительно колоссальную роль, которую играют современные медиа в образовательном процессе. Не всегда эта роль сводится к положительному подкреплению образования. Медиа могут выполнять и чисто негативистские функции, деперсонализируя обучение, подменяя традиционные знания и конкурируя с классическими институтами – школами и вузами. Действительно продуктивный подход использования медиа в образовании заключается в формировании у обучающихся медиакультуры, умений критической обработки поступающей информации. Он требует от учителя методологической подкованности, функционалистского «взгляда», встраивающего средства медиа в образовательный процесс в зависимости от их продуктивных функций. Это может быть функция моделирования изучаемых явлений, компьютерная визуализация тех или иных объектов, помогающих усвоить передаваемую информацию, функция интерактивного управления смоделированных процессов (когда ученики принимают виртуальное участие в визуализированных явлениях), функции, связанные с текущим и итоговым контролем, функция эмоцио-

нального закрепления [10] (средства информации могут придать красок, экспрессии, объема абстрактным понятиям, терминам, математическим объектам).

В качестве встраивания медиасредств в образовательный процесс может использоваться формат электронного учебника, в котором помимо подаваемой информации содержатся различные ссылки на медиаресурсы, рисунки, видеоматериалы, обучающие игры и т.п. Разработка электронных учебников является важной частью медиа-образования, соответствующая его основным задачам: «подготовить новое поколение к жизни в современных информационных условиях, к восприятию различной информации, научить человека понимать её, осознавать последствия её воздействия на психику, овладевать способами общения на основе невербальных форм коммуникации с помощью технических средств и современных информационных технологий» [11, с. 241].

Кроме информационных технологий, вроде компьютера и его продуктов, а также информационных профессиональных и медийный ресурсов, например, специальных порталов и СМИ, современное образование использует частные медийные проекты, такие как образовательные каналы блогеров. В последнем случае высока вероятность субъективности получаемой информации, поскольку подобные блоги не аффилированы образовательной системой, а являются индивидуальной инициативой отдельных лиц [7, с. 296]. Однако не учитывать их в системе образования все же не стоит, поскольку для учеников фигура блогера может подменять авторитет учителя. В этой ситуации необходимо обратить внимание на выработку умений, связанных с медиакультурой. Общая грамотность по части медиасреды поможет обучающимся критично подходить к получаемой информации, минимизировав зависимость от авторитета отдельных персон.

Мультимедийные технологии, применяемые при обучении, облегчают процесс запоминания за счет создания экспрессии, динамики, иллюзии соприсутствия, сопереживания [1, с. 10.]. Все эти средства обучения являются продуктивными в том случае, если разработана соответствующая методика, основанная «на проблемных, эвристических, игровых и других продуктивных формах обучения, развивающих индивидуальность учащегося, самостоятельность его мышления, стимулирующих его способности через непосредственное вовлечение в

творческую деятельность» [8, с. 23-24]. И, разумеется, достижение подобных целей невозможно без качественного обращения с используемой информацией.

Таким образом, роль современных медиа в образовательном процессе очень значима в наше время. Конечно, как и у любого явления у новых медиа есть как плюсы, так и минусы. Использование интернет-ресурсов очень удобно, любую информацию мы можем найти прямо у себя в телефоне, компьютере и тп. Но, тем самым, померкли бумажные источники, к которым привыкли многие. Также, с появлением социальных сетей органам внутренней безопасности стало легче составлять базы данных населения, но одновременно уменьшилась возможность контроля информации, подаваемой пользователям.

Переход СМИ на новый уровень, был неизбежен. Ведь, чтобы двигаться в ногу со временем, нужно постоянно развиваться, усовершенствоваться и приспосабливаться под новые рамки. Сейчас стоит лишь ожидать новые интернет источники, потому что процесс глобальной компьютеризации уже запущен и неотвратим, подобно бомбе с часовым механизмом.

Литература

1. Бондаренко Е.А. Медиаобразование в современной школе с точки зрения образовательных стандартов // Медиаобразование и медиакомпетентность / Под ред. А.В.Федорова, Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та 2009. с. 10.

2. Мультимедийная журналистика / Под общей редакцией Качаевой А.Г., Шомовой С.А., 2-е издание (электронное), М., Издательский дом ВШЭ, 2018.

3. Геруля М. Возможности и опасности развития информации в современном обществе. Журналистика и медиаобразование-2008: сб. трудов III Международной научно-практической конференции: В 2 т. Белгород: БелГУ, 2008; Т. I: 22 - 31.

4. Горячев М.Д. Формирование идейной убежденности старшеклассников средствами массовой информации Автореф дисс. канд. пед. наук: 13 00.01 М., 1989.

5. Калмыков А.А. E learning как инструмент медиаобразования. Высшее образование в России. 2009; 10: 29 - 32.

6. Кирия И.В. Российская реформа образования в культуре популизма российской медиасферы / И.В. Кирия // Вопросы образования. 2020. № 4. С. 288-311

7. Киселев Ш. Информационные технологии в педагогическом образовании. Москва: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2014.

8. Психолого-педагогический словарь / Сост. В. А. Мижериков; Ред. П.И. Пидкасистый. Ростов: Феникс, 1998.

9. Якушина Е.В. Интернет в аспекте медиаобразования // Сборник материалов научно-практической конференции молодых ученых «Проблемы перехода к 12-летней системе обучения». М. ИОСО РАО, 2000. С. 134-139

ERMOLAEVA S.Yu.

Associate Professor of the Department of Journalism and Media Communications, Institute of Journalism, Communications and Media Education, Moscow Pedagogical State University

SHVEDOVA A.S.

Master's student of the Department of Journalism and Media Communications of the Institute of Journalism, Communications and Media Education, Moscow State Pedagogical University

The role of modern media in the educational process

This article changes the role of media in education. The author analyzes the main factors necessary to determine the role of media in education, such as the information society factor, the "market" factor, etc. Based on the analysis, a conclusion is made about the importance of forming a media culture that would consolidate a critical attitude to information among students and introduce media into the framework of the modern educational system.

Keywords: *media, media culture, education, information, resource, mass media.*

Literature

1. Bondarenko E.A. Media education in a modern school from the point of view of educational standards // Media education and media competence / Edited by A.V.Fedorov, Taganrog: Publishing House of Taganrog state Pedagogical Institute 2009. p. 10.

2. Multimedia Journalism / Edited by Kachkaeva A.G., Shomova S.A., 2nd edition (electronic), Moscow, HSE Publishing House, 2018.

3. Gerulya M. Opportunities and dangers of information development in modern society. Journalism and Media education-2008: Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference: in 2 volumes Belgorod: BelSU, 2008; Vol. I: 22-31.

4. Goryachev M. D. Formation of ideological conviction of high school students by mass media Abstract. Candidate of Pedagogical Sciences: 13 00.01 M., 1989.

5. Kalmykov A.A. E learning as a tool of media education. Higher education in Russia. 2009; 10: 29 - 32.

6. Kiria, I.V. The Russian reform of education in the culture of populism of the Russian media sphere/ I.V. Kiria// Education issues. 2020. No. 4. pp. 288-311

7. Kiselev Sh. Information technologies in pedagogical education. Moscow: Publishing and Trading Corporation "Dashkov and Co.", 2014.

8. Psychological and pedagogical dictionary / Comp. V. A. Mizherikov; Ed. P.I. Pidkasisty. Rostov: Phoenix, 1998.

9. Yakushina E.V. Internet in the aspect of media education // Collection of materials of the scientific and practical conference of young scientists "Problems of transition to a 12-year system of education". M. IOSO RAO, 2000. pp. 134-139

Трансформация политических отношений в процессе взаимодействия сетевых феноменов и иерархических структур

Отдел исследования социально-политических отношений Института социологии ФНИСЦ РАН совместно с редакцией журнала «Социально-гуманитарные знания» в феврале 2022 года провели «круглый стол» по теме «Трансформация политических отношений в процессе взаимодействия сетевых феноменов и иерархических структур». Ниже мы публикуем выступления его участников в сокращении.

МИХАЙЛЕНКО Олег Михайлович, доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель отдела исследования социально-политических отношений Института социологии ФНИСЦ РАН.

Mikhaylenok O.M., doctor of political science, professor, chief researcher, Institute of sociology, FCTAS RAS.

Ускорение глобальных изменений во всех сферах жизни общества (чему немало способствуют и прорывы в технологических областях) требует от научного сообщества продвижения в разработке эффективных теоретических инструментов, позволяющих ориентироваться в этом меняющемся мире, понять и предвидеть последствия этих изменений и движущие силы общественных перемен сегодня.

Одним из глобальных явлений последних нескольких десятилетий стали процессы информатизации, сетевизации, которые затронули многие сферы жизни общества: «...от экономики до социологии, от нейронауки до организационного

поведения...», которые, безусловно, повлияли и на сферу политики, политических отношений.

Для политической науки актуальным предметом научных исследований являются политические отношения. В связи с ускоряющимся развитием мировых процессов меняется и политическая сфера. В частности, происходит расширение содержания понятия «политические отношения», т.к. политическое измерение охватывает все сферы жизни общества – науку, образование, медицину, спорт и т.д. Политизация подавляющей части общества требует применения для изучения этих гибридных образований опоры на различные теоретические концепции, использование оригинальных, иногда неожиданных методологических синтезов. К сожалению, зачастую создаётся впечатление, что мы живём в пору, «когда интеллектуальное многообразие является формой разнообразия, наименее всего ценимой в университетах...» (мы бы сказали – в академической науке).

Тем не менее очевидно, что сегодня всё сильнее ощущается влияние сетевых феноменов на трансформацию политических отношений. Анализируя укоренение сетевых образований в социуме, М. Кастельс отмечал, что в современном мире сетевые принципы общественного устройства постепенно сменяют иерархические структуры. «Если ранее сеть, сетевая организация была отображением лишь внутренней структуры общества, её подсистем и объединений, зачастую невидимой либо трудно распознаваемой, то в новейшем мироустройстве она играет ключевую роль и становится внешней структурой общества, её формой».

Но процесс внедрения сетевой организации в общее мироустройство, в том числе и в политической его части, представляется весьма сложным и неоднозначным. Существование множества сетей, «проявленных» или «скрытых», предполагает разнообразные взаимоотношения между ними. Выясняется, что сети могут возникать, исчезать, разъединяться, объединяться, конкурировать и даже воевать друг с другом. По убеждению сетевых теоретиков (прежде всего М. Кастельса и Б. Латура), сети противостоят иерархическим структурам, в том числе и в политической сфере.

Другие теоретики придерживаются мнения, что «миры иерархий и сетей встречаются и взаимодействуют» (Н. Фергюсон). Менее оптимистически настроенные авторы, которые принимают в основном положения сетевой теории, тем не менее не считают замещение сетями иерархий делом, так

сказать, решённым. Более того, как, например, пишет Н. Фергюсон, в экономических отношениях мирового уровня иерархия будет являться одновременно и сетью.

Во всяком случае, процесс взаимодействия сетевых образований с иерархическими структурами на уровне политических отношений достаточно сложен, и однозначную оценку преимуществ и недостатков того или иного варианта самоорганизации общества на современном этапе пока дать проблематично.

Анализируя влияние сетевой реальности на сферу политики в глобальном масштабе, Н. Фергюсон обращает внимание на то, что в продвижении сетей по пути борьбы с иерархиями наблюдаются такие феномены, как «сетевые атаки». В качестве примера он указывает на угрозы политических сетей внутриполитическим иерархиям (Ближний Восток, Украина, Британия, США). Он также считает, что, например, Брекзит – победа сетей. Сетевые комбинации в политической сфере всё активнее проявляются в Китае, Казахстане, в той же Украине.

Правда, оценка перспектив победы сетей над иерархией у этого автора не сильно оптимистичная. Говоря о своей работе, он пишет: «...Моя задача – оспорить безапелляционные утверждения некоторых экспертов, что разрушение иерархического порядка силами сетей непременно происходит во благо». Более того, анализируя роль сетей в регулировании общемировых процессов, на вопрос, возможен ли вообще порядок в мире сетей, Н. Фергюсон отвечает, что сильно в этом сомневается.

Во всяком случае, сегодня динамика взаимодействия сетей многими признается решающим источником доминирования и изменения в нашем обществе, а сетевой подход оценивается как продуктивный в отношении конкретных социальных институтов и сферы политических отношений.

Как считают многие эксперты, перспективы исследования сложных взаимодействий и непредсказуемых моделей развития современных социально-политических отношений связаны со значительным аналитическим потенциалом сетевой теории. Привлекательность сетевой концепции и соответствующий рост числа её сторонников объясняют, прежде всего, её широкими возможностями эмпирической применимости, дающей выход на междисциплинарные теоретические обобщения. Кроме того, «возрастание роли сетевых коммуника-

ций, в том числе неинституциональных обменов и неформальных солидарностей, актуализирует сети как социальную реальность».

Однако в методологическом плане, если вспомнить тезис М. Кастельса о новой социальной морфологии, приходится признать, что в области прикладной теории, в том числе и в изучении политических отношений, пока ещё слабо выявлены особенности использования концепта «сети». В большой степени последний недостаточно теоретизирован и часто используется в качестве синонима концептов «социальной системы», «социальной группы», «общества» и других.

Тем не менее сторонники сетевой парадигмы всё активнее продвигают в современной отечественной социальной и политической науке сетевой подход в различных сферах, для различных целей, пытаясь обосновать максимальную эффективность этой методологии в познании новой социальной реальности.

На наш взгляд, пока сетевая теория остаётся единственно значимой альтернативой существующих подходов к пониманию сущности социального (и политического), что даёт некоторые оптимистические основания для веры в возможность дальнейшего продвижения на пути познания окружающего мира.

Вследствие вышесказанного хотелось бы предложить для обсуждения следующие вопросы:

– Как соотносятся между собой понятия «политические сети» и «политические отношения» в контексте альтернативы сеть – иерархия?

– Какие новые методы исследования политики, политических отношений вытекают и уже применяются в политологии? Как они соотносятся с уже сложившимся методологическим арсеналом социологии и политологии?

– Какие альтернативы на сегодня просматриваются в изменении понимания политических отношений?

– Что представляет собой дифференциация политических отношений по таким уровням, как глобальная политика, региональная, внутристрановая, муниципальная? Опять стереотип?

– Что такое власть в сетевом ракурсе? Государство: каковы результаты воздействия сетевой реальности?

– Что такое социальная политика и кто актор? Социальная политика вообще? По аналогии с социальными исследованиями – политология образования, семьи, спорта, медицины, элит, армии и т.д.?

– И у М. Кастельса, и у Б. Латура прослеживается тезис о том, что сетевая организация реальности, специфика сетевых взаимодействий как бы упраздняют пространство (да и время в сетевой реальности понимается иначе). Можно ли говорить (если иметь в виду сетевой подход) как вообще о «сетевом пространстве», так и о каких-то характеристиках этого пространства (размерность, изотропность, топология) и в каком смысле?

– Возможно ли изучение каких-то групп (элиты, электорат, протестные объединения) называть сетевым подходом только потому, что эти группы образуют более или менее сложную сеть (чаще всего имеется в виду компьютерная сеть, а она всего лишь часть общесетевой реальности со всеми вытекающими последствиями сетевых взаимодействий)?

– Как на примере конкретных институтов убедительно продемонстрировать активизацию «сетевых атак» на иерархические основания этих институтов (партии, профсоюзы, законодательные органы)?

– Как соотносятся реализация самопроизвольного формирования социальных сетей и использование (и даже целевое создание) сетевых образований в целях политического управления или даже манипуляции массовым сознанием?

– Возможно ли функционирование государства на основе использования сочетания сетевых образований и иерархических структур?

А.В. БРЕГА, доктор политических наук, профессор Финансового университета при Правительстве РФ, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН.

A.V. BREGA, doctor of political science, professor of the Financial University under the Government of Russia; leading researcher, Institute of sociology, FCTAS RAS.

Социальные сети, отношения и взаимодействия представляют собой новую форму капитала и организации, а также новые формы идентичности и действия. Мы живём в обществе, где сети отношений стали важным и определяющим аспектом нашего прошлого, настоящего и будущего – в той мере, в какой социальные и политические циклы происходят

по сетям, а их структуры и динамика становятся объясняющими то, какими будут институты и процессы в тот или иной исторический момент.

Сегодня сетевой анализ становится важным аналитическим инструментом в политологических исследованиях. Он, как теоретическая концепция и как методологический подход, предлагает новую возможность лучше понять современные политические изменения. Вместе с тем остаётся открытым вопрос о сопряжённости сетевого подхода с другими методологиями познания мира политики.

Сочетание сетевого анализа и фьючерсных исследований является мощным инструментом прогнозирования и понимания будущих социальных изменений. Сетевой анализ нередко упоминается в качестве одного из доступных инструментов, или части набора инструментов, в политических исследованиях.

В свою очередь, фьючерсные исследования, или футурология, весьма востребованы как междисциплинарный и целостный анализ социальных и технологических изменений. Его цель состоит в том, чтобы понять, как люди будут жить и работать в будущем. Современные представители фьючерсных исследований особое внимание обращают на систематическое изучение альтернатив, стремление понять, что, скорее всего, сохранится и что реально может измениться. Другими словами, данные исследования стремятся к систематическому и основанному на паттернах пониманию прошлого и настоящего.

С точки зрения когнитивной позиции, как сетевой анализ, так и фьючерсные исследования востребованы политической наукой. Их теоретические и методологические подходы нацеливают на социальные измерения, отличающиеся динамичностью и ориентированностью на будущее. Каждый из них по отдельности обладает своим особым потенциалом для познания политики. В то же время вместе их потенциал умножается при совместном использовании.

Учитывая растущее значение сетевого капитала в разворачивающейся структуре и динамике общества в XXI в., знания о них явно полезны для видения будущего, по крайней мере в следующих трёх измерениях, а именно:

– Действия предпринимаются через сети, в результате чего понимание характеристик сетей поможет нам понять и определить вероятные действия.

– Сети формируют и стимулируют действия и, следовательно, будущее.

– Действия предпринимаются в сетях, что вводит новую единицу анализа. В настоящее время основное внимание уделяется уже не индивидуальным действиям, а действиям новых социальных организаций – мегасетей.

Сети являются квинтэссенцией современных отношений, воплощая новые организационные формы, которые постоянно меняются и адаптируются к изменяющимся условиям. Как следствие, они организуют собой пространства и формы отношений, которые создают будущее.

Комбинация фьючерсных исследований и сетевого анализа позволяет лучше понимать причины и следствия в осмыслении сетей, открывать «двери» для оценки влияния определенных особенностей (центральность, кластеризация и т.д.) на динамику и будущее сети. С другой стороны, это даёт фьючерсным исследованиям концептуальные и аналитические инструменты для анализа фундаментальных аспектов современной социальной динамики, т.е. сетей. Комбинируя их, оба поля получают высокую аналитическую силу и глубину. Полученный в результате новый продукт, например, Futures Studies – Social Network Analysis, может стать решающим для понимания политических явлений и изменений, а также возникающих явлений, формирующих общество или общества завтрашнего дня.

Анализ политических сетей даёт карту взаимосвязей между субъектами/организациями, которая полезна для понимания и визуализации системы контактов и связей, необходимых для действий и передачи информации из одной части сети в другую. Такие показатели, как центральность, близость, промежуточность и способность соединять различные части сети, позволяют прогнозировать поддержку или конкуренцию между субъектами. Кроме того, анализ социальных сетей представляет информацию, облегчающую исследование генерации изменений путём увеличения или уменьшения центральности, ускорения или замедления потока связи, а также укрепления или ослабления сети.

Изучение политики на основе взаимосвязи сетевого анализа и исследования фьючерсов обычно требует комплексного подхода к вероятному и предпочтительному будущему. Такая концептуальная связь с действием сближает их с политическими сетями, рассматриваемыми как пространст-

ва и каналы действий. Сетевой анализ генерирует информацию, которая может быть полезна для видения будущего, прогнозирования или определения наиболее вероятного будущего. Показатели центральности выделяют наиболее заметных, мощных, хорошо известных субъектов в сети. В некоторых ситуациях информация о центральности может напрямую указывать на наиболее вероятное будущее. Анализ политических сетей позволяет получить вторичную информацию об интенсивности отношений в различных сегментах политической элиты.

Подобный приём, например, используется при анализе моделей структурирования политической элиты. Анализируя биографии, карьеру и отношения политиков, можно получить информацию о характере взаимосвязей между ними как членами одной конгрегации. Так, принадлежность к одной и той же конгрегации даёт более тесные контакты и доверие среди них. Те политики, которые имеют больше контактов благодаря принадлежности к большему количеству конгрегаций, становятся более известными и будут пользоваться большим влиянием. Эта информация приведёт нас непосредственно к людям, которые, скорее всего, будут обладать «большим весом».

Создание визуального представления о сети, основанного на сочленстве в конгрегациях, создаёт плотную, сложную структуру. Периферия состоит из членов группы, у которых меньше отношений, а тесно сплетённый центр показывает, где отношения наиболее интенсивны. Сложность и плотность реляционной системы затрудняют чёткое представление о центре сети. Визуально, используя различные показатели центральности (степень, близость, промежуточность, центральность клики), можно провести ранжирование наиболее центральных представителей.

Как и в случае с другими методами исследования, сетевой анализ не может обеспечить единое, непогрешимое предсказание, потому что информация, на которой он основывается, всегда ограничена. В ситуациях, когда взаимодействие и доверие являются основой действий и выбора, которые будут определять будущее, сетевая информация и её анализ предполагают очень строгий подход к определению вероятного будущего. Самый востребованный метод предвидения – использование сценариев, которые являются правдоподобными ситуациями с учётом определённого набора определяющих факторов. Сценарии служат надёжным представлением возможного и альтернативного будущего.

Добавление сценариев к сетевому анализу позволяет лучше понять сети как динамические инструменты и пространства изменений. В то же время он привносит новое измерение анализа во фьючерсные исследования, предоставляя новый инструмент для построения альтернативного будущего. С точки зрения сетевого анализа, когда речь идёт об основных акторах и их социальном капитале, мы фокусируемся на группах или сетях, в которые встроены отдельные корпорации. Другими словами, мы относимся к корпорациям не как к независимым, индивидуальным субъектам, а, скорее, как к частям новой организации, которую можно было бы назвать мегасетевой корпорацией. В результате появляется другой взгляд на вовлечённые корпорации, рассматриваемые как часть более широких сетей. Это позволяет представить и проанализировать размер и положение мегасетевой корпорации, её социальный капитал и отношения между мегасетевой корпорацией и корпоративной сетью.

Объединив инструмент сценарного анализа (как одного из видов фьючерсного исследования) с сетевым анализом, можно создать востребованный теоретико-методологический подход, способный не только принести пользу двум дисциплинам, но и стать подходящим инструментом анализа политических явлений в сетевом обществе, конструирующего будущее.

Таким образом, познание политических сетей нуждается в слиянии теоретических подходов – анализа социальных сетей и фьючерсных исследований. Данное слияние улучшит способность прогнозирования вероятных событий, выявление возможных проектов будущего, а также понимание изменений и динамики в сетях, делая возможным измерение множественных взаимосвязей. Предоставляя карту взаимодействий между субъектами, анализ социальных сетей может быть полезен при изучении и построении будущего. Действия сегодня – это то, что строится завтра. Понимание политических сетей и социальных тканей помогает предпринимать действия сейчас, чтобы построить будущее.

Б.И. ЗЕЛЕНКО, доктор политических наук, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН.

B.I. ZELENIKO, doctor of political science, main researcher, Institute of sociology, FCTAS RAS.

Смыслополагание предложенного кейса заставляет вычленивать ряд объясняющих доминант и реперных точек. Здесь

логично говорить о политической сетевизации как когнитивной, сущностной платформе трансформирующегося российского общества. Речь идёт о влиянии сетевых политических феноменов на общественную сферу. В российской политологии эта тема только начинает дискутироваться. Предпринимаются попытки дополнить дискуссию и эпистемологическим смыслом. В такой плоскости, видимо, и располагается проблематика нашего «круглого стола», нацеленного на прирост теоретико-методологического понимания. Последнее предполагает соответствующие усилия. Тем не менее, двигаясь от сложного к простому, необходимо ответить на главный вопрос: какова корреляция политической сетевизации при создании трансформирующегося социума?

Во-первых, особенностью развития современного российского общества является несовпадение по фазе, а иногда и по направлению динамики различных процессов. Такое несовпадение может влиять на неприятие упомянутой корреляции из-за того, что содержательно и информативно общество к ней пока не готово.

Во-вторых, данная корреляция носит амбивалентный характер. С одной стороны, исторические особенности организации общества характеризуются наличием известных механизмов подавления. А оно, как показывает политическая практика, склонно к пролонгации, восходящей к авторитаризму. С другой стороны – источником появления политической сетевизации является противоречивый характер общественного развития. Особенно в отношении распределения власти. Плюс к этому – стремление к единой модели исторически изживших себя «вчерашнего капитализма» и так называемого «нового социализма».

Современный функционал политической сетевизации позволяет обнаружить свои собственные созидательные характеристики. Её взаимодействие с трансформирующимся обществом в качестве когнитивной платформы открывает разнообразие связей, которые могут проявиться при создании нового типа социума. Не исключается, что политическая сетевизация может стать реальным преобразующим фактором динамики российского общества.

Власть эту ситуацию отслеживает. В настоящий момент понятия «сетевое общество» и «сетевое государство» получили статус актуальных. Это закреплено в долгосрочном целевом проекте «О государственной программе Российской Федерации “Информационное общество (2011-2020)”», где

запланировано сформировать сетевое общество. Звучит оптимистично и, как бывало, «по-советски», «по-цековски» командно. Тем более общеизвестно реальное отношение государства к сетевому обществу. А оно в первую очередь формирует это самое сетевое государство.

Однако сроки проекта истекли, а результаты едва различимы из-за непонятной позиции российской политической бюрократии. В политике постоянно пульсирует идея разработки соответствующих концептов, направленных на исследование ключевых решений, принятых на протяжении всего постсоветского периода. Но концепты «заработают» лишь тогда, когда, во-первых, будет разработана их научная, а не научно-образная стратегема по рассматриваемой проблематике. Во-вторых, будут реально устранены препоны на пути действительно трансформирующегося общества.

Прежде всего имеется в виду необходимый онтологический анализ, который определил бы понятийный смысл исследуемого. Так, сетевая теория продуцирует идею о том, что сети порождают новый тип социума. К примеру, сетевое гражданское общество.

Однако у тех же теоретиков сетей, «отцов основателей», находим прямо противоположный взгляд, что небесспорно. Их взгляд общеизвестен и укладывается в логику актуализации неинституционализируемых политических акторов в публичной политике, функционирующей под воздействием ризомной сетевой самоорганизации. В среде онлайн-пространства этой политики создаются неявные, обладающие способностью развиваться в любом направлении и принимать произвольную, некорневую конфигурацию сетей. Синтезируя наработанное в сетевой теории, О.М. Михайленок в своём кейсе операционально и верно отмечает, что общий дух этой теории заключается в том, что осмысление понятия сетевого общества несовместимо с подходом к обществу как системе.

Действительно, в сетевой теории последовательно прослеживается отказ от субъектности сетевого гражданского общества; субъектность же остается, собственно, у сетевых сообществ. И это главное в отношении корреляции политической сетевизации с реформирующимся обществом вообще и сетевым в частности.

Что касается причин, замедляющих трансформацию социума, то, как свидетельствует политическая практика, они кроются в дискретности общественного преобразования и

демократического транзита, которые, в свою очередь, воздействуют и на уровень развития политической сетевизации в Российской Федерации. Поэтому упомянутая корреляция носит дискретный характер.

В монографии «Сетевизация политических отношений в условиях новой реальности», подготовленной силами исследователей Института социологии ФНИСЦ РАН (ответственные редакторы О.М. Михайленок и А.В. Назаренко), это довольно подробно проиллюстрировано. Напомним: Российская Федерация – федерация не регионов, а в основном корпораций. В условиях слабых институтов государство и социум «работают» как сетевые – с неформальными связями и договоренностями, внутренними нормами («понятиями») и лояльностями. Как следствие – непубличность и непрозрачность, поскольку само государственное устройство исключает нормальные коммуникации с социумом. В этом как раз и проявляется дискретность последнего. На смену регионализации приходит на территорию корпоративизация. Поэтому возникает идея о двумерной модели, когда сохраняются и региональные, и корпоративные измерения, но они отчасти поменялись местами, т.е. корпоративное стало главным.

Развитие политической сетевизации, её корреляция с трансформирующимся обществом остаётся втуне этих замкнутых корпораций. И все рассуждения, к сожалению, сводятся к одному – к иллюзии идеи.

Более того, ситуация оказывается нестабильной из-за слабости общественного контроля и от того, что разросшаяся и при этом фрагментированная система власти, как признается в аналитике, не способна осознавать общественный интерес и уж тем более его осуществлять. Может быть, политическая сетевизация достигнет такого уровня контролирующего функционала? Но будет она в России весьма своеобразной. Это вызвано, помимо названных причин, её недостаточностью, а точнее, неразвитостью.

Политическая сетевизация, в онтологическом смысле, должна выступать как системный элемент встраивания в основание современного «порядка вещей» в контексте трансформирующегося общества вообще и сетевого в частности. И это важно в когнитивном смысле, поскольку проблема России – в перечисленных сетевых ресурсах, которые используются порой не в интересах социума в целом, а в интересах той или иной сетевой структуры. Поэтому политологи предлагают, что вопрос в отношении официального лидера страны должен

адресоваться не столько к его личности, сколько к различным сетям.

Наряду с отмеченным на дискретность общественного развития и демократический транзит влияет и латентный, скрытый характер политики. По мнению А. И. Соловьева, в РФ институциональный дизайн представляет собой латентный ландшафт иерархий. Констатируется, что происходит самолегализация иерархий через публичную сферу. Далее, фиксируется механизм перехода этих иерархий уже от публичного к латентному способу функционирования.

В настоящее время в РФ повсеместно признаётся полное доминирование латентных структур в политическом поле. Отчасти это касается и сферы политической сетевизации. Всё это функционирует вне права; латентными структурами осуществляется и система регулирования и распределения ресурсов. В аналитике отмечается: лишь частично повысился эластичность государственного управления, латентные акторы привели законодательство в соответствие со своими интересами и обеспечили публичные гарантии своего самосохранения. Латентные структуры как были, так и остались доминирующими в политике, немного изменив механизмы своей политической иерархии. Искусственно конструируемая публичность позволяет перехватывать у неиерархий часть их властных полномочий. Тем самым вытесняя их на политическую обочину. Это распространяется и на сферу сетевых иерархий и неиерархий.

Характерным примером этого является недавний конфликт в известной азиатской стране. Причем это политическое столкновение трактуется как-то странно. Имеется в виду определение субъектности конфликтующих сторон. Произошла классическая (по Н. Фергюсону) взаимная сетевая атака. Конфликтовали две сетевые иерархии. При этом инициаторами атаки были сетевые сообщества. В итоге идею перехватили упомянутые иерархии, вполне возможно появление и третьей сетевой иерархии, – жизнь покажет. Судьба сетевых неиерархий – оставаться, как упоминалось, на политической обочине. Это яркая иллюстрация к ранее приведенным причинам, препятствующим полноценной корреляции политической сетевизации и трансформирующегося социума.

Таким образом, сетевой мир дифференцирован, особенно в отношении соответствующих преобразований общественного устройства. Политическая сетевизация способствует появлению сетевых иерархий и сетевых неиерархий – сетевых

сообществ. Поставленный вопрос об упомянутой корреляции находится в дискурсе. При этом воздействие или контроль в дифференцированном сетевом мире не представляются возможными.

В сфере взаимных сетевых атак сетевых иерархий и неиерархий отсутствуют стратегемы взаимоотношений: ни человеческих, ни социальных, ни правовых, ни каких-то других. Что, возможно, и спорно. Однако необходима структура, которая была бы арбитром при возникающих коллизиях. Не исключается появление новой иерархии, давно исторически ожидаемой человечеством. Мы имеем в виду построение «срединного» государства, синтез которого вобрал бы в себя различные формы государственности: социальную, правовую, сетевую.

Это сложно. Но вспомним, с каким трудом человечество шло к разделению властей, которое стало обыденной в политическом поле парадигмой.

В.В. ЛЮБЛИНСКИЙ, доктор политических наук, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН.

V.V. LYUBLINSKY, doctor of political science, main researcher, Institute of sociology, FCTAS RAS.

Мы пытаемся объяснить современную политику, логику принятия политических решений. В реальности можно говорить о множественности моделей политических отношений, так как они дифференцированы в зависимости от области политики.

Особенность формирования политики в сетевом обществе – это повышенное осознание взаимозависимости, когда акторы признают, что не могут решить проблемы без сотрудничества. В рамках данного подхода сети создают потенциал для взаимодействия и коммуникации, совместного решения проблем и общей ответственности через «сообщества действий» (по Х. Арендт). Но в этом случае политика и формирование политики – это прежде всего поиск форматов, способных продуцировать доверие между взаимозависимыми субъектами политических отношений, которое становится одним из главных факторов эффективности социально-политических отношений и решения насущных проблем. В современном мире политические отношения часто социально не сбалансированы, что и является основным источником проблем.

Метафора сети/сообщества подчёркивает важность неформальных связей между субъектами/сетевыми элементами, находящимися внутри или вне официальных/формальных институтов. Несмотря на формальную демократию, политика всегда разрабатывалась и продолжает разрабатываться в «узком кругу». А это модель, в которой всё же больше иерархии, поэтому при таком подходе трудно учитывать многообразные интересы общества. В известной степени этот недостаток преодолевается через трансформацию политических отношений на сетевой основе, что открывает «двери политической кухни», придаёт политической сфере характер публичности. В свою очередь, это объективно приближает политику к гражданам, которые получают возможности участия в «производстве» политики.

Между тем политика, внутренняя и внешняя, должна основываться на ответственности перед обществом и гражданами. В частности, публичный характер социальной политики наиболее выражен по сравнению с другими направлениями, хотя это только важный аспект общего политического курса. Она в центре внимания общества, ибо касается вопросов благополучия (материального и нематериального), справедливости, обеспечения социально-экономических и политических прав.

Процесс формирования современного общества как сетевого начался с конца XX века. Была выдвинута концепция, согласно которой его основу составляют сети и сетевые отношения, утверждающиеся в различных сферах деятельности, а элементы сетей одновременно и автономны, и взаимозависимы. Однако, выдвинув концепцию сетевого общества, М. Кастельс сформулировал то, что вполне очевидно и лежит на поверхности. Общество всегда было организовано как сетевое, ибо человек не может жить изолированно от других людей, общения, совместной деятельности и т.д. В эпоху интернета и цифровых технологий «сетевой» характер общества становится более отчётливым, очевидным, а в результате усиливается воздействие на развитие общества и жизнь людей. Так называемые социальные сети постепенно приобретают политический вес, становятся фактором политики, обнаруживают проблему, обсуждают, доводят её до общественности.

Развитие модели сетевых отношений потенциально могло бы трансформировать политику в массовое творчество, широко открывая «ворота политики» гражданам. В своё время Э. Гидденс предложил термин «жизненной политики», который

подразумевает новый стиль политического участия и феномен «повседневного творца»: тип политической деятельности на низовом уровне, который сопротивляется концептуализации в привычных терминах социального движения или групп интересов.

Однако на практике, несмотря на открытость, она охватывает ограниченное число участников. При этом такая организация политических отношений предполагает необходимость согласования позиций со всеми заинтересованными «узлами сети», что уже по горизонтали бюрократизирует её и способно замедлять процесс принятия и реализации политических решений. В то же время за её пределами ни одна из представленных сторон не избавлена от внешнего давления и подчинения, имея определённый набор полномочий.

И кроме того, такой подход может уводить от реальности в объяснении политических отношений, т.к. предполагает «партнёрство» (в принципе равное участие), между тем как реальная политика строится на доминирующих интересах и влиянии. Взаимодействия в рамках сетей отнюдь не отрицают влияния фактора традиционной иерархии, принимая во внимание различия в ресурсных потенциалах и социально-политических статусах «узлов сети». Теоретически это допустимо, но на практике маловероятно.

Горизонтальный характер взаимодействия в рамках политических сетей отнюдь не означает, что участники наделены равными правами и одинаково влияют на принимаемые решения. Но иерархия и подчинение не уходят, а политические отношения, которые становятся сетевыми, не преобразуются на новых началах, где главенствующую роль играли бы горизонтальные связи. Но это по факту не соответствует действительности, искажает её в угоду определённым интересам. Всё в окружающем мире структурировано, существуют соподчинённости. Поэтому сети и сетевые отношения, если мы считаем, что они существуют, также структурированы, но это своеобразная структура, недолговременная в связи со своим неформальным статусом.

Однако возможна ли реальная политика, основанная на партнёрстве? Политические отношения трансформируются в сторону сбалансированности, условного партнёрства и традиционного доминирования. Поэтому в современном мире политические отношения – во многом зависимый фактор. Как отражение отношений социальных и экономических, они обладают невысокой степенью автономии, т.к. в противном случае

возрастает риск обострения проблем, теряется согласованность политики с реальностью.

Это касается и стратегической, и текущей политики, причём в любой конкретной сфере деятельности. И один из основных факторов политических отношений, который играет определяющую роль, – это дифференциация ресурсов: социальных, экономических, политических, социальных позиций, влияния и связанных с ними интересов и целей. А это означает, что в реальности характер политических отношений больше соответствует не сетевому, а традиционному подходу. Но крен в ту или другую сторону, как показала практика, лишает политические отношения устойчивости, делает развитие менее эффективным и более конфликтным, осложняет путь к согласию и консолидации.

Необходимо также учитывать, что сети политических отношений не являются институциональным фактором, они возникают в ходе политического процесса в связи с теми или иными проблемами развития. Сеть формируется спонтанно или автоматически, охватывая тех участников политики и управления, которые в большей степени заинтересованы и компетентны в соответствующих вопросах. Сети позволяют обстоятельно и глубоко «проработать» проблемы, с учётом динамики и перспективы. Поэтому алгоритм решения политической проблемы может различаться во времени, быть достаточно быстрым или затяжным. Но нередко возникают ситуации, когда проблема оказывается трудно поддающейся решению, ибо имеет место масса противодействующих факторов. В сетях могут возникать ситуации, связанные с противоречивыми интересами. Но это уже прерогатива не политических сетей, а профильных политических структур, которые призваны осуществлять согласованную в рамках сетевых взаимодействий политику.

В современную эпоху формируется модель сетевых политических отношений с участием многих заинтересованных сторон, что обусловлено возможностями, которые предоставляют новые технологии, и связано с усложнением политической повестки дня и демократизацией общества. В рамках сетевых отношений политические субъекты руководствуются рациональными целями, направленными на то, чтобы максимизировать результаты участия в сети, в частности, через «обмен ресурсами» для продвижения своих политических предпочтений. Это вытекает из теории политических сетей,

которая также устанавливает, что стратегии участников должны включать решения, касающиеся мобилизации ресурсного потенциала. В равной мере это связано и с необходимостью согласования общих интересов, более точного определения стратегических приоритетов, определения возможных сценариев, выбора эффективных политических инструментов. На первом плане оказываются общественные интересы, а это способно вызвать у граждан «чувство сопричастности» и повысить легитимность политики.

Если ресурсы политического субъекта увеличиваются, можно ожидать, что это усиливает его позиции и с течением времени политические решения (при прочих равных условиях) станут для него более благоприятными. И наоборот, уменьшение ресурсного потенциала снижает возможности влияния в политической сети и делает более проблематичными перспективы продвижения интересов и целей. При этом необходимо учитывать, что реально общий ресурсный потенциал политических сетей распределяется неравномерно. А это дифференцирует влияние участников сетевых взаимодействий на всех этапах формирования и реализации политических решений.

Таким образом, технологически политические отношения действительно трансформируются в направлении большей сбалансированности между традиционной иерархией бюрократической вертикали и партнёрством по горизонтали, определённого развития и усиления сетевого характера. Но при этом приобретают ли они большую эффективность? Становятся ли власть и система государственного управления более ответственными и чувствительными к проблемам общества и интересам граждан?

Представляется, что в этих отношениях позитивных сдвигов мало. Повсюду в мире мало. И Россия не является исключением. Но сегодня мы видим, как сами граждане «возбуждаются» по поводу различных политических проблем и инициатив и становятся политически активными в большей мере, чем прежде. И этому способствует развитие сетевого общества, цифровых технологий и интернета.

О.Г. ЩЕНИНА, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН.

O.G. SHCHENINA, candidate of political science, leading researcher, Institute of sociology, FCTAS RAS.

Топологический ракурс изучения пространства сетевых взаимодействий в целом и политических отношений в частности позволяет определить их качественные характеристики, свойства и конфигурации. Осмелимся предположить, что основу сетевых отношений составляет сетевое пространство, в котором они осуществляются. Однако чаще всего сетевые отношения рассматриваются с точки зрения их организации и функционирования в контексте виртуальной реальности, например, в сетевом пространстве интернета. При этом социальная реальность, как и виртуальная, представляет собой множественность социальных сетей, в том числе и сетевых политических отношений.

Дихотомия «виртуальное – реальное» постепенно уходит в прошлое на фоне формирования новой, своего рода дуалистичной социальной реальности. Сложность, неопределённость и амбивалентность социально-политических процессов в современном мире актуализируют научные поиски дефиниций, которые позволят предложить их качественный анализ и прогнозирование. В этой связи на первый план выходит применение междисциплинарного подхода, позволяющего на основе использования методологии разных областей знания (например, положений квантовой теории в политологии) проникнуть в суть процессов и явлений в социально-политической сфере. Так в рамках «нового научного мышления, представленного постклассической парадигмой, различные науки оказывают значительное влияние друг на друга; происходит их взаимное проникновение. При этом не просто стираются границы между науками, но активно используются концепции, подходы, теории, термины одной науки в рамках других».

Одной из востребованных областей научного познания в этом контексте является топология (область математики, по образному выражению – «геометрия на резиновом листе»), методологические подходы которой всё шире применяются в социально-гуманитарном знании. К основным концептам топологии относят пространство и форму, она исследует явления непрерывности, деформации, связности и множественности в динамике.

Применение топологического арсенала исследования расширяет возможности специалистов при характеристике граней новой социальной реальности. Кроме того, на фоне развития сетевого общества (процессы цифровизации, информатизации, сетевизации) происходит диверсификация онто-

логии и дискурса в социально-гуманитарных науках. Использование категориального аппарата топологии не только позволяет широко применять математические проекции в контексте социально-гуманитарных исследований, но и привносит новые смыслы в целый ряд понятий и категорий.

На современном этапе пересматриваются подходы к категории пространства и его трактовке. Например, «топологическое пространство – фундаментальный вид абстрактных пространств, формализующий понятия непрерывности, предельного перехода (сходимости) и близости между точками пространства». Новое понимание природы пространства связывается в том числе и с квантовой теорией, которая изменяет привычные нам представления о мире.

В этой связи возникает вопрос о том, как описать сети политических отношений на основе применения категории топологического пространства. Так, согласно квантовой теории «вещи (кванты) не населяют пространство, но располагаются друг по отношению к другу, а пространство – это ткань из соседских отношений». Возможно, сетевые политические отношения в процессе их функционирования и составляют ту самую «ткань пространства».

Долгое время пространство рассматривалось учёными как некая основа, контекст, фон, «зеркало» или «сосуд» для социальных и природных процессов и явлений, которому присущи, по мнению Г. Зиммеля, «так называемые «пространственные качества»: исключительность пространства, пространственные границы, близость и дистанция, фиксированность и соседство». С развитием представлений о пространстве происходит его разделение на физическое и ментальное пространство, пространство социальное и природное (Э. Дюркгейм, Ф. Ратцель, Х. Маккиндер, Я. Якобс, А. Лефевр, М. Фуко и др.). В XX в. появляется категория «пространственный поворот», что является свидетельством пересмотра роли пространства в развитии общественных процессов, взаимосвязи концептов «историческое», «социальное» и «пространственное». В подходах к переоценке роли пространства в социальных процессах оно всё чаще рассматривается как социальный ресурс, так называемый «пространственный капитал».

Вместе с тем в условиях становления сетевого общества происходит обновление подходов к ключевым категориям социально-гуманитарного знания, в том числе и к категории пространства. Предлагаются его новые трактовки, делается акцент на его коммуникативной составляющей, обеспечивающей

коммуникации в сетевой социальной и виртуальной реальностях. Появляются дефиниции «сетевое пространство», «цифровое пространство», «коммуникативное пространство», «публичное пространство», которые в разных ракурсах описывают грани сетевого общества.

Сетевые политические отношения складываются между сетевыми акторами, сетевыми сообществами, политическими сетями, которые опосредованы цифровыми сетевыми коммуникациями. Коммуникации осуществляются на основе использования информационно-коммуникационных технологий. Таким образом, политические отношения не только реализуются в социальном и виртуальном пространствах – онлайн и офлайн, – но и сами формируют это сетевое пространство. Следовательно, в политическом пространстве находит своё воплощение политическая реальность современного общества.

Как упоминалось выше, теоретико-методологическую основу для анализа сетевых политических отношений составляют теория сетевого общества М. Кастельса, акторно-сетевая теория (АСТ) Б. Латура, а также концепция мониторинга демократии Дж. Кина. Этот перечень можно расширить, включив в него теорию коммуникативного действия Ю. Хабермаса, а также концепцию «глобальной деревни» М. Маклюэна.

В топологическом контексте исследования пространства, на наш взгляд, весьма перспективно использование концепции «социальной топологии» Дж. Ло. Кроме того, методологической основой для исследования пространства сетевых политических отношений, коммуникаций, политики в целом сквозь топологическую призму могут служить работы К. Левина и П. Бурдьё.

В заключение хотелось бы отметить, что каждая из названных теорий и концепций предлагает характеристики многообразных ракурсов современного информационного, сетевого общества. Тем самым расширяется спектр сетевой методологии в рамках сетевого подхода.

A.V. NAZARENKO, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН.

A.V. NAZARENKO, candidate of political science, leading researcher, Institute of sociology, FCTAS RAS.

Мы стали свидетелями двух следующих друг за другом стресс-тестов привычной нам системы. Речь идёт обо всей мировой системе отношений. Предполагается, что ревизии будут подвергнуты все отношения между её «узлами» вплоть

до самого низового уровня – межличностных отношений. По-видимому, мы оказались на границе, за которой будут разрушаться все системно детерминированные политические отношения. Ведь речь идёт о строго фиксированной политической ориентации «связей» между людьми, их топологии и направленности, заданных целеполаганием и способом системы. Сомнений в том, что оба этих критерия – цель и способ – априори являются политическими, вне зависимости от уровня специализации системы, более не осталось.

Развивающийся на наших глазах системный кризис носит глобальный характер. Свидетельством этого является не только его стремительное «пространственное» распространение, но и его триумфальное шествие в «глубину», вплоть до конкретной личности, которая становится «узлом», который может быть избавлен от любых политических стереотипов. В результате у человека появляется возможность выйти из фактически пустой в настоящий момент виртуальной политической матрицы, производящей реальность. Теперь сама уже политически «пустая» реальность получила возможность конструировать виртуальность, стирая по ходу условно прочерченные до этого момента виртуальные «красные линии». Вместе с ними уходят в прошлое и карнавалы, т.е. политически ангажированные, «узлы» и «связи» между ними.

Логика поведения «узлов» и их «связей» начинает меняться. Избавление от традиционных политических стереотипов и заблуждений позволяет пересобрать асистемные «узлы» в сеть, в которой, как показала современная реальность, осталось не так много ограничителей. Самое интересное то, что первыми пали материальные ограничители, лежащие, как было принято считать, в основе человеческого благополучия и человеческих поступков. Далее уже по цепочке – социальные, культурные, нравственные, моральные. Нелогичность поведения узлов в экстремальных условиях пандемии или вооружённого конфликта стала своеобразным индикатором наступления эпохи «отмены», затрагивающей все сферы человеческой деятельности и наносящей серьёзный удар по уходящей в прошлое эпохе систем, структур и институтов.

Каждый человек как «узел» сети отношений начинает генерировать событийные цепочки. Любое действие узла сети отношений начинает оказывать непосредственное воздействие на поведение других узлов и топологию их связей между собой. Целеполагание и прогноз развития событий, построен-

ные на основе любой системной логики, теряет смысл. Невозможность хоть как-то систематизировать не только инициатора, но и «наблюдающего» за развитием событий, делает его пустым и «непрозрачным», хаотично скользящим по поверхности событий и формирующим отношение к ним исключительно на основе собственных представлений о допустимости того или иного шага. Возникает или сеть «соплеменников» – единоверцев, земляков, коллег, – или сеть «единомышленников» как стаи. Ввиду невозможности проведения между ними чёткой границы, «соплеменники» и «единоверцы» начинают растворяться друг в друге, образуя тем самым сложную, неустойчивую и алогичную сеть отношений.

В результате глобального разрушения структур, систем и институтов во всех сферах человеческой деятельности и на всех уровнях исчезает поверхностный слой, весьма заметным становится политизация на уровне «узлов» сети, как правило, выражаемая посредством аксиомы «вера». Иррациональная вера трансформируется сначала в рациональную позицию и рациональное поведение. То есть вера всегда предшествует мышлению человека. Причём происходит это несмотря на то, что в мире сейчас информационный бум, в результате которого становится доступной любая информация о сути происходящих событий и их интерпретаторах.

На этом фоне нельзя не заметить весьма парадоксальные подвижки во взглядах главных ревнителей веры – будь то развитие пандемии или вооружённых конфликтов. По мере развития событий и цепной реакции на них возникают сомнения в первоначальном замысле действующего «узла», поскольку становится актуальным вопрос: зачем и во имя чего и как действуют все их явные и неявные участники и соучастники?

Невозможность однозначно ответить на этот ключевой вопрос порождает у участников событий как «узлов» сети стойкое ощущение сопричастности, зачастую эмоционально окрашенное в виде «чувства гордости» от участия или, наоборот, «чувства вины» от неучастия.

Не связанное политическими догмами и красными линиями свободное изложение своей позиции по тем или иным событиям, способное эволюционировать по мере их развития, позволяет явно или неявно участвующему в них человеку создавать новую и «привлекательную» версию себя. Как «мягкая сила» этот образ начинает генерировать новые нарративы, которые, в свою очередь, корректируют автобиографическую

память каждого человека. Если освободиться от догм и красных линий не получается, то автобиографическая память остаётся раз и навсегда зафиксированной в прошлом. Поскольку она не эволюционирует, человек перестаёт адекватно воспринимать реальность. У него проявляются паталогические поведенческие отклонения, идущие вразрез с глобальным трендом «со» – «согласно», «совместно», «сообща», «соучастник», «сообщество», – характерным для сетевой глобальности.

На этом фоне не столько фиксация сбоев существующей системы на всех её уровнях, сколько поведенческие модели «узлов» сети отношений могут стать достаточно надёжным индикатором глобальных сдвигов в современном социуме. Важно лишь перестать интерпретировать их в привычной нам причинно-следственной парадигме «образа» движения, переходя к более сложной логике «образа – времени». Поскольку это связано с бесконечной эволюцией образа человека, его оптимизацией без всяких ограничений вокруг неких центров аттракции – нескольких основных идей, являющихся производными многозначных отношений и их интерпретаций, изначальной их двойственности и, наконец, сходимости, важной, на наш взгляд, является возможность динамического замера «позиций» индивида на фоне происходящих событий. Речь идёт не о тривиальной поддержке или, наоборот, неприятии, а о более сложном алгоритме – постоянной фиксации его реакций и реакций его окружения на все события, происходящие в глобальном мире.

Вероятно, ближе всего к этому алгоритму подошли компании, владеющие информационно-поисковыми технологическими системами, получившие уникальную возможность «распознавать» и «создавать» множество виртуальных образов человека на основе его действий в реальном мире. Без сомнения, это очень сложная задача как с точки программного обеспечения, которое само по себе ограничено посредством математических аксиом, так и с точки зрения аппаратных средств, работающих в так привычной нам дуальной логике «свой – чужой», «да – нет».

Вероятно, описанную выше глобальную человеческую «квантовую запутанность» придётся решать с помощью и новой математики, и новой техники. Сложному миру нужны новые сложные исследовательские технологии и инструменты.

Г.А. МАЛЫШЕВА, научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН.

**G.A. MALYSHEVA, research fellow, Institute of sociology,
FCTAS RAS.**

Одним из ключевых феноменов современности является *технологическая трансформация* социального и политического пространства, которая оказывает влияние на общественно-политические системы повсюду в мире. Она представляет собой универсальный тренд в развитии общества и сегодня определяет главные характеристики его материально-технологического базиса. Кроме того, она рассматривается в качестве одной из важнейших тенденций сетевого социального развития, что даёт основания говорить о цифровой сетевизации как о комплексном социально-экономическом и политико-культурном феномене общемирового масштаба.

Идеологическое и политическое форматирование виртуального сетевого коммуникационного пространства протекает под контролем не только национальных, но и глобальных центров влияния, которые таким образом продвигают свои геополитические интересы. Развитие технологической инфраструктуры и систем больших данных позволяет осуществлять цифровой надзор практически над всеми сферами жизни современного человека.

Технологизируется и виртуализируется политическая социализация граждан, и в первую очередь их молодого поколения. Цифросетевая коммуникационная среда в наши дни представляет собой полноценное пространство социальных и политических взаимодействий. Всё это заостряет проблему сложившегося на сегодня распределения собственности и властных полномочий в мировой онлайн-медийной среде.

При этом признаётся, что для России является экзистенциальной задачей цифровой суверенизации и выхода из контура политико-технологического влияния Запада и глобалистских сил. Актуализируется вопрос об информационной безопасности нашей страны, официально идентифицированной в качестве одного из главных геополитических противников западного мира. Данный фактор оказывает значительное воздействие на динамику взаимоотношений между государством и обществом в РФ и является политическим вызовом для руководства страны.

Виртуализированный цифросетевой социум формирует альтернативную архитектуру власти и политического действия, создавая собственные механизмы легитимации традиционных институтов. Массовые движения и гражданский ак-

тивизм всё больше приобретают дуальную, онлайн-офлайновую природу. Сетевая медиареальность конструирует виртуальную общественно-политическую повестку, определяя политические ориентации и офлайновое поведение граждан.

Цифровая сетевизация гуманитарного пространства придаёт новые качества множеству социальных и политических процессов, вынуждая властно-государственные иерархии выработать инновационные сценарии реагирования на множественные техносоциальные вызовы. В частности, цифровой переход включает в себя «платормизацию», т.е. консолидацию цифровых практик на системных технологических площадках сетевого типа, как корпоративных, так и государственных, а также переход к методам так называемого «алгоритмического» управления, которое позволяет осуществлять различные формы социального и политического менеджмента посредством компьютерных алгоритмов.

В этой связи подчеркнём, что создаваемые государством цифровые административные платформы не в состоянии полностью удовлетворить социальный запрос граждан, а эта неудовлетворенность, в свою очередь, подпитывает протестный потенциал общества и политическую активность, которая также приобретает онлайн-сетевую динамику и базируется на цифровых информационных инфраструктурах.

Относительно структурно-сетевых образований, которые сосуществуют в национальном политическом пространстве с традиционной институциональной пирамидой, заметим, что исследователями выдвигаются различные идеи формирования альтернативных властных отношений сетевого и цифросетевого типа (нетократии, алгократии и т.д.). Так, И.С. Ашманов, говоря о рисках цифрового развития в России, предупреждает о возможном появлении подобного рода теневой власти в нашей стране в случае, если будут реализованы планы по созданию единого цифрового реестра российских граждан под эгидой налогового ведомства.

В силу распределения технических компетенций реальный доступ к дата-базам получают не государственные чиновники, а частные лица – IT-специалисты, не связанные административной ответственностью и не подотчётные обществу. Именно они потенциально составят новый цифровой правящий класс, который будет обладать «невидимыми», несанкционированными и неконтролируемыми властными полномочиями.

В более широком плане, затрагивая вопрос о «сетевых атаках» на традиционные институциональные иерархии, следует заметить, что ввиду сетевой природы новейших промышленных революций (Дж. Рифкин, К. Шваб) глобальный технологический переход также можно трактовать как подобно рода «атаку» на российское государство и его институциональную систему. А политику цифровизации, проводимую руководством РФ, расценивать как модель реагирования на поступательное развитие материального базиса. Соответственно, возникает вопрос об институциональной и политико-культурной совместимости российского государства и общества с вызовами цифровой трансформации.

Адаптация системы управления к требованиям технологической модернизации неизбежно предполагает борьбу с административным догматизмом и привлечение более гибких управленческих практик. Бюрократизированная, основанная на формальном следовании правилам и на принципах жёсткой вертикали управленческая модель неэффективна при решении масштабных модернизационных задач. Ей противопоставляют сетевые стратегии администрирования, базирующиеся на обмене ресурсами и согласованном принятии решений. Синтезируя эти две парадигмы, академик В.М. Полтерович выдвигает идею «коллаборативной иерархии», сочетающей иерархические и одноранговые взаимодействия, одним из главных условий формирования которой является наличие зрелого гражданского самосознания общества.

Адаптивность управленческих стратегий подразумевает конструктивный подход к техносциальной модернизации, что невозможно без учета традиций институционального развития той или иной страны и фундаментальных характеристик её гражданской и политической культуры. Указанные моменты могли бы способствовать выработке объективного взгляда на перспективы преобразования государственных и общественных институтов России в контексте системной цифровой и цифросетевой трансформации.

О.А. ВОРОНКОВА, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН.

O.A. VORONKOVA, candidate of political science, senior researcher, Institute of sociology, FCTAS RAS.

Процесс сетевизации, охвативший все сферы социальной жизни, трансформирует основы социального порядка, меняет

традиционные способы социального сцепления, переопределяет принципы устройства социальной системы.

Традиционная социальная система, по Т. Парсонсу, – это комплекс правил, норм, установок, регулирующий человеческое поведение и преобразующий его в иерархическую структуру ролей и статусов. Такая система поддерживается принципом императивности, её функционирующей силой является ментальная готовность масс выполнять требование, приказ, предписание мыслить и поступать определённым образом. Традиционные политические императивы строились на символично-смысловых опорах «государственности», «единства», «величия» и сакрализации верховной власти, обеспечивающей реализацию политики силы, страха и принуждения.

В глобальном процессе модернизации постепенно формирующийся тренд десакрализации власти в общественном сознании долгое время подрывал крепкий фундамент централизованной управляемости массами. Современные процессы сетевизации ускоряют и доводят до предела разрушение этого фундамента, переключая процесс в стадию окончательного падения института авторитетов, не только властно-управленческих, но и в широком смысле – формально утверждаемых авторитетов. В условиях легитимационного кризиса особенно заметно социальное низвержение формальных статусов политиков, чиновников, специалистов-экспертов, вплоть до стигматизации.

Как же в таком глобальном контексте социальная система себя поддерживает и воспроизводит?

Современные сетевые системы основываются на возможности публичного равностороннего обсуждения и принятия решений, т.е. предложения, с одной стороны, и принятия или отвержения – с другой. Сетевая коммуникативная системность поддерживается принципиальной необходимостью поиска взаимопонимания, основанного на семиотическом взаимодействии – использовании образно-языкового инструментария, который позволяет фиксировать и прояснять разные социальные смыслы.

По сути, мы имеем дело с явлением постструктурализма, означающего трансформацию базового принципа управления – переход от состояния властного руководства мышлением и поведением людей посредством символических структур (политических идеологем, традиционных стереотипов, бытовых

шаблонов) к утверждению процесса совместного согласования смыслов и действий в ситуации семиотического взаимодействия.

Традиционная система статусов замещается сетевой системой смыслов. Из многообразия сетевой коммуникации выкристаллизовываются смысловые магнетические ядра, которые притягивают к себе фрагменты интерпретации происходящей реальности, выстраивая их в связанные цепочки, последовательные тексты и ментальные композиции. А это означает, что принцип согласования *вариативных смыслов* должен в не столь отдалённой перспективе стать *политически* важным регулирующим принципом современного сетевого общества.

Выделение значимых смыслов и отсекаание незначимых в процессе социально-политических обсуждений обеспечивает самовоспроизводство современной сетевой системы. Саморегуляция является принципиальной характеристикой сети. При внедрении и утверждении амбиций надсетевых контролей сеть перестаёт быть сетью, а современное общество лишается потенциала развития.

Проблема в том, что переход к смысловым системам управления (что не стоит путать с так называемыми «умными», компьютеризированными системами – «автократией искусственного интеллекта») происходит крайне болезненно. Процесс современной сетевой коммуникации проходит начальную стадию в инерционных условиях фреймированности сознания – зажатости людей рамками усвоенных мировоззренческих установок, норм, понятий и утверждённых истин, т.е. компонентов традиционной системы. Внутренняя «защищённость» от нетипичной информации и нетипичных интерпретаций препятствует открытию границ сознания и концентрации внимания на сути аргументов. Для фреймированного сознания переизбыток и хаотичность информации чаще приводят к её отторжению (так легче), чем мотивирует на саморазвитие (требующее приложения усилий). Взаимное непонимание чаще приводит к отпращиванию собеседника «в бан» – к блокировке коммуникативного процесса, – чем к поиску аргументов и развитию дискуссий.

Приверженцы и проводники традиционных принципов организации социума – физической силы и ментального давления (политической пропаганды) – отчаянно сопротивляются сетевым инновациям и пытаются использовать технологические возможности для установления новых форм господства

над миром. Эта отчаянность сопротивления подобна агонии перед смертью.

Сейчас мы наблюдаем глобальный *кризис политического дискурса* – искажение информационного поля, потоки дезинформации, тенденциозной пропаганды, нагнетания панических страхов. Реально проводимая политика в мире оказывается инверсивной по сути – не соответствующей или прямо противоположной официальной риторике. Так, в панических условиях пандемии коронавируса медицинские работники вынуждены исполнять политически навязанные роли; а в состоянии политического кризиса разоблачители коррупционных режимов подпадают под категорию «террористов и экстремистов» и пр.

В настоящее время мы являемся свидетелями достижения критической точки, в которой политический дискурс переживает состояние абсурдизации – доведения состояния риторической инверсии до крайней стадии смыслового извращения, что чревато катастрофическими последствиями для социальной и политической жизни.

Но без преодоления критической точки борьбы традиции и инновации не происходят ни политические трансформации, ни социальное развитие.

Сетевое многообразие самовыражений активных участников не позволяет ни вернуть надолго традиционные «скрепы», ни развиться и укрепиться тенденции цифровой тотализации, запускаемой новыми претендентами на глобальное доминирование – технократической властью. Технологический прорыв в сфере коммуникации подрывает доминирующее влияние формализованных центров власти на массовое сознание. Ускорение мобильности и расширение сферических зон информационных и коммуникативных взаимодействий противодействуют установлению любых форм контроля над динамичной публичной сферой. В сетевом дискурсе отчётливо проявляется запрос на информацию, проясняющую истинный смысл политических высказываний, скрытый за фасадом официальной риторики. Социум не удовлетворяется политическими декларациями, людям интересно, что происходит «на самом деле», и теперь уже это понимание формирует мотивацию поведения.

Как показывают социальные акты противодействия политическим мерам «защиты от пандемии», диджитализации, «китаизации» социального пространства, попытки навязывания «нового цифрового порядка» обречены на неуспех в

цивилизированном обществе. Массовое сознание, а вслед за ним и поведение, так или иначе, эволюционируют под воздействием техномедиа, находя возможности прямых «уличных» и непрямых средств сопротивления (обхода, саботажа и пр.). В этом эволюционном процессе идёт «естественный отбор» сумевших адаптироваться к новым реалиям: развитие способности ориентации в информационном хаосе, абстрагирования от попыток давления и отвержение информационного «мусора».

Трансформация политической системы в сетевом контексте, несмотря на исторически моментное обострение кризисных явлений, неизбежно идёт в направлении осмысления происходящих событий и расширения социального участия в принятии значимых решений.

Л.И. НИКОВСКАЯ, доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, профессор РАНХиГС.

L.N. NIKOVSKAYA, doctor of sociology, main researcher, Institute of sociology, FCTAS RAS; Professor of the Ranepa.

Быстро развивающаяся сеть креативной жизнедеятельности требует кардинальных социальных инноваций, соединяющих принципы и практики традиционного управления общественными процессами с механизмами самоуправления, самоорганизации и саморегулирования, спонтанно вырастающими на основе онтологии сетевых отношений. Это формирует постнеклассическую рациональность и соответствующие ей методологии рефлексивного управления, которые отходят от жёсткой детерминации социальных систем и всё больше ориентируются на «мягкие формы управления» в сложно организованных системах. По мнению В.Е. Лепского, последние предполагают «создание условий для развития полисубъектности, в которой находят место различные механизмы социальных воздействий: управление, организация, модерирование, медиация, поддержка, стимулирование и др.».

Вследствие вышесказанного актуальна проблема поиска новых механизмов управления, сочетающих иерархические и сетевые подходы в саморазвивающихся рефлексивно-активных средах. Однако на практике часто возникают процедурные конфликты, когда правила взаимодействия сторон (ведомственные, корпоративные и др.) мешают поиску общих оснований для снятия напряжения и решения проблемы представителям власти и гражданского общества. А также

имеют место и нормативно-правовые коллизии, когда сложившаяся система нормативов, закреплённых законодательно на федеральном уровне или уровне субъекта Федерации, или в рамках территориальной нормативно-правовой базы, относящихся к разным секторам общества, препятствует, явно или неявно, различным способам эффективного взаимодействия власти, бизнеса и гражданского общества.

Манифестация этого рода конфликтности свидетельствует о серьёзных противоречиях в трансформации модели государственного/муниципального управления не только в России, но и в мире. В 2014 г. с целью фиксации усиления роли публичной политики в системе госуправления на основе принципов «со-управления» было предложено использовать более отвечающее требованиям времени понятие «общественно-государственное управление» (далее – ОГУ). Это понятие в российских реалиях аккумулирует те объективные процессы, которые, будучи порождёнными формированием сетевого общества, характеризуют постепенную трансформацию системы административного управления в новых цифровых условиях. Согласно точному замечанию датского исследователя Э. Соренсена, «мы переходим от эры бюрократического правления к эре сетевого управления <...> Политические системы медленно, но верно трансформируются от иерархических форм организации единой, централизованной системы управления посредством законов, правил и регламентаций к горизонтально организованной и относительно фрагментированной системе руководства, осуществляемого посредством саморегулирующихся сетей».

Показательна в этом отношении судьба РОИ: Указом № 601 «Об основных направлениях совершенствования государственного управления» от 07.05.2012, в частности, закреплено положение о разработке концепции «*российской общественной инициативы*», предусматривающей создание условий для публичного предложения предложений граждан в сети Интернет с последующей проработкой тех из них, которые получают поддержку не менее 100 тыс. граждан в течение одного года. Сайт Российской общественной инициативы был запущен 2 апреля 2013 г.. За первый год на нём было опубликовано более 3500 инициатив, а в 2022 г. уже зарегистрировано более 20 тыс. общественных инициатив, на голосовании находилось около 1670 инициатив. Практически все инициированные законопроекты проходят через «узкое горлышко» оценки экспертной группы. С момента публикации Указа Президента РФ (4

марта 2013 г.) 18 федеральных инициатив набрали необходимые 100 тыс. голосов поддержки.

Однако практика показывает, что, независимо от принятых экспертной группой мер, ни одна поддержанная гражданами инициатива не была реализована. Даже в тех случаях, когда экспертная группа считала целесообразным предложенные изменения и рекомендовала парламентариям ГД РФ принять их в федеральное законодательство, ничего в этом направлении не происходило.

По мнению исследователей, портал «Российская общественная инициатива» на сегодняшний день является неэффективным механизмом вовлечения граждан в государственное управление по причине отсутствия желания у власти развивать этот интернет-ресурс. Иными словами, происходит определённая имитация взаимодействия власти и общества. Нужна корректировка работы экспертных советов и уточнение правил принятия решений о судьбе общественных инициатив.

Онтологическая сложность и противоречивость политической реальности с появлением структур сетевого мира рассматривается, в конечном итоге, в контексте «спорной политики». В центре её содержательного наполнения опять же проблема соотношения иерархического (административного) и сетевого начал. Это можно переформулировать более концептуально как решение сложной задачи *сочетания управляемости общественными процессами и одновременно обеспечения инновационной конкурентоспособности, от которой зависит развитие страны*. По мнению Л.В. Сморгунова, «современная теория публичного управления отвечает на эти концептуальные подвижки стремлением определиться скорее как «управление через сообщества», чем «государственное управление». <...> Хотя государство не исчезает, а в последнее десятилетие говорят даже о его возрождении, но оно, как считается, меняет свои функции, методы и структурно трансформируется».

Обобщая, можно сказать: российское общество находится в ситуации переходности, обусловленной сетевыми факторами трансформации, глубоко затрагивающими социально-структурные основы современного общества. Многие авторы называют это состояние гибридным, рассматривая последнее как модель развития в современных условиях. Новые сетевые процессы сосуществуют и накладываются на иные

принципы общественного устройства, в частности, на административные управленческие структуры, привыкшие жить по вертикально интегрированным логикам бытия, что порождает существование различных гибридных форм институционализации социально-политических отношений и практик общественной жизни.

Данное обстоятельство не может не вести к вызреванию конфликтных форм проявления сосуществования различных пластов социальной реальности (традиционной, индустриальной, постиндустриальной и пр.), но они неминуемо будут взламываться под натиском сетевых структур и процессов, формирующих цифросетевую реальность современного общества. Важно, чтобы этот процесс происходил в позитивно-функциональном направлении для судеб развития социума и его подсистем.

Э.С. ШИМАНСКАЯ, старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН.

E.S. SHIMANSKAYA, senior research fellow, Institute of sociology, FCTAS RAS.

Осмысление происходящих социальных трансформаций неразрывно связано с такими понятиями, как «социальная сеть», «сетевые сообщества», «сетевые структуры», которые вошли в современный научный оборот для обозначения взаимодействия множества объектов, характеризующихся связанностью, взаимозависимостью и одновременно децентрализованностью.

В век широкого распространения информационно-коммуникационных технологий, как известно, ускоренными темпами происходят процессы виртуализации и информатизации, сопровождаемые распространением различных форм политической организации и самоорганизации социальных систем. Информация становится воплощением власти, а контроль над средствами коммуникации – средством осуществления власти.

В информационно-коммуникационном пространстве конструируются социальные группы современного общества, и именно в такой среде формируется общественно-политический дискурс. Как результат, происходит становление общества нового типа – информационного. Мы становимся свидетелями процесса трансформации ранее сложившихся общественных связей и отношений, формирования виртуальных сетевых форм власти. Какой же представляется нам власть в сетевом ракурсе?

В научной аналитике сетевую власть (*network power*) принято характеризовать как «власть сетевых стандартов над любыми компонентами сети. Она выражает интересы специфической группы социальных акторов, стоявших у истоков создания этой сети». Примем за основу теорию М. Кастельса о том, что «в эпоху информационного/глобального общества коммуникации создают власть» и что она находится в определенной зависимости от контроля за коммуникацией. Как следствие – власть приобретает субстантивную способность оказывать воздействие на формирование человеческого сознания, внедряя нормы и правила поведения в отношении существующего порядка. И, заметим, коммуникация играет при этом немаловажную роль. По М. Кастельсу, власть – это отношения подчинения/принуждения, но более прочные конструкции базируются не только на силе, но и на согласии, взаимодействии, взаимовлиянии, доверии. «Власть всегда является не атрибутом, а отношением... Достичь этого можно за счёт принуждения, или при помощи конструирования смыслов, или через институты».

Согласно сетевой теории власти М. Кастельса, различаются следующие формы власти: сетевая власть (*networking power*), власть сети (*network power*); власть в сети (*networked power*); сетесозидающая власть (*network-making power*). Все эти формы власти в сетевом обществе не только устраняют неэффективные механизмы бюрократического управления, отягощенные порой коррупционной составляющей, но и потенциально несут в себе колоссальные риски.

Учёт сетевой природы социальных взаимодействий является принципиальным для понимания логики функционирования власти и властных отношений в информационно-коммуникационном социуме. Сети, являющиеся комплексными структурами «самокоммуникации», развивающиеся в новой технологической среде, оказались и наиболее эффективными благодаря их мобильности, масштабности и гибкости. С развитием и ускоренным распространением в глобальных масштабах сетевых медиа отношения власти и общества, однако, не становятся более открытыми. Наоборот, наблюдается даже усиление цензуры, обладающей манипулятивными свойствами и осуществляемой через разные механизмы социального контроля.

Нельзя не отметить и распространение в виртуальной среде нового феномена – так называемых сетевых толп, которые

постепенно приходят на смену сетевым сообществам по причине появления всё новых и новых технологических платформ и расширенной массовизации интернет-сообщества.

Как неизбежное следствие этого процесса, возникновение нового субъекта политической жизни современной России – протестного движения. Более того, на лицо тенденции к конвергенции между онлайн- и офлайн-формами выражения гражданской и политической активности. Протестные настроения концентрировались сначала на онлайн-форумах, а затем через сети доверия трансформировались в уличное офлайн-участие. Аналитики считают, что публичные протестные акции зарождались преимущественно в сети. Их контент свидетельствует о том, что страна столкнулась с новой политической реальностью, характеризующейся в первую очередь снижением патерналистских настроений, а затем и разочарованием функционалом действующих институтов власти.

Заметим, что власти не всегда удаётся адекватно оценить объективные причины протеста и осознать степень и всю глубину протестной повестки, а именно совокупности идей, которые представляют собой информационное наполнение той или иной протестной кампании. Как известно, в сети можно наблюдать многочисленных пользователей, активно выражающих свою гражданскую позицию и поддержку тем или иным политическим акторам, которые выстраивают различные коалиционные стратегии либо в целях получения голосов на выборах, либо для продвижения законодательных инициатив, либо даже для формирования правительства.

Иначе говоря, группы в социальных сетях, мессенджерах, на специализированных платформах, где происходит информационный обмен, поиск и вовлечение пользователей, представляют собой канал коммуникаций в цифровом пространстве и формирование социально-политических отношений.

В этом отношении представляют научный интерес данные, опубликованные Институтом социологии ФНИСЦ РАН в ежегодном издании «Реформирующаяся Россия» за 2021 г.. Результаты исследования отношения активной части интернет-среды к особо значимым социально-политическим проблемам свидетельствуют, что «именно активность участников обсуждений в цифровой среде формирует градус общественных настроений в социальных сетях». Большинство респондентов выразили уверенность, что властям предрержающим нет дела до простых граждан (73%). Отсюда вполне логичным

выглядит вывод, в котором зафиксировано «наличие значительных противоречий между народом и властью в современном обществе» (70,5%). Отмечается также высокая степень недоверия к общественным структурам и институтам власти и неудовлетворённость политической системой в целом; 78% респондентов считают, что «большинство россиян не могут повлиять на политические процессы в стране». И что особенно примечательно – основными запросами в обществе названы социально-экономические.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что в условиях кризисных трансформаций в первую очередь подвержены деструкции институты сетевого гражданского общества, теряющие свою устойчивость и провоцирующие внутрициклические конфликты. Этим, вероятно, объясняется и циклический характер, который присущ протестной активности в современной России. Есть над чем задуматься...

А.В. МИТРОФАНОВА, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН; профессор Финансового университета при Правительстве РФ.

A.V. MITROFANOVA, doctor of political science, leading researcher, Institute of sociology, FCTAS RAS; professor of the Financial University under the Government of Russia.

Рассмотрим проблемы взаимоотношений иерархий и сетевых структур на примере Русской православной церкви (далее – РПЦ).

Церковь синодального периода формировалась как иерархическая структура. Это не означало, что одновременно её члены не могли быть вовлечены во внеиерархические сетевые движения. Напротив, таких движений (особенно мистического характера) было много, и они представляли для синодальных структур серьёзную угрозу, перетягивая на себя лояльность верующих.

Именно церковная иерархия, а не государство, настаивала на жёстких мерах против раскольников. Но если раскольники находились вне Церкви, то к концу синодального периода уже внутри неё возникают православные братства – объединения единомышленников, находившиеся вне территориально-приходской системы и неподвластные иерархии.

Революция 1917 г. и Гражданская война усилили центробежные процессы в Церкви. В период между осенью 1920 г., когда Святейший патриарх Тихон разрешил временную автокефалию епархий, и до поставления осенью 1943 г. патриарха

Сергия централизованное управление Церковью отсутствовало. На большей части канонической территории она существовала только в виде нелегальных сетей (если не учитывать обновленческой иерархии, власть которой оставалась слабой), состоявших в основном из мирян, так как духовенство было подвергнуто массовым репрессиям. Эти сети до неразличимости сливались с внецерковными народными религиозными движениями, также подпольными и имевшими вид сетей.

Централизованное управление было восстановлено в новых условиях, касавшихся не только отношений Церкви с государством. Власть в приходах перешла к мирянам, а полномочия иерархии были ограничены. Большая часть религиозной жизни народа продолжала протекать через посредничество вне- и парацерковных сетевых структур (парацерковные структуры, в отличие от внецерковных, формально находятся под эгидой иерархии). Сами приходы включались в эти структуры.

В отличие от территориального прихода синодального периода, приход послевоенного времени представляет собой внетерриториальную сеть единомышленников, объединённую вокруг конкретного храма. Помимо приходов, сохраняются внецерковные (т.е. объединявшиеся вне храмов) сети, часть которых приобрела политический характер (например, Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа и другие диссидентские группы разной степени радикальности).

После трансформации церковно-государственных отношений, начавшейся с празднования в 1988 г. тысячелетия крещения Руси и означавшей массовое возвращение Церкви зданий храмов, монастырей, открытие новых приходов, происходит попытка восстановления иерархической структуры синодального периода с некоторыми модификациями. Церковь постепенно выстраивает вертикаль власти, где руководящую роль играют не миряне и не рядовое духовенство, а епископат (см. Устав РПЦ 2000 года).

В систему иерархического подчинения были включены также монастыри. Однако централизация не решила проблемы вызова иерархии со стороны не зависимых от неё сетевых внутрицерковных движений. Среди них есть как неполитические (например, добровольческие), так и политизированные. Последние идейно неоднородны, и исследователи разделяют их на «либералов» и «фундаменталистов». Однако при всех

различиях эти два течения солидарны в требовании расширить власть мирян в Церкви и ограничить права епископата.

Мирянские сетевые движения практически находятся вне контроля духовенства. Одним из крупнейших политизированных движений являются «непоминающие», т.е. те, кто на богослужении не возносит молитвы о Патриархе и/или правящем епископе своей епархии. Движение охватило всю каноническую территорию РПЦ; в него входят как миряне, так и священники. Собственной иерархии у «непоминающих» нет, движение построено на личных связях, и рядовые участники посещают обычные – «поминающие» – храмы. Движение «непоминающих» считается фундаменталистским, но существуют и сходные по способу взаимодействия с церковными структурами движения либеральной ориентации.

Территориальному приходу не остаётся места в пространстве, созданном парацерковными сетевыми движениями. Храм продолжает играть важную роль как место, где верующий имеет возможность принять церковные таинства, но не как локус лояльности. Церковная иерархия понимает эту проблему и настаивает на превращении приходов в «общины», т.е. на придании территориальным единицам свойств сетевых объединений единомышленников. Однако в общины превращаются только нетерриториальные приходы, которые становятся центрами добровольных сетевых инициатив. Приходы, которые функционируют как чисто территориальные (в новых районах городов, в сёлах и посёлках), как правило, не становятся общинами, даже если к этому прикладывать специальные усилия.

Постепенно в Церкви сформировалось несколько вариантов поведения «воцерковленного верующего». Так, человек может посещать храм с целью исповеди и причастия, но остальная его религиозная жизнь проходит в парацерковном или даже внецерковном сетевом движении (братстве, добровольческом движении, политической группировке и т.д.). Или же религиозная жизнь человека проходит в храме, где возникла привлекательная для него община, но этот «приход» внетерриториален (его члены могут даже жить в разных городах). Возникают и виртуальные общины единомышленников, которые не чувствуют потребности в совместном храмовом богослужении.

Проблематичность сложившейся ситуации в полной мере проявилась весной 2020 г., когда в Российской Федерации с одобрения иерархии были приостановлены общественные

богослужения в храмах. Учитывая существенное смещение лояльности верующих в пользу сетевых объединений, длительный локдаун мог привести к резкому падению посещаемости храмов (снижение произошло, но некатастрофическое). Некоторые общины начали экспериментировать с виртуальными богослужениями, включая дистанционную форму причастия. Тенденции к цифровизации церковных служб наблюдались и раньше, но локдаун легитимизировал и интенсифицировал их. Существовал также обычай совместных дистанционных молитв по согласию, но раньше такие практики считались маргинальными.

Пандемия не стала новым вызовом для Церкви, но обострила и вывела на поверхность многие застарелые, ранее подавлявшиеся проблемы. В первую очередь это отсутствие приходской солидарности и преобладание внеприходских форм общения верующих, в том числе политизированных. На втором месте находится глубокое недоверие к церковной иерархии, присущее всем политическим направлениям. На третьем – отсутствие у верующих общего понимания, какие церковные практики можно считать легитимными, какие неизменны, какие можно менять и т.д. Социальные последствия пандемии, скорее всего, будут включать дальнейшее разобщение приходов и переход лояльности верующих к сетевым внеиерархическим движениям.

В начале 1990-х гг. государство и Церковь пытались восстановить досоветскую модель взаимодействия, которую, как выяснилось, представляли себе по-разному. Церковь видела себя институтом если не равным государству, то наделённым правом морального арбитра по отношению к нему (и к обществу). Государство рассматривало Церковь как второстепенный идеологический институт, который можно использовать в целях легитимизации власти и национальной консолидации. Ни те ни другие ожидания не оправдались, т.к. реальное взаимодействие государства и Церкви по различным вопросам продемонстрировало, что у каждого института имеются свои интересы, которые могут совпадать или сталкиваться. Церковь не проявила желания автоматически одобрять все решения государства. В свою очередь, государство также начало дистанцироваться от интересов Церкви, сделав ставку на внецерковную гражданскую религию.

Одной из причин напряжения в церковно-государственных отношениях является неочевидный для государства факт, что

Церковь, особенно после пережитого в XX в. разгрома, представляет собой не столько централизованную иерархическую организацию, сколько совокупность взаимодействующих сетей. Их локусом могут выступать храмы, а могут – иные точки (добровольческие инициативы, политические мероприятия, образовательные учреждения и т.д.). Духовенство и епископат не обладают инструментами контроля за сетями, часть из которых откровенно враждебна церковной иерархии. Понимание данной ситуации важно для выстраивания государственной религиозной политики.

Л.В. МАКУШИНА, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН.

L.V. MAKUSHINA, candidate of history, associate professor, senior researcher, Institute of sociology, FCTAS RAS.

Актуальной является проблема левых движений в новой сетевой реальности. Так, одной из ключевых идей современной социал-демократии становится децентрализация власти, при которой тенденции в государственном и общественном управлении выражаются в процессе перераспределения властных функций, что немаловажно также и для России.

При анализе современного состояния социал-демократической идеи приходишь к выводу, что на практике времена классических, «чистых» идеологий прошли, они постепенно исчерпали свой мобилизационный потенциал, поэтому им на смену приходят так называемые синтезные идеологии, одной из которых является социал-демократия. Популярность социал-демократических идей обусловлена тем, что они базируются на принципах рыночной экономики, с одной стороны, и социального государства, которое берёт на себя заботу о здравоохранении, образовании, семье, социальном обеспечении и т.д., – с другой.

При таком подходе главной целью развития общества становится не экономический рост любой ценой, а приращение человеческого капитала, стремление человека к автономии во всех областях социальной жизни. Социологические исследования подтверждают усиление ориентации значительной части населения на социал-демократические ценности.

Сегодня социалистические идеи переживают своеобразный ренессанс. Партии социал-демократической направленности трансформируются из массовых в элитарные, которые, как правило, формируются вокруг ярких, харизматичных ли-

дерев. Их идеологическим наполнением постепенно становятся не только базовые социал-демократические ценности (социальная справедливость, равенство возможностей, солидарность), но и такие важнейшие проблемы современности, как охрана окружающей среды, преодоление пагубных последствий глобализации, мирового финансового кризиса, противостояние угрозам терроризма и т.п.

Организационные принципы построения партий социал-демократической направленности в России находятся в настоящее время в стадии становления. На международной Грушинской социологической конференции, которая прошла в мае 2021 г., отмечалось, что в России пока ещё невысок потенциал гражданского общества как пространства для консолидации; наблюдается ограниченность политического предложения (46% респондентов не имеют «своей» партии). Существует очевидное противоречие: при высоких симпатиях к «социалистической модели» снижается электоральная база левых партий. Таким образом, российское общество сейчас находится между лояльностью к власти и кризисом легитимности.

Большое количество организаций, которые причисляют себя к социал-демократическим, не являются партиями в полном смысле этого слова. Зачастую это не партии, а политические движения со всеми присущими им атрибутами: отсутствием чёткой программы; жёсткого фиксированного членства в организациях; иерархической вертикали управления и др.

Поясним. Политические движения от политических партий отличаются тем, что их целью является не получение власти, а воздействие на неё; членство в движении не предполагает полного идеологического согласия его участников; они (движения) могут выражать частные интересы той или иной группы людей, тогда как партии претендуют на выражение общенациональных интересов.

Однако если политические партии стремятся победить на выборах и сформировать правительство, то квазипартийные организации, оставаясь в границах гражданского общества, ставят задачу формирования общественного мнения вокруг значимых повесток дня. Используются и другие неполитические методы с целью оказания давления на власть или для осуществления прямого народовластия с помощью электронных, технических средств, виртуального пространства. В этом случае интернет уже служит не только для колоссального расширения коммуникаций, но и для формирования новых сообществ.

В качестве примера современной организации социал-демократической направленности можно назвать движение «За новый социализм», которое было основано в январе 2019 г.. Декларируемая цель движения – восстановление обновлённого социализма в России мирным законным путём, т.е. посредством выборов и референдумов. Вступить в его ряды можно, просто заполнив анкету на сайте. Уже к марту 2020 г. движение имело представительство в 74 населённых пунктах России, а общее количество зарегистрированных его участников через год составило 80 тыс. человек.

Предполагается, что подобные квазипартийные организации могут стать институтом прямой демократии, когда решения будут инициироваться, приниматься и исполняться самими гражданами. В этом случае можно говорить уже о правотворчестве народа, который косвенно будет участвовать в формировании и функционировании представительной системы либо оказывать влияние на выработку государственной политики. Таким образом, электронная (или сетевая) демократия в России делает возможным приведение политического обустройства в соответствие с реальными потребностями общества.

О.М. МИХАЙЛЕНОК. Подводя итог, хотелось бы сделать три заключительных замечания. Б. Латур отмечал, что «зачастую социологи, кажется, верят в мир, состоящий из социальных групп, обществ, культур, правил или каких-нибудь других графических символов, придуманных ими для придания смысла своим данным». И в этом отношении можно утверждать, что политическая наука, в общем-то, инерционно следует по схожему пути, когда политика представляется как в первую очередь взаимодействие различных общностей (классы, партии, элиты, профсоюзы, церковь и т.д.) по поводу властных позиций. Отсюда и сравнимые с методами социологического описания подходы к характеристикам этих образований (политических акторов). Критика Б. Латура как раз направлена на восприятие социального (а мы можем сделать акцент на политическом) как некой субстанции, предметно-субстратного образования. Именно от такого понимания дистанцируется акторно-сетевая теория.

М. Кастельс отмечал, что трактовки «социальной сети», развитые в рамках различных подходов и дисциплин, не всегда являются взаимодополняющими, но даже представляются противоречащими друг другу. Часто учёные, использующие идеи сетевой теории, безосновательно соединяют

терминологию и некритично используют идеи противоборствующих школ, поскольку нет достаточно проработанного материала по теории и разграничению всех понятий и подходов.

М. Кастельс достаточно корректно охарактеризовал ситуацию с использованием понятия «сеть», но если подходить к вопросу более критично, то следует иметь в виду и такое обстоятельство: есть сетевая теория, насколько она разработана, и есть сетевой подход, ссылки на который зачастую только маскируют квазисинтетические (а по сути, эклектические и непонятно на какой основе смешанные) как бы методы исследования, демонстрирующие разнообразие возможностей описать какой угодно феномен в неких постмодернистских мейнстримовских терминах.

И наконец, общий дух сетевой теории заключается в том, что осмысление понятия сетевого общества едва ли совместимо с подходами, воспринимающими общество как системное целое или организм, жизнедеятельность составных частей в котором координируется между собой и организована по функциональным программам. И пока об отказе от такого понимания социального можно говорить только условно, оно всё ещё доминирует в науке, поскольку нет явных оснований во всей полноте восполнить эти представления, опираясь на совокупность теоретических и методологических положений сетевой парадигмы.

УДК 329
SPIN: 5825-4234
AuthorID: 807194
ORCID: 0000-0001-9368-9967
DOI 10.34823/SGZ.2022.3.51825

ВАФИН Артур Мансурович
*кандидат политических наук, доцент кафедры
политических и правовых учений Московской
высшей школы социальных и экономических наук*
E-mail: arthur.vafin@mail.ru

Идеология государственного служения в Европейском Союзе: ЭКОЛОГИЗМ

Изначально экологизм был представлен как радикальная мысль: радикальная теория с не менее радикальной практикой. В статье мы рассмотрим актуальную «зеленую» повестку, которая стала неотъемлемым элементом экологической политики Европейского Союза. Экологизм для евробюрократов сегодня – это часть идеологии государственного служения.

Ключевые слова: государственная служба, экологизм, бюрократия, идеология, политическая идеология, неполитическая идеология, политика, общее благо, политико-юридический подход, моральная политика.

Наблюдайте природу и следуйте дорогой,
которую она вам указывает.
Жан-Жак Руссо

Изначально экологизм был представлен как радикальная мысль – радикальная теория. Американский классик анархизма Генри Торо сказал: «В дикости находится сохранение мира» [7]. И если Руссо и Торо не призывали к конкретным и жестким действиям, то их наследники, наоборот, стали убеждать массы в необходимости насильственных действий. К активным и решительным действиям призывал, к примеру, Дэйв Форман, создатель радикальной экологистской организации «Земля прежде всего»¹. Организация знаменита тем,

¹ Наши штудии радикального экологизма начались в 2000-е гг., с фокусом на региональные кейсы, см.: [1]

что планировала вывести из строя атомные электростанции в Аризоне, Калифорнии и Колорадо.

Современному человеку известен такой феномен как эко-таж (экологический саботаж, экологический терроризм). Американский экозащитник Хавье Волке утверждает, что машины не имеют ни чувств, ни крови, ни сердца. Следовательно, машины «не могут наслаждаться ни благословенным сексом, ни осенним восходом солнца. Они не имеют никаких эмоций или врожденного добра или зла. Не стесняйтесь «убивать» их! Разрушение машин может нарушать права владельца, но если владелец планирует нарушать права ручьев, камней, растений, животных, дикой природы в целом, то упреждающее действие является оправданным. Экосистема дикой природы является более ценной, чем бульдозер... Машины – неживые. Разрушенные их не является насиллием» [10]. Той же логики придерживается и Дэйв Форман, поднимающий вопрос, актуальный для капиталистического общества: что важнее, доллары и частная собственность, причиняющие вред природе, или живая и здоровая природа? Выбор в пользу природы подразумевает радикальный отказ не только от своей собственности, но и чужой, с последующим уничтожением.

Дело, конечно, не только в собственности, но и в людях. Людей тоже можно бить и уничтожать.

Как писал Форман, «во всех решениях, даже если это идет вразрез с благом людей, в первую очередь следует руководствоваться благом Земли. Наше движение утверждает, что природное разнообразие должно быть сохранено за счет уменьшения материального уровня жизни людей. Люди должны «подстроиться под красоту». Мы должны заботиться о других людях, но сперва мы должны позаботиться о Земле» [9]. Рассуждения Формана напоминают измышления платоновских (Андрея Платонова) крестьян о коммунизме: хорошо бы зарыться в землю и спать в ней до тех пор, пока не проснешься.

Времена меняются. Опилки, труха и земля вылетают из буйных голов. Радикальная идеология экологизма становится менее экстремистской, а некоторые ее элементы инкорпорируются в политический мейнстрим. Так, бывший анархист Даниэль Кон-Бендит становится уважаемым европарламентарием, лидером фракции «зеленых» [3]. Радикальная философия Арне Нэсса становится частью идеологии и мышления норвежских чиновников. Как пишет М.Г. Зубов: «По масштабам личности и авторитету философа А. Нэсса срав-

нивают в Норвегии с одним из крупнейших политических деятелей страны – Э. Герхардсенем. Используя сравнительно-исторический метод удастся довольно наглядно показать, что принципы глубинной экологии А. Несса вполне применимы в реализации гуманитарной дипломатии норвежского государства... и в определенной мере могут представлять собой часть ее философской базы. При разработке планов осуществления такой деятельности правительство Норвегии вряд ли обращалось с просьбой подготовить ее философское обоснование к кому-либо из мыслителей, включая А. Несса. Вместе с тем практика показывает, что определенная основа для выстраивания магистральных направлений гуманитарной дипломатии, весьма схожая с базисными понятиями А. Несса о природе, роли и месте в ней человека, взаимозависимости всех компонентов экосистемы Земли у руководства страны все же имеется. Объяснение этому видится, в частности, в том, что взгляды и идеи А. Несса в значительной мере являются ничем иным, как производным от той гуманитарной политики, которую Норвегия стремилась проводить с начала своего существования в качестве самостоятельного государства. С другой стороны, оценивая ее различные аспекты – от уважительного отношения к отдельной личности до временами трепетного отношения к природе, причем как в самом королевстве, так и за его рубежами, – можно понять, почему именно в Норвегии жил и почти всю свою долгую жизнь работал такой философ, как А. Несс» [5].

Политики прислушиваются (кто с ироничной улыбкой, кто с серьезным лицом) к мнению юной бунтарки Греты Тунберг. Ей принадлежат следующие слова: «Недавно я смотрела по телевизору дебаты между партийными лидерами и видела, как им разрешили стоять и лгать. Они сказали, что нет смысла предпринимать усилия по ограничению выбросов Швеции, поскольку мы и так являемся «образцом для подражания». Что мы должны сосредоточиться на «помощи» другим странам в сокращении их выбросов. Швеция не является образцом для подражания. Население Швеции ежегодно выбрасывает 11 тонн CO₂ на душу населения. Мы на восьмом месте в мире по версии WWF. Мы те, кто нуждается в помощи. Я не понимаю, как они могут так врать по телевизору» [16]. На выступлении в ООН Грета заявила: «Вы (политики и чиновники – А.В.) украли мои мечты и мое детство своим пустословием... Люди страдают, люди умирают, целые экосистемы разрушаются, мы стоим на пороге массового вымирания, но

все, о чем вы может говорить – это деньги и сказки об экономическом росте. Как вы смеете?!» [4].

Российский Президент Владимир Путин отметил: «Я уверен, что Грета добрая девочка и искренняя очень, но взрослые должны сделать все, чтобы не заводить подростков и детей в какие-то крайние ситуации, должны оградить их от излишних эмоций, которые могут разрушить личность. Вот я о чем хочу сказать». По мнению президента, в целом нельзя не поддерживать те идеи, которые связаны с развитием возобновляемых источников энергии: «Надо только исходить из реалий и подталкивая этот процесс – а я сейчас в своем выступлении говорил, как мы делаем это в России: мы не только подписали и завершаем процесс имплементации Парижского соглашения, мы внутри страны еще и предпринимаем целый ряд шагов, направленный на то, чтобы ограничить выбросы, на то, чтобы развивать альтернативные источники, делаем это в том числе инструментами налогового регулирования, создавая преференции для развития альтернативных видов источников, газ развиваем как наиболее чистый углеводород» [8].

В нашей статье мы сосредоточимся на актуальной «зеленой» повестке, ставшей неотъемлемым элементом экологической политики Европейского Союза, а значит, ставшей частью идеологии государственного служения [3]. Понятно, что этот экологизм нерадикален, т.к. исходит от надгосударственного образования.

В исследованиях государственного служения мы анализируем нормативные документы, в которых отыскиваем корпоративную идеологию чиновничества. Формальная сторона вопроса открывается в этических кодексах, но не только. Используя политико-юридический подход, мы можем проанализировать также и другие нормативные документы на предмет нерадикального экологизма в бюрократической повестке.

Что касается самих терминов «природа», «экология», то в конкретном исследовании они понимаются так, как понимаются в европейских документах – предельно широко и общо. Остроумная проблематика, которую поднимает в своих работах Брюно Латур, по сути утверждающий, что природы не существует [6], – интересна, но на практике все запутывает.

Каковы же результаты? Итак, приоритетной «зеленой» программой в Европейском Союзе является «A European Green Deal», принятая в 2019 г., задача которой – преодоление

негативных последствий изменения климата, улучшение состояния окружающей среды [11]. Это масштабная стратегия экологического развития, предусматривающая:

1) В сфере воздействия на климат: принят Закон ЕС о климате, закрепляющий цель сократить выбросы на уровне 55% к 2030 г. [12] В феврале 2021 г. была также разработана стратегия адаптации к изменениям климата, закрепляющая необходимость «умной» адаптации, основанной на большом количестве качественных данных и инструментах оценки рисков; транспарентности (доступна всем заинтересованным); системного подхода, который планируется реализовать в том числе через интеграцию климатических вопросов в макроэкономическую политику; усиление международной кооперации [14];

2) В сфере сохранения окружающей среды и океанов: предусмотрено сохранение биоразнообразия и экосистем; сокращение загрязнений почвы; воздуха и воды, переход к экономике замкнутого цикла; улучшение сферы обращения с отходами, обеспечение устойчивости «голубой» экономики (концепция безотходности) и рыболовного сектора [17]. Для достижения этих целей разработаны Планы действий по направлениям, включая План по производству органической продукции с низким экологическим воздействием, План по использованию химикатов, в рамках которого предполагается отказ от использования наиболее вредных, а также поддержка разработок новых безопасных веществ, План по переработке и утилизации аккумуляторов и батареек, а также другие планы по переработке разных видов мусора;

3) В сфере энергетики: выделено три ключевых принципа перехода к чистой энергии, которые помогут сократить выбросы парниковых газов; обеспечение безопасного и доступного энергоснабжения ЕС; развитие полностью интегрированного, взаимосвязанного и оцифрованного энергетического рынка ЕС; приоритет отдан повышению энергоэффективности зданий и развитию энергетического сектора, основанного в основном на возобновляемых источниках [13];

4) В сфере транспорта планируется сократить 90% выбросов к 2050 г. через сокращение зависимости от ископаемого топлива (к 2030 г. в эксплуатации должно быть как минимум 30 миллионов легковых автомобилей и 80 000 грузовых автомобилей с нулевым уровнем выбросов; подготовка к выпуску на рынок больших самолетов с нулевым уровнем выбросов к 2035 г.); повышение доступности альтернативных вариантов

(к 2030 г. все большие и средние города должны выработать своих собственные программы устойчивой городской мобильности к 2030 г.; объем пассажирских перевозок высокоскоростных железнодорожным транспортом должен удвоиться к 2030 г., грузовым – к 2050 г.), ценообразование в зависимости от степени воздействия на окружающую среду, а также развитие системы электронных билетов, повышение доступности общественного транспорта для маломобильных граждан и улучшение условий работы задействованных в транспортной сфере работников [13];

5) В агросекторе: основными задачами являются обеспечение продовольственной безопасности в условиях изменения климата и утраты биоразнообразия, снижение воздействия продовольственной системы ЕС на окружающую среду и климат, укрепление устойчивости продовольственной системы ЕС [15].

В качестве наиболее известной экологической инициативы Европейского Союза последних лет можно назвать запрет на использование одноразовой пластиковой посуды, ватных палочек, пищевых контейнеров и ряда других предметов и пластмассы с 2021 г., а также запрет на их производство с 3 июля 2021 г.

Таким образом, мы видим, что когда-то радикальная идеология экологизма стала нерадикальной. Стала частью идеологии государственного служения для бюрократии ЕС, как основного актора политики (policy), политического управления. Безусловно, радикалы и экстремисты, сторонники противоправных и насильственных действий остаются. Но они остаются маргиналами, на периферии глобальной политической игры в экологию и ESG (англ. environmental – экология, social – социальное развитие, governance – корпоративное управление).

Идейное инкорпорирование изначально радикальной повестки объясняется не только банальным «духом времени», но и отношением принятия в сознании европейских чиновников идеи уважительного отношения к окружающей среде.

Литература:

1. *Вафин А.М.* Анархо-экологическое сопротивление – экоанархизм по-пермски // Без темы. 2008. №3-4. С.94-97.
2. *Вафин А.М.* Государственное служение в Европейском Союзе // Среднерусский вестник общественных наук. 2021. Т.16. №5. С. 120-130.

3. *Вафин А.М.* Политические маргиналы в России и Европе: Лимонов, Фортейн, Кон-Бендит и другие случаи. – М.: Канон+, 2016. С.116-126.
4. Грета Тунберг в ООН обвинила мировых лидеров в краже детства // РИА. URL: <https://ria.ru/20190924/1559072051.html> (Дата обращения: 18.01.2022).
5. *Зубов М.Г.* Философские идеи Арне Несса в гуманитарной дипломатии Норвегии // Вестник МГИМО Университета. 2015. №3.
6. *Митчел Т.* Углеродная демократия. Политическая власть в эпоху нефти. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС., 2014. С. 389-390.
7. *Нэш Р.* Дикая природа и американский разум. Киев: Логос, 2001. – 201 с.
8. Путин прокомментировал выступление Греты Тунберг в ООН // РИА. URL: <https://ria.ru/20191002/1559361417.html> (Дата обращения: 18.01.2022).
9. Формэн Дейв // Экоэтика. URL: <http://ecoethics.ru/old/b03-b/53.html> (Дата обращения: 18.01.2022).
10. Экотаж как радикальная тактика защиты дикой природы. URL: <http://www.ecoethics.ru/old/b12/36.html> (Дата обращения: 18.01.2022).
11. A European Green Deal // European commission. URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/european-green-deal_en (Дата обращения: 18.01.2022).
12. European Climate Law // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/clima/policies/eu-climate-action/law_en (Дата обращения: 18.01.2022).
13. Energy and the Green Deal // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/european-green-deal/energy-and-green-deal_en (Дата обращения: 18.01.2022).
14. EU Adaptation Strategy // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/clima/policies/adaptation/what_en (Дата обращения: 18.01.2022).
15. Factsheet – The Transport and Mobility Sector // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/fs_20_2350 (Дата обращения: 18.01.2022).
16. Greta Thunberg: «Sweden is not a Role Model» // We Don't Have Time. URL: <https://wedonthavetime.medium.com/greta-thunberg-sweden-is-not-a-role-model-6ce96d6b5f8b> (Дата обращения: 18.01.2022).
17. Protecting the environment and oceans with the Green Deal // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/clima/policies/adaptation/what_en (Дата обращения: 18.01.2022).

VAFIN A.M.

*PhD in Political Sciences, Associate Professor at the
Moscow Higher School of Social and Economic Sciences*

Ideology of public service in the European Union: ecologism

Initially, ecologism (or environmentalism) was presented as a radical thought: a radical theory with no less radical practice. In this article we will consider the current «green» agenda, which has become an integral element of the environmental policy of the European Union. Environmentalism for European bureaucrats today is part of the ideology of public service.

Keywords: *public service, bureaucracy, ecologism, ideology, political ideology, non-political ideology, policy, politics, common good, political and legal approach, moral politics*

Literature:

1. Vafin A.M. Anarcho-ecological resistance – eco-anarchism in Perm // Without a topic. 2008. No.3-4. pp.94-97.
2. Vafin A.M. Public service in the European Union // Central Russian Bulletin of Social Sciences. 2021. Vol.16. No. 5. pp. 120-130.
3. Vafin A.M. Political marginals in Russia and Europe: Limonov, Fortune, Kon-Bendit and other cases- Moscow: Canon+, 2016. pp.116-126.
4. Greta Thunberg at the UN accused world leaders of stealing childhood // RIA. URL: <https://ria.ru/20190924/1559072051.html> (Accessed: 18.01.2022).
5. Zubov M.G. Philosophical ideas of Arne Ness in humanitarian diplomacy of Norway // Bulletin of MGIMO University. 2015. No.3.
6. Mitchell T. Carbon Democracy. Political power in the era of oil. – Moscow: Publishing House "Delo" RANEPА., 2014. pp. 389-390.
7. Nash R. Wildlife and the American mind. Kiev: Logos, 2001. – 201 p.
8. Putin commented on Greta Thunberg's speech at the UN // RIA. URL: <https://ria.ru/20191002/1559361417.html> (Accessed: 18.01.2022).
9. Foreman Dave // Eco-ethics. URL: <http://ecoethics.ru/old/b03-b/53.html> (Date of application: 18.01.2022).
10. Ecotage as a radical tactic for the protection of wildlife. URL: <http://www.ecoethics.ru/old/b12/36.html> (Accessed: 18.01.2022).
11. A European Green Deal // European commission. URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/european-green-deal_en (Accessed: 18.01.2022).
12. European Climate Law // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/clima/policies/eu-climate-action/law_en (Accessed: 18.01.2022).

13. Energy and the Green Deal // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/european-green-deal/energy-and-green-deal_en (Accessed: 18.01.2022).
14. EU Adaptation Strategy // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/clima/policies/adaptation/what_en (Accessed: 18.01.2022).
15. Factsheet – The Transport and Mobility Sector // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/fs_20_2350 (Accessed: 01/18/2022).
16. Greta Thunberg: "Sweden is not a Role Model" // We Don't Have Time. URL: <https://wedonthavetime.medium.com/greta-thunberg-sweden-is-not-a-role-model-6ce96d6b5f8b> (Accessed: 01/18/2022).
17. Protecting the environment and oceans with the Green Deal // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/clima/policies/adaptation/what_en (Accessed: 18.01.2022).

ЯРИНА Мария Сергеевна
выпускница аспирантуры факультета
«Высшая школа культурной политики и
управления в гуманитарной сфере» Московского
государственного университета
имени М.В. Ломоносова
E-mail: maria.yarina@mail.ru

Спортивные достижения государства как фактор гражданской и политической идентификации

В статье рассматривается место и роль спортивных достижений государства в процессе гражданской и политической идентификации личности. Раскрывается соответствующая структура идентификационного поиска под влиянием спорта высших достижений, характеризуются факторы усиления общегражданской солидарности в российском обществе.

Ключевые слова: *идентичность, гражданская идентичность, спорт высших достижений, Олимпийские игры, общественный запрос.*

Как известно, поиск идентичности – во всей полноте ее граней [1] -является органической составляющей процессов социализации и ресоциализации личности. Свобода поиска индивидом групповых солидарностей сохраняет внутреннюю неопределенность обретения людьми соответствующих гражданских ориентиров и, как следствие, представляет собой вызов для государственной власти, заинтересованной в управлении массовыми социокультурными процессами. Неслучайно, как справедливо указывает И.С. Семененко, «именно тем, в какой степени государством востребован консолидирующий и мобилизационный потенциал идентичности, определяется ... [его – авт.] эффективность, качество его политики, ... способности создавать необходимые форматы взаимодействия с политическими субъектами соответствующего (локального или

глобального) масштаба» [2]. Так что, корректное и профессиональное воздействие государства на процессы поиска идентичности своих граждан позволяет ему не только прогнозировать риски и угадывать настроения, необходимые власти и обществу при выстраивании среднесрочных и долгосрочных планов развития и правительственных стратегий [3], но и укреплять гражданскую солидарность и стабильность социума.

В контексте повседневного поиска идентификационных моделей индивид сталкивается со сложным переплетением генерализованного потока ценностей (инициируемого государством и транслирующим приоритеты макрогрупповой идентичности) [4], а также конкурентных потоков мировоззренческих ценностей и критериев социализации, актуализирующих идеалы и нормы различных групп и сообществ. Добавляет сложности в этом вопросе и то, что социальная индустрия спорта высших достижений нередко превращается в своеобразную арену восприятия людьми международных конфликтов и отношений, побуждая их рассматривать успехи или неудачи россиян в геополитическом измерении.

Однако при всем разнообразии провоцирующих выбор ценностно-ориентационных конструкций во всех моделях внутренней солидарности существуют некие универсальные составляющие. Для многих индивидов (если и не такой же по значению, но тем не менее) весьма существенной ролью обладают чувства общегражданской солидарности, вызванные гордостью за победы (или переживания за горечь поражений) национальных команд, представляющих страну на крупнейших мировых спортивных состязаниях. Учитывая высокий уровень эмоционального подъема, вызванный сопричастностью человека к спортивным победам своей страны, а также неминуемый в этих случаях рост патриотических настроений, власти всех мировых держав придают принципиальное значение подготовке и выступлению своих национальных команд в мировых спортивных соревнованиях. Достаточно вспомнить тот эмоциональный резонанс и массовое воодушевление, которое охватило страну после побед российских спортсменов на XXII Олимпийских зимних играх 2014 г. в Сочи. И хотя последовавший за этим допинговый скандал отчасти расколол российское общество (на тех, кто считает, что государство поддерживало допинг-систему и на тех, кто считал санкции в адрес российского спорта «нападками Запада»), даже этот факт показал громадный эмоциональный ресурс, которым обладают чувства

граждан, осознающие сопричастность спортивным победам и поражениям.

Специфика влияния итогов спортивных соревнований на идентификационный профиль индивида и общества, прежде всего, характеризуется их способностью воздействовать на социально важные ориентации индивида поверх этно-национальных и гендерных предпочтений, а также территориальных и пространственных характеристик жизнедеятельности человека (например, многие люди, работающие в других странах, также горячо болеют за отечественных спортсменов). Спортивные достижения способны стирать границы между различными социальными группами (сформированными на основе разных идентичностей), приобщая их к общим победам [5]. Этот эффект хорошо проявляется в сложно составных, полиэтнических обществах, где спортивные победы неизбежно укрепляют у людей общегражданский дух, их сопричастность с государством и обществом. Коротко говоря, спорт и спортивные достижения неизбежно выполняют объединяющую функцию в процессе выстраивания гражданской идентичности, позволяя за счет гордости за свою страну нивелировать даже существующее в обществе напряжение. В то же время в мире немало примеров, как власти – особенно в странах с неразвитым гражданским обществом – стремятся направить усилия на навязывание социуму мнимой идентичности, удобной для искусственной манипуляции народными массами [6].

Говоря о содержательных параметрах идентификации под влиянием спортивных достижений, следует отметить наличие определенных структурных характеристик этого процесса. В частности, имеет смысл выделить выделить исторический, политический, лидерский и событийный аспекты.

Так, исторические грани этой идентификационной реакции содержат отсылки к ретроспективным спортивным явлениям, позволяющие сравнивать прошлые и нынешние победы советских и российских спортсменов. Учитывая, что память всегда приукрашивает ранее произошедшие события, некоторые современные спортивные достижения могут обретать в какой-то степени менее значимый характер (например, победа хоккейной сборной на XXIII Олимпийских зимних играх 2018 г. в Пхенчхане, в которых не участвовали спортсмены НХЛ, в определенной степени диссонировала с памятью о победах легендарной «красной машины» в 70-80 г. XX в.). Однако для идентификационной реакции более важным оказываются эмоции, которые сохраняют положительную реакцию в результате

осознания исторической череды спортивных побед, демонстрирующих устойчивый статус страны как спортивной державы.

Значимость и постоянство спортивных достижений в известной степени формируют и некий психологический трансцензус или перенос значений спортивных достижений на восприятие государства и общества в целом. Иначе говоря, факт спортивных побед становится для индивида маркером и более общих преимуществ, и положительных значений, которыми в сознании человека обладает облик страны как таковой.

Таким образом, человек гордится принадлежностью к стране, чью славу создают ее выдающиеся спортсмены. Понятно, что такие эмоции, распространяясь на широкие социальные аудитории, обладают не только синергетическим эффектом, укрепляющим внутреннюю солидарность населения (а в определенной степени и общественную стабильность), но и формируют положительные эмоции, обращенные к государству как политическому институту, способствовавшему этим спортивным успехам. Неудивительно поэтому, что сегодня у многих (особенно представителей старшего поколения) людей теплые воспоминания касаются Игр XXII Олимпиады 1980 г. в Москве, которые запомнились не только победами и самим фактом проведения, но и атмосферой, ее сопровождавшей. То же самое можно сказать о Чемпионате мира по футболу 2018 г., который запомнился качественной организацией (Чемпионат мира в России был признан ФИФА лучшим за всю историю [7]) и духом дружелюбия, гордости и единства со всем миром. В этой связи спорт определенно вносит весомый вклад в формирование идентичности, и поэтому крайне важно уделить особое внимание его общественному восприятию и оказываемым им эффектам.

С этими эмоциями тесно связаны и иные, условно говоря, политические грани идентификации, обусловленные активностью государства в актуальном для человека периоде времени. В этом смысле индивид и общество вырабатывают идентификационные установки на основе восприятия правительственной политики по развитию спорта, стиля деятельности органов управления, характера популяризации спортивного образа жизни и т.д. В этих контекстах любой заинтересованный человек воспринимает спортивный дух своей команды на Олимпийских играх как пробуждение не только патриотических настроений, но и более общих морально-этических максим – честности, благородства, упорства, смелости, честного соперничества, дружбы между народами и т.д.

Также важно отметить, что властям, заинтересованным в формировании положительного мнения общества об их политике в области спорта высших достижений, следует уделять самое пристальное внимание информационному сопровождению своей деятельности в этой сфере, прежде всего, предлагая людям компетентные и своевременные ответы на критические или спорные ситуации.

Другими словами, спортивная политика властей должна носить информационно-терапевтический характер, реагируя на любые всплески общественного мнения. Однако в данном случае власти неизбежно попадают в некие политико-коммуникативные «ножницы», предполагающие либо поддержание с обществом содержательного и аргументированного диалога (то, что можно назвать «доказательной политикой»), либо подталкивающие чиновников к продавливанию намеченных целей, игнорирующих любые возражения и оценки общественности (т.н. «политика доказательств») [8]. Понятно, что только в первом случае граждане сохраняют уверенность в правомерности проводимых действий, что, собственно, и будет самым благотворным образом сказываться на содержании или коррекции их идентификационных подходов.

На этом фоне особое значение приобретает, возможно, еще более важный аспект формирования идентификационных граней под влиянием спорта высших достижений, который состоит в восприятии людьми позиций политических лидеров (включая как государственных, так и партийных фигур). Ибо именно политические лидеры в настоящее время олицетворяют суть проводимой государством спортивной политики (как, собственно, и во всех иных сферах жизни общества). Другими словами, лидеры способны за счет публичной риторики или демонстрации активной поддержки спортсменов (особенно победителей крупных соревнований), а также личным примером, свидетельствующим об их приверженности здоровому образу жизни, укрепить у людей мнение о внимании и заботе государства об отечественном спорте. А косвенно еще и поощрять спортивные увлечения молодежи и всех граждан. Тренд на здоровый образ жизни с каждым годом набирает обороты, становясь источником социального комфорта.

Президент России, устраивая приемы в честь победителей и призеров Олимпийских игр в Кремле, выступает как визитная карточка государственных мероприятий, тем самым подтверждая высокий статус спортсменов и значимую роль спорта в развитии современной России, что способствует укреплению

имиджа страны на международной арене (что, в свою очередь, является дополнительным фактором усиления сопричастности людей с целями национального государства и роста их патриотических настроений).

Отметим также и событийный фактор, влияющий на идентификационный поиск граждан в связи с восприятием ими спортивных достижений и поражений. Он отражает влияние неординарных, нетипичных, выбивающихся из ряда привычных, наблюдаемых человеком процессов и при этом обладающих для него существенным и непререкаемым значением. Другими словами, это события, оказывающие на индивида мощное эмоциональное воздействие, травмирующее или меняющее его привычные позиции по отношению, как к итогам спортивных соревнований, так и нередко к спортивной жизни как таковой.

Выше уже говорилось о допинговом скандале, разгоревшемся после XXII Олимпийских зимних игр 2014 г. в Сочи. Этот факт и последовавшая за ним санкционная политика международного спортивного руководства по отношению к российскому спорту способствовали как усилению политизации настроений россиян, так и деятельности спортивных учреждений и структур управления спортом. Как следствие, перед XXIII Олимпийскими зимними играми 2018 г. в г. Пхенчхан российское общество разделилось на 2 части: первые выступали за отказ от участия в Играх, так как у страны отняли важные конституционные символы – флаг, герб, гимн и другие атрибуты государственности, а другие, напротив, хотели участвовать, чтобы доказать, что в стране есть чистые спортсмены, не связанные с допингом и способные достойно представлять Россию на международной арене.

Завершая сказанное, можно утверждать, что обретение людьми различных граней своей идентификационной структуры под влиянием спортивных достижений своей страны требует от государства более современного инструментария и методов работы с обществом. Этому может способствовать регулярное проведение массовых мероприятий, направленных на пропаганду и популяризацию физической культуры и спорта, олимпийского движения и олимпийских ценностей; увеличение доступности спортивной инфраструктуры для всех жителей страны; повышение информированности граждан о возможностях для занятий спортом; использование современных цифровых технологий для продвижения спортивного образа

жизни. Все вышеперечисленное будет способствовать превращению спорта из категории увлечений в один из важных факторов устойчивого развития отдельного индивида и социума в целом.

Литература:

1. Баранов А.В. Путеводитель по лабиринтам идентичности // Южно-российский журнал социальных наук. 2018. №2. С. 24-29.
2. Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке. Том 2 / Под ред. И.С.Семеновко, М.: РОССПЭН, 2012, с. 29
3. Маленков В. В. Цивилизационные и геополитические ориентации в структуре национальной идентичности россиян // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2017. №4. С.13-24.
4. Jenkins R. Social identity. Routledge, 2014. p. 56-58
5. Солдатова А.С., Семушенкова А.С. Особенности конструирования уровня идентичности в проектной деятельности российских некоммерческих организаций // ARS ADMINISTRANDI. 2020. №2. С. 8-16.
6. Mouffe C. Citizenship and political identity //October. 1992. vol. 61. p. 28-32.
7. ЧМ-2018 по футболу в России признан лучшим в истории [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/805264/2018-10-26/chm-2018-po-futbolu-v-rossii-priznan-luchshim-v-istorii> (дата обращения: 26.08.2021)
8. Соловьев А.И. «Доказательная политика» или «политика доказательств»: дилемма постсоветских обществ // Контуры глобальных трансформаций, 2021, № 4.

YARINA Maria Sergeevna

Graduate of Postgraduate Studies of the Faculty of Higher School of Cultural Policy and Management in the Humanitarian Sphere, Lomonosov Moscow State University

Sports achievements of the state as a factor of civil and political identification

The article discusses the place and role of the sporting achievements of the state in the process of civil and political identification of the individual. The corresponding structure of identification search under the influence of sports of high achievements is revealed, factors of strengthening of civil solidarity in the Russian society are characterized.

Keywords: *identity, civic identity, elite sport, sports of high achievements, Olympic Games, public inquiry.*

Literature:

1. Baranov A.V. Guide to the labyrinths of identity // South Russian Journal of Social Sciences. 2018. No. 2. pp. 24-29.
2. Identity and socio-political changes in the XXI century. Volume 2 / Edited by I.S.Semenenko, M.: ROSSPEN, 2012, p. 29.
3. Malenkov V. V. Civilizational and geopolitical orientations in the structure of the national identity of Russians // News of TulsU. Humanities. 2017. No.4. pp. 13-24.
4. Jenkins R. Social identity. Routledge, 2014. p. 56-58.
5. Soldatova A.S., Semushenkova A.S. Features of constructing identity levels in the project activities of Russian non-profit organizations // ARS ADMINISTRANDI. 2020. No.2. pp. 8-16.
6. Mouffe C. Citizenship and political identity //October. 1992. vol. 61. p. 28-32.
7. 2018 World Cup football in Russia is recognized as the best in history [Electronic resource]. URL: <https://iz.ru/805264/2018-10-26/chm-2018-po-futbolu-v-rossii-priznan-luchshim-v-istorii> (accessed: 08/26/2021)
8. Soloviev A.I. "Evidentiary policy" or "The policy of evidence": the dilemma of post-Soviet societies // Contours of global transformations, 2021, No. 4.

ШИРОКОВА Екатерина Олеговна
*аспирант кафедры всеобщей истории,
политологии и регионоведения ФГБОУ ВО*
«Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н.П. Огарёва»
г. Саранск
E-mail: ekaterinabondarenko1992@mail.ru

Влияние молодежных политических организаций на политическую активность граждан (по материалам исследования общественного мнения методом фокус-групп)

В статье анализируются результаты исследования общественного мнения, проведенного в 2022 г. методом фокус-групп, с целью выявления роли молодежных политических организаций, действующих при политических партиях, в политическом процессе современной России и анализа их влияния на политическую активность граждан. Автор выявляет основные мотивы, которые приводят молодое поколение в организации, выделяет наиболее востребованные формы политического участия молодежи, исследует влияние опыта деятельности в молодежных политических организациях на политическую активность граждан. Делается вывод о том, что активное участие в функционировании молодежных партийных политических организаций, оказывает благотворное воздействие на социализацию личности, усвоение духовно-нравственных и правовых норм, самореализацию граждан и их дальнейшую адаптацию в обществе.

Ключевые слова: гражданское общество, политические партии, молодежные политические организации, формы политической активности, политическая культура.

Молодежь играет важную роль в общественно-политическом развитии любого государства. Являясь ценной категорией гражданского общества, уровень влияния молодежи на

политическую действительность зависит от множества факторов: уровня политической культуры, преобладающей идеологии, распространенных моральных ценностей, степени религиозного мировоззрения в обществе и традиций. По уровню политической активности молодежи в общественных процессах можно судить о степени открытости политической системы, о развитии институтов гражданского общества, направлении и эффективности модернизации государства.

Молодежь как социальная группа – носитель потенциала новых идей, ценностей и образа будущего. За счет молодежи происходит как идейное, так и кадровое обновление политической системы [1, с. 89].

В современной научной литературе среди форм активности молодежи выделяют участие в выборах (использование активного и пассивного избирательного права), в митингах, в поддержку той или иной политической силы, деятельность в молодежных организациях и сообществах, молодежных общественных движениях и объединениях, молодежных общественно-политических организациях [2, с. 7].

Отечественный исследователь А.А. Митин характеризует молодежные общественно-политические организации как один из видов общественных организаций, участники которого стремятся к выражению своих интересов одновременно как социальной группы, посредством участия в политической жизни страны. В состав молодежных общественно-политических организаций входят граждане, не достигшие 30-35 лет, а их лидером является лицо, возраст которого не выходит на установленные рамки [3, с. 8].

В целом, молодежные общественные организации и объединения, как один из элементов гражданского общества, выполняют важнейшую функцию социального воспроизводства и играют значительную роль в социальной и политической жизни государства. Но при этом, они нуждаются в общественной и государственной поддержке, в создании эффективного механизма взаимодействия с обществом и политическими институтами.

Политические молодежные организации можно разделить на действующие при политических партиях и движениях и автономные политические молодежные организации [4, с. 11]. На сегодняшний день к молодежным организациям, действующим при политических партиях, можно отнести такие организации как: «Молодая гвардия Единой России» (Партия «Единая

Россия», «Молодёжная организация ЛДПР» (ЛДПР), «Молодёжь Справедливой России» (Партия «Справедливая Россия – Патриоты – За Правду»), «Ленинский коммунистический союз молодёжи Российской Федерации» – ЛКСМ РФ (КПРФ) и др.

С целью выявления роли молодежных политических организаций, действующих при политических партиях в политическом процессе современной России и анализа их влияния на политическую активность граждан, в 2022 г. автором статьи было проведено качественное социологическое исследование с использованием метода фокус-групп.

Задачи исследования:

- выявить основные мотивы, которые приводят молодое поколение в организации;
- изучить, какие формы политического участия наиболее востребованы среди респондентов;
- проанализировать, как опыт деятельности в молодежных политических организациях, действующих при политических партиях, оказывает дальнейшее влияние на политическую активность граждан.

В качестве гипотезы мы высказали предположение, что опыт участия в молодежных политических организациях, действующих при политических партиях, оказывает положительное влияние на политическую активность граждан, их осведомленность о политическом процессе и повышает общий уровень политической культуры молодежи.

Методология исследования. В качестве метода исследования мы использовали фокус-группы. Данный метод позволяет провести качественный анализ обозначенного круга изучаемых вопросов [5, с. 38].

Участниками фокус-групп стали молодые люди в возрасте от 18 до 35 лет с высшим или неоконченным высшим образованием. Все респонденты имеют опыт участия в молодежных политических организациях, действующих при политических партиях, функционирующих на территории Республики Мордовия. Гендерный состав фокус-групп – 50% мужчин, 50% женщин. В ходе исследования было опрошено 24 респондента, которые были разделены на три отдельные возрастные группы.

Первая группа: 8 участников в возрасте от 18 до 23 лет, студенты ФГБОУ ВО МГУ им. Н.П. Огарева, обучающиеся по направлениям подготовки «Политология», «Социальная работа», «Юриспруденция», «Электроника и нанoeлектроника». Респонденты имеют опыт участия в молодежных организациях

региональных отделений политических партий «Единая Россия», ЛДПР и «Справедливая Россия».

Вторая группа: 8 участников в возрасте от 23 до 30 лет, получившие высшее образование по специальностям «Политология», «Психология», «Экология и природопользование», «Лечебное дело». Большинство респондентов (6 человек) официально трудоустроены, остальные имеют статус самозанятых. В анкете, разосланной накануне проведения исследования, участники отметили, что имеют опыт участия в молодежных политических организациях, функционирующих при политических партиях «Единая Россия», КПРФ и ЛДПР.

Третья группа: 8 участников в возрасте от 30 до 35 лет, получивших высшее образование в ФГБОУ ВО МГУ им. Н.П. Огарева по специальностям «Юриспруденция», «Политология», «Промышленная электроника». На момент исследования пятеро респондентов было официально трудоустроено, двое имело статус самозанятых, один участник исследования – временно безработный. Респонденты ранее принимали участие и/или являются активными сторонниками молодежных политических организаций, действующих при поддержке политических партий «Единая Россия», ЛДПР и «Новые люди».

Разделение участников исследования на разные возрастные группы, относительно гомогенные по своему составу (по возрасту, половой принадлежности, образованию, статусу и опыту участия в молодежных политических организациях) позволяет комплексно проанализировать мнения респондентов о роли и влиянии молодежных политических организаций на политическую активность граждан и выявить их отличительные черты.

Результаты исследования. Среди молодежи разных возрастных групп наблюдается единение в выделении мотивов вступления в молодежные политические организации, функционирующих при политических партиях. Анализ ответов респондентов позволил выделить мотивы следующего содержания:

– идеологические мотивы: идеи и ценности партии совпадают с интересами человека; стремление позиционировать себя как активного члена общества, равнодушного к социально-экономическим и политическим проблемам; заявить о своём согласии или солидарности с курсом действующей власти;

– профессиональные мотивы: стремление к участию в практической преобразовательной деятельности, дальнейшему профессиональному росту в политической сфере, обретению нужных знакомств, получение организаторских и управленческих навыков, получение поощрения со стороны начальства; возможность использования ресурсов партии при угрозе увольнения;

– экономические мотивы: возможность заработка при официальном трудоустройстве в молодежную политическую организацию; получение бесплатной агитационной продукции для личных нужд; финансирование за счет партийной организации туристических и оздоровительных поездок, партийных командировок;

– социальные мотивы: желание освоить новую социальную роль; потребность в одобрении родителей, преподавателей, сверстников; возможность совместного времяпровождения с единомышленниками, «стадное чувство», мода, саморазвитие, удовлетворение нравственных потребностей.

Зачастую, при вступлении в молодежную политическую организацию, гражданином движет сочетание нескольких мотивов. Большая часть респондентов (15 человек) отметила, что изначально не придавали этому шагу особого значения, а решение было относительно спонтанным: «решил вступить за компанию с однокурсником»; «тогда было модно участвовать в молодежных политических движениях»; «в «Единую Россию» меня пригласил знакомый, и я сразу согласилась, так как всегда поддерживала нашего Президента». Для остальной части респондентов вступление в молодежные отделения партий являлось тщательно обдуманым решением: «с 16 лет хотел вступить в «Справедливую Россию», и в день совершеннолетия получил долгожданный партийный билет»; «о возможности вступить в политическую партию узнал только на втором курсе, долго сомневался, какую из двух партий выбрать. Советовался с отцом, преподавателями, и только через полгода решил связать свою жизнь с ЛДПР».

Таким образом, при вступлении в молодежные политические организации, личностью движет совокупность различных мотивов: идеологических, профессиональных, социальных и экономических. Молодежь, как наиболее мобильная часть общества склонна быстро принимать решение о вступлении в политическую организацию, ориентируясь на мнение своего ближайшего окружения (друзей, однокурсников, преподавателей, родителей).

Далее участникам фокус-групп было предложено обсудить формы политической активности и их опыт политического участия в молодежных политических партийных организациях. Респонденты продемонстрировали свою осведомленность о формах политического участия, отметив, что наиболее важными из них считают выборы, массовые мероприятия и политическую агитацию (см. таблицу 1).

Таблица 1

Формы политического участия, используемые респондентами

Формы политического участия	Кол-во респондентов, имеющих опыт участия
Участие в выборах в качестве избирателя	24
Посещение партийных собраний, конференций, участие в молодежных форумах от лица партии	20
Участие в массовых мероприятиях: митингах, шествиях, автопробегах	19
Участие в политической агитации (раздача агитационной продукции, листовок)	18
Выражение своей политической позиции в СМИ и социальных сетях	10
Участие в выборах в качестве кандидата	8
Участие в работе штаба политической партии в период проведения избирательной кампании	7
Сбор подписей под обращением населения к органам власти	7
Осуществление общественного контроля за деятельностью государственных и муниципальных органов власти	6
Участие в работе избирательного участка, в участковой избирательной комиссии	5
Пикетирование	4
Представление позиции партии в органах государственной власти и местного самоуправления	3

Каждый из членов дискуссии принимал участие в качестве избирателя в минувших электоральных кампаниях, что демонстрирует высокий уровень политической активности среди молодежи. Согласно официальным статистическим данным,

для России характерно неравномерное отношение молодого поколения к выборам: оно более ответственно подходит к выбору руководителя государства и проявляет пассивность при выборах в другие органы власти [6]. Протестно настроенная молодежь часто игнорирует выборы, однако в целом, доля молодого населения среди общего количество избирателей составляет около 30% [7]. Участники фокус-групп, выразили мнение, что порча бюллетеней и игнорирование выборов – это незрелая позиция, и считают голосование своим гражданским долгом.

Примечательно, что респонденты в повседневной жизни редко демонстрируют свои политические взгляды в социальных сетях, опасаясь столкнуться с непониманием знакомых, а также стать объектом насмешек и даже агрессии. Исключением становятся периоды избирательной кампании, когда многие заявляют о своей партийной принадлежности и идеологических взглядах. Наиболее активно выражают политическую позицию на своих личных аккаунтах в социальных сетях участники фокус-группы в возрасте от 18 до 23 лет. Молодежь старшего возраста ограничивается обсуждением политических тем в официальных партийных группах и на тематических форумах.

Следует отметить, что лишь треть респондентов пользуются своим пассивным избирательным правом в период проведения избирательных кампаний на федеральном, региональном и муниципальном уровне. Причинами стали сомнения в собственных силах и профессиональной компетенции, нехватка времени и ресурсов, внутрипартийного авторитета и связей с представителями власти. Зачастую участие в выборах в качестве кандидата для молодых людей является формальным: например, они выступают в качестве технических кандидатов, обеспечивающих устойчивость регионального партийного списка, поддерживая своих более опытных товарищей. Реального успеха добиваются прагматично настроенные молодые политики, хорошо зарекомендовавшие себя в партийной деятельности, имеющие поддержку со стороны политической партии на федеральном и региональном уровне, регулярно поддерживающие коммуникацию со своим базовым электоратом.

Наименьшей популярностью пользуются такие формы политического участия, как сбор подписей под обращением населения к органам власти, осуществление общественного контроля за деятельностью государственных органов, работа в тер-

риториальных и участковых избирательных комиссиях, пикетирование. В ходе беседы было выявлено, что значительная часть респондентов имеет фрагментарное представление об этих формах политического участия, а пикетирование склонны относить к противозаконной деятельности. Подобная оценка связана с ужесточением федеральных законов, регулирующих правила проведения митингов, положений законодательства о статусе иностранных агентов и действием ограничительных мер санитарной безопасности, действующих в регионе на фоне пандемии коронавируса.

Дополнительно респонденты выделили ряд пунктов, положительно характеризующих влияние молодежных политических организаций на развитие культуры политического участия: возможность напрямую пообщаться с политическими лидерами, принять участие в крупных мероприятиях федерального и регионального уровня, представлять идеи партии в Общественной молодежной палате субъекта федерации.

В заключительной части исследования участникам фокус-групп было предложено обсудить, оказал ли опыт участия в молодежных политических организациях, действующих при политических партиях, на их политическую активность. На основе полученных ответов мы выделили несколько групп молодых людей в возрасте от 18 до 35 лет.

Первая группа «разочаровавшиеся» молодые люди, которые считают, что их участие в молодежных политических организациях имело эпизодический характер и в дальнейшем не оказало влияния на их политическую активность. Как правило, респонденты, которые были отнесены к данной группе, принимают участие в выборах федерального уровня, но не рассматривают возможность своего участия в других политических мероприятиях. Они отмечают, что получили навыки командной работы и управленческой деятельности, но не идентифицируют себя с какой-либо политической партией или партийной идеологией.

Ко второй группе мы отнесли респондентов, на культуру политического участия которых деятельность в составе молодежных политических организаций оказала незначительное влияние. Молодые люди принимают участие в выборах федерального, регионального и муниципального уровня, имеют друзей и знакомых среди членов политических партий. При этом вид их деятельности на настоящий момент никак не связан с политикой или государственным управлением.

В третью группу, самую многочисленную, следует отнести респондентов, на которых участие в молодежных партийных политических организациях оказало среднее влияние. Респонденты идентифицируют себя с политической идеологией партии, с которой сохранили устойчивые связи, они регулярно ходят на выборы, допускают участие в митингах и агитационных мероприятиях. Следует обратить внимание, что, несмотря на принадлежность к определенной молодежной политической организации, респонденты их данной группы не всегда голосуют за конкретную политическую партию и её кандидатов, принимая ситуационные решения после изучения представленных кандидатов и партийных списков.

Молодые люди, отнесенные к четвертой группе, отмечают весомое влияние политической партии на их политико-правовые взгляды и духовно-нравственные ценности. По мнению респондентов, участие в молодежных партийных политических организациях стало неотъемлемой частью жизни и профессиональной деятельности. Молодые люди из этой группы регулярно принимают участие в выборах в качестве кандидатов в депутаты законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации и органов местного самоуправления, являются членами центральных, территориальных и участковых избирательных комиссий, совмещают партийную работу с преподаванием в высших образовательных учреждениях и предпринимательской деятельностью. Следует отметить, что в рассматриваемой группе преобладают респонденты в возрасте от 29 до 35 лет, также она является самой немногочисленной их всех.

Таким образом, проведенное исследование подтверждает нашу гипотезу о том, что опыт участия в молодежных политических организациях, действующих при политических партиях, оказывает положительное влияние на политическую активность граждан. Каждый из членов дискуссии принимал участие в качестве избирателя в минувших электоральных кампаниях, часть опрошенных имеет опыт выдвижения своей кандидатуры на выборах в депутаты законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации и органов местного самоуправления. Анализируя ответы респондентов, следует сделать вывод, что активное участие в деятельности молодежных партийных политических организациях оказывает благотворное воздействие на социализацию личности, усвоение духовно-нравственных и

правовых норм, самореализацию граждан и их дальнейшую адаптацию в обществе.

Литература:

1. Дидковская Я.В., Трынов Д.В. Политически активная молодежь: стратегии политического участия в контексте образа социального будущего // Logos et Praxis. 2019. Т. 18. № 3. С. 88-101.
2. Игнатова Т.В. Политическая активность как основная форма политического участия российской молодежи // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2016. № 1. С. 3-12.
3. Митин А.А. Молодёжная политика и молодёжные организации: понятие и основные подходы // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2017. № 3. С. 4-13.
4. Сулейманова С.Р. Классификация молодежных общественных объединений России и Республики Беларусь: сравнительно-правовой анализ Аграрное и земельное право. 2018. № 4. С. 9-18.
5. Попова О. В. Политический анализ и прогнозирование: Учеб. пособ. М.: Аспект Пресс, 2011. 464 с.
6. Голикова В. Молодежь и выборы. URL: <https://strikun.ru/molodezh-i-vybory/> (дата обращения: 27.06.2022)
7. Явка на выборы – 2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/javka-na-vybory-2021> (дата обращения: 27.06.2022)

SHIROKOVA E.O.

Postgraduate Student of the Department of World History, Political Science and Regional Studies at the National Research Mordovian state University, Saransk

Influence of youth political organizations on the political activity of citizens (by the materials of the public opinion research using the focus group method)

The article analyzes the results of a public opinion survey conducted in 2022 using the focus group method in order to identify the role of youth political organizations operating under political parties in the political process of modern Russia and analyze their influence on the political activity of citizens. The author reveals the main motives that lead the younger generation to the organization, highlights the most popular forms of political

participation of young people, explores the influence of experience in youth political organizations on the political activity of citizens. It is concluded that active participation in the functioning of youth party political organizations has a beneficial effect on the socialization of the individual, the assimilation of spiritual, moral and legal norms, the self-realization of citizens and their further adaptation in society.

Keywords: *civil society, political parties, youth political organizations, forms of political activity, political culture.*

Literature:

1. Didkovskaya Ya.V., Trynov D.V. Politically active youth: strategies of political participation in the context of the image of the social future // Logos et Praxis. 2019. V. 18. No. 3. S. 88-101.

2. Ignatova T.V. Political activity as the main form of political participation of Russian youth // News of the Tula State University. Humanitarian sciences. 2016. No. 1. P. 3-12.

3. Mitin A.A. Youth policy and youth organizations: concept and main approaches // Bulletin of the Kemerovo State University. Series: Political, sociological and economic sciences. 2017. No. 3. P. 4-13.

4. Suleymanova S.R. Classification of youth public associations in Russia and the Republic of Belarus: a comparative legal analysis Agrarian and land law. 2018. No. 4. P. 9–18.

5. Popova O.V. Political analysis and forecasting: textbook. Allowance. M.: Aspect Press, 2011. 464 p.

6. Golikova V. Youth and elections. URL: <https://strikun.ru/mo-lodezh-i-vybory/> (date of access: 06.27.2022).

7. Voter turnout – 2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/javka-na-vybory-2021> (date of access: 06.27.2022).

**Политические проблемы
международных отношений,
глобального и регионального развития**

УДК 327

DOI 10.34823/SGZ.2022.3.51830

БАШУК Олег Николаевич
*кандидат социологических наук,
помощник депутата Государственной Думы
Федерального собрания Российской Федерации по
работе в Государственной Думе, советник
государственной гражданской службы
Российской Федерации 2 класса*
E-mail: onb@list.ru

**Политико-исторические
детерминанты
евроатлантического
партнёрства Германии**

В статье рассматриваются политико-исторические и другие связанные с ними детерминанты евроатлантического партнёрства Германии.

Ключевые слова: *политико-исторические детерминанты; международные отношения; внешняя политика; США; Федеративная Республика Германия.*

Федеративная Республика Германия занимает значимое место в мировой политике и международных отношениях. Германия также является одним из мировых лидеров экономического развития и технологической модернизации, лидером Европейского союза и европейской интеграции. Однако за пределами Европы возможности внешнеполитического влияния ФРГ имеют значимые ограничения. Прежде всего, это касается двусторонних отношений Германии и Соединённых Штатов Америки, неравное евроатлантическое партнёрство которых имеет прочный исторический фундамент. Особенности современного евроатлантического партнёрства

Германии как константы внешней политики являются наследием победы стран антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне, и последующей демилитаризации и демократизации побеждённой страны. После капитуляции фашистской Германии её территория была разделена на четыре оккупационные зоны государств-победителей, – СССР, США, Великобритании и Франции, – и управлялась военными губернаторами.

5 марта 1946 г. была произнесена знаменитая фултонская речь У. Черчилля, считающаяся отправной точкой «холодной войны», провозглашением новой идеологической доктрины и курса Запада на конфронтацию с СССР. «Доктрина Трумэна», представленная 12 марта 1947 г. президентом США на совместном заседании обеих палат Конгресса, также констатировала предстоящее противостояние между «свободным миром» и «тоталитаризмом». Данная доктрина способствовала углублению идеологического и политического непонимания между западными странами и СССР. Набирающая новые обороты, конфронтация между СССР и Западом привела к невозможности формирования новой Германии как единого государства. 23 мая 1949 г. был опубликован в «Вестнике федерального законодательства» [4] и вступил в силу Основной закон Федеративной Республики Германии (Конституция), в западной оккупационной зоне была создана Федеративная Республика Германия (ФРГ) со столицей в Бонне. 7 октября 1949 г. в советской оккупационной зоне была принята своя конституция, и провозглашено второе немецкое государство – Германская Демократическая Республика (ГДР).

Статут (устав), разработанный оккупационными державами, предлагал предоставлять западным немцам большую самостоятельность. Согласно его положениям, ФРГ получала в свои руки законодательную и судебную власть на уровне федерации и земель. Все вопросы безопасности, торговли, экономики и, главное, политики оставались в компетенции оккупационных держав. Во главе новой федеративной республики встал бывший обер-бургомистр Кёльна К. Аденауэр (ХДС), «занявший место канцлера в интереснейший период истории становления ФРГ» [5, р. 138-139]. История возникновения и становления внешней политики Федеративной Республики Германии отражает процесс складывания биполярного мирового устройства после Второй мировой войны. В стадии зарождения «холодной войны» противоречия между США и СССР сразу же отражались на Германии. Новая

биполярная система исключала всякую возможность её какого-либо самостоятельного развития. Европейские страны-победительницы Франция и Англия также не могли осуществлять обособленную, нейтральную или самостоятельную политику. Дополнительным фактором влияния США на политическую обстановку Западной Европы выступала зависимость западноевропейских стран от американской экономической помощи. Совокупная финансовая помощь ФРГ в рамках иницированного США Плана Маршалла к сентябрю 1951 г. составила 3,9 млрд долларов. Сохранились тексты выступлений первого канцлера ФРГ К. Аденауэра, в которых он выражал довольно сдержанное отношение к США, понимая, что «Германия сможет проводить свою внешнюю политику лишь в ограниченных масштабах» [3].

Экономической основой послевоенного возрождения Германии стал План Маршалла. Население Германии нуждалось практически во всём, вследствие чего страна представляла собой хороший рынок сбыта. В свою очередь, это способствовало промышленному и сельскохозяйственному росту и возникновению новых отраслей экономики. «С середины 1950 годов ФРГ вступила в полосу непрерывного экономического роста, длившегося почти до конца 60-х годов – т. е. около 20 лет. Этот период получил название «немецкого экономического чуда» [2]. Франция, Германия, Италия, Бельгия, Нидерланды и Люксембург в 1951 г. подписали договор об учреждении Европейского объединения угля и стали (ЕОУС) – международной межправительственной организации, целью которой стало объединение европейских возможностей производства угля и стали (договор вступил в силу в 1952 г.). Это стало отправной точкой последующего создания сначала Европейского экономического сообщества (ЕЭС), а затем и Европейского Союза (ЕС). Однако в 1950-е гг. политическое и экономическое развитие западноевропейских стран было довольно неравномерным. Имело место соперничество за лидерство между Францией и Англией (которую генерал де Голль считал «троянским конём США в Европе»). Германия нередко вызывала недоверие со стороны других европейских стран.

В 1955 г. Западная Германия присоединяется к НАТО. В условиях «холодной войны», в силу тесной военно-политической приверженности США, которые должны были обеспечивать безопасность, правительство ФРГ не поддерживает предложения восточноевропейских социалистических стран о

разоружении. С 1955 г. по 1970 г. ФРГ придерживается «Доктрины Хальштейна», предусматривающей непризнание существования ГДР как суверенного немецкого государства и наличие дипломатических отношений только с теми государствами, которые не имеют с ГДР дипломатических отношений. Данная внешнеполитическая доктрина была направлена на достижение международной изоляции ГДР. На её основе были разорваны дипломатические отношения с Югославией в 1957 г. и с Кубой в 1963 г.

После вступления ФРГ в НАТО установка на «отбрасывание коммунизма» становится константой её внешней политики. Западная Германия рассматривалась руководством НАТО в качестве главного театра военных действий в потенциальной войне с СССР и его союзниками по социалистическому блоку. Дискутировался вопрос об объединении и координации, в рамках НАТО, ядерных сил США и их западноевропейских союзников. Однако Президентом США Дж. Кеннеди неоднократно высказывались опасения, что политика «ядерного совмещения» могла бы способствовать децентрализации контроля и потенциально опасному применению ядерного оружия по собственному усмотрению ФРГ. Неодобрение правительства ФРГ в те годы также вызывали усилия по нормализации отношений США и СССР.

Следствием охлаждения американско-западногерманских отношений стало возрастание интереса ФРГ к Франции и усилению взаимодействия этих двух стран. В январе 1963 г. Между ФРГ и Францией был заключён Договор о сотрудничестве (Елисейский Договор), с неодобрением воспринятый в США. Согласно данному договору, страны договорились совместно финансировать военные проекты и прилагать усилия для сближения позиций по тактическим и внешнеполитическим вопросам. Однако если ФРГ после вступления в НАТО стремилась к укреплению влияния в рамках альянса, то Франция – к проведению самостоятельной и независимой от США внешней политики. В 1966 г. Франция выходит из военной организации НАТО, потребовав удаления с её территории военных баз, штабов и другой неподконтрольной инфраструктуры. Выход Франции из военной организации НАТО способствовал усилению значения и роли ФРГ в расстановке сил внутри альянса.

Во второй половине 1960-х гг. ФРГ отказывается от атомных амбиций, развивает западногерманскую атомную энерге-

тику исключительно в мирных целях, присоединяется к Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), осуществляет политику разрядки международной напряжённости и политику сотрудничества в отношении развивающихся стран. В условиях постепенного снижения международной напряженности «Доктрина Хальштейна» начинает утрачивать актуальность. В период подготовки и после заключения Основополагающего договора между ФРГ и ГДР в 1972 г. Происходило сближение двух Германий и уменьшение разногласий между ними. Продолжалось обсуждение вопроса о размещении в ФРГ американских ядерных ракет средней дальности. В 1977 г. федеральный канцлер ФРГ Г. Шмидт (СДПГ) стал инициатором дискуссий о необходимости адекватного ответа НАТО на политику СССР. К началу 1980-х гг., в том числе как реакция на модернизацию СССР ракетно-ядерного потенциала средней дальности, ввод войск в Афганистан и введение военного положения в связи с обострением внутривнутриполитической ситуации в Польше, во внешней политике ФРГ наметился резкий поворот в сторону стран «коллективного Запада». При федеральном канцлере ФРГ Г. Коле (ХДС) внешняя политика ФРГ приобретает взвешенный характер. США по-прежнему остаются главным внешнеполитическим ориентиром, но Франция и другие страны Западной Европы приобретают значение в качестве ближайшего партнёра. Дважды в год в целях обеспечения безопасности на западноевропейском пространстве проводятся совещания министров обороны и иностранных дел ФРГ и Франции.

На протяжении всей послевоенной истории высокую значимость имеет фактор социокультурного влияния США на ФРГ. В частности, данное влияние осуществлялось посредством программы культурных обменов, нацеленных на массовое ознакомление граждан ФРГ с американской культурой и моделью государственного и общественного управления. Усвоение американского опыта приводило к его повторению в практической деятельности нескольких поколений государственных и партийных чиновников, учёных и военнослужащих, получивших способность мыслить евроатлантически, в повседневной жизни и общественно-политической практике руководствоваться ценностями «евроатлантической солидарности». Как отмечает автор термина «мягкая сила» Дж. Най, «задолго до падения Берлинской стены в 1989 г. отверстия в ней были уже проделаны западным телевидением и западными кинофильмами. Молоты и бульдозеры не сработали бы без трансляций

в течение долгих лет имиджей поп-культуры Запада, подтопивших стену раньше, чем она рухнула» [1, с. 83-84].

Политико-исторические особенности развития евроатлантического партнёрства ФРГ, тем не менее, способствовали формированию устойчивых конкурирующих между собой систем ценностей. Поддержка евроатлантического партнёрства в направлении укрепления солидарности с США («атлантисты») соперничает с идеей сближения ФРГ со странами Европы, прежде всего, Францией, активизацией усилий в области западноевропейской интеграции, обеспечения автономной европейской безопасности и превращения Западной Европы в равный США центр мировой политики («европеисты»). Несмотря на то, что первоначально отношения с США служили фундаментом внешней политики ФРГ, в дальнейшем они стали объектом обсуждения и борьбы. После окончания «холодной войны» прежний американско-западногерманский консенсус в области обеспечения европейской безопасности («обеспечение США европейской безопасности в обмен на евроатлантическую солидарность и признание их лидерства») подвергся трансформации. Значимость прежних гарантий военной безопасности со стороны США уменьшилась, хотя воинские контингенты США в Германии оставались по-прежнему важными, но перестали быть жизненно необходимыми. Это ещё больше увеличило сбалансированность германской внешней политики, усиливая разновекторность внешнеполитических интересов. Выраженными примерами противоречий в интересах США и ФРГ стали война в Заливе в 1990 г., и операция «Буря в пустыне» против Ирака в 2003 г. В обоих случаях Германия отказалась от участия в коалиции государств, возглавляемой США.

На период после окончания «холодной войны» также приходится акселерация европейской интеграции – форсированное наращивание европейских интеграционных тенденций в условиях лидерства объединённой Германии и Франции как «тандема» Европейского союза, основы которого были заложены в начале 1950-х гг. при создании ЕОУС и Евратома, а также К. Аденауэром и Ш. де Голлем в 1963 г. при принятии Елисейского договора. Изменению баланса сил в пользу лидерства германо-французского тандема также способствовал выход Великобритании из ЕС. Усиление Европейского союза в качестве центра силы, успешная реализация экономических интересов ФРГ, в том числе во взаимодействии с незапад-

ными странами, самостоятельная внешняя политика Германии, Франции и других европейских стран воспринимаются в США с недовольством, как угроза их мировому лидерству. Как отмечал в 2018 г. бывший министр иностранных дел Германии Х. Маас (СДПГ): «Настало время по-новому выстроить партнёрство между США и Европой. В качестве плана строительства может служить идея сбалансированного партнёрства... постепенно двигаясь к Европейскому союзу безопасности и обороны как составной части трансатлантической системы безопасности и как собственному европейскому проекту будущего. Для реализации данной цели необходимы укрепление политической автономии и углубление европейской интеграции, а также «поиск новых партнёров, таких как Япония, Канада и Южная Корея, также, как и мы, делающих ставку на выполнение обязательных правил и честную конкуренцию» [6]. Евроатлантическое партнёрство Германии, на основе реализации национальных интересов и принципов мультилатерализма, выходит на новую ступень.

Литература:

1. Най Дж. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике. М.: Тренды, 2006.
2. Одинцов А. В. Людвиг Эрхард и «немецкое чудо»: путь к «благосостоянию для всех». Причина успеха Германии и неупеха России [Электронный ресурс]. URL: www.rusrand.ru/analytics/lyudvig-erhard-i-nemeckoe-chudo-put-k-blagosostoyaniyu-dlya-vseh-prichina-uspeha-germanii-i-neuspeha-rossii (дата обращения 28.12.2021).
3. Adenauer K. Rede des Vorsitzenden der CDU in der britischen Zone, in der Aula der Universität zu Köln // Die Geschichte der CDU Partei. 24. März 1946.
4. Bundesgesetzblatt (BGBl.) / Вестник федерального законодательства [Электронный ресурс]. URL: www.bgbl.de (дата обращения 28.12.2021).
5. Kissinger H. Diplomacy. N.Y.: Simon & Schuster. 1994.
6. Maas H. Wir lassen nicht zu, dass die USA über unsere Köpfe hinweg handeln. (Мы не допустим, чтобы США действовали через наши головы). 21.08.2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.handelsblatt.com/meinung/gastbeitraege/gastkommentar-wir-lassen-nicht-zu-dass-die-usa-ueber-unsere-koepfe-hinweg-handeln/22933006.html?ticket=ST-685882-5x9C3BFkTIDnoRnCIAzD-ar6> (дата обращения 28.12.2021).

BASHUK O.N.

PhD in Sociology, Assistant to the Deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, 2nd class advisor of the State Civil Service of the Russian Federation

Political and historical determinants of the Euro-Atlantic partnership of Germany

The article examines the political and historical and other related determinants of Germany's Euro-Atlantic partnership.

Keywords: *political and historical determinants; international relations; foreign policy; USA; Federal Republic of Germany.*

Literature:

1. Nay Dzh. Gibkaya vlast'. Kak dobit'sya uspekha v mirovoy politike. M.: Trendy, 2006.
2. Odintsov A.V. Lyudvig Erkhard i «nemetskoye chudo»: put' k «blagosostoyaniyu dlya vsekh». Prichina uspekha Germanii i neuspekha Rossii [Elektronnyy resurs]. URL: www.rusrand.ru/analytics/lyudvig-erhard-i-nemetskoe-chudo-put-k-blagosostoyaniyu-dlya-vseh-prichina-uspeha-germanii-i-neuspeha-rossii (data obrashcheniya 28.12.2021).
3. Adenauer K. Rede des Vorsitzenden der CDU in der britischen Zone, in der Aula der Universität zu Köln // Die Geschichte der CDU Partei. 24. März 1946.
4. Bundesgesetzblatt (BGBl.) / Vestnik federal'nogo zakonodatel'stva [Elektronnyy resurs]. URL: www.bgbl.de (data obrashcheniya 28.12.2021).
5. Kissinger H. Diplomacy. N.Y.: Simon & Schuster. 1994.
6. Maas H. Wir lassen nicht zu, dass die USA über unsere Köpfe hinweg handeln. (My ne dopustim, chtoby SSHA deystvovali cherez nashi golovy). 21.08.2018. [Elektronnyy resurs]. URL: <https://www.handelsblatt.com/meinung/gastbeitraege/gastkommentar-wir-lassen-nicht-zu-dass-die-usa-ueber-unsere-koepfe-hinweg-handeln/22933006.html?ticket=ST-685882-5x9C3BFkTIDnoRnCIAzD-ap6> (data obrashcheniya 28.12.2021).

БОРОВИНСКАЯ Дарья Николаевна
*доктор философских наук, доцент кафедры
социально-гуманитарного образования
БУ ВО «Сургутский государственный
педагогический университет»*
E-mail: sweetharddk@mail.ru

ЗАЛЕВСКАЯ Мария Александровна
*кандидат экономических наук, доцент кафедры
экономических и учетных дисциплин БУ ВО
«Сургутский государственный университет»*

МОРДАНОВ Максим Андреевич
*преподаватель кафедры экономических и
учетных дисциплин БУ ВО «Сургутский
государственный университет»*

Стратегические инструменты развития креативных индустрий в регионе

В настоящее время растет значимость креативного капитала, одного из основных факторов экономического роста территорий. Исследователи и представители бизнес-среды сходятся во мнении о высокой роли креативности как источника конкурентного преимущества на микро-, мезо- и макроэкономическом уровнях. Результаты исследований, связанные с устойчивым развитием креативных индустрий на определенной территории, обсуждаются в разных аспектах: в контексте предприятий, городов, регионов, на международном уровне и с различными временными точками. В статье авторы на основе исследования региональных особенностей субъекта России определили и раскрыли содержание стратегических инструментов развития креативных индустрий и креативного капитала. Авторами предпринята попытка определения новых эффективных инструментов создания условий для качественной трансформации креативной среды региона.

Ключевые слова: устойчивое развитие, креативные индустрии, социально-экономическое развитие региона, зональное развитие.

Концепция креативных индустрий напрямую связана с региональной и национальной спецификой. В настоящее время проблемы устойчивого развития территорий приобрели особую значимость, так как стабильное развитие экономических систем регионов является необходимым условием социально-экономического роста современного общества. Содержание обозначенного вида деятельности отличается в различных странах; в мире отсутствует универсальное прикладное понимание применения креативных индустрий. Как следствие, не существует общих и простых критериев для идентификации хозяйствующих субъектов, относящихся к креативному сегменту экономики [2, с. 3725]. Сегодня становление креативных индустрий носит разрозненный и бессистемный характер, отсутствует алгоритм взаимодействия бизнеса и органов власти, не сформирована нормативно-методологическая основа, условия для осуществления деятельности представителей креативного бизнеса. За последние годы важность креативной индустрии значительно возросло. Сегодня обозначенный сектор являются движущим фактором экономического роста определённой территории.

Современное состояние креативных индустрий в России характеризуется тем, что органами региональной и федеральной власти данная концепция рассматривается не в полной мере в качестве потенциального и эффективного инструмента экономического развития. Одна из основных характеристик креативных индустрий – принципиальная взаимозависимость, обеспечивающая синергию различных видов экономической деятельности, основанных на индивидуальном таланте и творческих способностях индивидов, – оказывается барьером для комплексного формирования и вовлечения данного сектора в развитие территорий. Российская система управления экономикой исходит из возможности и необходимости взаимодействия с отдельной отраслью или совокупностью отраслей, обладающих единой производственной логикой. Такой подход оправдан исключительно в рамках индустриального подхода, однако неприменим в случае с новой экономикой, базовый ресурс которой, знание, трансформируется в результаты производственной деятельности наряду с иными отраслями промышленности. В целях создания условий устойчивого развития регионов и удовлетворения растущих потребностей общества необходимо использовать комплексный подход, объединяющий социальные, экологические, промышленные и общественные

интересы, особенно в условиях изменчивой, неопределенной, сложной и неоднозначной среды (VUCA-мира).

Целью исследования является характеристика перспективных стратегических инструментов развития креативных индустрий в субъекте Российской Федерации с учетом региональных особенностей.

Ханты-Мансийский автономный округ – Югра представляет собой один из ключевых драйверов социально-экономического и финансового развития России. Данный тезис подтверждается следующими результатами регионального развития. В частности, значения валового продукта в расчете на душу населения в автономном округе более чем в 4 раза превышают аналогичные среднероссийские показатели (например, в Югре – 2 715,8 и 2 733,6 тыс. руб., в России в целом – 614,3 и 646,1 тыс. руб. по итогам 2018 и 2019 г. соответственно). Анализ темпов роста валового продукта в сопоставимом исчислении также показывает, что глобальные процессы начинают оказывать усиливающееся воздействие на ключевые макроэкономические параметры развития территории (среднегодовой темп прироста ВРП Югры в период с 2014 по 2019 гг. – 10%). Это повлияло на формирование добавленной стоимости практически по всем видам экономической деятельности (за исключением следующих отраслей: торговля, строительство, финансовая деятельность, образование, научная и техническая деятельность, а также деятельность в области культуры, спорта и досуга). В современных социально-экономических условиях представляется целесообразным повышение внимания развитию обрабатывающих производств, на которые в наибольшей степени влияют макроэкономические показатели.

Отметим, что во времена инновационного развития ранее применяемые методы совершенствования теряют свою актуальность и ценность. Они не могут защитить традиционные категории продуктов или бизнес-модели, не являются эффективными методами при разработке новых услуг или товаров. Преимущества, которыми обладает Ханты-Мансийский автономный округ – Югра по сравнению с другими субъектами России, более значимы и выгодны. В частности, глобальная сеть распределения продуктов нефтегазового комплекса, узнаваемый бренд автономного округа на внутреннем и международном рынках, обширная экосистема региональных и федеральных партнеров, финансовая устойчивость и прогнозируемая положительная динамика денежного потока – все обозначенные факторы могут выступать в качестве конкурентных

преимуществ в рамках социально-экономического развития Югры.

В качестве приоритетных конкурентных преимуществ Югры можно выделить следующие.

Во-первых, имеющиеся в регионе богатые природные ресурсы. Природно-ресурсный потенциал, способствующий повышению уровня деловой активности и включающий крупнейшие в России и в мире месторождения углеводородов (практически половина общероссийских запасов нефти и конденсата), наличие значительных лесных массивов и водных ресурсов, определяет высокие показатели уровня социальной защиты и здравоохранения в округе, перспективные условия для развития предпринимательства, увеличения инвестиций в основной капитал.

Во-вторых, высокая энергетическая насыщенность региона также является его значимым преимуществом. Ханты-Мансийский автономный округ – Югра занимает лидирующие позиции по ряду важных параметров экономического развития, в том числе по производству электроэнергии. Структура потребления электроэнергии характеризуемого субъекта обладает следующей спецификой: значительная доля потребления электроэнергии приходится на добычу полезных ископаемых – более 85%. В связи с этим стабильно высокий уровень инвестиционной привлекательности экономики округа для частных инвесторов обусловлен стабильным спросом на топливно-энергетические ресурсы, добываемые в регионе. В то же время в рамках развития возобновляемой энергетики, экономически целесообразным является соответствие обозначенному мировому тренду в Югре – повышение значимости совершенствования альтернативной «зеленой» энергетики.

В качестве иного конкурентного преимущества автономного округа можно рассмотреть специфику его бюджетной политики. Стабильно высокий уровень собственной бюджетной обеспеченности (по итогам 2020 г. доля безвозмездных поступлений в составе доходов бюджета Югры составила 10% [4], в объеме доходов консолидированных бюджетов регионов в целом по России – более 27%) и отсутствие зависимости регионального бюджета от федеральных трансфертов представляют широкие возможности для всестороннего комплексного совершенствования социальной и экономической сфер населения округа. В частности, обозначенные преимущества бюджета Югры могут выступать эффективным инструментом развития предпринимательского сектора, создать условия успешной реализации

инвестиционных программ, ключевых социальных инициатив (особенно в области здравоохранения, социальной защиты и поддержки), что подтверждается, в том числе, успешным развитием и реализацией проектов в области социального предпринимательства Югры.

Также следует обозначить высокие темпы социально-экономического развития автономного округа. В частности, положительная динамика объема инвестиций в основной капитал (5,5% в 2020 г.), высокая величина инвестиций на душу населения (превышение показателя в целом по России более чем в 5,5 раз), низкий уровень безработицы (3% в округе, 3,7% – российский уровень по итогам 2020 г.), значительное преобладание доли городского населения (удельный вес городского населения в ХМАО-Югре – более 92%, в целом по России – 75%) [5]. Высокий уровень валового регионального продукта и инвестиций в основной капитал формирует основу для наращивания мультипликативного эффекта в экономике Югры, который выражается, в частности, в росте доходов населения и потребления выпускаемых товаров. По уровню благосостояния и размеру средней заработной платы автономный округ входит не только в число лидеров по УрФО, но и по Российской Федерации.

Кроме того, в качестве преимущества ХМАО-Югры можно рассматривать развитую систему социальной защиты и поддержки в регионе. Ханты-Мансийский автономный округ – Югра является одним из передовых субъектов России по предоставлению мер социальной поддержки нуждающимся слоям населения (по итогам 2020 года доля инвестиций в социальную сферу составила 2,5%) [5]. Одной из сильных сторон является финансовое обеспечение социальной сферы, что положительно сказывается на своевременном обеспечении получателей соответствующих мер. В 2020 году было направлено 224,2 млрд руб. на развитие здравоохранения, образования, социальной политики, физкультуры и спорта, культуры (67% от общего объема расходов бюджета округа) [5]. В то же время среди возможностей округа отмечено привлечение дополнительных инвестиций в целях диверсификации рисков государства и перераспределении их между государственным и коммерческим сектором.

Наличие социальной стабильности также определяет выгодное положение Югры в рамках регионального развития. Конкурентные преимущества субъекта Российской Федерации

в виде стабильных и высоких доходов населения, наличия северных льгот, высокого уровня жизни и высокого платёжеспособного спроса способствуют улучшению социальных условий и благосостояния населения округа, а также обеспечивают стабильность общества. В целях сохранения социальной устойчивости в автономно округе принимается комплекс мер, способствующий сокращению численности населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума. В данном контексте особое значение приобретает один из базовых элементов стратегии социально-экономического развития – принцип инклюзивности, который предполагает не только повышение величины доходов, но и равномерности их распределения между различными слоями населения.

Миграция и возрастное соотношение различных категорий населения выступают в качестве важнейших факторов регионального развития. Преимуществами Югры в данном контексте являются более молодой средний возраст населения и низкая миграционная активность. Несмотря на имеющиеся признаки дисбаланса между населением молодого, среднего и пожилого возраста, половозрастная структура населения округа является относительно «молодой» по сравнению с общероссийском (по итогам 2020 г. доля населения в округе в возрасте до 49 лет составила 72,4 %, в России – 50,5 %). В последние годы в Югре зафиксировано снижение миграционной активности, с 2019 г. отмечен миграционный прирост (0,2 и 5,5 тыс. чел. по итогам 2019 и 2020 г. соответственно) [5]. В целях реализации эффективных мер по стабилизации миграционной активности и потенциала мигрантов представляется целесообразным усиление конкурентоспособности в данном направлении по сравнению как с соседними регионами, так и с иными центрами притяжения населения в России.

Значительное количество природных и историко-культурных ресурсов выступает в качестве перспективного конкурентного преимущества рекреационного комплекса Югры. В целях комплексного развития внутреннего и въездного туризма имеющиеся возможности округа могут быть трансформированы в инновационные туристские продукты. Отметим, что обозначенная трансформация способствует созданию условий для дальнейшего развития туристской инфраструктуры, приоритетных и перспективных видов туризма, формирования и продвижения конкурентоспособных и креативных туристских продуктов с учетом этнических особенностей населения региона на российском и международном рынках.

Наиболее значимые результаты социально-экономические развития возникают в тех территориальных зонах, где получает импульс креативный капитал. Именно поэтому в целях комплексного социально-экономического развития Югры необходимы разработка и реализация плана мероприятий не только по мобилизации и эффективному использованию имеющихся в округе преимуществ, но и инструментов, направленных на создание необходимых условий трансформации креативной среды.

Важным и экономически эффективным инструментом комплексного развития территории является зональное управление – деление управлением региона на четыре зоны. В каждой зоне наблюдается отчетливая выраженная динамика конкретного типа: достижение цели коммерческой деятельности – получение прибыли, поддержание и ускорение результативности операций, генерирование инноваций и их масштабирование. Каждая зона функционирует по своему гибкому плану. Все четыре зоны взаимодействуют, чтобы регион мог внедрить новую товарную категорию и продолжить выпуск прежних продуктов.

И здесь как никогда становится актуальным умение принимать нестандартные решения и создавать уникальные продукты и услуги. При этом именно креативность является ключевым фактором развития экономической и социальной сфер общества, и в этом заключается ее движущая сила всех процессов.

Креативность всё чаще соотносится с экономическим созданием человека, его хозяйственной деятельностью. «Формирование современного представления о креативности – это процесс, обусловленный сущностным характером структурных трансформаций в обществе, проистекающих из меняющейся природы экономики и социальной сферы. Стремление к получению прибыли, удовлетворению потребностей и интересов провоцирует рациональное, осмысленное поведение людей в пользу экономически выгодного положения, что обуславливает развитие и доминирование экономической составляющей феномена понятия «креативность [1, с. 68].

В свою очередь, творческая активность рассматривается как решающий фактор конкурентного преимущества совершенствования не только личности, но и различных территорий. В последние годы произошли кардинальные изменения в подходе к креативному капиталу в экономике и менеджменте, все чаще упоминается начало времени экономики творчества.

Становится заметной особая роль демографических и социокультурных факторов как стимуляторов развития креативного капитала. В данном контексте не менее значимым направлением исследований является устойчивое развитие территорий. Именно поэтому приоритетным является решение задач по достижению подобного развития, принимая во внимание региональные особенности, специфику социально-демографических аспектов.

В качестве новых рекомендаций, в дополнение к существующим особенностям зонального управления, можно предложить следующее. Во-первых, четкое распределение руководящими звеньями операций между четырьмя зонами и достижение поставленных целей, во-вторых, представители креативного класса должны действовать в отведенных им зонах в соответствии с планом, одобренным для каждой из них. При этом им следует конструктивно взаимодействовать с коллегами, реализующими планы в других зонах. Бизнес, как и хоккей – командный вид спорта: успех зависит от взаимопонимания между участниками, и играть следует в соответствии со своим амплуа.

Годовой план представляет собой основу успешной реализации поставленных целей. В нем фиксируются решения по портфелю продуктов, которые определяют, в пределах какой из четырех зон будут финансироваться проекты. Отнесение проекта к той или иной зоне определяет характер работ, которые будут выполняться в рамках этого проекта, а также набор показателей, по которым будут оцениваться результаты. Ответственность за реализацию поставленных целей несут представители креативного класса [3]. Контролирующими лицами в данном случае выступает Правительство региона и руководители департаментов. В круг обязанностей включаются следующие активности: решение вопросов распределения ресурсов между зонами, организация и контроль конкуренции проектов в каждой зоне, а также координация взаимодействия между ними.

Зональное управление гарантирует, что распределение ресурсов, организационная структура, окупаемость инвестиций, операционный цикл, ключевые показатели, а также совокупность преимуществ для руководителей будут согласованы с установленными приоритетами и ожидаемыми результатами, уникальными для каждой зоны. Перечисленные инструменты весьма действенны. В настоящее время в большинстве регионов России, в том числе в Ханты-Мансийском авто-

номном округе – Югре, их используют для реализации достаточно противоречивых целей, что не всегда понятны условия и инструменты их функционирования. Напротив, в случае ликвидации внутренних конфликтов и выделения сферы применения каждого инструмента, возможно получение импульса развития творческой энергии [3].

Зональное управление решает проблемы, которые возникают при появлении новых бизнес-моделей. Стратегическое планирование – хороший стартовый механизм, особенно если оно заточено под максимально эффективное распределение ресурсов между тремя горизонтами инвестирования. Каждый горизонт определяется сроками окупаемости инвестиций.

- Горизонт 1: грядущий финансовый год. Инвестиции нацелены на рост показателей операционной деятельности.

- Горизонт 2: два – три года. В начале периода ожидается отрицательный денежный поток, что негативно влияет на показатели операционной деятельности.

- Горизонт 3: от трех до пяти лет. Инвестиции направляются преимущественно на исследования и разработки без ущерба для показателей операционной деятельности.

В этой модели значимую прибыль обеспечивает только горизонт 1. Все остальные – намерения, которые могут быть реализованы и принести результаты на уровне горизонта 1 в будущем. С этой точки зрения горизонт 3 сосредоточен на создании портфеля стратегических опций, а горизонт 2 – на трансформации одной или нескольких опций в высокоэффективный актив на горизонте 1. Далеко не каждый проект горизонтов 2 и 3 будет реализован в полном объеме в условиях горизонта 1. Пока хотя бы одному проекту это не удастся, капитализация региона существенно не изменится.

Как было обозначено ранее, в современных социально-экономических условиях эффективным инструментом комплексного регионального развития становится трансформация подходов и условий для стимулирования инноваций и качественных изменений. Для трансформации определенной территории в лидера необходимо исключить «внутренние конфликты», которые мешают фокусироваться на приоритетах.

Руководящим звеньям и креативному классу необходимо искать новые способы выполнения традиционных задач, которые могли бы принести выгоды в будущем. Недостаточно привлекать людей с технологическими навыками, необходимо самостоятельно создавать культуру инноваций внутри

региона. Креативная экономика должна стимулировать инновации и быстрые качественные преобразования, развивать «технология любознательности». Креативному классу следует продвигать корпоративную культуру, позволяющую экспериментировать с возможными технологическими решениями для понимания потенциальных будущих результатов.

Для формирования различных форм креативности необходима определенная социокультурная среда [6]. Культура поддерживает бизнес-стратегию и должна быть управляемой и понимаемой. Риски для культуры возникают, когда существует несоответствие между ценностями региона и действиями лидеров, а также между поведением креативного класса или организационными системами. Культура также стала ключом к успеху и эффективности и источником правовых и репутационных рисков. Эта тенденция показывает, как креативный класс может помочь руководству региона сформировать правильную культуру, что крайне важно в условиях сегодняшней непрерывной цифровизации и интенсивного контроля со стороны средств массовой информации.

Иным современным и значимым инструментом регионального развития является прогнозирующая аналитика данных – неотъемлемый инструмент стратегического планирования. Представители креативного класса все чаще используют прогностическую аналитику, которая включает в себя различные статистические методы, такие как интеллектуальный анализ данных, сценарное моделирование и машинное обучение, для анализа текущих и прошлых событий с целью прогнозирования будущих тенденций и потенциальных рисков. Необходимость качественных статистических исследований позволить заинтересованным секторам владеть информацией о том, как и в каком направлении нужно использовать новые технологии, а также продвигать технологические инновации.

Кроме того, широкая область, требующая модернизации со стороны руководства региона, управление талантливыми сотрудниками, связана с привлечением и управлением навыками сотрудников. Многие исследования свидетельствуют о дефиците квалифицированных кадров, поэтому заполнение соответствующих вакансий компетентными сотрудниками часто превращается в настоящую «войну за талант». Такая ситуация означает, что для Югры, в частности, крайне важно иметь продуманную надежную программу подбора и удержания персонала.

Безусловно, стоит расширить пул поиска специалистов по развитию креативной экономики за пределы традиционных подходов к решению тех или иных задач. Такая тактика может не только решить проблему с нехваткой кадров, но также стимулирует превращение региональных и муниципальных представителей креативного класса в ценного партнера и советника региону благодаря привнесению знаний и навыков из смежных отраслей.

Чтобы активно развивать креативную экономику необходимо сформировать менталитет новатора. Нужно трансформировать регион так, чтобы двигаться одновременно в нескольких направлениях, используя конкурентные преимущества. Особенно важно определить условия в области прорывных инноваций от усилий в сфере поддерживающих инноваций, направив первые на создание новых направлений бизнеса и операционных моделей, а вторые на расширение и совершенствование существующих продуктов.

После такой трансформации возникают четыре зоны управленческой активности. Каждая из них связана с одним и только одним инвестиционным горизонтом и требует особого стиля управления для достижения поставленных целей (см. рисунок 1).

	Прорывные инновации	Поддерживающие инновации
Доходы	Зона трансформации <i>Горизонт 2</i>	Зона основного производства <i>Горизонт 1</i>
Инвестиции	Зона инкубации <i>Горизонт 3</i>	Зона продуктивности <i>Горизонт 1</i>

Рис. 1. Четыре зоны управленческой активности

Зоны существенно отличаются друг от друга: по связи с конкретным инвестиционным горизонтом, по показателям результативности и характеристикам операционного цикла. Для каждой зоны требуется индивидуальный план действий, причем план, разработанный для одной зоны, должен быть гибким и неприменим к трем другим. Все четыре зоны должны гибко взаимодействовать, при этом необходим глобальный план для их координации.

Таким образом, одной из ролей трансформации условий регионального развития территорий должно быть создание

соответствующих условий для совершенствования среды, в которой будут развиваться креативный потенциал, повышаться конкурентные преимущества региона: в виде привлечения креативного класса или создания новых рабочих мест.

Литература:

1. Боровинская Д.Н., Захарова Л.Н. Концептуальное представление о креативности: материалистический взгляд // Социально-гуманитарные знания. – 2017. – № 10. – С. 62-69.

2. Морданов М.А. Креативные индустрии как драйвер экономического роста // Креативная экономика. – 2021. – Том 15. – № 10. – С. 3725-3740.

3. Мур Д. Зона победы. Управление в эпоху цифровой трансформации / Джеффри Мур; пер. с англ. Э. Кондуковой. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2020. – 272 с.

4. Об исполнении бюджета Ханты-Мансийского автономного округа – Югры за 2020 год: Закон Ханты-Мансийского автономного округа – Югры № 41-оз от 16 июня 2021. – URL: <https://depfin.admhmao.ru/budget/report/5694731/ispolnenie-byudzheta-avtonomnogo-okruga-za-2020-god-proekt/> (дата обращения 27.03.2022). – Режим доступа свободный.

5. Об итогах социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры за 2020: Распоряжение Правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры № 247-рп от 28 мая 2021 года. – URL: https://depeconom.admhmao.ru/upload/iblock/829/ltogi-sotsialno_ekonomicheskogo-razvitiya-KHanty_Mansiyskogo-avtonomnogo-okruga-_YUgry-yanvar_sentyabr-2020-_2_.pdf (дата обращения 27.03.2022). – Режим доступа свободный.

6. Флорида Р. Креативный класс. Люди, которые создают будущее / Ричард Флорида / Пер. с англ. Н. Яцюк; [науч. Ред. Р. Хусаинов]. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. – 384 с.

BOROVINSKAYA D.N.

***Doctor of Philosophy, Associate Professor of the
Department of Social and Humanitarian Education Surgut
State Pedagogical University***

ZALEVSKAYA M.A.

***Candidate of Economic Sciences, Associate Professor
of the Department of Economic and Accounting Disciplines
of the Surgut State University***

MORDANOV M.A.

***Lecturer of the Department of Economic and
Accounting Disciplines of the Surgut State University***

Strategic tools for the development of creative industries in the region

Nowadays the importance of creative capital, one of the main factors of economic growth of territories, is growing. Researchers and representatives of the business environment agree on the high role of creativity as a source of competitive advantage at the micro-, meso- and macroeconomic levels. The research results related to the sustainable development of creative industries in a particular territory are discussed in different aspects: in the context of enterprises, cities, regions, internationally and with different time points. In the article the authors have defined and disclosed the content of strategic tools for the development of creative industries and creative capital on the basis of the study of regional characteristics of the subject of Russia. The authors have attempted to identify new effective tools to create conditions for the qualitative transformation of the creative environment of the region.

Keywords: sustainable development, creative industries, socio-economic development of the region, zonal development.

References

1. Borovinskaya D.N., Zaharova L.N. Conceptual idea of creativity: a materialistic view // Social and humanitarian knowledge. - 2017. - No. 10. - P. 62-69.
2. Mordanov M.A. Creative industries as a driver of economic growth // Creative Economy. - 2021. - Volume 15. - No. 10. - S. 3725-3740.
3. Moore D. Zone of victory. Management in the Age of Digital Transformation / Geoffrey Moore; per. from English. E. Kondukova. - M.: Mann, Ivanov and Ferber, 2020. - 272 p.
4. On the execution of the budget of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug - Yugra for 2020: Law of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug - Yugra No. 41-oz of June 16, 2021. - URL: <https://depfin.admhmao.ru/budget/report/5694731/ispolnenie-byudzheta-avtonomnogo-okruga-za-2020-god-proekt/> (accessed 03/27/2022). - Access mode is free.
5. On the results of the socio-economic development of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug - Yugra for 2020: Decree of the Government of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug - Yugra No. 247-rp dated May 28, 2021. - URL: https://depeconom.admhmao.ru/upload/iblock/829/togi-sotsialno_ekonomicheskogo-razvitiya-KHanty_Mansiyskogo-avtonomnogo-okruga_-YUgry-yanvar_sentyabr-2020-_2_.pdf (accessed 03/27/2022). - Access mode is free.
6. Florida R. Creative class. People who create the future / Richard Florida; per. from English. N. Yatsyuk; [scient. Ed. R. Khusainov]. - M.: Mann, Ivanov and Ferber, 2016. - 384 p.

ШЕВЧЕНКО Ольга Викторовна
*кандидат философских наук, старший
преподаватель Департамента гуманитарных
наук Финансового университета при
Правительстве Российской Федерации*

E-mail: ovshevchenko@fa.ru

Бинарные оппозиции в гуманитарной парадигме процесса цифровизации

Статья посвящена рассмотрению важной социальной проблемы российского общества – формированию новых бинарных оппозиций современной гуманитарной парадигмы социума, обусловленных постмодернистским дискурсом и процессом цифровизации. В результате применения метода рассмотрения преемственности функционирования и развития духовных явлений было продемонстрировано, что данные бинарные оппозиции способствуют активизации духовного иммунитета.

Ключевые слова: бинарные оппозиции, цифровизация, российское общество.

Цифровизация стала актуальным трендом современного мира и, безусловно, является важным предметом рассмотрения философского знания. Конечно же, процесс цифровизации непосредственно связан с развитием науки и техники, информационно-коммуникативными технологиями. Однако любые процессы, находящие свое проявление в социуме с необходимостью осмысливаются и в рамках социально-гуманитарного знания, так как всё существующее в мире имеет экзистенциально наполненное антропологическое измерение.

В это связи представляется актуальным обратиться к рассмотрению новых бинарных оппозиций, которые возникают в современной ускоренной текучей цифровой реальности, обус-

лавливающей фрустрацию индивида, выражающуюся не только в эмоциональном беспокойстве, стрессе, тревоге, но и потере связи с реальностью. Так, например, в настоящее время возникают апгрейд-идеи объективного идеализма о существовании человечества в матрице, имеют место субъективно-идеалистические послы об отрицании существования мира в целом – мир как личностная интерпретация (без субъекта нет объекта), видение мира как голограммы и др. Философ Ф. Гиренко, анализируя идеи мифа «О пещере» Платона, отмечает, что человек – это особая экзистенция, не дающая возможность отличить мир от галлюцинации. Сознание вмещает в свое содержание и реальность, и платоновские идеи, а «сновидения засасывают события и смыслы, выворачивая их наизнанку и показывая с новой, самой неожиданной стороны» [1].

Данные обстоятельства обуславливают необходимость в поиске праксеологических основ человеческого бытия, выраженных в духовных ориентирах, которые по сути имеют бинарный (противоположный, антонимический характер). Например, выдающийся лингвист Ш. Балли предполагал, что антонимические противопоставления детерминированы природой человеческого ума, позволяющего с легкостью апеллировать логическими антонимами (правый – левый, белое – черное и др.). «В нашем сознании абстрактные понятия заложены парами, причем каждое из слов всегда так или иначе вызывает представление о другом» [2, 139]. Такое отношение человеческого сознания к действительности в рамках рационального осмысления современной картины мира принято относить к бинарным оппозициям, т.е. противоположным по качественному наполнению понятиям, в рамках которых формируется отношение человека к миру и оценке своего места в нем.

Бинарные оппозиции имеют долгую историю своего развития и в ходе человеческого бытия формируются как мировоззренческие ориентиры, находящие своё отражение как в мифе, так и в логосе. Например, пифагорейцы противопоставляли единицу и двоицу. Единица уподоблялась Единому и такой добродетели как «благоразумие», потому они считали, что правильное едино. Двоица, по их мнению, сближается с понятием «материя», поэтому она не определена и бесформенна, так как не образует геометрической фигуры. Бинарная оппозиция в рамках пифагорейской традиции рассматривается не только как математическая, но и как оценочная: Единица – нечетное – это позитивное начало, двоица – четное – отрицательное [3]. Таким образом, выстраивается система

противопоставлений, которая становится методологическим ориентиром в онтологической, эпистемологической, аксиологической и других аспектах человеческого бытия.

Термин «бинарная оппозиция» впервые был введен лингвистом, философом-евразийцем Н.С. Трубецким в рамках построения фонологической методологии, которая устанавливает фонологическую оппозицию – противоположение звуков, позволяющую дифференцировать интеллектуальные значения [4, 39].

Как уже было отмечено, бинарные оппозиции являются основой рационального взгляда человека на мир. В содержательном отношении к ним традиционно относятся: онтологическое (материальное – идеальное); гносеологические (истина – ложь); этические (добро – зло); экзистенциальные (жизнь – смерть); эстетические (красивое – безобразное); филологические (любовь – ненависть); прагматические (успех – неудача); практические (сохранение – преобразование) и др.

Противоположные по своему содержанию бинарные оппозиции упорядочивают, систематизируют взгляд человека на мир через призму мировоззренческих ориентиров, являясь универсальным средством рационального описания мира и его аксиологического наполнения, где одновременно представлены два противоположных понятия, одно из которых утверждает какое-либо качество, а другое – отрицает.

В классический период социально-гуманитарное знание предлагало строго разграничивать бинарные оппозиции, что было характерно и для науки, искусства, религии, политики и других сфер социального жизнеустройства.

В неклассический период бинарные оппозиции подвергаются социальной турбулентности. Однако в это время человек был ещё в состоянии выстраивать причинно-следственные связи в своей жизнедеятельности, в науке доминировал системный подход. Культивировалась идея объединения мирового сообщества для выстраивания четких бинарных ориентиров в целях комфортного сосуществования различных культур и решения глобальных проблем.

В постнеклассическом, современном мире пост-, мета-, сверх- модерне человек задумался о своей субъектности, теперь он уже «не мера всех вещей», а «одномерный» человек, только с неопределенным гендером. В науке появилась синергетическая методология с идеями самоорганизации, искусство стало массовым и рыночным, политический дискурс наводнился фейками и др.

Вместе с тем направленность человеческого сознания на упорядоченность бытия никуда не делась, но столкнулась с существенными противоречиями в осмыслении действительности, например, к навязыванию чуждой для нашей страны системы ценностей. Так, толерантность как терпимое отношение к проявлению инакомыслия впоследствии стало приобретать характер воинствующего толерантизма – принуждение к принятию чуждых идей и взглядов на мир и место человека в нем. Привычные традиционные «бинарные оппозиции» российского общества стали размываться идеологией меньшинств, западных пропагандистов, что в итоге привело к противодействию со стороны российской политической элиты, проведению референдума и внесению поправок в основной закон страны – Конституцию. Например, в статью 72 была включена поправка о том, что брак на территории России возможен исключительно между мужчиной и женщиной.

В июне 2021 г. Всероссийский центр общественного мнения в рамках аналитического обзора представил данные опроса россиян, касающихся их отношения к представителям сексуальных меньшинств и признанию за ними право на брак. Отмечено, что за 17 лет мониторинга мнение россиян о представителях сексуальных меньшинств изменилось и увеличилось число считающих, что сексуальная ориентация – личное дело каждого (31% опрошенных). Данное суждение чаще поддерживают женщины и молодежь в возрасте от 18 до 24 лет (38% и 68% соответственно). Среди опрошенных 12% считают, что представители сексуальных меньшинств являются опасными людьми, а 14% полагают, что гомосексуализм – это социальная болезнь, и лечить надо само общество. Вместе с тем 23% опрошенных высказывают мнение, что представители сексуальных меньшинств – это люди, которым нужна медицинская помощь. Большинство россиян к однополым бракам относятся отрицательно (75%). В большинстве опрошенных данную позицию высказывали мужчины и люди в возрасте от 35 лет (свыше 65%). Полностью поддерживают право на официальную регистрацию однополых браков 5% опрошенных, еще 7% – скорее согласны с такой позицией [5]. Таким образом, изменение в основном законе страны – это существенный шаг в поддержании традиционных «бинарных оппозиций» в отношении представлений о семье и семейных ценностях нашей страны.

Далее бинарные оппозиции в рамках рассмотрения проблемы трансгуманизма – человек-киборг и естественный (природный человек) человек – мера соотношения между ними. В январе 2022 г. врачи Мэрилендского университета провели первую операцию по трансплантации сердца от генетически модифицированной свиньи человеку. Хотя пациент прожил достаточно мало – умер 8 марта 2022 г., это уже первый успешных шаг в данной медицинской области [6].

В то же время тема сердца всегда занимала особое место, как в отечественной духовной культуре и русской философской традиции. Философия сердца – религиозно-философское течение, направленное на иррациональное познание бытия через сердце, которое понимается как сакральный центр духовной жизни человека.

Так, И.А. Ильин был создателем философской концепции «поющего сердца». В «Книге тихих созерцаний» он писал: «И все великое и гениальное, что было создано человеком – было создано из созерцающего и поющего сердца... Только созерцающая любовь открывает человеку его Родину, т. е. его духовную связь с родным народом, его национальную принадлежность, его душевное и духовное лоно на земле» [7, 234].

В противовес западной философской традиции с культом разума, русская религиозно-философская традиция основывается на культивировании сердечного мировосприятия или добродетельного сердца. Сердце отводится роль не физического органа, оно понимается как духовно-нравственная основа в познания бытия.

Можно конечно сказать, что данная область философского знания в настоящее время уже не кажется столь актуальной. Но есть выражения «от всего сердца», «до самого сердца», «в самое сердце» – в них отражен целый пласт духовной культуры российского общества.

Таким образом, постмодернистская деконструкция картины мира с ее акцентуацией на расшатывании бинарных оппозиций – это один из аспектов рассмотрения философского знания в рамках процесса цифровизации. Философы устанавливают локацию человека в пространственно-временном континууме бытия, с помощью рефлексивного, логического и креативного осмысления. Но философия не только о технологиях мышления, но и о смысле: жизни, происходящих процессов цифровизации и т. д. Помочь людям, растерянному

человеку разобраться в быстротекущей жизни с её проблемами, в этом заключается очень важная функция современной философии и социально-гуманитарного знания в целом.

Литература:

1. Гиренко Ф. Человек – это точка, в которой мир не может отличить себя от галлюцинации // Нож. 14 сентября 2020. [Электронный ресурс]: URL: <https://knife.media/singularity/> (дата обращения: 13 марта 2022 г.).
2. Балли Ш. Французская стилистика. М.: ИЛ, 1961. 394 с.
3. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Последние века. Т. VII. М.: «Искусство», 1988. [Электронный ресурс]: URL: <http://ligis.ru/psyllib/090417/books/lose007/index.htm> (дата обращения: 10 марта 2022 г.).
4. Трубецкой Н. С. Классификация оппозиций / Основы фонологии / пер. с нем. А.А. Холодовича. М.: Аспект Пресс, 2000. 352.
5. Однополюе браки: табу или новая норма? [Электронный ресурс]: URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/odnopoluе-braki-tabu-iii-novaja-norma> (дата обращения: 6 октября 2021).
6. Лосева П. Пациент с сердцем генно-модифицированной свиньи умер. №+1. 9 марта 2022 г. [Электронный ресурс]: URL: <https://nplus1.ru/news/2022/03/09/gm-heart-recipient-rip> (дата обращения: 13 марта 2022 г.).
7. Ильин И. А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний. Собр. соч.: в 10 т. Т. 3. М.: Русская книга, 1994. 592 с.

SHEVCHENKO O.V.

***candidate of philosophy, senior lecturer at the
Department of Humanities of the Financial University
under the Government of the Russian Federation***

Binary opposition in the humanitarian paradigm of the digitalization process

The article is devoted to the consideration of an important social problem of Russian society – the formation of new binary opposition to the modern humanitarian paradigm of society, due to postmodern discourse and the process of digitalization. As a result of the method of considering the continuity of functioning and the development of spiritual phenomena, it was demonstrated that these binary oppositions contribute to the activation of spiritual immunity.

Keywords: *binary opposition, digitalization, Russian society.*

References:

1. Gyrenok F. Man is a point at which the world cannot distinguish itself from hallucination//Knife. September 14, 2020. [Electronic Resource]: URL: <https://knife.media/singularity/> (contact date: March 13, 2022).

2. Bally S. French style. M.: IL, 1961. 394 p.
3. Losev A.F. History of ancient aesthetics. Last centuries. T.VII. M.: "Art," 1988. [Electronic Resource]: URL: <http://ligis.ru/psyllib/090417/books/lose007/index.htm> (contact date: March 10, 2022).
4. Trubetskoy N. S. Classification of oppositions/Fundamentals of Phonology/per. German A.A. Kholodovich. M.: Aspect Press, 2000. 352 p.
5. Same-sex marriage: taboo or new norm? [Electronic Resource]: URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/odnopolye-braki-tabu-ili-novaja-norma> (contact date: October 6, 2021).
6. Loseva P. The patient with the heart of a genetically modified pig died. №+1. March 9, 2022 [Electronic Resource]: URL: <https://nplus1.ru/news/-2022/03/09/gm-heart-recipient-rip> (circulation date: March 13, 2022).
7. Ilyin I. A. Singing heart. A book of quiet contemplations. Sobr. op.: in 10 tons T. 3. M.: Russian book, 1994. 592 p.

БУРНЯШЕВА Людмила Александровна
доктор философских наук, профессор
Высшей школы туризма и гостеприимства
ФГБОУ ВО «Российский государственный
университет туризма и сервиса»
E-mail: luda-3331@yandex.ru

РОМАНЬКО Ирина Евгеньевна
кандидат исторических наук, доцент кафедры
экономики, менеджмента и государственного
управления ФГБОУ ВО «Северо-Кавказский
государственный университет»
Пятигорский институт (филиал)
E-mail: ieromanko@ncfu.ru

ТАРАНЕНКО Оксана Николаевна
кандидат педагогических наук, доцент кафедры
экономики, менеджмента и государственного
управления ФГБОУ ВО «Северо-Кавказский
государственный университет» Пятигорский
институт (филиал)
E-mail: ok-tar@mail.ru

Технологии PR и рекламы как механизм формирования и продвижения имиджа туристских регионов

Настоящая статья посвящена актуальной в современных условиях проблеме, связанной с формированием и продвижением имиджа российских регионов при помощи технологий PR и рекламы. Авторы изучают практику применения технологий PR и рекламы в формировании имиджа региона, определяется их эффективность; разрабатывают и предлагают стратегию повышения рейтинга туристских регионов на основе внедрения технологий PR и рекламы. Исследование показало, что реклама и PR-технологии представляют механизм формирования и продвижения имиджа туристских регионов, формируя предпочтения целевой

аудитории, распространяя информацию о регионе, транслируя культурные знания, нормы, традиции, обычаи и ценности.

Ключевые слова: *реклама, PR-технологии, туристский регион, позиционирование, продвижение имиджа, курорт.*

В результате использования современных информационно-коммуникационных технологий появляются новые возможности, например, PR-технологии, а также средства и методы рекламы позволяют регулировать экономическое, политическое, культурное развитие общества.

В последние годы правительство Российской Федерации, региональные и муниципальные органы власти, отечественные и зарубежные ученые, практикующие специалисты туристской отрасли, разработчики брендов, решают вопросы, связанные с территориальным имиджем, в том числе связанные с формированием и продвижением туристских регионов.

Это подтверждают документы, утвержденные правительством, программы, направленные на развитие городов, итоговые материалы научно-практических конференций, публикации в средствах массовой информации, посвященные важным вопросам, касающимся продвижения территорий, в том числе повышения их экономического, социального и культурного статуса.

К.А. Хвасс, А.М. Мунар обращаясь к исследованию влияния рекламы и PR-технологий на создание и продвижение туристских регионов, утверждают, что в современном обществе приобретает большую важность информационно-коммуникативный компонент деятельности туристских регионов [6, с. 93].

В.В. Смит утверждал, что имидж необходим для того, чтобы успешно продвигать туристский регион, мотивировать исследования опыта, который уже имеется [5, с. 114]. В настоящее время имеется немало работ, посвященных данной тематике, так же актуально изучение практического опыта по применению рекламы и PR-технологий в формировании и продвижении имиджа туристского региона. Таким образом, в данной статье рассматривается значимая, ранее не затрагиваемая в научных исследованиях проблема формирования и продвижения имиджа российских регионов при помощи технологий PR и рекламы. В частности, рассмотрим курортный регион Кавказские Минеральные Воды, который был основан более 200 лет назад. Такого богатства, разнообразия, количества и ценность минеральных вод и лечебной грязи нет на всем континенте Евразии. Курорт КМВ находится на высоте 600-1000 м

над уровнем моря, этим обусловлен один из их главных лечебных факторов – чистейший горный воздух [1, с. 27].

Как подчёркивают А.П. Горбунов, А.П. Колядин, Л.А. Бурняшева, Л.Х. Газгиреева, О.Ю. Косенко, отдых в регионе в основном сезонный – летом наплыв туристов, а зимой – затишье [3, с. 61]. Таким образом, гостиничные и развлекательные комплексы, строящиеся на данной территории, могут оказаться невостребованными.

В настоящее время туристы относятся к региону Кавказских Минеральных Вод предвзято, что представляет важную проблему в позиционировании региона. Многие даже не думают о регионе, как о месте, где можно провести новогодние праздники или приехать сюда с детьми на зимние каникулы. Туристскими предприятиями предлагаются туры в регион Кавказских Минеральных Вод только ближе к лету, что тоже следует учитывать. В совокупности все это говорит о том, что туристский регион Кавказские Минеральные Воды как бы «замирает» в зимний период, не имея притока туристов. Следовательно, в настоящее время необходима стратегия по формированию и продвижению региона как круглогодичного курорта.

Таким образом, предлагаем стратегию формирования, продвижения и повышения рейтинга туристского региона Кавказских Минеральных Вод на основе внедрения рекламы и PR-технологий. Такая деятельность приведет к сохранению туристских потоков, повысит рейтинг региона КМВ, а также принесет не малую прибыль в будущем. Но как утверждают А.П. Горбунов, А.П. Колядин, Л.Х. Газгиреева, Л.А. Бурняшева, необходим комплексный подход, который приведет к положительному результату [4, с. 47].

По нашему мнению комплексный подход должен состоять из определенных действий:

1. Печать статей в специализированных СМИ, например в таких журналах, как «Следопыт» и «Вокруг Света», содержащие информацию о развитии региона Кавказских Минеральных Вод, об улучшенных условиях проживания, о новых развлекательных комплексах, об уникальных природных ресурсах, имеющихся в регионе и т.д.

2. Необходимо создание сюжета или фильма о регионе Кавказские Минеральные Воды с информацией о зимнем отдыхе, освещающего новые туристские маршруты.

3. Размещение статей от лица «счастливого туриста» о регионе в социальных сетях, на форумах, в блогах, в том числе и на сайтах, посвященных туристской тематике.

4. Создание летних событий, например, таких как фестивали, открытие сезона, привлекающих туристов в регион Кавказских Минеральных Вод.

5. Организация пресс-туров для сотрудников туристских предприятий, так и для туристов, это могут быть, например, рекламные акции, розыгрыши.

6. Проведение выставочных мероприятий, семинарских занятий, связанных с темой туризма, желательно международного уровня.

7. Создание банка фото и видеоматериалов «Туристские Кавказские Минеральные Воды» – хорошая подборка фото с достопримечательностями, интересными местами, парками, домами, жителями, национальной едой, пейзажами, природой и городами региона. Такой банк будет необходим для рекламных мероприятий, а также для создания имиджа туристского региона.

8. Издание буклетов, плакатов, календарей, туристских карт, открыток, которые будут отражать туристские возможности региона КМВ.

9. Издание рекламных каталогов и справочников, содержащих точные сведения об условиях предоставления туристских услуг в регионе.

10. Размещение наружной рекламы с имиджевыми блоками, с характеристикой о городах туристского региона, о возможностях отдыха в регионе Кавказских Минеральных Вод.

11. Размещение сетевой и точечной рекламы о туризме регионе, а также на радио в виде радиообъявлений, радиорепортажей, обеспечивающей высокую скорость информирования туристов [2].

Подводя итог, следует заключить, что реклама и PR-технологии представляют механизм формирования и продвижения имиджа туристских регионов, формируя предпочтения туристов, распространяя информацию о регионе, транслируя культурные знания, нормы, обычаи и ценности.

Литература:

1. Бурняшева Л.А., Газгиреева Л.Х. Духовный кризис ценностных оснований: социально-философский дискурс проблемы // Перспективы науки. 2011. № 2 (17). С. 52-56.

2. Гарсия Дж.М. Философия Шопенгауэра. Сигло XXI. Дневник цифровой независимости, множественное число и абиерто. Философия Шопенгауэра. Двадцать первый век. Независимый, множественный и открытый цифровой дневник. Режим доступа: – <https://www.diario-sigloxxi.com/texto-diario/mostrar/1838509/filosofia-schopenhauer>

3. Горбунов А.П., Колядин А.П., Бурняшева Л.А., Газгиреева Л.Х., Косенко О.Ю. Туристско-рекреационные кластеры как организационно-экономический механизм управления формированием и развитием инновационного потенциала Северо-Кавказского федерального округа. Исследование Амазонии. Периодичность: Биместральная. Университет Амазонки. Том 7 (17). 2018. С. 60-71.

4. Gorbunov A.P., Kolyadin A.P., Gazgireeva L.Kh., Burnyasheva L.A. Man, His Spiritual and Moral Potential and the Limitless Nature of Postmodern Hedonism in the Provision of Hotel and Tourist Services in the Context of the Transformation of Socio-economic Systems. Modern Global Economic System: Evolutional Development vs. Revolutionary Leap. Lecture Notes in Networks and Systems, 198. Springer. Cham, 2021. P. 47-55.

5. Смит В.В., Ли Х.Р., Пан Б., Витте М., Доэрти С.Т. Отслеживание изображения пункта назначения во время поездки с помощью технологии смартфонов. Туристическая администрация // Управление туризмом. 2015. № 8. С. 114-119.

6. Хвасс К.А., Мунар А.М. Взлет социальных сетей в туризме // Журнал отпускного маркетинга. 2008. № 18(2). С. 93-98.

BURNYASHEVA Lyudmila Aleksandrovna
Doctor of Philosophy, Professor of the Higher School of
Tourism and Hospitality of the Russian State University of
Tourism and Service

ROMANKO Irina Evgenievna
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of
the Department of Economics, Management and Public
Administration of the North Caucasus State University
Pyatigorsk Institute (branch)

TARANENKO Oksana Nikolaevna
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of
the Department of Economics, Management and Public
Administration of the North Caucasus State University
Pyatigorsk Institute (branch)

PR and advertising technologies as a mechanism for the formation and promotion of the image of tourist regions

This article is devoted to an urgent problem in modern conditions related to the formation and promotion of the image of Russian regions with the help of PR and advertising technologies. The authors study the

practice of using PR and advertising technologies in shaping the image of the region, determine their effectiveness; develop and propose a strategy to improve the rating of tourist regions based on the introduction of PR and advertising technologies. The study showed that advertising and PR technologies represent a mechanism for the formation and promotion of the image of tourist regions, forming the preferences of the target audience, spreading information about the tourist region, broadcasting cultural knowledge, norms, traditions, customs and values.

Keywords: advertising, PR technologies, tourist region, positioning, image promotion, resort.

References

1. Burnyasheva L.A., Gazgireeva L.H. Spiritual crisis of value foundations: socio-philosophical discourse of the problem // Prospects of science. 2011. No. 2 (17). pp. 52-56.

2. Garcia J.M. Schopenhauer's Philosophy. Siglo XXI. Diary of Digital independence, plural and abierto. Schopenhauer's philosophy. Twenty-first century. Independent, multiple and open digital diary. Access mode: – <https://www.diariosigloxxi.com/texto-diario/mostrar/1838509/filosofia-schopenhauer>

3. Gorbunov A.P., Kolyadin A.P., Burnyasheva L.A., Gazgireeva L.Kh., Kosenko O.Y. Tourist and recreational clusters as an organizational and economic mechanism for managing the formation and development of the innovative potential of the North Caucasus Federal District. Amazon investigation. Frequency: Bimestral. Amazon University. Volume 7 (17). 2018. P. 60-71.

4. Gorbunov A.P., Kolyadin A.P., Gazgireeva L.Kh., Burnyasheva L.A. Man, His Spiritual and Moral Potential and the Limitless Nature of Postmodern Hedonism in the Provision of Hotel and Tourist Services in the Context of the Transformation of Socio-economic Systems. Modern Global Economic System: Evolutional Development vs. Revolutionary Leap. Lecture Notes in Networks and Systems, 198. Springer. Cham, 2021. P. 47-55.

5. Smith V.V., Lee H.R., Pan B., Witte M., Doherty S.T. Tracking the destination image during a trip using smartphone technology. Tourist Administration // Tourism Management. 2015. No. 8. P. 114-119.

6. Khvass K.A., Munar A.M. The rise of social networks in tourism // Journal of vacation marketing. 2008. No. 18(2). P. 93-98.

ХОТУЛЕВ Александр Сергеевич
аспирант факультета глобальных процессов
МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: a.s.khotulev@gmail.com

Глобальное проблемное поле цифровизации и цифровых технологий

Цифровизация является магистральным процессом для инновационного развития, развития науки, процесса глобализации в целом. В статье исследуются проблемы, являющиеся барьерами для цифровизации, проблемы, порожденные цифровизацией, и инструменты цифровизации в решении политических проблем.

Ключевые слова: цифровизация; барьеры для цифровизации; проблемы, порожденные цифровизацией; инструменты цифровизации в решении политических проблем, четвертая промышленная революция.

Цифровизация (цифровое развитие) в самом широком смысле – процесс проникновения и охвата цифровыми (компьютерными) технологиями производства, бизнеса, науку, социальной сферу и самой жизни граждан [1]. В настоящее время цифровизация стала глобальным процессом, магистральным для инновационного развития, оказывающим значительное влияние на политическую сферу. При решении глобальных проблем становится особенно важным учитывать данный аспект процесса. Можно выделить два условных политико-цифровых «дискурса»: «цифровизация политики» [2], которая имеет отношение к распространению цифровых технологий на политические отношения, и политику цифровизации [3], которая в большей степени связана с политическими методами и технологиями, применяемыми акторами для управления соответствующими процессами. Представляется, что второй дискурс имеет большее отношение ко внутренней политике (отношение к криптовалютам, кибербезопасности, электронной цифровой подписи, цифровому управлению, цифровым услугам и др.), однако, вопросы политики цифровизации

возникают и на международном уровне, уровне отдельных союзов, блоков государств, на глобальном уровне.

Цифровизация может как приводить к проблемам, в том числе, международного и глобального уровней, так и позволяет решать проблемы глобального, регионального и национального развития, в том числе политические, при этом, имеются и проблемы для самой цифровизации (цифрового развития). Таким образом, проблемы глобального цифрового развития представляется трехаспектными, взаимосвязанными и требующими изучения.

Наиболее широко в минувшее десятилетие обсуждалась проблема цифрового неравенства (между странами и внутри стран). Данная проблема порождает другие: отдельной проблемой представляется такое следствие цифрового неравенства как усиление интеллектуального расслоения, происходящее именно в обществе знаний. Следствием цифрового неравенства является и отход от равноправия граждан. В целом данное неравенство оказывает деструктивное действие на глобальное развитие, стимулируя обострение многих других проблем.

Столкнувшись с собственными политическими проблемами, США и страны Западной Европы вынуждены заострять все больше внимания на необходимость ограничения безудержных свобод в интернете. Естественным ответом на цифровой либерализм является киберскептицизм [4]. Цифровизация в русле тотального либерализма уже не является мейнстримом. С теми же проблемами сталкиваются и развивающиеся страны, также испытывающие вызовы политической дестабилизации. Социальные сети все более активно служат политическим целям, и, несмотря на положительные эффекты (возможность прямой и обратной связи граждан с властью), несут немало и отрицательных (быстрое распространение деструктивных, экстремистских идей, возможность развития террористических сетей, возможность реализации инструментам информационной войны). Транснациональные IT-корпорации (прежде всего Google) уже добились того, что начинают диктовать свою волю народам суверенных стран. Так, руководство Google в 2020 г. пригрозило правительству Австралии в том, что если австралийский парламент примет закон, который обязывает ее платить местным медиа, если пользователь переходит по ссылкам на страницы изданий, она отключит поисковик на территории страны. К «шантажу» присоединился и Facebook. Правительство заявило, что такого рода «санкции» страну не пугают. Таким образом, рост влияния транснациональных электронных

«монстров» достиг максимума за последние десятилетия (хотя, признаться, аналогичные явления встречались и раньше, начиная со времен появления Ост-индийской компании).

Технологические преимущества используются для удержания гегемонии, фактически, вслед за прямым, ресурсным, властно-политическим, военным колониализмом, диктат западного мира над миром развивающимся переходит в информационную сферу. Супердержава в XXI в. должна контролировать не только географическое, но и цифровое пространство. В докладе Валдайского клуба «Международная конкуренция и лидерство в цифровой среде» [5], разбирается проблема охватившего мир нового вида колониализма – цифрового, основанного на тотальном технологическом преимуществе Западного мира (прежде всего, США) над развивающимися странами. Авторы доклада считают, что Россия должна возглавить процесс «цифрового неприсоединения». В условиях «милитаризации информационного пространства», пишут авторы доклада, «присутствие государств в высшей лиге мировой политики невообразимо без стратегии развития в глобальной цифровой среде, наличия ресурсов, собственных идей и продуктов в этой сфере». В условиях четвертой промышленной революции Россия действительно несколько отстает от развитых стран, однако, этот разрыв не таков, что его нельзя было наверстать [6].

Позитивный пример использования расширяющихся возможностей цифровых технологий – использование их для обработки больших массивов данных при принятии сложных политических решений. Такие подходы активно используются в современных ситуационных центрах при высшем руководстве ведущих стран мира [7,8].

Таким образом, общее проблемное поле цифровизации как глобального процесса включает барьеры для его развития, а также новые проблемы, которые возникают и усиливаются по мере углубления и расширения цифровизации. Важно представить рядом с этим проблемным полем инструменты цифровизации в решении глобальных проблем развития.

Проблемы – барьеры для цифровизации как глобального процесса:

1. Научно-технологические проблемы: развитие цифровых технологий пока далеко до уровня сильного и тем более сверхсильного искусственного интеллекта, равного или превосходящего человеческий, а скорость развития технологий, по ряду данных, начинает замедляться [9];

2. Социально-экономические проблемы – в развивающихся странах: ограниченные финансовые, кадровые и технические возможности для приобретения, изобретения, внедрения и освоения цифровых технологий, в развитых странах: в развитых странах происходит рост дефицита высококвалифицированных кадров, в том числе, занимающихся вопросами развития цифровых технологий [10];

3. Политические проблемы цифровизации: конкуренция за технологии и конкуренция технологий – цифровые технологии представляют собой фронт технологического развития, который принадлежит в основном двум центрам силы – США и Китаю, которые, во-первых, охраняют свои достижения, от претендующих на их освоение и использование стран, компаний и сообществ, а во-вторых, они стремятся навязать их бизнесу, управлению и сообществам в других странах, создав условия для их экономического и политического подчинения, закрепив свою гегемонию над ними.

Проблемы, порожденные цифровизацией:

1. Цифровое неравенство (неравномерный доступ к данным, знаниям, информации) в условиях непрерывного усложнения процесса их получения и использования, увеличения значимости для экономики и общества;

2. Увеличение зависимости людей, сообществ, промышленности, транспорта, здравоохранения, социальной сферы и др. сфер и отраслей от цифровых технологий (их цифровое обеспечение требует постоянного высококомпетентного обслуживания, сбои в цифровом обеспечении могут привести к катастрофам);

3. Высвобождение неквалифицированной рабочей силы, рост социальной напряженности, безработицы;

4. Увеличение потребности в высококвалифицированных, в том числе, научных кадрах;

5. Рост потребности в энергии в условиях ресурсных и экологических ограничений и нарастания технологических проблем;

6. Информационная безопасность, информационные войны, сохранность, личные и конфиденциальные данные, кибертерроризм, финансовые сети, возможность формирования и быстрого распространения;

7. Возможность ведения высокотехнологичных войн с участием роботов и дистанционно управляемых боевых машин;

8. Сосредоточение личной информации у сравнительно небольшого числа собственников глобальных цифровых платформ. Возможность тотального контроля узкой группой людей за «озерами данных», информационными потоками и процессами;

9. Расширение возможности для формирования правдоподобной и обладающей манипулятивными свойствами ложной информации;

10. Формирование малополезных для личностного развития виртуальных миров, «затягивающих» игроманов (в основном, молодежь);

11. Комплекс проблем, связанных с внедрением искусственного интеллекта (особенно серьезных, если искусственный интеллект станет способным без участия человека решать сложные управленческие задачи);

12. Правовые проблемы цифровизации, в том числе, проблемы международного и национального права в области регулирования сети Интернет;

13. Поскольку цифровизация выступает основным направлением современного развития технологий, то к порождаемым ей проблемам относятся все проблемы человечества (медицинского, социального, социально-психологического характера), связанные с избыточным для выживания повышением условий жизни человека.

Вместе с тем, именно цифровизация может помочь человечеству в решении имеющихся глобальных проблем, в том числе, перечисленных выше:

1. Цифровизация может обеспечить неограниченный рост экономики, повышение производительности труда, качества жизни, ускорение развития и распространения технологий, а предоставляемые ею возможности могут обеспечить доступ к знаниям и информации и тем самым способствовать преодолению неравенства.

2. Обеспечение широкого доступа к знаниям, информации, расширение возможностей для образования;

3. Продвижение идей устойчивого развития, справедливого мира, диалога культур и цивилизаций в Сети, в том числе через применение инструментов цифровой дипломатии;

4. И, наконец, самое главное: цифровые технологии в управлении национального и глобального уровней могут способствовать повышению его качества, разработка и вовлечение сложных технологий работы с большими данными, вычислительных мощностей могут привлекать лучшие умы к поиску

пределов роста и оптимальных путей устойчивого развития на глобальном уровне способно гармонизировать развитие человечества.

Литература:

1. Халин В.Г., Чернова Г.В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски// Управленческое консультирование. 2018. № 10. С. 46-63.
2. Hanschitz G. Digitalization of Politics and Elections // Handbook of Cyber-Development, CyberDemocracy, and Cyber-Defense / Carayannis E., Campbell D., Efthymiopoulos M. (eds). Springer, Cham, 2017. P. 1–15.
3. Kaufmann M., Jeandesboz J. Politics and 'the digital': From singularity to specificity // European Journal of Social Theory. 2017. Vol. 20, no. 3. P. 309–328.
4. Асочаков Ю.В. "Цифровая либерализация", "цифровое неравенство" и киберскептицизм // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2015. № 2. С. 93-99.
5. Безруков А., Сучков М., Сущенцов А. Международная конкуренция и лидерство в цифровой среде// Валдайский клуб. 26.01.2021. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/36581/> (дата обращения: 1.10.2021).
6. Сафиуллин А.П., Моисеева О.А. Цифровое неравенство: Россия и страны мира в условиях четвертой промышленной революции // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2019. Т. 12. № 6. С. 26-37.
7. Володенков С.В. Технологии big data в современных политических процессах: цифровые вызовы и угрозы // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 44. С. 205-212.
8. Володенков С.В. Digital-технологии в системе традиционных институтов власти: политический потенциал и современные вызовы // Вестник Московского государственного областного университета. 2018. № 2. С. 39-48.
9. Grinin L., Grinin A., Korotayev A. A quantitative analysis of world-wide long-term technology growth: From 40,000 BCE to the early 22nd century// Technological Forecasting and Social Change. 2020. Volume 155, 119955. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0040162519314118> (data of access: 1.01.2022).
10. Березина Е. Рынку грозит перекося// Российская газета. 26.06.2012. URL: <https://rg.ru/2012/06/26/kadri.html> (дата обращения: 1.01.2022).

KHOTULEV A.S.

Postgraduate Student of the Faculty of Global Processes of Lomonosov Moscow State University

Global problem area of digitalization and digital technologies

Digitalization is the main process for innovative development, the development of science, and the process of globalization in general. The article examines the problems that are barriers to digitalization, problems generated by digitalization, and digitalization tools in solving political problems.

Keywords: *digitalization; barriers to digitalization; problems caused by digitalization; digitalization tools for solving political problems, fourth industrial revolution*

References:

1. Khalin V.G., Chernova G.V. Digitalization and its impact on the Russian economy and society: advantages, challenges, threats and risks// Managerial consulting. 2018. No. 10. pp. 46-63.
2. Hanschitz G. Digitalization of Politics and Elections // Handbook of Cyber-Development, CyberDemocracy, and Cyber-Defense / Carayannis E., Campbell D., Efthymiopoulos M. (eds). Springer, Cham, 2017. P. 1–15.
3. Kaufmann M., Jeandesboz J. Politics and 'the digital': From singularity to specificity // European Journal of Social Theory. 2017. Vol. 20, No. 3. P. 309-328.
4. Asochakov Yu.V. "Digital liberalization", "digital inequality" and cyberscepticism // Bulletin of St. Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogy. 2015. No. 2. pp. 93-99.
5. Bezrukov A., Suchkov M., Sushchentsov A. International competition and leadership in the digital environment// Valdai Club. 26.01.2021. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/36581/> (accessed: 1.10.2021).
6. Safiullin A.R., Moiseeva O.A. Digital inequality: Russia and the countries of the world in the conditions of the fourth industrial revolution // Scientific and Technical Bulletin of St. Petersburg State Polytechnic University. Economic sciences. 2019. Vol. 12. No. 6. pp. 26-37.
7. Volodenkov S.V. Big data technologies in modern political processes: digital challenges and threats // Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science. 2018. No. 44. pp. 205-212.
8. Volodenkov S.V. Digital technologies in the system of traditional institutions of power: political potential and modern challenges // Bulletin of the Moscow State Regional University. 2018. No. 2. pp. 39-48.
9. Grinin L., Grinin A., Korotayev A. A quantitative analysis of worldwide long-term technology growth: From 40,000 BCE to the early 22nd century// Technological Forecasting and Social Change. 2020. Volume 155, 119955. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0040162519314118> (data of access: 1.01.2022).
10. Berezina E. The market is in danger of being skewed// Rossiyskaya Gazeta. 26.06.2012. URL: <https://rg.ru/2012/06/26/kadri.html> (accessed: 1.01.2022).

РЫБАКОВА Марина Владимировна
доктор социологических наук, профессор,
факультет государственного управления
МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: rybakovamv2005@yandex.ru

ИВАНОВА Наталья Анатольевна
кандидат социологических наук, научный сотрудник,
факультет государственного управления
МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: na-an.ivanova@yandex.ru

Адаптация китайских студентов в российских вузах: некоторые проблемы

В статье на основе проведенного авторами исследования проводится оценка адаптации студентов из Китая к обучению в российских вузах, показаны некоторые проблемы, с которыми сталкиваются китайские студенты, предлагаются мероприятия, способствующие снизить негативные проявления адаптации.

Ключевые слова: китайские студенты, адаптация, российское образование.

С экономическим развитием Китая и тесными связями между Китаем и Россией все больше и больше студентов из обеих стран предпочитают получать образование за границей. Академическая мобильность позволяет расширять научные связи, и ее можно рассматривать как управленческую технологию для повышения конкурентоспособности национального образования на мировом рынке [1, с. 302].

Помимо позитивных факторов академической мобильности возникают проблемы адаптации, во многом связанные с этнокультурными особенностями китайских студентов и со-

циокультурными различиями китайского и российского общества [2]; с ценностными ориентациями и мотивационными установками студентов из Китая [3,4].

Вследствие различий в культурных традициях китайским студентам очень важно адаптироваться к российским учебным заведениям, что требует методических подходов в целях преодоления социокультурных и языковых барьеров, направленных на оптимизацию профессионального обучения и повышение конкурентоспособности российских вузов [5, с. 21].

Преодоление адаптационных проблем китайскими студентами, дополнительное внимание со стороны профессорско-преподавательского состава способствуют дальнейшему развитию российско-китайских отношений в области образования и науки, притоку учащихся из Китайской Народной Республики и интернационализации российского образования. А это в свою очередь сможет повысить престиж и статус национальной системы образования за счет увеличения доли иностранных студентов в системе международных отношений [6].

За последние три года продолжает расти количество иностранных студентов, обучающихся в России. Если в 2019 г. иностранных студентов было 298 тыс. чел., то в 2020 г. – 315 тыс. чел., в 2021 г. – 324 тыс. чел, в т.ч. из Китайской Народной Республики – 32,6 тыс. чел. [7]. В 2020 г. уровень двусторонних образовательных обменов между Россией и Китаем достиг цифры в 100 тыс. чел. [8]. В МГУ имени М.В. Ломоносова количество китайских студентов год от года также увеличивается и продолжается развитие российско-китайских отношений. На базе МГУ имени М.В. Ломоносова и Пекинского политехнического института в 2013 г. был создан совместный университет в китайском Шэньчжэне, в котором действуют семь факультетов и обучаются более 1300 студентов и аспирантов [9]. Также в 2017/2018 учебном году МГУ вышел на лидирующие позиции по количеству китайских студентов, обучающихся в России по очной форме обучения [10].

В октябре-ноябре 2021 г. авторами было проведено исследование среди студентов из Китая с целью изучения их адаптации к обучению в российских вузах и ее эффективности. В качестве инструмента исследования был использован метод глубинного интервью. На каждое интервью было отведено 1,5 часа. Структура глубинного интервью отвечала поставленным задачам исследования. Объектом исследования стали китайские студенты московского вуза (всего 14 человек; n=14), завершившие обучение в бакалавриате и

поступившие на 1 курс магистратуры в российский вуз. Основные вопросы интервью были связаны с психологическими и социальными проблемами, стрессовыми ситуациями, возникающими в процессе обучения, с которыми сталкиваются китайские студенты в российских вузах.

В российских вузах, в частности, в МГУ имени М.В. Ломоносова для адаптации иностранных студентов разработаны специальные образовательные программы для иностранных студентов. Как правило, китайские студенты перед тем, как поступать на российские программы, проходят обучение по русскому языку на подготовительных курсах, но этого не всегда достаточно для успешного обучения. В учебные планы по направлениям подготовки бакалавров и магистров включено дополнительное изучение русского языка на протяжении практически всего периода обучения.

Исследование показало, что студенты из Китая быстро адаптируются, но сталкиваются при этом с некоторыми особенностями и проблемами. Один из студентов отмечал, что *«я должен приспособиться не только к учебным планам, но и адаптироваться к другой языковой среде, культурным условиям и пищевым привычкам»*.

При обучении в Китае одной из главных задач становится получение профессиональных и коллективных навыков, навыков выживания и продвижения вверх по служебной лестнице. Самовыражение, критическое мышление, творчество и изобретательность, любопытство являются второстепенными. Китайские студенты подчеркивают, что на родине их главная задача состоит в *«получении очень высоких баллов, но бывают ситуации, когда много внимания уделяется результатам, и не важен сам процесс обучения»*.

В российских вузах студентов побуждают мыслить более независимо, оставляя много времени для самостоятельного исследования. Преподаватели в основном с помощью большого количества практических примеров дают представление о теоретических знаниях.

Респонденты подчеркивают, что *«в Китае цели, методы и виды образования в средних школах и вузах совершенно разные»*. Система вступительных экзаменов для поступления в колледжи и в среднюю школу ориентирована в основном на тестирование. Чтобы научить учащихся получать более высокие результаты при сдаче экзаменов, учителя средней школы часто уделяют внимания получению баллов и только во вторую очередь – знаниям. Один из студентов подчеркнул,

что *«в Китае учащиеся склонны учиться пассивно, но, когда молодые люди поступают в университет, ситуация становится совершенно другой»*.

У студентов обнаруживаются психологические и физиологические особенности при переходе на новый уровень обучения.

Высшее образование нацелено на развитие у студентов способности к самостоятельному обучению. Многие студенты колледжей не имеют подобных навыков. Кроме того, высшее образование в основном способствует формированию у студентов профессионального мировоззрения и ценностей.

Вспоминая первое время обучения в зарубежных вузах, для описания этого периода иностранные студенты используют такие слова, как *«одиноко»*, *«стресс»* и *«нелегко»*. Действительно, каждый иностранный студент проходит сложный период адаптации к незнакомой среде при столкновении с межкультурным фоном и академическим давлением.

Когда китайский студент впервые приезжает за границу, первое, что ему приходится делать, это *«жить самостоятельно, самостоятельно решать такие проблемы, как проживание, учеба и планирование расходов на жизнь»*.

Многие иностранные студенты так описывают свое состояние, когда они уезжают учиться в зарубежный вуз: *«Дома я чувствую себя ребенком, но когда уезжаю учиться в зарубежный вуз, мне нужно быстро повзрослеть»*. Эта ситуация не нова для иностранных студентов, впервые оказавшихся за границей. Возможно, до поездки за границу они и представляли свою будущую учебную жизнь за рубежом, но, столкнувшись с другой средой, где язык и культура совершенно незнакомы, они обнаруживают, что *«находятся в растерянности»*.

Самый эффективный способ пройти период адаптации как можно быстрее – это всегда помнить о том, что вы хотите интегрироваться в новую среду, и что *«если сделать первый шаг, то это сделает его менее трудным»*.

Проблемы психологического характера, с которыми сталкиваются иностранные студенты в зарубежных университетах, хорошо известны. Почти все студенты акцентировали внимание на том, что *«помимо неродной языковой среды студентам также приходится адаптироваться к дискуссиям в аудитории, устным презентациям, групповым дебатам и другим методам обучения»*.

Суждение одного из студентов показывает, с какими трудностями сталкиваются иностранные учащиеся во время учебы: *«Когда я только приехал за границу, я сопротивлялся обсуждениям в классе и групповой работе. Я не мог понять, что они говорят, потому что другие студенты не обращали на тебя внимания, ведь ты был иностранцем, а они говорили так быстро. В таком состоянии я часто сомневался в себе и испытывал чувство разочарования и изоляции, которое никогда не испытывал раньше».*

В Китае студенты, как правило, не проходят специальной подготовки по адаптации при поступлении в высшие учебные заведения. С одной стороны, с точки зрения учебы на первом году обучения в университете сложность курсов не такая высокая, и содержание обучения в основном будет соответствовать знаниям, полученным в средней школе. С другой – с точки зрения психического здоровья студентам требуется психологическая помощь, и в китайских университетах существуют специальные консультационные комнаты и специальные консультационные курсы для студентов.

Сложность обучения иностранных студентов в российских вузах связана с изменениями во многих аспектах и в первую очередь – с изменениями в жизненном пространстве. Студенту приходится приспосабливаться к коллективной жизни, адаптироваться к среде, в которой расположено высшее учебное заведение.

Во вторую очередь происходят изменения в статусе обучения. Обучение в вузах в большей степени направлено на овладение профессиональными навыками. Больше внимания уделяется самостоятельному обучению и практике.

В третью очередь изменения касаются межличностных отношений: в студенческой среде, с преподавателями.

Иностранные студенты высказывают желание создания консультационных структур в российских вузах для своевременной психологической помощи нуждающимся в ней учащимся. Такие структуры должны помогать решать проблемы, предоставлять учащимся академические консультации и рекомендации для дальнейшего обучения.

В заключение можно отметить, что, во-первых, в процессе обучения иностранным учащимся следует научиться оценивать собственные психологические проблемы, возникающие в период адаптации, и активно искать пути их решения.

Во-вторых, необходимо, чтобы у каждой китайской группы был закрепленный куратор. Он должен помочь установить

цели обучения и принять существующие правила, а также способствовать планированию академической и профессиональной карьеры студентов в университете.

В-третьих, необходимо разработать комплексные программы с четким алгоритмом действий по адаптации китайских студентов на этапе первого года обучения, способствующих снижению возможных негативных проявлений.

В-четвертых, требуется подготовка профессиональных кадров, способных оказать помощь в интеграции китайских студентов в российское образовательное пространство, что является немаловажным аспектом эффективной адаптации иностранных учащихся.

Предложенные рекомендации по адаптации иностранных студентов при обучении в российских вузах будут способствовать повышению качества образования, расширять научные связи, развивать академическую мобильность и создавать условия конкурентоспособности российских вузов.

Литература:

1. Рябина А.М. Интернационализация системы высшего образования в эпоху научно-технологической революции // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 81. с. 297-321.
2. Kovaleva T.N., Maslova Yu.V., Kovalev N.A., Karapetyan E.A., Samygin S.I., Kaznacheeva O.K., Lyashenko N.V. Ecohumanistic education in Russia and China as a factor of sustainable development of modern civilization // Dilemas contemporáneos: Educación, Política y Valores. 2019. Т. 6. № S3.
3. Леонтьева Э.О. Китайские студенты в России и российские студенты в КНР: опыт сравнения // Регионалистика. 2019. Т. 6. № 5. с. 90. DOI: 10.14530/reg.2019.5.79.
4. Леонтьева Э.О. Патриотизм и общественное благо в системе ценностей российских и китайских студентов // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2019. Т. XVI. № 2. с. 132–137.
5. Овчинникова М.В. Проблемы академической адаптации китайских студентов в российских вузах и пути из решения // Вестник Тульского государственного университета. Серия: Современные образовательные технологии в преподавании естественнонаучных дисциплин. 2020. № 1(19). с. 18-21.
6. Гаврилов П.С. Иностранные студенты в российских вузах: проблемы адаптации (на примере китайских студентов) // Социология образования. 2021. № 3 (86). с. 47-56.
7. Число иностранных студентов в России за три года выросло на 26 тысяч. [Электронный ресурс]. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=46158 (дата обращения: 27.01.2022).

8. Россия и Китай достигли уровня академической мобильности в 100 тысяч человек. [Электронный ресурс]. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=26080 (дата обращения: 29.01.2022).

9. В совместном российско-китайском университете в Шэнчжэне обучается более тысячи студентов. [Электронный ресурс]. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=42419&sphrase_id=251440 (дата обращения: 15.01.2022).

10. Где и как учатся граждане КНР в России. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.5top100.ru/news/104492/> (дата обращения: 28.01.2022).

RYBAKOVA M.V.

***Ph.D., Professor, School of Public Administration,
Lomonosov Moscow State University***

IVANOVA N.A.

***Ph.D., Research Fellow, School of Public
Administration, Lomonosov Moscow State University***

Adaptation of Chinese Students at Russian Universities: Problems

Based on the study conducted by the authors, the article assesses the adaptation of students from China to study at Russian universities, it shows some of the problems that Chinese students face and proposes measures that help reduce the negative manifestations of adaptation.

Keywords: *Chinese students, adaptation, Russian education.*

References:

1. Ryabinina A.M. Internationalization of the system of higher education in the era of the scientific and technological revolution // State Administration. Electronic Bulletin. 2020. No. 81. p. 297-321.

2. Kovaleva T.N., Maslova Yu.V., Kovalev N.A., Karapetyan E.A., Samygin S.I., Kaznacheeva O.K., Lyashenko N.V. Ecohumanistic education in Russia and China as a factor of sustainable development of modern civilization // Dilemas contemporáneos: Educación, Política y Valores. 2019. V. 6. No. S3.

3. Leontieva E.O. Chinese students in Russia and Russian students in China: comparison experience // Regionalistics. 2019. V. 6. No. 5. p. 90. DOI: 10.14530/reg.2019.5.79.

4. Leontieva E.O. Patriotism and the public good in the system of values of Russian and Chinese students // Social and humanitarian sciences in the Far East. 2019. Vol. XVI. No. 2. p. 132–137.

5. Ovchinnikova M.V. Problems of academic adaptation of Chinese

students in Russian universities and ways out of the solution // Bulletin of the Tula State University. Series: Modern educational technologies in teaching natural sciences. 2020. No. 1(19). with. 18-21.

6. Gavrilov P.S. Foreign students in Russian universities: problems of adaptation (on the example of Chinese students) // Sociology of Education. 2021. No. 3 (86). with. 47-56.

7. The number of foreign students in Russia has increased by 26,000 in three years. [Electronic resource]. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=46158 (date of access: 27.01.2022).

8. Russia and China have reached the level of academic mobility of 100 thousand people. [Electronic resource]. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=26080 (date of access: 01/29/2022).

9. More than a thousand students study at the joint Russian-Chinese university in Shenzhen. [Electronic resource]. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=42419&sphrase_id=251440 (date of access: 01/15/2022).

10. Where and how do Chinese citizens study in Russia. [Electronic resource]. URL: <https://www.5top100.ru/news/104492/> (date of access: 01/28/2022).

КУБАЕВА Ольга Валерьевна
кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры методики преподавания русского
языка и литературы филологического факультета
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный
университет»

E-mail: olgakubaeva@mail.ru

Новая волна феминитивов в современном русском языке

Актуальность данной темы связана с активным изучением гендерных проявлений в языке и языковой репрезентации женщин. Это вызвано социальными изменениями в современном обществе: женщины активно участвуют во всех сферах человеческой деятельности, и подтверждением этому является происхождение и функционирование в российском медиапространстве большого количества феминитивов – номинаций лиц женского пола профессионального, социального, этнического происхождения.

Ключевые слова: лингвистика, гендерная лингвистика, словообразование, феминитив, неологизм, суффикс, интернет-коммуникации.

Язык не существует вне общества. Это структура, изменяющаяся под влиянием не только лингвистических, но и экстралингвистических факторов. Одним из них стало изменение социального статуса женщин в связи с активной борьбой феминисток за права женщин и признанием их достижений. Такое крупное событие не могло не отразиться на лингвистическом уровне.

Наименование лиц женского пола является одной из наиболее обсуждаемых проблем современного русского языка. Представители феминистских общественных движений, а вслед за ними и часть исследователей заявляют о необходимости устранения гендерной асимметрии речи, преодоления её андроцентризма. В качестве инструмента, используемого для решения этих задач, рассматриваются феминитивы, или существительные женского рода, парные по отношению к мужским номинациям по роду деятельности, профессии, социальной и территориальной принадлежности. В настоящее время в интернет-пространстве мы все чаще встречаемся с

этим понятием. На просторах сети можно увидеть слова «блогерка», «авторка», «докторка» и т.д. Вокруг данного явления рождаются разнообразные мнения, и это приводит к многочисленным дискуссиям среди лингвистов, сторонников феминизма, а также обычных людей разных профессий [4].

Исторически сложилось так, что женщины получили право на образование лишь в конце XIX в., в связи с этим слов для обозначения их деятельности не требовалось. Традиционно женскими считались такие слова, как «учительница», «уборщица», «няня», «кухарка» и др. Профессии более высокого статуса, как правило, имеют лишь форму мужского рода – профессор, инженер, врач, адвокат и др [3].

Глобализация позволяет провести значительную коррекцию гендерных номинаций. В современном русском языке гендерно маркированные антропонимы с индексом аффикса женского рода, соответствуя системному грамматическому стандарту, находятся за пределами официально-делового стиля. Однако они широко распространены в других стилях и жанрах современного русского литературного языка, таких как разговорная речь, художественная литература и медийный дискурс. Стремление к политкорректному способу обозначения (без подчеркивания пола) часто встречало сопротивление устоявшегося (на определенный период времени) стандарта стиля. Медиапространство в настоящее время является широчайшей территорией развития любых лингвистических направлений в силу того, что оно вовлекает в общение большую часть населения, в том числе и его женскую половину.

Когда причины появления феминитивов стали ясны, встал вопрос об их образовании. В Интернете можно найти множество вариантов феминитива для одной и той же профессии, например, авторка/авторесса, фотографка/фотографиня и т.д.

Феминитивы в русском языке можно классифицировать следующим образом:

1) неологизмы (президентка, искусствоведка, архитекторка, режиссерка,

2) коллекционерка, экспертка и др.);

2) неологизмы, в данном случае это слова, закрепленные в словаре (студентка, художница, учительница, чемпионка, пловчиха, программистка, помощница, портниха, боярыня, писательница, принцесса, мастерица и др.);

3) слова, не имеющие вариантов мужского рода, т.е. относящиеся только к женщинам. Такие существительные образовались естественно с развитием языка. Они обозначают

исконно женские профессии и соответствующие только женщинам понятия: девочка, девушка, женщина, мама, сестра, бабушка, тетя, медсестра, няня, балерина и др. [5].

В русском языке для образования феминитивов используются суффиксы с семантикой указания на лицо женского пола. Лингвистические исследования в области словообразования показывают, что наиболее продуктивно образование феминитивов с использованием суффиксов -к(а), -ниц(а), -чиц(а), -ш(а), -щиц(а): артист – артистка; писатель – писательница; летчик – летчица; секретарь – секретарша; крановщик – крановщица. Также феминитивы образуются с помощью таких непродуктивных суффиксов, как -иц(а), -их(а), -есс(а), -ин(я), -ис(а), -ух(а), -унь(я): красавец – красавица; ткач – ткачиха; стюард – стюардесса; граф – графиня; директор – директриса; свекр – свекруха; прыгун – прыгунья [1].

Распространение лингвистических инициатив происходит в основном в интернет-коммуникации, специфика которой не требует строгого соблюдения норм литературного языка. Каждый цифровой ресурс самостоятельно принимает решение о возможности использования феминизмов-неологизмов, в том числе по запросу опубликованного автора. Поскольку в русском языке нет устойчивых словообразовательных моделей для образования феминитивов, существует определенная вариативность форм (блогерка — блогерша). Однако феминитивы с суффиксом -ш(а), как правило, используются чаще, чем однокоренные с ними формы с суффиксом -к(а) [2].

В образовании неологизмов женского рода с суффиксом -к(а) можно выделить три основные тенденции, в которых суффикс -к(а):

1) свободно присоединяется к существующим названиям профессий, где нет формальных ограничений (юрист – юристка, автор – авторка, директор – директорка);

2) создает производные, которые не несут в себе отрицательной экспрессии в отличие от существующих феминитивов с суффиксом -ш(а) (авторша – авторка, тренерша – тренерка);

3) используется для обозначения женщин в новых профессиях, появившихся в последние десятилетия XXI в. (редактор – редакторка, блогер – блогерка, менеджер – менеджерка, дизайнер – дизайнерка).

Как было установлено, словообразовательный тип -к(а) обладает гибкостью к структурным характеристикам мотивированной основы, не будучи привязанным к определенному типу словосочетания.

Феминитивы в русском языке образуются и употребляются непоследовательно. Одни слова могут активно использоваться в устной и письменной речи в отличие от других, даже если эти слова относятся к одной словообразовательной модели (в речи часто используются феминитивы артистка, студентка, гимнастка, в то время как феминитивы инженерка и докторка используются намного реже). Также слова с одинаковыми суффиксами могут иметь разную стилистическую окраску (феминитив стюардесса является нейтральным в отличие от феминитива министресса).

Подводя итоги, можно прийти к выводу, что существующие феминитивы, предлагаемые к употреблению, не структурированы, отсутствует единая система словообразования, имеются вариативные формы (авторша/авторка, блогерша/блогерка). При реализации этого направления феминизации русского языка необходимо создать единую систему. Существует еще один возможный вариант развития феминистской лингвистики и гендерных лингвистических изменений – развитие теории агендерности, обращение к стратегии нейтрализации гендера.

Литература:

1. Гузаерова Р.Р. Блогер или блогерша: русские феминитивы с формантом -ш(а) в современном медиапространстве // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2019. №5-6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bloger-ili-blogersha-russkie-feminitivy-s-formantom-sh-a-v-sovremennom-mediaprostranstve> (дата обращения: 14.02.2022).
2. Замышляева Ю.С. Функционирование феминитивов-неологизмов в современных СМИ // Вестник ЧелГУ. 2021. №4 (450). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionirovanie-feminitivov-neologizmov-v-sovremennyh-smi>(дата обращения: 16.02.2022).
3. Зауэр А.А. Феминитивы в русскоязычном интернет-пространстве // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. № 2 (27). 2020. URL: [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.2\(27\).13](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.2(27).13) (дата обращения: 17.02.2022).
4. Кобяков А.В. Русский феминитив: широкий взгляд // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. № 8 (33). 2020. URL: [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.8\(33\).6](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.8(33).6) (дата обращения: 15.02.2022).
5. Первак В.А. Феминитивы в русском языке // Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы развития: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. –

KUBAYEVA O.V.

***Candidate of pedagogical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of methods of teaching
Russian language and literature, Faculty of Philology,
Dagestan State University***

A new wave of feminitives in modern Russian

The relevance of this topic is connected with the active study of gender manifestations in the language and linguistic representation of women. This is due to social changes in modern society: women actively participate in all spheres of human activity, and this is confirmed by the origin and functioning in the Russian media space of a large number of feminitives - nominations of female persons of professional, social, ethnic origin.

Keywords: *linguistics, gender linguistics, word formation, feminitive, neologism, suffix, Internet communication.*

Literature:

1. Guzaerova R.R. Blogger or blogger: Russian feminitives with a formant -sh(a) in the modern media space // Uchen. zap. Cauldron.un-ta. Ser. Humanit. science. 2019. No.5-6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bloger-ili-blogersha-russkie-feminitivy-s-formantom-sh-a-v-sovremennom-mediaprostranstve> (date of address: 02/14/2022).

2. Zamyshlyayeva Yu.S. Functioning of feminitives-neologisms in modern mass media // Bulletin of ChelSU. 2021. No. 4 (450). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionirovanie-feminitivov-neologizmov-v-sovremennyh-smi> (date of reference: 02/16/2022).

3. Sauer A.A. Feminitives in the Russian-language Internet space // Scientific Notes of the Yaroslav the Wise Novgorod State University. No. 2 (27). 2020. URL: <https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.2> (27).13 (date of reference: 02/17/2022).

4. Kobayakov A.V. Russian feminitiv: a broad view // Scientific Notes of Yaroslav the Wise Novgorod State University. № 8 (33). 2020. URL: <https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.8> (33).6 (date of address: 02/15/2022).

5. Pervak V.A. Feminitives in the Russian language // Linguistics, linguodidactics, linguoculturology: current issues and prospects for development: materials of the IV International Scientific and Practical Conference – Minsk: BSU, 2020. – pp. 536-540. URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/242028> (accessed: 02/15/2022).

Информация для авторов

Направляемые в журнал статьи необходимо оформлять в соответствии со следующими правилами:

- Необходимые сведения об авторе:
 - Код УДК (посмотреть точный код УДК можно по ссылке <http://teacode.com/online/udc/>);
 - Фамилия, имя, отчество полностью; ученая степень; ученое звание; место работы (учебы); должность на русском и английском языках; адрес электронной почты; контактные телефоны.
- Объем статей не должен превышать:
 - 7 страниц для соискателей степени кандидата наук;
 - 17 страниц для соискателей степени доктора наук.
- Название статьи на русском и английском языках;
- Аннотации (не более 5-7 строк) и ключевые слова (5-8 слов) на русском и английском языках;
- Статьи должны быть напечатаны в формате Microsoft Word (2003-2007), межстрочный интервал 1,5, кегль 14, шрифт «Arial» на одной стороне листа, форматирование по ширине (поля: верхнее и нижнее – 2, левое – 2,5, правое – 1,5);
 - ссылки (сноски) даются в конце каждой страницы (кегель 10);
 - таблицы, схемы, диаграммы должны быть выполнены в черно-белом изображении и сопровождаться сквозной нумерацией.
- Статьи должны сопровождаться заверенной рецензией (отзывом) специалиста и рекомендацией кафедры (отдела) по месту работы. К статьям должен прилагаться скриншот из программы Антиплагиат (оригинальность статьи по системе <http://www.antiplagiat.ru> должна быть не менее 75%.);
 - Статьи в редакцию направлять в печатном и электронном варианте.
 - Содержание статьи должно соответствовать тематике журнала (политология, философия, социология).
 - Решение о публикации принимается в течение 30 дней со дня регистрации статьи в редакции.
 - Статьи публикуются в авторской редакции.
 - Авторы несут ответственность за достоверность приведенных фактов, цитат и других данных. Мнение редакции журнала может не совпадать с позицией авторов публикаций.
 - Редакция оставляет за собой право на научное редактирование статей.
 - Рукописи не возвращаются.

Уважаемые авторы, в целях экономии времени следуйте правилам оформления статей. Статья может быть отправлена авторам на доработку или отклонена как по формальным, так и по научным признакам. Критериями отбора являются соответствие профилю, новизна, актуальность и обоснованность результатов. Работы, которые не отвечают указанным требованиям оформления, к рассмотрению не принимаются. Не допускается направление в редакцию работ, которые опубликованы и/или приняты к печати в других изданиях.

Вниманию подписчиков журнала!

Журнал «Социально-гуманитарные знания» является научно-образовательным изданием, предназначенным для преподавателей, студентов и учащихся высших, средних специальных и средних учебных заведений, всех, интересующихся социально-гуманитарными науками и образованием.

Подписка и доставка периодических изданий осуществляется всеми отделениями **Группы компаний "Урал-Пресс"** в офисах агентства в вашем городе. Информацию можно получить на сайте ГК "Урал-Пресс" **www.ural-press.ru** или по телефону **8(499) 700-05-07**.

Подписка осуществляется всеми отделениями связи. Индекс подписки – 70652 (Каталог «Пресса России»), тел. (495) 995-95-70.

Подписная цена за один номер во 2-м полугодии 2022 г. – 1000 руб., в продаже – цена свободная. Подписка на электронную версию журнала осуществляется в Научной электронной библиотеке **www.elibrary.ru**

Information for authors

Articles sent to the journal must be executed in accordance with the following rules:

- Necessary information about the author:
 - UDC Code (See the exact UDC code at link <http://teacode.com/online/udc/>);
 - Surname, first name, middle name in full; academic degree; academic status; place of work (study); position in Russian and English; e-mail address; contact phones.
- The volume of articles should not exceed:
 - 7 pages for candidates degree;
 - 17 pages for competitors for Doctor of Science degree.
- Title of the article in Russian and English;
- Annotations (no more than 5-7 lines) and keywords (5-8 words or phrases) in Russian and English;
 - Articles should be printed in Microsoft Word format (2003-2007), line spacing 1.5, kegl 14, "Arial" font on one side of the sheet, formatting by width (fields: upper and lower - 2, left - 2.5, right - 1.5);
 - references (footnotes) are given at the end of each page (size 10);
 - tables, schemes, charts have to be executed black and white and be followed by through numbering.
- Articles have to be followed by the certified review (response) of the expert and the recommendation of department of the place of work (study). The articles should be accompanied by a screenshot from the Antiplagiat program (The originality of the article on the system <http://www.antiplagiat.ru> should be not less than 75%.);
 - Send articles to the editorial office in printed and electronic version.
 - The content of the article should correspond to the topic of the journal (Political science, philosophy, sociology).

- The decision to publish is made within 30 days from the date of registration of the article in the edition.
- The article is published in the author's edition
- The authors are responsible for the accuracy of the given facts, quotes and other data. The opinion of the editorial office of the magazine may not coincide with the position of the authors of publications.
- The editorial board reserves the right to scientific editing of articles.
- Manuscripts are not returned.

Dear authors, in order to save time, follow the rules for writing articles. The article may be sent to the authors for revision or rejected on both formal and scientific grounds. Selection criteria are profile compliance, novelty, relevance and validity of results. Works that do not meet the specified requirements of registration are not accepted for consideration. It is not allowed to send to the editorial office works that have been published and/or accepted for printing in other publications.

To the subscribers of the magazine attention!

Journal "Socio-humanitarian knowledge" is a scientific and educational edition, designed for teachers, students and pupils in higher, specialized secondary and secondary schools, all with an interest in social and humane sciences, and education.

Subscription and delivery of periodicals is realized by all the chapters of the **Group of companies "Ural-Press"** in agency offices in your city. Information can be obtained on the website www.ural-press.ru or by phone **8 (499) 700-05-07**.

Subscription is available in all post-offices. Subscription index – 70652 (catalogue "**Press of Russia**").

The subscription price for one issue in the 2-half of 2022 – 1000 rubles, free of control price for sale.

Subscription to the electronic version of the magazine is carried out in the Scientific Electronic Library www.elibrary.ru

Подписано в печать 30.06.2022 г.
Формат 60x90/16. Гарнитура «Arial».
Печать офсетная. Объем 27,0 печ. л.

Отпечатано с готовых оригинал-макетов